МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Основан в 2006 г.
Выходит 4 раза в год

№ 1 (76) 2026

JOURNAL

OF THE VOLGOGRAD ACADEMY OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Founded in 2006
Published 4 times a year

ВОЛГОГРАД — 2026

ISSN 2074-8183

Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. — Волгоград : ВА МВД России, 2026. — № 1 (76). — 202 с.

Учредитель и издатель — Волгоградская академия МВД России

Журнал основан в 2006 г.
Выходит 4 раза в год тиражом 250 экземпляров

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей, их аннотации и пристатейные библиографические списки размещаются на сайтах научных электронных библиотек eLIBRARY.RU **(www.elibrary.ru)**, «КиберЛенинка» **(www.cyberleninka.ru)**, в системе «Гарант» **(www.garant.ru),** электронно-библиотечной системе Znanium **(www.znanium.ru)**

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 23 мая 2019 г.
Регистрационный номер **ПИ № ФС77-75804**

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ / JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

№ 1 (76) 2026

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

М. С. Колосович, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. П. Алексеев, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Ю. С. Сафонова, доцент кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Н. С. Сысолина, старший преподаватель кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России.

Состав редакционного совета

А. П. Алексеева, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

А. А. Аубакирова, начальник кафедры профессионально-психологической подготовки и управления ОВД Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени М. Есбулатова, старший научный сотрудник кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

М. Т. Аширбекова, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

М. В. Бавсун, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

М. В. Бобовкин, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

В. Г. Глебов, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор.

О. П. Грибунов, исполняющий обязанности ректора Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

И. С. Дикарев, директор института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

О. Б. Дронова, профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Подписной индекс
в каталоге «Пресса
России» — **22761**.

Сайт журнала:
https://va-mvd.
editorum.ru/ru/nauka/journal/
245/view

Редакторы
Т. В. Рассказова,
Н. Ф. Руденко
Е. О. Степаненко

Компьютерная верстка
Н. А. Доненко

Адрес редакции
и издателя:
400075, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Историческая, д. 130.

Подписано в печать:
25.03.2026.

Дата выхода в свет:
31.03.2026.

Формат 60x84/8.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 25,3.
Усл. печ. л. 23,3.
Тираж 250 экз.
Заказ 13.

Цена по подписке
на 2026 г.
по каталогу
«Пресса России»
1806 руб.
(2 номера)

Отпечатано
в ОПиОП РИО
ВА МВД России.
400005, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Коммунистическая, д. 36.

© Волгоградская
академия
МВД России, 2026

Н. А. Егорова, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

С. Г. Еремин, профессор кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. А. Зайцева, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. И. Замылин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

С. В. Катков, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

В. Л. Кубышко, заместитель Министра внутренних дел Российской Федерации, кандидат педагогических наук.

Л. В. Лобанова, заведующий кафедрой уголовного права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

В. Ф. Луговик, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Ненад Милич, проректор по учебной работе Криминалистического полицейского университета (Сербия), доктор юридических наук, профессор.

Д. М. Миразов, начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета общественной безопасности Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор.

А. Л. Осипенко, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор.

Н. В. Павличенко, главный научный сотрудник по изучению проблем истории МВД России научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Г. А. Печников, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. В. Победкин, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

В. А. Ручкин, профессор кафедры судебной экспертизы и физического материаловедения Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

А. С. Самоделкин, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

К. К. Сейтенов, профессор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор.

Б. П. Смагоринский, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

О. В. Стрилец, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ю. П. Шкаплеров, начальник отдела профессионального образования главного управления кадров МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

С. А. Янин, профессор кафедры организации следственной работы учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ISSN 2074-8183

Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. — Volgograd : VA MVD Rossii, 2026. — No 1 (76). — 202 p.

Founder and publisher — Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia

Journal founded in 2006
Published 4 times a year
circulation
250 copies

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals and publications, where main research results of doctoral dissertations should be published

The journal is included into the system of Russian index scientific citation. Full-text versions of articles, abstracts and bibliographic lists are placed on the sites of scientific electronic libraries "eLIBRARY.RU" **(www.elibrary.ru)**, "Cyberleninka" **(www.cyberleninka.ru)**, in the system "Garant" **(www.garant.ru),** electronic library system "Znanium" **(www.znanium.ru)**

The Journal is registered at the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate number **PI № FS77-75804** as of May 23, 2019

Subscription at the catalogue "Pressa Rossii" — **22761**

Site of journal: https://va-mvd.editorum.ru/ru/nauka/journal/245/view

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ / JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

No 1 (76) 2026

EDITOR-IN-CHIEF

M. S. Kolosovich, professor at the department of detective activities and special equipment of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

DEPUTY CHIEF EDITOR

A. P. Alekseev, deputy head of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia for scientific work, candidate of juridical sciences, docent.

SCIENCE EDITOR

Yu. S. Safonova, associate professor at the department of preliminary investigation of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, docent.

EXECUTIVE SECRETARY

N. S. Sysolina, senior lecturer at the criminal law department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The editorial council

A. P. Alekseeva, professor at the department of criminal law, criminology and penal law of Kaliningrad branch of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor, honored lawyer of the Russian Federation.

A. A. Aubakirova, head of the department of professional and psychological training and management of internal affairs bodies of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Esbulatov, senior researcher of the department of criminal procedure, criminalistics and forensic examination of the South Ural State University, doctor of juridical sciences, full professor.

M. T. Ashirbekova, professor at the criminal proceeding department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

M. V. Bavsun, deputy head of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia for scientific work, doctor of juridical sciences, full professor, honored lawyer of the Russian Federation.

M. V. Bobovkin, professor at the document examination department of the training and scientific complex of forensic examination of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, full professor, honored lawyer of the Russian Federation.

V. G. Glebov, head of the department of criminal law, criminal procedure and criminalistics of the Volgograd Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, candidate of juridical sciences, full professor.

O. P. Gribunov, acting rector of the Baikal State University, doctor of juridical sciences, full professor.

I. S. Dikarev, head of the law institute of the Volgograd State University, doctor of juridical sciences, docent.

O. B. Dronova, professor at the department of criminalistic techniques of the training and scientific complex of expert criminalistic activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

N. A. Egorova, professor at the criminal law department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, docent.

Editors
T. V. Rasskazova,
N. F. Rudenko
E. O. Stepanenko

DTP
N. A. Donenko

Address of the editorial and publishing office:
400075, Volgograd region, Volgograd, Istoricheskaya street, 130.

Signed to print:
25.03.2026.

Date of publication:
31.03.2026.

Format 60x84/8.
Font Arial.
Physical print sheets 25,3.
Conventional print sheets 23,3.
250 copies.
Order 13.

Subscription price for the 2026 according by catalogue "Pressa Rossii"
1806 rub.
(2 numbers).

Printed at the printing section of Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.
400005, Volgograd region, Volgograd, Kommunisticheskaya street, 36.

© Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2026

S. G. Eremin, professor at the department of preliminary investigation of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

E. A. Zaitseva, professor at the criminal proceeding department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

E. I. Zamylin, professor at the criminalistics department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

S. V. Katkov, professor at the operational-investigative activity and special equipment department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, docent.

V. L. Kubyshko, deputy Minister of the Interior of Russia, candidate of pedagogical sciences.

L. V. Lobanova, head of the criminal law department of the Volgograd State University, doctor of juridical sciences, full professor.

V. F. Lugovik, professor at the operational-investigative activity department of the interior bodies of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, doctor of juridical sciences, full professor, honored lawyer of the Russian Federation.

Nenad Milić, vice-rector for teaching of the University of Criminal Investigation and Police Studies (Serbia), doctor of juridical sciences, full professor.

D. M. Mirazov, head of the department of criminal law disciplines of University of Public Safety of the Republic of Uzbekistan, doctor of juridical sciences, full professor.

A. L. Osipenko, deputy head of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia for scientific work, doctor of juridical sciences, full professor.

N. V. Pavlichenko, chief researcher for the study of problems of the history of the Ministry of the Interior of Russia of the research center of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor, honored lawyer of the Russian Federation.

G. A. Pechnikov, professor at the criminal proceeding department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

A. V. Pobedkin, head of the department of criminal policy of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

V. A. Ruchkin, professor at the department of forensic examination and physical materials science of the Volgograd State University, doctor of juridical sciences, full professor.

A. S. Samodelkin, professor at the operational-investigative activity and special equipment department of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, docent.

K. K. Seitenov, professor at the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's office of the Republic of Kazakhstan, doctor of juridical sciences, full professor.

B. P. Smagorinsky, professor at the criminalistics department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor, honored science worker of the Russian Federation.

O. V. Strilets, professor at the department of criminal law of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, docent.

Yu. P. Shkaplerov, head of the professional education department of the main personnel department of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, candidate of juridical sciences, docent.

S. A. Yanin, professor at the investigation work organization department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, docent.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

СТАТЬЯ НОМЕРА

Луговик В. Ф., Грязнова Т. Е. 9
Влияние либеральной правовой мысли
на развитие полицейского осведомительства
в России во второй половине XIX — начале XX века

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Байсеитов Б. С. 16
Мониторинг психологического состояния
расхитителя бюджетных средств
в сфере государственных закупок

Васильева Е. Г. 22
Особенности возбуждения уголовных дел
по сложным преступлениям

Егорова Н. А. 29
Совершение преступления
с публичной демонстрацией:
вопросы толкования уголовно-правовых норм

Корсаков К. В. 41
Сущность уголовного наказания
в современной пенологии
и доктрине уголовного права

Лихолетов А. А. 51
Вопросы установления размеров вреда,
причиненного экономической системе страны
в результате совершения преступлений
в сфере осуществления специальных видов
предпринимательской деятельности

Репьева А. М. 59
Рецидивная преступность:
современное состояние
и направления предупреждения

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Александрова Л. А. 71
Юридическое основание
производства следственных действий
как признак их систематизации

Глухова К. С. 79
Теоретическая модель оптимизации
правового института безопасности
участников уголовного судопроизводства
при расследовании преступлений, совершенных
организованными преступными группами

RELEASE ARTICLE

Lugovik V. F., Gryaznova T. Ye.
Influence of liberal legal thought
on the development of police informing in Russia
in the second half of the 19th
up to the early 20th century period

CRIMINAL LAW, CRIMINOLOGY, PENAL LAW

Baiseitov B. S.
Monitoring the psychological state
of an embedder of budgetary funds
in public procurement

Vasiliyeva Ye. G.
Some aspects of initiating criminal proceedings
for complex crimes

Yegorova N. A.
Crime commission
accompanied with public manifestation:
some issues of interpreting criminal law norms

Korsakov K. V.
The essence of criminal punishment
in acting penology and in the doctrine
of criminal law

Likholetov A. A.
Issues related to estimating the extent of damage
to be caused to the state's economic system
as a result of crimes in the sphere of special types
of entrepreneurial activity

Repieva A. M.
Recidivism:
acting situation and directions to prevent

CRIMINAL PROCEDURE

Aleksandrova L. A.
The legal ground for investigative actions
as a feature of their systematisation

Glukhova K. S.
Theoretical model to optimize
the legal institute of security
of criminal proceedings participants,
while investigating crimes
committed by organized criminal groups

Колоколов Н. А.
Уголовное право и уголовный процесс:
учебник, журнал и монография,
их роль и место в образовательном процессе.
Часть 3. Учебники по уголовному процессу
в прошлом, настоящем и будущем

87 *Kolokolov N. A.*
Criminal law and criminal procedure:
a textbook, a magazine and a monograph,
their role and place in the educational process.
Part 3. Textbooks on criminal procedure
in the past, present and future

Ламтева А. В.
Отечественный уголовный процесс
de lege ferenda
как типологическое открытие

104 *Lamteva A. V.*
Domestic criminal procedure de lege ferenda
as a typological achievement

Мухаметшин Т. Р.
Еще раз об информации в уголовном процессе

114 *Mukhametshin T. R.*
On information in criminal proceedings once again

Попова Л. В., Вологина Е. В.,
Цветков С. Б.
Влияние отсутствия
должного процессуального регулирования
участия переводчика на принятие
итогового решения по уголовному делу

123 *Popova L. V., Vologina Ye. V.,*
Tsvetkov S. B.
The impact of the absence
of proper procedural regulation
of an interpreter's participation
on the final decision-making in a criminal case

КРИМИНАЛИСТИКА

CRIMINALISTICS

Замылин Е. И.
Противодействие расследованию
на досудебной стадии уголовного процесса:
о понятии и его закономерностях

131 *Zamylin Ye. I.*
Counteraction to investigation
at the pre-trial stage of criminal procedure:
on the notion and its regularities

Сицская А. Р.
Отдельные элементы
криминалистической характеристики
незаконной добычи янтаря

142 *Sitsskaya A. R.*
Some elements of forensic characteristics
of illegal amber mining

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

WORD TO A YOUNG SCIENTIST

Волколупова В. В.
Уголовно-правовое противодействие
публичному распространению
криминогенной информации,
направленному на дискредитацию авторитета
Российской Федерации
и органов государственной власти:
тенденции и перспективы

149 *Volkolupova V. V.*
Criminal and legal counteracting
public circulation of criminogenic information
aimed at defamation of the authority
of the Russian Federation
and government bodies: trends and prospects

Дехерт А. А.
Денежное взыскание
в уголовном судопроизводстве:
между судебным контролем
и процессуальной эффективностью

156 *Dekhert A. A.*
Monetary penalty in criminal proceedings:
between judicial control
and procedural effectiveness

Смыр А. Д.
Компаративистский анализ
уголовно-правового регулирования
транспортных преступлений в странах СНГ

163 *Smyr A. D.*
Comparativism-related analysis
of criminal law regulation
of transport crimes in the CIS countries

Стрельников К. Н.
Совместная преступная
коррупционная деятельность:
понятие, сущность и признаки

173 *Strelnikov K. N.*
Joint criminal corruption activities:
concept, nature, and characteristics

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ

Рожнов А. П.
Есть ли будущее
у положений Уголовного кодекса России
об изменении категории преступления? 182

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ НА МАТЕРИАЛЫ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, МОНОГРАФИИ И ДРУГИЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Бурмагин С. В.
Отзыв члена диссертационного совета
на диссертацию С. С. Лукьянова
«Компетенция суда
при осуществлении судебного контроля
на досудебных стадиях уголовного процесса» 194

Памяти профессора
Павла Викторовича Анисимова
(28.03.1950 — 19.02.2026)
[Смагоринский Б. П.] 198

SCIENTIFIC DISCUSSION

Rozhnov A. P.
Is there a future for the provisions
of the Russian Criminal Code
concerning changing the category of crime?

REVIEWS AND REFEREE REPORTS OF THE MATERIALS OF DISSERTATIONS, MONOGRAPHS AND OTHER SCIENTIFIC WORKS

Burmagin S. V.
Member of the dissertation council's review
of the dissertation:
S. S. Lukiyanov "Competence of the court
to implement judicial control
at the pre-trial stages of criminal proceedings"

Dedicated to the memory
of Pavel Victorovich Anisimov, professor
(march 28, 1950 — february 19, 2026)
[Smagorinsky B. P.]

УДК 340(091)(470)

ВЛИЯНИЕ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ НА РАЗВИТИЕ ПОЛИЦЕЙСКОГО ОСВЕДОМИТЕЛЬСТВА В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Виктор Федорович Луговик*, Татьяна Евгеньевна Грязнова**
Омская академия МВД России, Омск, Россия
* vlug@yandex.ru
** griaznova-te@ yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется взаимосвязь развития российской либеральной правовой мысли второй половины XIX — начала XX в. и эволюции института полицейского осведомительства (доносительства) сначала в Российской империи, а затем в раннем Советском государстве. Показано, что либеральная доктрина правового государства, сформированная в трудах Б. Н. Чичерина, П. И. Новгородцева, Б. А. Кистяковского и др., вступала в прямое противоречие с расширением полномочий полиции и политического сыска, опиравшихся на негласную агентуру и донос. Рассматривается правовая база осведомительства: от императорских указов XVIII в. и деятельности III Отделения до Положения «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» 1881 г., Положений об охранных отделениях 1906—1907 гг. и ст. 58—12 Уголовного кодекса РСФСР. Делается вывод о двойственном влиянии либеральной мысли: с одной стороны, ее идеи способствовали частичной «юридизации» тайного сыска, с другой — не смогли предотвратить превращение доносительства в системный инструмент подавления либеральных и иных оппозиционных идей.

Ключевые слова: либеральная правовая мысль, правовое государство, полиция, охранные отделения, осведомители, доносительство

Для цитирования: Луговик В. Ф., Грязнова Т. Е. Влияние либеральной правовой мысли на развитие полицейского осведомительства в России во второй половине XIX — начале XX века // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 1 (76). С. 9—15.

INFLUENCE OF LIBERAL LEGAL THOUGHT ON THE DEVELOPMENT OF POLICE INFORMING IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH UP TO THE EARLY 20TH CENTURY PERIOD

Victor Fyedorovich Lugovik*, Tatiyana Yevgeniyevna Gryaznova**
Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia
* vlug@yandex.ru
** griaznova-te@ yandex.ru

Abstract. The given article deals with the interrelation between the development of the Russian liberal legal thought in the second half of the 19th up to the early 20th century as well as the evolution of the institution of police informing (denunciation) in the Russian Empire first and then in the early Soviet state. The authors note that the liberal doctrine of the law-governed state formulated in the research works by B. N. Chicherin, P. I. Novgorodtsev, B. A. Kistyakovsky and others contradicted directly the expansion of the powers of the police and political detection that are based on undercover agents and denunciations. The authors examine the legal basis for informing from the imperial decrees of the 18th century and the activities of the third section to the Regulation "On measures to secure state order and public peace" of 1881, the Regulations on the security police departments of 1906—1907 and Articles 58—12 of the Criminal Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic.

© Луговик В. Ф., Грязнова Т. Е., 2026

The authors of the article conclude that liberal thought exerted a dual influence: on the one hand, its ideas contributed to the partial "juridification" of secret detection. On the other hand, these ideas failed to prevent denunciation to be a systemic tool for suppressing liberal and other oppositional ideas.

Keywords: liberal legal thought, law-governed state, police, secure police departments, informants, denunciation

For citation: Lugovik V. F., Gryaznova T. Ye. Influence of liberal legal thought on the development of police informing in Russia in the second half of the 19th up to the early 20th century period. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 9—15, 2026. (In Russ.).

Проблема соотношения либеральной правовой доктрины и практики полицейского сыска в России рубежа XIX—XX вв. имеет не только историко-правовое, но и очевидное современное значение. Вопрос о том, возможно ли построение правового государства в условиях широко применяемого негласного контроля и доносительства, в российской истории получил особенно острое звучание. В историографии институт политической полиции и осведомительства в имперский период детально исследован О. Ю. Абакумовым, реконструирующим генезис III Отделения и жандармского корпуса как централизованной системы надзора и агентурной работы [1, с. 12—14]. Чрезвычайное законодательство 1880—1900-х гг. анализируется Н. И. Биюшкиной на примере Положения 14 августа 1881 г. [2, с. 292][1]. Эволюция органов политического сыска (в том числе охранных отделений) рассматривается в работах Н. Л. Федневой, А. П. Яцковой [3, с. 105—107] и других авторов.

Развитие же собственно либеральной правовой мысли (концепции Б. Н. Чичерина, П. И. Новгородцева, Б. А. Кистяковского и др.) реконструируется в ряде современных исследований, где выделяются тенденции формирования российской модели правового государства [4—6].

Цель настоящей статьи — показать, каким образом либеральная правовая мысль второй половины XIX — первой половины XX в. соотносилась с практикой осведомительства в России, влияла ли она на правовое регулирование работы полиции и можно ли говорить о целенаправленном использовании доносительства для подавления либеральных идей; охарактеризовать основные постулаты российского либерализма указанного периода; проследить эволюцию правовой базы осведомительства в имперский и ранний советский периоды; выявить роль либеральной доктрины в юридическом оформлении сыска; оценить роль доносительства в борьбе государства с криминальными проявлениями.

1. Либеральная правовая мысль второй половины XIX — начала XX в.

1.1. Либеральная идея правового государства. К концу XIX — началу XX в. в русской юридической мысли формируется целостная либеральная концепция правового государства, ядром которой являются:

— верховенство закона над административным усмотрением;

— ограниченная монархия и разделение властей;

— гарантии личной свободы, неприкосновенности личности и жилища;

— независимый суд, гласное и состязательное судопроизводство.

Классической фигурой в этом отношении становится Б. Н. Чичерин, подчеркивавший необходимость подчинения полиции закону и недопустимость произвольного вмешательства администрации в сферу субъективных прав. Он замечал, что «человека нельзя наказывать за известный образ мыслей или за частные разговоры, если они не заключают в себе побуждения к преступному действию» [7, с. 114]. Идеи правового государства в рассматриваемый период развивают, как известно, сторонники социологического, нормативного, психологического и интегративного типов правопонимания, однако наибольший интерес в рамках избранной проблематики представляют взгляды апологетов школы «возрожденного естественного права» — П. И. Новгородцева, Б. А. Кистяковского и др., для которых характерно стремление соединить либеральный правовой идеал с этикой личной ответственности и моральным измерением права [8; 9].

Как отмечает Е. Г. Багоян, обобщая труды Б. Н. Чичерина, П. И. Новгородцева и Б. А. Кистяковского, в либеральной доктрине рубежа XIX—XX вв. право понимается как инструмент защиты личности от произвола власти, а правовое государство — как форма, в которой власть связана законом и несет ответственность перед гражданином

[1] Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 1, № 350. С. 261—266.

[4, с. 18—23]. В такой модели полицейский сыск и осведомительство допускаются лишь в строгих правовых рамках и при надлежащем судебном контроле, исключающих закрытость от общества.

1.2. Либералы и проблема политической полиции. Либеральные юристы конца XIX — начала XX в. (в том числе партийные фракции Государственной думы) последовательно критиковали практику полицейского сыска — как в форме непосредственных полицейских злоупотреблений, так и в виде правового закрепления чрезвычайных полномочий администрации. Особое возмущение вызывали секретность ведомственных инструкций, практика провокации (подстрекательства к преступлению со стороны агентов), отсутствие судебного контроля над негласными методами (агентура, наблюдение, перлюстрация переписки). Тем не менее эта критика повлияла лишь на «оболочку» правового регулирования политического сыска, но не на его сущностную зависимость от доносительства.

2. Генезис осведомительства и политической полиции в России

2.1. Ранние правовые основания доносительства. Правовая обязанность доноса о государственных преступлениях была закреплена в российском праве задолго до появления либеральной доктрины. Здесь можно назвать именной указ Петра I от 25 сентября 1702 г. «Об отсылке в Преображенский приказ всяких людей, сказывающих слово и дело государево»[1], устанавливавший обязанность доносить о «государевых делах» и суровое наказание за недонесение. В XVIII в. подобные акты неоднократно воспроизводились и уточнялись, формируя устойчивый стереотип: донос о государственных преступлениях — не только дозволенное, но и требуемое законом поведение подданного.

2.2. III Отделение и становление централизованного политического сыска. Создание III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (1826 г.) и корпуса жандармов означает институционализацию политического сыска. О. Ю. Абакумов, анализируя проект А. Х. Бенкендорфа 1826 г., показывает, что среди ключевых средств новой «высшей полиции» он прямо указывал перлюстрацию корреспонденции и агентуру, «склонную к наживе», а также добровольных доносчиков — «злодеев, интриганов и людей недалеких», которые, раскаявшись, будут знать, «куда обратиться» [1, с. 13]. Таким образом, еще до формирования либеральной правовой доктрины в России складывается централизованный аппарат политического надзора, опирающийся на жандармские структуры, сеть негласных осведомителей, использование доноса как регулярного канала информации о «состоянии умов» и политической лояльности. Важной чертой этого периода является секретный характер правового регулирования: «Положение о корпусе жандармов» 1827 г. и последующие акты лишь частично раскрывали реальный объем полномочий политической полиции, тогда как ключевые инструкции оставались секретными и не имели статуса публичного нормативного правового акта [1, с. 15—18].

3. Либеральные реформы и правовая база осведомительства

3.1. Судебная реформа 1864 г.: ограничение роли тайного доноса. Судебная реформа Александра II (Уставы 20 ноября 1864 г.) вводила гласность, устность и состязательность уголовного процесса, суд присяжных, независимость судей. Это объективно уменьшало значение тайного доноса как «закрытого» доказательства: показания должны были исследоваться в открытом судебном заседании; предпочтение отдавалось свидетельским показаниям и вещественным доказательствам, а не анонимным сообщениям полиции. С точки зрения либеральной доктрины это был важнейший шаг в сторону правового государства, позволяющий ограничить произвольное использование доносительства в судебной сфере.

3.2. Положение 1881 г. и «второй контур» чрезвычайного законодательства. Однако параллельно с либеральной судебной реформой развивается иной, чрезвычайный контур правового регулирования — Положение «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г., высочайше утвержденное Александром III. Положение предусматривало введение в отдельных местностях режима «усиленной» и «чрезвычайной» охраны и предоставляло генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам широкие административные полномочия: арест, административную высылку, закрытие изданий, передачу дел военным судам. Особенно важно, что Положение допускало арест «лиц, подозреваемых в государственных преступлениях» на срок до семи суток без предъявления обвинения, на основании информации, поступающей по административной линии.

[1] Именной указ Петра I от 25 сентября 1702 г. «Об отсылке в Преображенский приказ всяких людей, сказывающих слово и дело государево» // Информ.-правовой портал «Гарант». URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 14.12.2025).

Фактически это означало институциональное признание негласной агентуры как источников и основания для репрессивных мер, пусть и в рамках «временного» чрезвычайного режима, продлевавшегося до 1917 г. Н. И. Биюшкина справедливо характеризует данное Положение как акт, открывший эпоху контрреформ и восстановивший элементы полицейского государства при формально либеральном суде [2, с. 292—293].

4. Охранные отделения и попытки правового контроля осведомительства

4.1. Создание сети охранных отделений. К началу XX в. центральным звеном политического сыска становятся охранные отделения при Департаменте полиции МВД. Они осуществляли наружное наблюдение (филеры); ведение секретной агентуры (осведомители); внедрение в партии, профессиональные и общественные организации. Сама технология работы опиралась на массовое осведомительство различного статуса — от оплачиваемых агентов до «добровольных помощников» и разовых доносчиков.

4.2. Положение о районных охранных отделениях 1906 г. и Положение об охранных отделениях 1907 г. Высочайше утвержденное Положение о районных охранных отделениях (14 декабря 1906 г.) создавало систему центральных разыскных учреждений по крупным районам империи, координировавших агентурную и филерскую работу на местах. Секретное Положение об охранных отделениях от 9 февраля 1907 г. еще более четко оформляло «правовую оболочку» негласного сыска. В нем прямо говорилось о «законном негласном расследовании» по делам о государственных преступлениях, поручаемом специально назначаемым чиновникам, и указывалось, что результаты такого расследования могут служить основанием для ареста. Особый интерес представляет положение о том, что в донесениях начальников охранных отделений должны излагаться все агентурные сведения, «кроме могущих повредить агентуре», однако сами эти сведения не подменяют собою судебных доказательств — обысков, выемок, показаний свидетелей и т. п. [3, с. 105—107] Так, впервые на уровне нормативного акта имперского периода прямо фиксируется существование агентурных источников; предпринимается попытка «процессуально» ограничить использование доносов как единственного основания репрессий.

Н. Л. Феднева и А. П. Яцкова, приводя текст Положения 1907 г. в хрестоматии по истории органов внутренних дел, справедливо отмечают его двойственный характер: с одной стороны, это шаг к юридизации политического сыска, с другой — закрепление широких дискреционных полномочий полиции под прикрытием ссылок на судебные уставы [3, с. 107].

5. Раннесоветский этап: от краткого триумфа либерализма к криминализации «недонесения»

5.1. Ликвидация охранки и краткий «либеральный момент» 1917 г. Февральская революция 1917 г. приводит к ликвидации Департамента полиции и охранных отделений решением Временного правительства. Провозглашаются свобода слова, собраний, союзов; политический сыск официально считается несовместимым с новым «демократическим правопорядком». Этот краткий период можно рассматривать как попытку практического воплощения либеральной идеи правового государства: тайный сыск и доносительство как системный механизм объявляются вне закона, а деятельность полиции должна строиться на общих нормах уголовного и процессуального права.

5.2. Восстановление и радикализация осведомительской системы. Уже Декрет СНК от 7 (20) декабря 1917 г. «О создании Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем» возвращает на сцену орган, принципиально отличающийся от либеральной модели правового государства. Особенности новой системы: ВЧК действует вне рамок обычной судебной системы, руководствуясь принципом «революционной целесообразности»; с первых лет формируется широкая сеть осведомителей в учреждениях, армии, на предприятиях; информация используется не только против вооруженной контрреволюции, но и для подавления плюрализма, в том числе либерального. Преобразования ВЧК в ГПУ (1922 г.), затем ОГПУ и включение органов госбезопасности в НКВД (1934 г.) сопровождались изданием многочисленных ведомственных инструкций по агентурно-оперативной работе, остававшихся секретными и не подлежавших публичному обсуждению.

5.3. Статья 58—12 Уголовного кодекса РСФСР: недонесение как преступление. Ключевой нормативной вехой в юридическом оформлении доносительства становится уголовное право. В Уголовном кодексе РСФСР (редакция 1926 г. с изменениями 1927 г.) (далее — УК РСФСР) в рамках ст. 58 («контрреволюционные преступления») вводится ст. 58—12. Согласно ее тексту, «недонесение о достоверно известном, готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении» влечет лишение свободы на срок не ниже шести месяцев. Эта норма означает принципиально

новый шаг: донос о политическом преступлении превращается из поощряемого поведения в юридическую обязанность гражданина; отказ доносить прямо криминализуется, особенно в сочетании с расширительным толкованием самого понятия «контрреволюционного» преступления. С либеральной точки зрения это максимально далекая от правового государства конструкция: гражданин обязан сотрудничать с органами безопасности под угрозой наказания, тогда как правила работы осведомительной сети и круг ее полномочий остаются секретными.

6. Либеральная правовая мысль и осведомительство: влияние и противостояние

6.1. Элементы правового контроля осведомительства под влиянием либеральных идей. Несмотря на очевидную конфронтацию, либеральная правовая мысль оказала определенное влияние на правовое оформление сыска. Это проявилось в следующем:

1) судебная реформа 1864 г. — институциональное ограничение роли тайного доноса в уголовном процессе. Гласность, устность и состязательность судебного разбирательства объективно снижали значение негласных показаний и требовали их проверки в открытом суде;

2) Положение об охранных отделениях 1907 г. — попытка вписать негласный сыск в рамки общих принципов уголовного процесса: в нем подчеркивается, что агентурные сведения не могут заменять собой доказательства, предусмотренные Уставом уголовного судопроизводства (обыски, выемки, допросы) [3, с. 105—107];

3) научная критика провокации и злоупотреблений агентурой в юридической и публицистической литературе конца XIX — начала XX в., на которую обращает внимание О. Ю. Абакумов, — важный фактор, стимулировавший хотя бы частичную «юридизацию» деятельности политической полиции [1, с. 11—17]. Иначе говоря, либеральный дискурс государства заставлял администрацию «прятать» политический сыск в форму правовых актов, ссылаться на судебные уставы, ограничивать (по крайней мере, на бумаге) произвольное использование доносительства.

6.2. Доносительство как инструмент подавления либеральных идей. Вместе с тем фактическая практика шла в противоположном направлении. Так, в позднеимперский период охранные отделения систематически внедряли агентов в либеральные партии (кадеты), земские собрания, редакции оппозиционных газет; негласные донесения о содержании публичных лекций, выступлениях в Думе, земских съездах использовались для арестов, высылок, административных взысканий; провокации и разоблачения агентов подрывали доверие внутри оппозиционных кругов, способствуя их дезорганизации.

В молодом советском государстве ст. 58—12 УК РСФСР дополняет идеологическую установку на «революционную бдительность» юридическим обязательством доноса; в результате носители автономных правовых взглядов оказываются особенно уязвимыми к обвинениям, инициируемым через доносы.

Таким образом, на практике доносительство действительно выступает одним из инструментов подавления либеральных идей, хотя и не единственным (наряду с цензурой, политическими процессами, административным давлением).

7. Правовой статус осведомительства и степень его контроля

7.1. Российская империя. В дореволюционный период можно говорить о частичном правовом контроле осведомительства:

— существовали публичные акты, косвенно регулирующие донос (указ Петра I 1702 г., нормы Уложения о наказаниях о ложном доносе, Положение 1881 г. и др.);

— деятельность политической полиции (III Отделение, жандармерия, охранные отделения) регулировалась положениями и инструкциями, часть из которых (например, Положение 1907 г.) имела вид нормативных актов;

— личный статус осведомителей, их права, обязанности и ответственность не становились предметом публичного закона и закреплялись только в секретных ведомственных документах.

Представляется, что либеральная критика также внесла вклад в осознание необходимости хотя бы формального согласования негласного сыска с нормами уголовного процесса, хотя и не привела к реальному подчинению осведомительской практики судебному и общественному контролю.

7.2. Ранний СССР. В советский период ситуация меняется качественно. Публичный закон (ст. 58—12 УК РСФСР) закрепляет обязанность доноса о политических преступлениях, превращая доносительство в элемент общей «нормы лояльности»[1], а формы и методы работы ЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД остаются в сфере секретных ведом-

[1] Уголовный кодекс РСФСР (ред. 1926 г. с изм. 1927 г.). Ст. 58–12. Недонесение о достоверно известном, готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении // СУ РСФСР. 1927. № 49. Ст. 330.

ственных актов, полностью закрытых для общественного контроля. С точки зрения либеральной доктрины правового государства это означает переход от частично юридизированного, но все же ограниченного тайного сыска к нормативно требуемой системе доносительства.

Подводя итог изложенному, отметим:

1. Российская либеральная правовая мысль второй половины XIX — первой половины XX в. сформировала концепцию правового государства, в которой центральное место занимали верховенство закона, гарантии прав личности и подчинение полиции строгим законным процедурам. В рамках этой доктрины тайный сыск и донос могли быть признаны допустимыми лишь при наличии жесткой правовой регламентации и судебного контроля.

2. Историческая практика российского государства развивалась преимущественно в противоположном направлении. Уже в дореформенный период (III Отделение, корпус жандармов) складывается централизованный аппарат политической полиции, опирающийся на агентуру и доносительство, причем ключевые документы, регулирующие эту деятельность, остаются секретными.

3. Либеральные реформы 1860—1870-х гг. (прежде всего судебная реформа 1864 г.) реально ограничили значение тайного доноса в судебном процессе, но параллельно было создано чрезвычайное законодательство (Положение 1881 г., Положения 1906—1907 гг.), формировавшее закрытый правовой режим, где решения о репрессиях могли основываться на негласной информации политической полиции.

4. Либеральная правовая мысль оказала влияние на «юридизацию» осведомительства, вынудив власть оформлять деятельность полиции в виде нормативных актов и декларировать подчинение агентурной работы общим принципам уголовного процесса. Однако это влияние носило преимущественно формальный характер и не привело к реальному установлению эффективного правового контроля над практикой доносительства.

5. Доносительство в России конца XIX — первой половины XX в. использовалось как один из инструментов подавления либеральных идей и движений. В имперский период — через внедрение агентов в либеральные партии, земства, прессу; в советский — через сочетание идеологической кампании «революционной бдительности» с уголовной ответственностью за недонесение.

6. Раннесоветский этап радикализует тенденцию доносительства, превращая его из инструмента полиции в общегражданскую обязанность (ст. 58—12 УК РСФСР) при полном отсутствии прозрачности в отношении статуса и деятельности осведомителей. Это означает окончательный разрыв с либеральной правовой традицией и превращение доносительства в структурный элемент режима.

В этом смысле опыт второй половины XIX — начала XX в. демонстрирует, что без институциональных гарантий независимости суда, публичности права и реального контроля над спецслужбами либеральная идея правового государства остается уязвимой перед практикой негласного сыска и доносительства, которые могут быть использованы для ее систематического подавления.

1. Абакумов О. Ю. Безопасность престола и спокойствие государства. Политическая полиция самодержавной России (1826—1866). Москва: Полит. энцикл., 2019. 559 с.

2. Биюшкина Н. И. Источники Положения «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Право. 2010. № 5. С. 288—293.

3. Феднева Н. Л., Яцкова А. П. История органов внутренних дел России: хрестоматия. Ч. I. Москва: Моск. ун-т МВД России им. В. Я. Кикотя, 2015. 115 с.

4. Багоян Е. Г. Идея правового государства в российской либеральной мысли (конец XIX — начало XX в.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005. 26 с.

1. Abakumov O. Yu. Security of the throne and the tranquility of the state. The political police of the autocratic Russia (1826—1866). Moscow: Political encyclopedia; 2019: 559. (In Russ.).

2. Biyushkina N. I. Sources of the Regulation "On measures to secure state order and public peace" of August 14, 1881. Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Law, 288—293, 2010. (In Russ.).

3. Fedneva N. L., Yatskova A. P. History of the internal affairs bodies of Russia. Anthology. Part I. Moscow: Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2015: 115. (In Russ.).

4. Bagoyan Ye. G. The idea of the law-governed state in the Russian liberal thought (late 19th century up to early 20th one). Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2005: 26. (In Russ.).

5. Попова А. В. Теоретико-правовое исследование неолиберальной политико-правовой доктрины в России (конец XIX — начало XX в.): дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. 381 с.

6. Корнев А. В. Государство и право в контексте консервативной и либеральной идеологии: опыт ретроспективного анализа: монография. Москва, 2014. 320 с.

7. Чичерин Б. Н. Философия права. Москва: Типо-литография И. Н. Кушнерев и К°, 1900. 337 с.

8. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. Берлин: Слово, 1919. 385 с.

9. Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Москва: М. и С. Сабашниковы, 1916. 704 с.

5. Popova A. V. Theoretical and legal study of the neoliberal political and legal doctrine in Russia (late 19th century up to early 20th one). Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2014: 381. (In Russ.).

6. Kornev A. V. State and law in the context of conservative and liberal ideology: experience of retrospective analysis. Monograph. Moscow; 2014: 320. (In Russ.).

7. Chicherin B. N. Philosophy of law. Moscow: Typo-lithography of I. N. Kushneryev and Company; 1900: 337. (In Russ.).

8. Novgorodtsev P. I. On the social ideal. Berlin: Slovo; 1919: 385. (In Russ.).

9. Kistyakovsky B. A. Social sciences and law. Moscow: M. and S. Sabashnikovs; 1916: 704. (In Russ.).

Луговик Виктор Федорович,
профессор кафедры
оперативно-розыскной деятельности
органов внутренних дел
Омской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации;
vlug@yandex.ru

Грязнова Татьяна Евгеньевна,
начальник кафедры теории и истории
права и государства
Омской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
griaznova-te@ yandex.ru

Lugovik Victor Fyedorovich,
professor at the department of detective activity
of the internal affairs bodies
of the Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, full professor,
honored lawyer of the Russian Federation;
vlug@yandex.ru;

Gryaznova Tatiyana Yevgeniyevna,
head of the department
of the theory and history of law and state
of the Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
griaznova-te@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 17.12.2025; одобрена после рецензирования 23.12.2025; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 17.12.2025; approved after reviewing 23.12.2025; accepted for publication 16.02.2026.

* * *

УДК 343.953

МОНИТОРИНГ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ РАСХИТИТЕЛЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

Баграм Салькенович Байсеитов
Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, Косшы, Республика Казахстан, bagram.bayseitov@bk.ru

Аннотация. Цель настоящего исследования — выявление и детальное описание этапов изменения психологического состояния должностного лица, совершившего коррупционные преступления, связанные с хищением бюджетных средств в сфере государственных закупок в Республике Казахстан. Посредством применения общенаучных методов познания (анализ, синтез, индукция, дедукция и обобщение), а также мониторинга изменений психологических особенностей (правовое моделирование) автором смоделированы возможные стадии изменения психологического состояния коррупционера от возникновения первоначальной идеи до окончательной реализации преступного умысла и последующего осмысления совершенного деяния. Создание модели обосновывается тем, что коррупционные преступления, связанные с хищением бюджетных средств в сфере государственных закупок, содержат в себе сложные, многоуровневые и последовательные схемы. Эти деяния, как правило, сопровождаются трансформацией морально-нравственных установок лица. По итогам исследования автором определены этапы изменения психологического состояния расхитителя бюджетных средств при государственных закупках. Анализ внутренних психологических механизмов принятия определенных решений о совершении преступления позволил наилучшим образом понять субъективные факторы, способствующие коррупционной мотивации. Полученные результаты могут найти применение в теории уголовного права и науке криминологии, а также в разработке превентивных мер противодействия хищению бюджетных средств.

Ключевые слова: психология, эмоции, хищение, государственные закупки, поведение

Для цитирования: Байсеитов Б. С. Мониторинг психологического состояния расхитителя бюджетных средств в сфере государственных закупок // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 1 (76). С. 16—21.

MONITORING THE PSYCHOLOGICAL STATE OF AN EMBEDDER OF BUDGETARY FUNDS IN PUBLIC PROCUREMENT

Bagram Salkenovich Baiseitov
Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Kosshy, Republic of Kazakhstan, bagram.bayseitov@bk.ru

Abstract. The purpose of this article is to identify and describe in detail the stages of changes in the psychological state of an official who has committed corruption crimes related to the embezzlement of budgetary funds in the sphere of public procurement in the Republic of Kazakhstan. By applying general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, induction, deduction and generalization), as well as monitoring changes in psychological characteristics (legal modeling), the author simulated the possible stages of changes in the psychological state of a corrupt official from the emergence of the initial idea to the final implementation of criminal intent and subsequent comprehension of the committed act. To develop the model is based on the fact that corruption crimes related to the embezzlement of budget funds in public procurement involve complex, multi-level, and sequential patterns. As a rule, these acts are accompanied by transformation in the individual's moral and ethical principles. Based on the results of the study, the author identifies stages of change in the psychological state of the person embezzling budget funds in public procurement. An analysis of the internal psychological mechanisms of certain decisions making to commit a crime provides the best understanding of the subjective

© Байсеитов Б. С., 2026

factors contributing to corruption motivation. The obtained results can be applied to criminal law theory and criminology, as well as in the development of preventive measures to combat the embezzlement of budget funds.

Keywords: psychology, emotions, embezzlement, public procurement, behavior

For citation: Baiseitov B. S. Monitoring the psychological state of an embedder of budgetary funds in public procurement. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 16—21, 2026. (In Russ.).

В истории развития юридической науки с незапамятных времен известно, что началом любого преступления является некая идея, побудившая человека совершить противоправное деяние.

Достаточно сложным и многообразным является процесс определения и этико-психологического портретирования личности преступника. Сложность такой работы заключается в вариативности существующих категорий уголовных правонарушений и способов их совершения. К слову, способ совершения уголовных правонарушений, как известно, напрямую зависит от психологических особенностей личности преступника.

Потребность в изучении психологической специфики коррумпированных должностных лиц отмечена Б. Н. Нескородовым, чье мнение заключалось в том, что «основной предпосылкой для коррупции является деформированное морально-нравственное сознание личности коррупционера, внутреннее отрицание им таких понятий, как „порядочность“, „долг“, „нравственность“, „честность“, „совесть“, „честь и достоинство“, а не „внешние факторы“, такие как „несовершенная правовая база“, „отсутствие антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов“, „низкое денежное содержание“, „недостаточный общественный контроль“ и пр.» [1].

Согласимся с позицией Б. Н. Нескородова, поскольку деформация правового сознания, на наш взгляд, является основой совершения любого преступления и выступает в качестве приобретенного дефекта. «В сущности, почти во всех аспектах человеческого поведения постоянно проявляется, с одной стороны, основа, унаследованная от предшествующих поколений, а с другой — все множество непрерывных воздействий физической и социальной среды», — так описывал две составляющие одного целого франко-канадский психолог Ж. Годфруа [2, с. 24].

Идентифицировав психологические особенности должностного лица, посягающего на целостность государственного бюджета и его законное распределение, с точки зрения разделения его поведения на конкретные циклы, станет возможным более отчетливо сформировать субъективные признаки коррупционных правонарушений в этой сфере, что, в свою очередь, позволит понять причины их совершения для дальнейшей разработки предупреждающих мер. В этом и заключается актуальность проводимого исследования.

Целью исследования является проведение мониторинга психологического состояния потенциального преступника в лице государственного служащего, совершающего хищение бюджетных средств в сфере государственных закупок.

В ходе исследования использованы общенаучные методы научного познания: анализ, синтез, обобщение, индукция и дедукция, а также специальный метод познания — правовое моделирование. Вместе с тем изучены труды отечественных и зарубежных ученых в области психологии и криминологии.

Нами отмечалось, что приобретенные формы поведения личности зависят от внешних факторов, одним из которых является социальное положение. В данном исследовании социальное положение выражается в служебной иерархии. Чем выше должность, тем больше полномочий. Чем больше полномочий, тем больше власти. Именно власть оказывает значительное влияние на поведение человека, в том числе его поступки.

Возьмем за основу личность молодого специалиста, устроившегося в одно из подразделений акимата (региональный орган исполнительной власти в Республике Казахстан). В самом начале профессиональной деятельности ему разъясняются должностные обязанности, в том числе исполнение распоряжений руководителя отдела, который подчиняется начальнику управления, подчиняющемуся заместителю акима области (аким — должностное лицо, назначенное или избранное, возглавляющее местный орган исполнительной власти), а тот, в свою очередь, подчиняется акиму области. Беспрекословное подчинение и выполнение указаний вышестоящих сотрудников нижестоящими впоследствии формирует авторитарно-зависимый тип личности. М. И. Еникеев описывает такой тип личности как не способный мыслить самостоятельно, отмечая, что «в условиях тоталитаризма между личным и общественным бытием человека возникают противоречия — происходит психическое раздвоение личности.

Наивысшие проявления человеческой сущности затормаживаются. Жизненный путь перестает ощущаться большинством людей как движение к личному совершенству. Чем больше личность подвержена казенно-казарменной идеологизации, тем меньше она индивидуализирована, тем больше вовлекается в общий поток массовых устремлений» [3, с. 143].

Таким образом, зачатки возникновения умысла на совершение хищения бюджетных средств, в частности при государственных закупках, могут возникнуть задолго до его совершения. Решающим фактором может послужить окружение, в котором проходит личностный и профессиональный рост молодого сотрудника.

Для более точного понимания смоделируем ситуацию. Руководитель подразделения, в подчинении которого работает молодой специалист (далее — С.), является коррумпированным. Часто его незаконные указания превалируют над легитимными для реализации хищения бюджетных средств в сфере государственных закупок. Впоследствии деяния руководителя остаются безнаказанными, а уровень его благосостояния увеличивается. На этой стадии С. наблюдает за происходящим, у него формируется намерение улучшить свое финансовое состояние за счет безнаказанного хищения, когда он займет ответственный пост на государственной службе, позволяющий распоряжаться бюджетными средствами, в том числе в сфере государственных закупок. Более того, с этого момента С. старается войти в круг «приближенных к руководителю», чтобы более детально разобраться в схемах совершения хищений.

Приведенный нами пример иллюстрирует первое звено всей цепочки хищения бюджетных средств в сфере государственных закупок. Естественно, вариантов возникновения идеи о совершении такого рода преступлений может быть много, но в целом полагаем, что данный этап можно охарактеризовать как «правовая деформация».

И. Н. Сенин выделил одну из форм правовой деформации — правовая демагогия. Это намеренно обманное, конфликтное, внешне эффектное воздействие отдельного лица либо различных субъектов на чувства, знания, действия доверяющих им людей посредством различных форм ложного одностороннего либо грубо извращенного представления правовой действительности для достижения собственных порочных корыстных целей, обычно скрываемых под видом пользы народу и благосостояния государства [4].

Таким образом, от прямого воздействия своего руководителя правовое сознание С. подвергается правовой деформации в форме правовой демагогии.

Следующий этап, на наш взгляд, следует именовать как «преодоление эмоционального напряжения». Так, поднимаясь по карьерной лестнице и заняв пост начальника отдела, С. обретает более широкий спектр полномочий. Допустим, что его должностные функции могут позволить ему начать реализовывать свой умысел, но в масштабах не столь крупных. На этой стадии С. ожидаемо станет ощущать тревогу и страх быть разоблаченным. Ж. Годфруа отмечал, что «обычно тревога представляет собой преходящее состояние, она ослабевает, как только человек действительно сталкивается с ожидаемой ситуацией. Бывает, однако, и так, что ожидание, порождающее тревогу, затягивается, и организм вынужден тогда затрачивать много энергии для поддержания своей „дееспособности“. В результате развивается состояние стресса...» [5, с. 125]. Преодолевая указанные чувства, С. начинает за относительно небольшое денежное вознаграждение подписывать «нужные» для совершения коррупционного преступления документы (к примеру, ставить визу в актах выполненных работ).

Следует отметить, что тревога и страх, перерастающие в постоянный стресс, будут спутниками С. от самого начала совершения им незаконных действий, направленных на хищение бюджетных средств при госзакупках, и до логического конца.

По сути, хищение бюджетных средств — своего рода введение в заблуждение, при котором жертвой является государство. По этой причине С., выступая в качестве расхитителя бюджетных средств в сфере госзакупок и одновременно лжеца, наряду со стрессом может испытывать и чувство радости, особенно в моменты успешного совершения хищений. Относительного этого явления весьма точно высказался П. Экман: «Ложь может считаться достижением, что уже само по себе всегда приятно. Лжец может испытывать радостное возбуждение либо от вызова, либо непосредственно в процессе обмана, когда успех еще не совсем ясен. В случае же успеха может возникнуть удовольствие от облегчения, гордость за достигнутое или чувство самодовольного презрения к жертве» [6, с. 53].

Следующей должностной ступенью С., которой предстоит сыграть роковую роль, является должность руководителя самостоятельного подразде-

ления, позволяющая ему принимать самостоятельные решения (утверждать акты приема выполненных работ, акт приема объекта в эксплуатацию и др.). За счет таких функциональных возможностей, предоставленных С. новой должностью, происходит выплата бюджетных средств на конкретные нужды, обеспеченные государственными закупками. На этой стадии чувства страха и тревоги у С., продолжающего расхищать государственный бюджет, могут исчезнуть, и на это есть ряд причин:

— с точки зрения С., его должность уже позволяет ему быть в какой-то мере неуязвимым;

— годы осуществления хищений бюджетных средств, будь то присвоение и растрата, мошенничество и т. д., оставили неизгладимый след на поведении С., убедив в том, что его опыт позволит оставаться незамеченным;

— уверенность в окружающих людях предоставит С. чувство спокойствия. Иными словами, С. начнет чувствовать уверенность в том, что о преступных деяниях ни подчиненные ему «приближенные» сотрудники, ни кто-либо другой, находящийся рядом, не сообщит в правоохранительные органы.

В совокупности эти факторы способствуют дальнейшей правовой деформации С., но уже в форме «правового нигилизма». В современной науке под «правовым нигилизмом» ряд ученых подразумевает скверное, негативное отношение человека к правовым нормам. Такого же мнения придерживается Н. И. Матузов, отметивший, что «одним из ключевых моментов здесь выступает надменно-пренебрежительное, высокомерное, снисходительно-скептическое восприятие права, оценка его не как базовой, фундаментальной идеи, а как второстепенного явления в общей шкале человеческих ценностей, что, в свою очередь, характеризует меру цивилизованности общества, состояние его духа, умонастроений, социальных чувств, привычек» [6].

На наш взгляд, этот этап позволительно охарактеризовать как «ощущение всевластия», которое по своей природе является результатом правового нигилизма. В обоснование этой гипотезы надлежит отметить, что наличие широкого круга полномочий, уверенность в окружении и неиссякаемый поток незаконно полученных денежных средств из государственного бюджета формируют у С. полное отрицание правовых норм и принципа законности.

Следующей и заключительной стадией психологического мониторинга вымышленного персонажа С. является «процесс позднего раскаяния».

Представим, что правоохранительными органами С. был изобличен в неоднократно совершенных им хищениях. При таком развитии событий его, несомненно, будет охватывать целый спектр связанных между собой эмоций, таких как стыд, вина и сожаление о содеянном.

Обо всех этих чувствах, как мы считаем, точно высказывался один из создателей теории дифференциальных эмоций К. Э. Изард, который в своем научном труде «Психология эмоций» определял каждую из указанных нами эмоций. Так, в качестве примера выражения стыда он привел детальное описание этого чувства, представленное Х. Льюис: «Человек, переживающий стыд, ощущает себя объектом презрения и насмешки... Он ощущает беспомощность, неадекватность, неспособность и невозможность осмыслить ситуацию... Взрослый человек чувствует себя ребенком, слабость которого выставлена на всеобщее обозрение. Возникает ощущение, что человек больше не может ни воспринимать, ни думать, ни действовать. „Границы эго“ становятся прозрачными» [7, с. 345].

Порядок, в котором нами выстроена цепочка эмоций на заключительном этапе, неслучаен. Стыд — это первое чувство, возникающее у людей, совершивших противоправный поступок и изобличенных в его совершении. Отметим, что в подобных ситуациях виновный может предпринять попытки избежать ответственности. В этом контексте С. продолжит формировать свою линию защиты, выражающуюся в развитии «теории лжи» (будет давать ложные показания и отрицать свою вину).

Когда же под давлением неопровержимых доказательств С. почувствует безвыходность ситуации, в нем «заговорит» чувство вины. К. Э. Изард писал об этом следующее: «Когда Джон переживает вину, он испытывает интенсивное и мучительное чувство собственной неправоты по отношению к человеку или к группе, перед которыми он провинился. Если Джон верующий человек, то сверх того его будет угнетать сознание собственной греховности» [7, с. 371].

За чувством вины незамедлительно последует и раскаяние, к которому при смоделированных нами событиях угрызения совести, безусловно, станут лучшим проводником. Здесь примером послужит известная пословица, что все тайное рано или поздно становится явным.

Обобщая результаты исследования, выделим следующие этапы изменения психологического состояния расхитителя бюджетных средств в сфере государственных закупок.

Первый этап: «правовая деформация». На данном этапе, как правило, зарождается идея о совершении хищений бюджетных средств в сфере государственных закупок.

Второй этап: «преодоление эмоционального напряжения», при котором должностное лицо, намеренное совершить хищение бюджетных средств в сфере государственных закупок, преодолевает барьер страха и тревоги.

Третий этап: «ощущение всевластия». Характеризуется элементами правового нигилизма, выражающегося в отрицании законодательных основ и присутствии чувства неуязвимости.

Четвертый этап: «процесс позднего раскаяния». Этот заключительный этап определяется переживанием виновным цепочки эмоций в установленной последовательности: стыд, вина и затем сожаление.

Резюмируя изложенное, полагаем, что указанные этапы изменения психологического состояния расхитителя как субъекта уголовного правонарушения связаны между собой, способствуют верному определению содержания субъективной стороны посягательства и правильному установлению формы вины, мотивов и целей, которыми руководствовался уголовный правонарушитель.

Проведенный мониторинг позволит более детально изучить субъективные признаки уголовных правонарушений в сфере государственных закупок, причины и условия их совершения, что является важным для теории уголовного права и науки криминологии.

1. Нескородов Б. Н. Коррупция как индикатор деградации правовой культуры государственного аппарата // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3. С. 236—244.

2. Годфруа Ж. Что такое психология. В 2 т. Т. 1 / пер. с фр. Н. Н. Алипова [и др.]. 2-е изд., стер. Москва: Мир, 1999. 485 с.

3. Еникеев М. И. Общая и юридическая психология. В 2 ч. Ч. 1. Общая Психология. Москва: Юрид. лит., 1996. 512 с.

4. Сенин Н. И. Деформации правосознания и пути их преодоления // Эпоха науки. 2017. № 12. С. 87—91.

5. Годфруа Ж. Что такое психология. В 2 т. Т. 2 / пер. с фр. Н. Н. Алипова [и др.]. 2-е изд., стер. Москва: Мир, 1999. 376 с.

6. Мазутов Н. И. Деформации правосознания и пути их преодоления // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 4 (87). С. 17—33.

7. Изард К. Э. Психология эмоций. Санкт-Петербург: Питер, 1999. 464 с.

Байсеитов Баграм Салькенович,
докторант
Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре
Республики Казахстан,
магистр национальной безопасности
и военного дела;
bagram.bayseitov@bk.ru

1. Neskorodov B. N. Corruption as an indicator of the degradation of the legal culture of the state apparatus. Legal Policy and Legal Life, 236—244, 2021. (In Russ.).

2. Godefroid J. What is Psychology? In 2 vols. Vol. 1. Transl. from French by N. N. Alipova [et al.]. 2nd ed., repr. Moscow: Mir; 1999: 485. (In Russ.).

3. Yenikeyev M. I. General and Legal Psychology. In 2 parts. Part 1. General Psychology. Moscow: Legal Literature; 1996: 512. (In Russ.).

4. Senin N. I. Deformations of legal consciousness and ways to overcome them. The Age of Science, 87—91, 2017. (In Russ.).

5. Godefroid J. What is Psychology? In 2 vols. Vol. 2. Transl. from French by N. N. Alipova [et al.]. 2nd ed., repr. Moscow: Mir; 1999: 376. (In Russ.).

6. Mazutov N. I. Deformations of legal consciousness and ways to overcome them. Bulletin of the Saratov State Law Academy, 17—33, 2012. (In Russ.).

7. Izard K. E. Psychology of emotions. Saint Petersburg: Piter; 1999: 464. (In Russ.).

Baiseitov Bagram Salkenovich,
post-doctoral student
at the Academy of Law Enforcement Agencies
under the Prosecutor General's Office
of the Republic of Kazakhstan,
master of National Security and Military Affairs;
bagram.bayseitov@bk.ru

Статья поступила в редакцию 10.10.2025; одобрена после рецензирования 13.10.2025; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 10.10.2025; approved after reviewing 13.10.2025; accepted for publication 16.02.2026.

* * *

УДК 343.123

ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО СЛОЖНЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Елена Геннадьевна Васильева
Второй кассационный суд общей юрисдикции, Москва, Россия, tems21@mail.ru

Аннотация. В практической деятельности нередко возникают вопросы, связанные с возбуждением уголовных дел по сложным преступлениям, когда имеет место совокупность различных событий, которые на данной первоначальной стадии уголовного процесса квалифицируются по одной уголовно-правовой норме. В частности, такие вопросы часто возникают по преступлениям с учтенной совокупностью, а также по преступлениям с альтернативными действиями. С позиций того, что именно решение о возбуждении уголовного дела в рамках российской правовой системы обеспечивает законность производства по уголовному делу, в статье обосновывается тезис о том, что по сложным преступлениям в постановлении о возбуждении уголовного дела должны отдельно указываться все события, входящие в такую совокупность. Подобное возбуждение уголовного дела позволит обеспечить законность всей последующей уголовно-процессуальной деятельности, в том числе при возникновении необходимости переквалификации единого сложного преступления на совокупность преступлений.

Ключевые слова: уголовный процесс, пределы производства по уголовному делу, возбуждение уголовного дела, единое сложное преступление, совокупность преступлений

Для цитирования: Васильева Е. Г. Особенности возбуждения уголовных дел по сложным преступлениям // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 1 (76). С. 22—28.

SOME ASPECTS OF INITIATING CRIMINAL PROCEEDINGS FOR COMPLEX CRIMES

Yelena Gennadiyevna Vasiliyeva
Second cassation court of general jurisdiction, Moscow, Russia, tems21@mail.ru

Abstract. In praxis, initiating cases for complex crimes often poses issues, where a combination of various events are classified at the initial stage of criminal procedure under a singular penal norm. In particular, crimes involving a specific set of events, as well as crimes involving alternative actions frequently raise such issues. From the standpoint that it is the decision to initiate criminal proceedings within the Russian legal system that ensures the legality of criminal proceedings, this article argues that for complex crimes the decision to initiate criminal proceedings must separately enumerate all events included in such a set. Such initiation of a criminal case will ensure the legality of all subsequent criminal procedural activities, including when the need arises to reclassify a single complex crime into a set of crimes.

Keywords: criminal procedure, jurisdictional boundaries in criminal proceedings, initiating a criminal case, single complex crime, a set of crimes.

For citation: Vasiliyeva Ye. G. Some aspects of initiating criminal proceedings for complex crimes. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 22—28, 2026. (In Russ.).

© Васильева Е. Г., 2026

С позиций выделяемой в уголовно-процессуальной науке теории пределов производства по уголовному делу указанные пределы конструируются *in rem* (по совокупности событий преступлений, составляющих предмет производства по уголовному делу) и *in personam* (по совокупности лиц, привлекаемых по данному уголовному делу в качестве обвиняемых) [1; 2].

Одним из основных правил данной теории служит положение о том, что производство по уголовному делу не может вестись по тому событию («уголовному случаю»), по которому уголовное дело не возбуждено в установленном законом порядке[1]. Именно решение о возбуждении уголовного дела, как справедливо отмечает К. Б. Калиновский, «ограничивает пределы дальнейшего производства тем кругом фактов — событий преступлений, по признакам которых оно возбуждалось» [3].

В практической деятельности проблемы возникают при возбуждении уголовных дел *in rem* по так называемым сложным преступлениям, т. е. таким общественно опасным деяниям, которые с точки зрения объективной действительности состоят из совокупности обособленных событий, а именно совокупности «фрагментов объективной реальности, имеющих пространственно-временные координаты» [4, с. 62]. Сложность возбуждения уголовных дел по таким преступлениям обусловливается подвижностью знания о том, является ли подобная совокупность действительно единым сложным преступлением (единый сложный *res*) или имеет место совокупность «простых» преступлений (совокупность *res*). Иначе говоря, такие сложные события обладают свойством как сливаться в единое преступление, так и распадаться на два и более самостоятельных *res*, каждый из которых эвентуально может образовать самостоятельный состав преступления. Для краткости дальнейшего изложения обозначим данный вид «сложного» *res* как *«complex-res»* (лат. *complex* — связь, сочетание, совокупность чего-либо, объединенного вместе), под которым будем понимать такую совокупность самостоятельных, обособленных в пространстве и времени событий, которая образуется в результате их юридической квалификации как единого преступления.

К преступлениям с *complex-res* относятся, прежде всего, преступления с «учтенной совокупностью», т. е. те, которые охватывают несколько «простых» преступлений [5]. Например, преступление, предусмотренное п. «а» ч. 3 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ), представляет собой учтенную совокупность хищения и незаконного проникновения в жилище. Иногда такие преступления могут включать в себя целый набор разнообразных событий, каждое из которых имеет самостоятельный уголовный запрет. Так, статьей 212 УК РФ охватывается множество деяний, которые имеют самостоятельные уголовно-правовые запреты. Столь же сложными являются *complex-res* и у составов преступлений, предусмотренных ст. 205, 356, 357 358 УК РФ и т. п.

Возникает вопрос: достаточно ли для правильного определения пределов производства по уголовному делу возбудить уголовное дело лишь по одному из «преступлений», входящих в учтенную совокупность? Полагаем, что ответ на данный вопрос зависит от того, имеет ли место фактическая совокупность событий, или имеет место совокупность события и его последствий.

Примером совокупности события и его последствий может служить деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 216 УК РФ. В данном случае имеет место хотя и сложный, но монолитный (неделимый) *res*, который заключается в нарушении правил безопасности. Наступление смерти является последствием именно данного нарушения. Соответственно, если уголовное дело было возбуждено по ч. 1 ст. 216 УК РФ, то в случае последующего обнаружения факта смерти человека, ставшей следствием нарушения указанных правил, возбуждения нового уголовного дела не требуется.

Однако вывод о неделимом сложном *res* нельзя распространить на фактическую совокупность событий.

Например, п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ охватывает умышленное причинение смерти человеку, которое само по себе является общественно опасным деянием, наказуемым по ст. 105 УК РФ. Однако, несмотря на то что причинение смерти может и не являться следствием собственно террористического акта как такового, а представлять собой с точки зрения объективной действительности самостоятельное деяние (например, захват вокзала и, через определенный промежуток времени,

[1] См. об этом, например: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Егорова Павла Павловича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 28 сентября 2023 г. № 2647-О // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.11.2025).

произведение в нем выстрелов), такие деяния квалифицируются как единое преступление[1].

Заметим, что выбор состава преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ, в контексте рассматриваемого нами вопроса не случаен. Дело в том, что включение (на тот момент только умышленного) причинения смерти в качестве квалифицирующего признака в ряд специальных статей, в том числе в ст. 205 УК РФ, обосновывалось тем, что конкретизация диспозиций квалифицированных составов преступлений, предусмотренных ст. 105, 205, 206 и 281 УК РФ, позволит органу предварительного расследования, возбудившему уголовное дело, проводить следствие в полном объеме без дополнительной квалификации по другим статьям Особенной части[2].

С этой точки зрения, казалось бы, достаточным является возбуждение уголовного дела без указания в нем на факт причинения смерти. Но обеспечит ли такое возбуждение уголовного дела вынесение легитимного итогового решения об осуждении лица за умышленное причинение смерти другому лицу в случае, если, к примеру, будет установлено, что террористический акт (в нашем случае — захват вокзала) был осуществлен одними лицами, а причинение смерти — другим лицом, находившимся на вокзале и не действовавшим с ними в соучастии (например, при совершении им разбойного нападения с использованием сложившейся ситуации)? Полагаем, что нет, поскольку речь идет о разных событиях, хотя и определенным образом соединившихся во времени и пространстве.

Это, в свою очередь, означает, что в случае, когда дополняющее деяние не находится в прямой причинно-следственной связи с основным деянием, а лишь сопряжено с ним, возбуждения уголовного дела только по факту одного из событий недостаточно. Соответственно, если должностное лицо, в чьем производстве находится данное дело, с учетом уточненной информации придет к выводу о том, что имеет место не сложное преступление, а совокупность простых преступлений, создастся ситуация, когда не по всем из них будет в наличии решение о возбуждении уголовного дела. Соответственно, такие единые с правовой, но различные с фактической точки зрения деяния также образуют *complex-res*, в связи с чем требуют возбуждения уголовного дела по каждому *res*, вошедшему в эту совокупность.

Специфика возбуждения уголовных дел по единым сложным составным преступлениям с *complex-res* также связана с тем, что часть из них требует квалификации по двум разным составам преступлений. Так, убийство, сопряженное с изнасилованием, квалифицируется по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ в совокупности со ст. 131 УК РФ[3]; убийство, сопряженное с разбоем, квалифицируется по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ в совокупности с п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ[4]; и т. д.

Соответственно, отграничить в таких ситуациях *complex-res* одного преступления от *complex-res* другого фактически невозможно.

Рассмотрим следующий пример. Тулепеев, которому нужны были денежные средства, решил убить администратора зала игровых автоматов и забрать выручку. Дождавшись ухода людей и представившись по домофону электриком, вошел в зал, позвал девушку, работавшую администратором, нанес ей четыре удара ножом, от которых она скончалась на месте, забрал денежные средства и ушел. За указанные действия Тулепеев был осужден по п. «в» ч. 4 ст. 162 и п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ[5].

---

[1] См.: О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1. П. 9 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.11.2025).

[2] Пояснительная записка и Заключение Комитета Государственной Думы по безопасности по законопроекту № 123532-5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/123532-5 (дата обращения 10.11.2025).

[3] См.: О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1. П. 13 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.11.2025); О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16. П. 2 // Там же.

[4] См.: О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29. П. 14.1 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.11.2025).

[5] Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2013 г. по делу № 74-АПУ13-28 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.11.2025).

Несмотря на то что преступления, предусмотренные п. «в» ч. 4 ст. 162 и п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, различаются с точки зрения деяния и имеют разные объекты[1], нельзя не заметить, что с точки зрения объективной действительности речь идет в обоих случаях об одном и том же пространственно-временном событии, об одной и той же совокупности фактических действий виновного. И эта совокупность не изменяется от того, что основной и дополнительный объекты этих преступлений меняются местами при квалификации по той или другой норме уголовного закона.

Совокупность таких действий, с одной стороны, образует *complex-res* (*res* «причинение смерти» + *res* «хищение денежных средств»), а с другой — один и тот же *complex-res* полностью повторяется (дублируется) в двух самостоятельных преступлениях.

Соответственно, такие *res* можно обозначить как *double complex-res*, т. е. «удвоенный» *complex-res*. Как и в отношении иных преступлений с *complex-res*, в целях придания легитимности и маневренности последующих процессуальных действий уголовное дело должно быть возбуждено по каждому из *res* (событию), что позволит, в случае возникновения такой необходимости, осуществить «расквалификацию» деяния со сложного на несколько простых преступлений без значительных процессуальных издержек (отмены приговора, возврата дела прокурору, повторного рассмотрения дела и т. д.) в том случае, если правовая связь между *res* не будет установлена, как это произошло, например, по следующему делу.

Приведем пример. Областной суд, рассмотрев уголовное дело по первой инстанции, установил, что Дектерев пришел вместе с Ч. в ее квартиру, взял деньги в ее бельевом шкафу, а когда Ч. поняла, что он украл деньги, чтобы скрыть хищение и убежать, нанес ей несколько ударов молотком по голове. В соответствии с установленными судом первой инстанции указанными фактическими обстоятельствами деяние подсудимого было квалифицировано судом по п. «в» ч. 4 ст. 162 и п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Верховный Суд Российской Федерации, пересматривая приговор в апелляционном порядке, с учетом анализа доказательств (показаний Дектерева, расположения обнаруженных пятен крови и т. д.), установил иные фактические обстоятельства, согласно которым Дектерев сначала нанес Ч. удары молотком, разозлившись на нее, и уже затем похитил у нее деньги. В связи с этим Верховный Суд переквалифицировал его действия по ч. 1 ст. 105 и ч. 1 ст. 158 УК РФ[2], отграничив тем самым убийство от хищения, разделил *double complex-res* на два простых *res* («причинение смерти» и «хищение»).

В. В. Кальницкий и А. А. Бондаренко справедливо отмечают, что «когда событие описано достаточно внятно (у лица, скончавшегося от нанесенных ран, отобран под угрозой насилия, опасного для жизни и здоровья, пакет с продуктами и личными вещами)», но в постановлении о возбуждении была указана только ст. 105 УК РФ, для предъявления обвинения по ст. 162 УК РФ «довозбуждения» уголовного дела не требуется [6, с. 23].

Поскольку именно события (*res*), а не их правовая оценка (*qualification)*, определяют границы производства по уголовному делу, принципиально важным является описание признаков всех событий, входящих в *complex-res*, в постановлении о возбуждении уголовного дела.

Совершенно справедливо замечено, что «в возникающем иногда стремлении связывать пределы производства *in rem* не только фактической стороной исследуемого события (деяния), но и его уголовно-правовой квалификацией, что позволяет обходить принципы *res judicata* и *non bis in idem* посредством иной уголовно-правовой оценки исследуемого события, проводя якобы новое производство по тому же факту (данный подход, безусловно, является недопустимым)» [1, с. 96].

Еще одна особенность возбуждения уголовных дел с *complex-res* связана с совокупностью таких однородных преступлений, которые имеют между собой лишь субъектную (по *persona*), но не предметную связь (по *res*), однако в силу требований законодателя квалифицируются как единое сложное составное преступление. Подобные составы преступлений содержатся, например, в п. «в» ч. 3, ч. 6 ст. 110.1, п. «в» ч. 2 ст. 110, п. «а» ч. 2 ст. 117, п. «ж» ч. 2 ст. 126 УК РФ и др. Их отличительным

[1] См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Потапова Максима Сергеевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 17 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2020 г. № 298-О // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.11.2025).

[2] См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 августа 2018 г. по делу № 1-АПУ18-6 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.11.2025).

признаком является квалифицирующий признак «в отношении двух и более лиц», который охватывает однородные деяния лица, совершенные им не только одновременно, но и в разное время[1].

Так, Арчаков был осужден по одной ст. 126 УК РФ (п. «ж») за похищение трех лиц. Прокуратура обжаловала данный приговор как в апелляционном, так и в кассационном порядке, указывая на то, что похищение Б., К., а затем А. образует совокупность двух преступлений, так как умысел на их совершение формировался индивидуально, реализовывался при различных обстоятельствах, в разное время и в нескольких территориальных образованиях. Доводы прокуратуры были отклонены обеими инстанциями, которые оставили приговор без изменений[2].

Кардинальное отличие данных преступлений от иных составных преступлений состоит в том, что подобный *complex-res* образуется только при условии, что ни за одно из простых *res*, вошедших в *complex-res*, виновный ранее не был осужден. Так, если лицо было осуждено за простое убийство, а затем было обнаружено, что данное преступление было сопряжено с разбоем, то необходимость привлечения его к уголовной ответственности за разбойное нападение влекло бы отмену приговора с возвращением дела прокурору для предъявления более тяжкого преступления.

Еще одним случаем *complex-res* является преступление с альтернативными действиями, которые не образуют совокупности[3]. Например действия лица, совершившего незаконные приобретение и хранение одних и тех же наркотических средств, будут квалифицированы по одной ст. 228 УК РФ, а не по их совокупности.

Что же из себя в этом случае представляет *res*? Можно ли, допустим, привлекать лицо к уголовной ответственности за перевозку наркотиков, если уголовное дело было возбуждено по факту их изготовления? То обстоятельство, что и перевозка, и изготовление одних и тех же наркотических средств квалифицируются по одной статье уголовного закона, казалось бы, заставляет дать на этот вопрос утвердительный ответ. Однако единство нормы уголовного права, закрепляющей альтернативные деяния, не означает их взаимозаменяемости в уголовно-процессуальном смысле. Практика отрицает возможность переквалификации деяния с одного альтернативного признака на другой.

Так, органами предварительного расследования Афанасьеву было предъявлено обвинение в незаконном приобретении и хранении боеприпасов. Суд первой инстанции, исследовав представленные ему сторонами доказательства, признал Афанасьева виновным только в незаконном хранении боеприпасов. Апелляционная инстанция, проверив уголовное дело, квалифицировала действия осужденного как незаконное ношение боеприпасов. Суд кассационной инстанции уголовное дело в части осуждения Афанасьева по ст. 222 УК РФ прекратил за отсутствием состава преступления со ссылкой на то, что незаконное ношение боеприпасов, в отличие от других альтернативных

[1] См.: О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 (в ред. от 3 марта 2015 г.). П. 5 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.11.2025); О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16. П. 19 // Там же; О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11. П. 30 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 7. С. 10.

[2] См.: Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 9 февраля 2023 г. по делу № 55-72/2023 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.11.2025); Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 3 августа 2023 г. № 74-УДП23-10сп-А5 // Там же.

[3] См., например: По делу о проверке конституционности положений статьи 199 Уголовного кодекса РФ в связи с жалобой гражданина Д. Н. Алганова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г. № 27-П // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.11.2025); О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14. П. 5 // Там же; О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48. П. 24 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 2. С. 12.

действий данного состава преступления (приобретение и хранение), ему не вменялось[1].

Поскольку совершение любого из альтернативных действий уже само по себе является преступлением, каждое из них требует самостоятельного возбуждения дела (указания в постановлении о возбуждении уголовного дела каждого действия).

На основании изложенного можно сделать вывод, что при обнаружении совокупности самостоятельных, обособленных в пространстве и времени событий, которая образуется в результате их юридической квалификации как единого преступления, в решении о возбуждении уголовного дела должны отдельно указываться все события, входящие в такую совокупность. Как справедливо замечают А. В. Смирнов и К. Б. Калиновский, «при разрешении... коллизионных вопросов на практике следует учесть, что избыточное решение о возбуждении дела не является существенным нарушением закона, в то время как отсутствие необходимого решения о возбуждении дела приведет к недопустимости полученных доказательств и незаконности всех принятых по делу решений» [7, с. 368].

1. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. 2-е изд. Москва: Статут, 2017. 1280 с.

2. Жидкова Е. И. Формирование пределов производства по уголовному делу в досудебных стадиях уголовного процесса. Москва: Юрлитинформ, 2014. 152 с.

3. Калиновский К. Б. Всегда ли следует возбуждать уголовное дело при обнаружении нового преступления или нового лица? // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.11.2025).

4. Алексеева А. С., Виноградов А. С. Юридическая техника норм, регламентирующих основания отказа в возбуждении уголовного дела и основания прекращения уголовного дела // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3. С. 59—64.

5. Молчанов Д. М. Множественность преступлений: актуальные проблемы и теоретический опыт исследований ученых кафедры уголовного права МГЮА // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 5. С. 107—118.

6. Кальницкий В. В., Бондаренко А. А. Особенности соединенного обвинения: учеб. пособие. Омск: Омск. акад. МВД России, 2022. 152 с.

7. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. проф. А. В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: КНОРУС, 2008. 704 с.

[1] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 декабря 2020 г. по делу № 5-УД20-108 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.11.2025).

1. A course of criminall procedure. Red. by L. V. Golovko. 2nd ed. Moscow: Statute; 2017: 1280. (In Russ.).

2. Zhydkova Ye. I. Stating the jurisdictional boundaries in pre-trial criminal proceedings. Moscow: Yurlitinform; 2014: 152. (In Russ.).

3. Kalynovsky K. B. Should one initiate a criminal case, under the circumstances of a new crime or a new person is revealed? Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" Accessed: 10 November 2025. (In Russ.).

4. Alekseyeva A. S., Vinogradov A. S. Legal norm architecture regulating the grounds to decline criminal proceedings initiation and cease pre-trial process. Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii, 59—64, 2022. (In Russ.).

5. Molchanov D. M. Multiple offenses: topical issues and theoretical research experience of the scientists of the criminal law department of the Moscow State Law University. Topical issues of Russian law, 107—118, 2016. (In Russ.).

6. Kalnytsky V. V., Bondarenko A. A. Some aspects of the combined charge. Handbook. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2022: 152. (In Russ.).

7. Smirnov A. V., Kalynovsky K. B. Criminal procedure. Textbook. Red. by prof. A. V. Smirnov. 4th ed. Moscow: KNORUS; 2008: 704. (In Russ.).

Васильева Елена Геннадьевна,
судья, председатель
пятого судебного состава
Судебной коллегии по уголовным делам
Второго кассационного суда
общей юрисдикции,
кандидат юридических наук, доцент;
tems21@mail.ru

Vasiliyeva Yelena Gennadiyevna,
judge, the chairman of the fifth panel of judges
of the Criminal division
of the Second cassation court
of general jurisdiction,
candidate of juridical sciences, docent;
tems21@mail.ru

Статья поступила в редакцию 17.11.2025; одобрена после рецензирования 27.11.2025; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 17.11.2025; approved after reviewing 27.11.2025; accepted for publication 16.02.2026.

* * *

УДК 343.235

СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ С ПУБЛИЧНОЙ ДЕМОНСТРАЦИЕЙ: ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ

Наталья Александровна Егорова
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, egonatalex@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы толкования уголовно-правовых норм, содержащих основной либо квалифицирующий признак состава преступления, связанный с совершением деяния «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть „Интернет“)», а также пункта «т» ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающего одноименное обстоятельство, отягчающее наказание. Затронуты такие проблемы, как место публичной демонстрации в системе признаков объективной стороны преступления; объект и субъект демонстрации; технические способы фиксации процесса совершения преступления, способы и время осуществления его публичной демонстрации; содержание признака публичности; соотношение анализируемого квалифицирующего признака с аналогичными и др. Сделан вывод о необходимости официальных разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по указанным вопросам.

Обосновано предложение о целесообразности исключения из статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации указания на рассмотренный признак (с сохранением одноименного признака в перечне обстоятельств, отягчающих наказание) и введения в главу о преступлениях против общественной безопасности самостоятельной статьи об ответственности за публичную демонстрацию процесса совершения умышленного преступления и за распространение таких материалов, совершенные из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений.

Ключевые слова: публичная демонстрация преступления, треш-стрим, дифференциация ответственности, криминализация деяния

Для цитирования: Егорова Н. А. Совершение преступления с публичной демонстрацией: вопросы толкования уголовно-правовых норм // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 1 (76). С. 29—40.

CRIME COMMISSION ACCOMPANIED WITH PUBLIC MANIFESTATION: SOME ISSUES OF INTERPRETING CRIMINAL LAW NORMS

Nataliya Aleksandrovna Yegorova
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, egonatalex@yandex.ru

Abstract. The article views upon some issues of interpretation of criminal law norms, that include either basic or qualifying element of corpus delicti related to crime commission accompanied "with public manifestation, including the mass media or information and telecommunications networks (as well as the "Internet")". It also analyses paragraph "t" of Part 1 of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for the same circumstance aggravating the punishment. Other issues are touched upon, such as the place of public manifestation within the actus reus of the crime; the object and subject of the manifestation; the tech ways of recording the crime commission; means and timing of its public manifestation; the essence of the "public" notion; its correlation to similar qualifiers, etc. It makes a conclusion, that the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation should give official interpretation on the above-mentioned issues.

The paper justifies: the deletion of the analyzed attribute from articles of the Special Part of the Russian Criminal Code (while maintaining it in the list as aggravating circumstances); and introduction of an independent

© Егорова Н. А., 2026

article to establish the responsibility for public manifestation of intentional crime commission and its dissemination, motivated by hooliganism, greed, or other vile motives, into the chapter on crimes against public safety.

Keywords: public manifestation of crime, trash stream, sharing responsibility, criminalizing an act

For citation: Yegorova N. A. Crime commission accompanied with public manifestation: some issues of interpreting criminal law norms. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 29—40, 2026. (In Russ.).

Федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 218-ФЗ [1](далее — ФЗ № 218) ряд статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) дополнен указанием на такой квалифицирующий признак (в ст. 116 УК РФ — альтернативный признак основного состава) составов преступлений, как совершение деяния «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (далее — ИТС) (включая сеть „Интернет“)» (п. «о» ч. 2 ст. 105, п. «и» ч. 2 ст. 111, п. «и» ч. 2 ст. 112, п. «д» ч. 2 ст. 115, ст. 116, п. «и» ч. 2 ст. 117, п. «в» ч. 2 ст. 119, п. «и» ч. 2 ст. 126, п. «з» ч. 2 ст. 127, п. «е» ч. 2 ст. 127.2 УК РФ) (одноименный признак в качестве обстоятельства, учитываемого судом при назначении наказания за умышленные преступления, появился в перечне обстоятельств, отягчающих наказание, — п. «т» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Таким образом, при помощи данного квалифицирующего признака осуществлена дифференциация ответственности за ряд умышленных преступлений против личности. Это не криминализация деяний, совершенных с публичной демонстрацией, поскольку ответственность за такие деяния и ранее была возможна, а именно дифференциация уголовной ответственности.

Одновременно Федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 217-ФЗ в ст. 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее — КоАП РФ) введена часть 12, предусматривающая административную ответственность за распространение в ИТС информации, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность, выражающей явное неуважение к обществу, содержащей изображение действий с признаками противоправных деяний, совершенное из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений (при отсутствии признаков уголовно наказуемого деяния).

Вопрос о необходимости таких изменений (с весомой аргументацией в их пользу) был поставлен несколько лет назад [1; 2, с. 36—39]. Вносились предложения о криминализации распространения любой информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию несовершеннолетних [3, с. 31]. Между тем опасность демонстрации преступных деяний широкому кругу лиц заключается в воздействии таких материалов не только на детей, но и на совершеннолетних лиц, поскольку у определенной части взрослой аудитории тоже может возникнуть желание совершить подобные действия (см. пояснительную записку к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», в дальнейшем — Проект[2]). Деструктивная сущность треш-стримов — в содержании контента, навязывающего «антиценности» (терпимое отношение к жестокости, одобрение и даже поощрение поведения треш-стримеров, отсутствие сочувствия к жертвам)[3]. В целом соглашаясь с выводом о целесообразности усиления ответственности за преступления, совершенные с публичной демонстрацией, остановимся на вопросах толкования уголовного закона в указанной части и квалификации преступлений с данным признаком. За сравнительно небольшой период действия данной новеллы уже возникли определенные проблемы, требующие решения.

1. *Какой признак объективной стороны характеризует публичная демонстрация преступления — способ его совершения или обстановку?* Полагаем, что не способ, так как публичная демонстрация преступного поведения лежит за пре-

[1] Если не указано иное, доступ ко всем упомянутым в статье нормативным правовым и судебным актам осуществлялся из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»: проект № 506240-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/506240-8?ysclid=m7f3ch2k1x605718150 (дата обращения: 21.02.2025).

[3] В МВД назвали «трэш-стримы» опасными для массового сознания. URL: https://ria.ru/20210219/strim-1598165677.html?ysclid=mg6e1thpp229140142 (дата обращения: 30.09.2025).

делами общественно опасного деяния, ничего специфичного в само деяние не привносит, не упрощает достижение преступных целей. Способ совершения преступления предопределяет своеобразие самого деяния и физически неотделим от деяния [4, с. 444—445, автор главы В. Б. Малинин]. Публичная демонстрация преступления непосредственно в процессе выполнения его объективной стороны такими свойствами не обладает, а представляет собой внешние условия, т. е. обстановку его совершения [5, с. 596, 599].

2. *С публичной демонстрацией* ***чего*** *совершается преступление?* Логическое толкование рассматриваемых норм дает основания полагать, что демонстрируется само преступление. В связи с этим более удачной видится формулировка «совершение преступления с *его* публичной демонстрацией». Под демонстрацией при этом следует понимать *показ* (как правило, публичный) чего-либо [6; 7].

Неизбежны вопросы более частного характера: а) что именно должно демонстрироваться (т. е. показываться) публично для того, чтобы сделать вывод о наличии данного признака, — жертва преступления до и после посягательства на нее, орудия и средства совершения преступления, сам процесс совершения преступления или также его последствия, если они признаны обязательным признаком данного состава преступления, либо достаточно доведения до зрителей сведений только о деянии или только о последствиях; личность субъекта преступления; б) какой должна быть степень детализации признаков совершенного преступления (крупный план, наличие устных или письменных комментариев и т. п.).

Примечательно, что в отзыве Верховного Суда Российской Федерации на Проект предлагалось уточнить законодательное описание и отягчающего обстоятельства, и квалифицирующего признака путем использования более удачной, на наш взгляд, формулировки: «совершение преступления, *сопряженного* с публичной демонстрацией *процесса* его осуществления».

Полагаем, что на обозрение неопределенно широкому кругу лиц может быть представлена наглядная информация о совершаемом преступлении в любом объеме и с любой степенью конкретизации — главное, чтобы это позволяло сделать вывод о том, что в тех или иных материалах виден процесс совершения умышленного преступления, т. е. вопрос о наличии либо отсутствии демонстрации преступления должен решаться в каждом случае индивидуально.

3. Каковы *технические способы фиксации процесса совершения преступления, а также способы и время осуществления его публичной демонстрации:* а) это исключительно видеосъемка либо возможна демонстрация только фотографий или аудиозаписей, общения в чатах (между преступником и жертвой, преступником и очевидцами, соучастниками преступления, прибывшими сотрудниками правоохранительных органов и др.), СМС-сообщений и т. п., где зафиксированы изображения (речь) участников происходящего; б) демонстрация имеет место только непосредственно во время совершения преступления (в режиме стрима, т. е. прямой трансляции) или также при последующем (после совершения преступления) обнародовании такой информации в СМИ, если в процессе совершения преступного деяния происходящее фиксировалось тем или иным способом, но без трансляции в СМИ или ИТС; в) законодатель подразумевает публичную демонстрацию преступления только при помощи технических средств или же рассматриваемым признаком охватываются любые иные варианты совершения преступления в обстановке публичности?

Как следует из пояснительной записки к Проекту, его авторы придерживаются узкого понимания технического аспекта совершения преступлений с рассматриваемым квалифицирующим признаком (или отягчающим обстоятельством), признавая единственно возможным способом публичной демонстрации так называемый стрим, или видеотрансляцию процесса совершения преступления в прямом эфире [8, с. 61—64; 2, с. 38].

В науке высказано иное мнение, согласно которому публичная демонстрация преступления, имеющая значение признака состава преступления либо обстоятельства, отягчающего наказание, возможна не только во время совершения уголовно наказуемого деяния, но и после его окончания путем распространения соответствующих материалов [9, с. 265; 10, с. 99], а последующее распространение таких материалов представляет собой «криминализированное постпреступное поведение» [5, с. 600]. Публичную демонстрацию преступления (как стрим, так и осуществленную после совершения данного преступления) некоторые авторы характеризуют как «дополнительное общественно опасное деяние, образующее вместе с деяниями, характеризующими основной состав, составное преступление» [10, с. 99] либо как соучастие в длящемся преступлении [11, с. 21].

Представляется, что аудиовидео- (или только видео-) фиксация процесса совершения преступления возможна на любом носителе, а публичная демонстрация совершения умышленного преступления — в аудиовизуальных (или только визуальных) формах и только путем прямой трансляции. К такому выводу можно прийти путем системного и логического толкования норм уголовного и административно-деликтного права. В части 12 статьи 13.15 КоАП РФ предусмотрена ответственность за распространение в ИТС, в том числе в сети Интернет, информации, содержащей *изображение* (а не аудиозапись и не текст-описание) действий с признаками противоправных деяний. Вместе с тем, как представляется, размещение в открытом доступе фотографий, по общему правилу, не может быть признано техническим способом публичной демонстрации преступлений, так как по отдельным фотографиям сложнее, чем по видеозаписи, оценить зафиксированное на нем поведение человека с точки зрения соответствия нормам права (хотя теоретически можно представить себе ситуацию, когда по тем или иным причинам непосредственно во время совершения преступления демонстрируются не видеозаписи, а фотоизображения преступного поведения).

Согласно правовой позиции высшей судебной инстанции, при демонстрации имеет место открытый показ материалов либо предоставление неограниченному кругу лиц возможности просмотра данных материалов без возможности их самостоятельного использования; распространение предполагает предоставление каким-либо лицам (конкретным либо неопределенному кругу) возможности использования указанных материалов (п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть „Интернет“» от 15 декабря 2022 г. № 37 (далее — ППВС РФ от 15.12.2022 № 37). Следует подчеркнуть, что данное разъяснение Пленума Верховного Суда РФ относится к демонстрации и распространению порнографических материалов или предметов. По нашему мнению, применительно к анализируемому признаку состава преступления (а равно обстоятельству, отягчающему наказание) возможность либо невозможность самостоятельного использования видеоматериалов не имеет существенного значения. Так, именно распространением визуальной информации, а не ее демонстрацией следует считать размещение видеозаписи уже совершенного преступления и ссылок на нее, если данное видео можно просмотреть, но нельзя сохранить на своем устройстве или иным образом самостоятельно использовать.

Трудно согласиться с допущением наличия рассматриваемого признака преступления (отягчающего обстоятельства) при распространении в прямом эфире аудиозаписи, отражающей процесс совершения преступления (точнее, лишь его звуковую составляющую) [5, с. 598, 600]. Согласно правовой позиции Верховного Суда РФ, демонстрация — это *показ*, который при трансляции аудиозаписи отсутствует.

Сделать однозначный вывод о произошедшей криминализации постпреступного поведения, а именно распространения постфактум контента, содержащего видеозапись совершения преступления, не представляется возможным по причине несовершенства редакции ч. 12 ст. 13.15 КоАП РФ (об этом см. далее). В данной ситуации при конкуренции запрещающих норм уголовного и административно-деликтного права приоритетом обладает последняя (неустранимые сомнения толкуются в пользу обвиняемого — ч. 3 ст. 49 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020) (далее — Конституция РФ)) [12, с. 87]. Поэтому, если указанный контент был доведен до зрителей в ИТС после совершения преступления, то имеет место административное правонарушение — *распространение* информации, и должна применяться ч. 12 ст. 13.15 КоАП РФ (с учетом нормы п. 3 примечаний к данной статье). Основанием же уголовной ответственности при последующем (отложенном) распространении «криминального» контента следует признать совершение деяния, содержащего состав преступления без анализируемого квалифицирующего признака (если он предусмотрен в статье Особенной части УК РФ), а при отсутствии данного квалифицирующего признака в статье Особенной части УК РФ нельзя признать такое распространение обстоятельством, отягчающим наказание.

Спорно утверждение о том, что совершение уголовно наказуемого деяния с его публичной демонстрацией представляет собой составное преступление. Составным признается преступление, состав которого объединяет признаки «двух или более взаимосвязанных преступных деяний, каждое из которых при отдельном рассмотрении со-

держит признаки самостоятельного состава преступления» [13, с. 194]. Однако на данный момент публичная демонстрация криминального поведения как таковая не содержит состава преступления.

Столь же дискуссионно отнесение преступлений с их последующей публичной демонстрацией к длящимся преступлениям. Длящееся преступление начинается с преступного действия (бездействия), «образующего состав конкретного преступления, и характеризуется последующим непрерывным осуществлением состава данного преступного деяния» (п. 2 постановления Пленума Верховного Суда «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях» от 12 декабря 2023 г. № 43, далее — ППВС РФ от 12.12.2023 № 43). Едва ли в период между совершением преступления, имеющего поддающийся установлению момент окончания (например, убийство, причинение вреда здоровью, побои), и последующим распространением видеозаписи данного преступления происходит «непрерывное осуществление» состава убийства, причинения вреда здоровью и т. п. Момент окончания длящегося преступления традиционно связывается с моментом добровольного либо вопреки воле субъекта (или независимо от его воли) *прекращения осуществления преступного деяния* (п. 3 ППВС РФ от 12.12.2023 № 43) [14, с. 100, автор главы Е. В. Журавлева]. Если видеозапись преступления сделана доступной для просмотра (телезрителями, пользователями сети Интернет и т. п.) после совершения данного преступления, это не есть *прекращение* преступления — ни демонстрируемого, которое уже завершено, ни какого-либо еще. Более того, открытие доступа к такой видеозаписи — это, скорее, только начало ее публичного показа.

Специфическим для демонстрации (в отличие от распространения) свойством считается синхронность (т. е. одновременность) действий субъекта демонстрации с восприятием контента зрителем [15, с. 125, 126]. Неслучайно резонансные факты публичной демонстрации умышленных преступлений, послужившие одним из аргументов в пользу принятия ФЗ № 218, имели место в прямом эфире. Если же признать, что публичная демонстрация преступления (а точнее — распространение информационных материалов о преступлении) может иметь место после его совершения, то в течение какого периода после окончания преступления — в пределах срока давности привлечения к уголовной ответственности? А если видеозапись процесса преступления (например, ст. 115, 116 УК РФ) выложена после истечения указанного срока? Казалось бы, в такой ситуации уголовная ответственность как субъекта демонстрируемого преступления, так и субъекта распространения видеозаписи невозможна (то же — если указанные действия совершены одним лицом). Но если признать демонстрацию (под которой понимать и распространение) видеозаписи неотъемлемой частью объективной стороны преступления, то отправным моментом для отсчета срока давности будет не день совершения преступления, которое было объектом съемки, а день размещения в открытом доступе видеофайла. Подобные вопросы свидетельствуют о том, что расширительное толкование нового квалифицирующего признака, т. е. признание публичной демонстрацией распространения соответствующих материалов (например, размещения в социальной сети, в файлообменнике и т. п. видеозаписи уголовно наказуемого деяния после его совершения), может повлечь определенные сложности в правоприменительной деятельности.

Вместе с тем трудно отрицать, что демонстрация преступного поведения общественно опасна независимо от того, имеет ли она место во время или после совершения преступления. Поэтому не лишено смысла введение в УК РФ отдельной нормы об ответственности за действия, представляющие собой демонстрацию умышленного преступления либо распространение видеоматериалов, на которых зафиксирован процесс совершения либо процесс и результат такого преступления. Данные действия могут представлять собой самостоятельные виды общественно опасного поведения (за некоторые из них ныне предусмотрена административная ответственность в ч. 12 ст. 13.15 КоАП РФ). Здесь налицо «точки соприкосновения» с такими уголовно наказуемыми деяниями, как публичные призывы к противоправной деятельности (см., например, ст. 205.2, 280, 280.1, 280.3, 280.4, 354 УК РФ), публичное оправдание (ст. 205.2 УК РФ) и пропаганда противоправного поведения (ст. 205.2, ч. 3 ст. 239 УК РФ). Публичная демонстрация умышленного преступления, а равно распространение видеозаписи процесса его совершения и результата либо только процесса (кроме случаев, указанных в п. 3 примечаний к ст. 13.15 КоАП РФ) общественно опасны сами по себе, поскольку обладают криминогенным потенциалом. Такие действия представляют собой вызов общественному порядку и общественной нравственности, создавая у зрителей ложное впечатление о допустимости преступного поведения (в том числе как способе заработка для блогеров), сме-

щая границы между нормой и девиацией; а при осознании факта демонстрации потерпевшим причиняют ему дополнительные нравственные страдания.

С учетом особенностей современной уголовной политики полагаем приемлемым и такой вариант, как криминализация указанных действий, совершенных лицом, подвергнутым административному наказанию по ч. 12 ст. 13.15 КоАП РФ. Однако в настоящее время диспозиция данной административно-правовой нормы изложена так, что не позволяет составить представление о том, изображение каких именно действий должна содержать распространяемая информация: «Распространение в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети „Интернет“, информации, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность, выражающей явное неуважение к обществу, содержащей *изображение действий с признаками противоправных, в том числе насильственных* (курсив наш. — Н. Е.), и распространяемой из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния». В выделенном курсивом фрагменте после слова «насильственных», по всей видимости, пропущено слово «деяний». Означает ли «распространение информации... распространяемой», что субъект данного правонарушения совершает противоправные действия с информацией, которая уже была кем-то распространена? И к чему относится оговорка «если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния» — к правонарушению, предусмотренному ч. 12 ст. 13.15 КоАП РФ, или же только к действиям, информация с изображением которых распространяется?

Как уже отмечалось, демонстрация означает публичный *показ*, а значит, немыслима без *изображения* (изображений) процесса совершения преступления либо процесса и результата преступного поведения. Показ может быть как со звуковым сопровождением, так и без такового, но нельзя говорить о показе при размещении в публичном пространстве только аудиозаписей (например, голосовых сообщений) или письменных сообщений, содержащих описание преступления.

По букве закона, публичная демонстрация преступления возможна не только в СМИ и ИТС (об их использовании законодатель упоминает «в том числе»). Иными словами, данный квалифицирующий признак следует вменять в любых случаях публичного совершения преступления, если виновный осознавал данное обстоятельство и, что важно, преследовал цель совершить преступление именно в такой обстановке. Указанная цель позволяет отличить преступление с данным признаком от такого же преступления, не сопряженного с публичной демонстрацией, хотя и совершенного в присутствии посторонних лиц.

4. *Что означает «публичность» демонстрации и чем публичная демонстрация отличается от непубличной?* К содержанию понятия «публичность» Пленум Верховного Суда РФ обращается в постановлении «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 28.10.2021) применительно к публичным призывам: «Вопрос о публичности призывов должен разрешаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела (обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, распространение обращений путем массовой рассылки сообщений абонентам мобильной связи и т. п.)» (абз. 3 п. 4 указанного постановления). Очевидно, что четкие критерии публичности в приведенном акте толкования права не приводятся. Аналогичный подход к пониманию публичности наблюдается и в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» от 9 февраля 2012 г. № 1 (ред. от 03.11.2016).

Содержание понятия «публичная демонстрация» раскрывается в ППВС РФ от 15.12.2022 № 37. По смыслу абз. 3 п. 22 данного постановления, публичная демонстрация материалов означает открытый *показ* либо предоставление неограниченному числу лиц возможности *просмотра* таких материалов без возможности самостоятельного их использования. Далее Пленум относит к публичной демонстрации «действия, совершенные в прямом эфире (в частности, на сайтах, позволяющих пользователям производить потоковое вещание, — стриминговых сервисах), а также состоящие в размещении запрещенной законом информации (материалов, сведений) на личных страницах и на страницах групп пользователей (в социальных сетях или на интернет-страницах)».

Ключевым для публичности признаком Пленум считает *возможность ознакомления с демонстрируемыми материалами неопределенного круга лиц* (если материалы доводятся до конкретных, индивидуально определенных лиц, демонстрация не имеет публичного характера). Исходя из этого,

публичная демонстрация преступления имеет место при совершении данного преступления заведомо для виновного в присутствии (реальном или виртуальном) лиц, не являющихся соучастниками данного преступления и (или) близкими виновного (т. е. в обстановке, противоположной приватной, в условиях очевидности), если субъект преступления осознает это обстоятельство и желает совершить преступление именно в такой обстановке.

5. *Должна ли публичная демонстрация преступления осуществляться только самим его субъектом (исполнителем), либо это может делать другое лицо (другие лица)?* Буквальное толкование уголовного закона позволяет признать возможными оба варианта. Если исполнитель преступления и субъект публичной демонстрации не совпадают, то какую роль в преступлении, совершенном с публичной демонстрацией, играет лицо (или лица, если их два или более), ведущее прямую трансляцию происходящего? Является ли данное лицо исполнителем (точнее, соисполнителем) или иным соучастником преступления, которое демонстрируется? Такое лицо (условно назовем его «оператор») ни полностью, ни частично не выполняет объективную сторону демонстрируемого преступления, а значит, не может считаться его соисполнителем. Из всех других видов соучастников (ч. 3, 4, 5 ст. 33 УК РФ), пожалуй, ближе всех данное лицо к фигуре пособника. Тем не менее вряд ли корректно считать это лицо пособником преступления, ведь, как уже подчеркивалось, публичная демонстрация относится к обстановке преступления, а не к его способу. Лицо, обеспечивающее такую обстановку, не оказывает тем самым содействие совершению преступления (не «вкладывается» в преступный результат), не выполняет ни одну из исчерпывающе предусмотренных в ч. 5 ст. 33 УК РФ функций пособника, а лишь доводит информацию об этом преступлении до широкого круга лиц.

П. С. Яни считает, что «оператор» выступает в качестве пособника демонстрируемого им преступления, поскольку осуществляет «содействие совершению преступления путем предоставления средств его совершения. При этом средствами будет признано как техническое устройство, так и программное обеспечение, с помощью которых лицо будет публично демонстрировать соответствующие материалы» [16]. Однако средства совершения преступления, хотя и не используются для непосредственного воздействия на предмет преступления или на потерпевшего (в отличие от орудий), все же должны облегчать процесс совершения преступного деяния [4, с. 467]. Обеспечение «прямого эфира» какому бы то ни было преступлению не упрощает совершение данного преступления. Поэтому ни техническое устройство, ни программное обеспечение не относятся к средствам совершения преступления (убийства, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью и т. п.).

Кем же тогда является упомянутое выше лицо (при условии, что его миссия ограничивается только онлайн-трансляцией преступления, совершаемого другим субъектом), какую роль в содеянном оно выполняет? Возможны следующие варианты уголовно-правовой оценки его действий: а) это все же соисполнитель преступления [17, с. 188; 11, с. 21], поскольку признак сопряженности основного преступления с его публичной демонстрацией расширяет пределы деяния в объективной стороне данного преступления; б) это пособник преступления, совершенного с публичной демонстрацией; в) действия данного лица не содержат состава преступления.

Первые два подхода небезупречны. Первый, чрезмерно репрессивный, позволяет в известной степени искусственно признать соисполнителями тяжких и особо тяжких преступлений лиц, которые совершают действия, несопоставимые по степени общественной опасности с такими преступлениями (совершать убийство совместно с другими лицами либо только снимать происходящее на камеру и выкладывать на всеобщее обозрение). Второй не согласуется с учением о соучастии и ч. 5 ст. 33 УК РФ, поскольку ни одно из перечисленных в данной норме действий такой субъект не выполняет. Об устранении препятствий при помощи стрима говорить не приходится: прямая трансляция преступления не упрощает, а, скорее, напротив — усложняет его совершение, делая очевидным для многих лиц (в том числе сотрудников правоохранительных органов) и повышая вероятность скорого разоблачения виновного и его задержания.

О соучастии «оператора» и других членов «съемочной группы» с исполнителем публично демонстрируемого преступления в этом преступлении можно вести речь только при выполнении указанными лицами, помимо съемки и трансляции, прямо предусмотренных в чч. 2—5 ст. 33 УК РФ ролей и наличии у всех соучастников (включая лицо, выполняющее объективную сторону преступления) умысла на публичную демонстрацию такого рода.

Третий вариант представляется самым верным с позиций действующего уголовного законода-

тельства, но сомнительным с точки зрения характера и степени общественной опасности содеянного.

6. *Чем обусловлен выбор составов преступлений, «нуждающихся» в анализируемом квалифицирующем (криминообразующем) признаке?* Почему одни составы «удостоены» этого, а другие нет, и суд вправе учесть данное обстоятельство лишь как отягчающее наказание? Исходя из содержания пояснительной записки к Проекту, можно предположить, что признак совершения деяния «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть „Интернет“)» появился в упомянутых нормах о преступлениях против жизни, здоровья, телесной неприкосновенности и свободы личности потому, что факты совершения именно таких преступлений в формате «треш-стримов» получили относительную распространенность. Круг так называемых «демонстративных» преступлений, в составах которых был бы уместен указанный квалифицирующий признак, гораздо шире [15, с. 126—127; 17, с. 188].

7. *Каково соотношение публичной демонстрации преступления с уже известными* признаками — совершением деяния в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или ИТС (включая сеть Интернет) (п. «д» ч. 2 ст. 110, п. «д» ч. 3 ст. 110.1, ч. 2 ст. 128.1, чч. 1, 3 ст. 137, п. «в» ч. 2 ст. 151.2 УК РФ), а также совершением деяния с использованием средств массовой информации либо ИТС, в том числе сети Интернет (см., например, п. «б» ч. 3 ст. 133, ч. 2 ст. 205.2, ч. 2 ст. 228.1, ч. 1.1 ст. 238.1, ч. 1.1. ст. 258.1, ч. 2 ст. 260.1, ч. 2 ст. 280, ч. 2 ст. 280.1, п. «в» ч. 2 ст. 280.4, ст. 282, ч. 2 ст. 354, п. «в» ч. 2 ст. 354.1 УК РФ)? Несмотря на большое сходство указанных признаков между собой, они не идентичны.

Признак совершения деяния «с публичной демонстрацией», как уже отмечалось, характеризует не способ, а обстановку совершения преступления.

В публичном выступлении могут совершаться лишь преступления, для которых характерен вербальный способ: например, доведение до самоубийства (путем угроз или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего); склонение к суициду или содействие ему, клевета, распространение сведений о частной жизни лица, вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего); в публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации — преступления, для осуществления которых также необходимо использование устной или письменной речи и (или) изображений.

При совершении деяния в публичном выступлении и т. д., а равно с использованием СМИ, публичность выступает в качестве *способа* совершения деяния, что при определенных условиях повышает его результативность, тем самым обусловливая более высокую степень его общественной опасности. Например, высказанные публично (в общей беседе в социальной сети) угрозы могут оказать более серьезное воздействие на психику потерпевшего при доведении до самоубийства или склонении к самоубийству. Незаконный сбыт наркотических средств, совершенный с использованием ИТС (к примеру, через Телеграм-канал), позволяет охватить более широкую аудиторию потенциальных приобретателей и (или) упростить обмен информацией между сбытчиком и приобретателем.

Кроме того, в отличие от публичной демонстрации, использование ИТС при совершении преступления необязательно имеет публичный характер (см., например, п. «б» ч. 2 ст. 150, п. «б» ч. 2 ст. 151 УК РФ).

Вместе с тем между рассмотренными похожими признаками составов преступлений тонкая грань, что может вызвать сложности в толковании и применении уголовного закона (в частности, при решении вопроса о возможности учета при назначении наказания нового отягчающего обстоятельства, если преступление было совершено в публичном выступлении, которое транслировалось в прямом эфире).

В научных публикациях избранная законодателем модель ужесточения ответственности за треш-стримы уже подвергалась критике. Предложение о дополнении статей Особенной части УК РФ рассмотренным квалифицирующим признаком оценивалось скептически, взамен предлагалась криминализация организации треш-стримов, их проведения или участия в них, а также их финансирования или оказания иного содействия их проведению [18, с. 202—210].

Представляется, что применительно к преступлениям, совершаемым с их публичной демонстрацией, следует различать так называемое *основное преступление* (понятие условное), которое транслируется, и его публичную демонстрацию как *производное деяние* (возможно, в перспективе — самостоятельное преступление), которое находится за рамками деяния в основном преступле-

нии. Перечисленные выше действия (организация треш-стримов, их проведение, содействие им, в том числе их финансирование — кроме непосредственного участия в треш-стримах) можно было бы квалифицировать по гипотетической самостоятельной статье Особенной части УК РФ со ссылками на чч. 3, 4 или 5 ст. 33 УК РФ, поскольку поведение лиц, совершающих подобные деяния, представляло бы собой соучастие в указанном производном преступлении.

Критически следует оценить вывод о сходстве треш-стримов с преступлением, предусмотренным ст. 282 УК РФ, и основанное на этом предложение о дополнении данной статьи частью 3 — об унижении достоинства человека с применением насилия или угрозой его применения, совершенном публично с использованием сети Интернет (в качестве обязательных признаков субъективной стороны рассматриваются хулиганские побуждения, корыстная цель) [19, с. 91; 20, с. 139]. Как показывает практика, мотивы треш-стримеров могут быть далеки от экстремистских; цель возбуждения ненависти или вражды либо унижения достоинства по признакам принадлежности потерпевшего к определенной расе, национальности и пр., перечисленных в диспозиции ч. 1 ст. 282 УК РФ, также может отсутствовать. Присущие треш-стримам хулиганские побуждения и (в особенности) цель извлечения материальной выгоды также свидетельствуют об ошибочности отнесения таких деяний к преступлениям экстремистской направленности.

Заслуживает внимания предложение, согласно которому, помимо самой публичной демонстрации преступного деяния, квалифицирующим признаком ряда преступлений необходимо признать совершение деяния «с использованием технических средств аудиовизуальной фиксации процесса совершения деяния с целью распространения или публичной демонстрации полученных материалов» [15, с. 127]. Остается открытым вопрос о перечне преступлений, совершение которых с данным признаком должно признаваться основанием для ужесточения типовой санкции. Такой путь едва ли оптимален, поскольку связан с необходимостью обоснования изменения оценки типовой степени общественной опасности (в сторону ее повышения) многих преступлений, совершаемых с указанным признаком. Неудобен он и с точки зрения законодательной техники, так как предполагает изменение редакций значительного количества статей Особенной части УК РФ.

Все изложенное выше позволяет сделать вывод о некоторой поспешности и недостаточной продуманности решения о введении в уголовный закон рассмотренного квалифицирующего (криминообразующего) признака и одноименного обстоятельства, отягчающего наказание. На поставленные в настоящей статье вопросы должны быть даны ответы в официальных разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

В перспективе считаем целесообразным исключить из статей Особенной части УК РФ указание на данный признак состава преступления, оставив его в перечне обстоятельств, отягчающих наказание, и ввести в главу о преступлениях против общественной безопасности[1] самостоятельную статью об ответственности за *публичную демонстрацию процесса совершения умышленного преступления и за распространение таких материалов, совершенное из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений* (в норме примечания к статье УК РФ по аналогии с п. 3 примечаний к ст. 13.15 КоАП РФ указать, в каких случаях данный состав отсутствует). Субъектами публичной демонстрации в данном составе должны признаваться лица, не участвующие в совершении «основных» преступлений; субъектами распространения материалов — любые лица. Местом расположения предложенной нормы должна стать именно глава 24 УК РФ, так как при публичной демонстрации не просто аморального, а преступного поведения, а равно распространении указанных материалов разрушение нравственных устоев общества выступает лишь промежуточным этапом посягательства на безопасность социума как состояние его защищенности от уголовно наказуемых деяний.

Предложенная законодательная конструкция не потребует использования «перечневого» подхода (т. е. перечисления в диспозиции указанной нормы всех статей об умышленных преступлениях, которые публично демонстрируются, либо видеозаписи которых распространяются).

Одновременно с этим необходимо устранить отмеченные выше ошибки в диспозиции ч. 12 ст. 13.15 КоАП РФ.

[1] Именно общественная безопасность и общественный порядок считаются в пояснительной записке к Проекту дополнительным объектом преступлений, совершаемых с публичной демонстрацией.

1. Баландин А. Л. Новеллы УК РФ в части обстоятельств, отягчающих наказание // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 11. URL: https://research-journal.org/archive/11-149-2024-november/10.60797/IRJ.2024.149.17?ysclid=mg6doerknt195967806#review (дата обращения: 03.09.2025).

2. Григорьев В. Н., Терехов А. Ю. Об усилении уголовной ответственности создателей треш-стримов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 2. С. 36—40.

3. Букалерова Л. А., Остроушко А. В., Криез О. Преступления против информационной безопасности несовершеннолетних, совершаемые посредством информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2021. Т. 12, вып. 1. С. 17—35.

4. Энциклопедия уголовного права. Т. 4: Состав преступления. Санкт-Петербург: Изд. проф. Малинина, 2005. 797 с.

5. Пестерева Ю. С., Тимошенко С. Е. Уголовно-правовые, криминологические, криминалистические аспекты публичной демонстрации преступлений против личности в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 4. С. 596—608.

6. Большой толковый словарь русского языка / общ. ред. С. А. Кузнецова. 2000. URL: https://gramota.ru/poisk?query=%D0%B4%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C&mode=slovari&dicts[]=42&ysclid=m6qm9vgn64957308507 (дата обращения: 04.12.2025).

7. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Москва: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. URL: https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp (дата обращения: 04.12.2025).

8. Абрамян С. К. Проблемные аспекты ужесточения ответственности за треш-стримы в Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 2. С. 61—64.

9. Левандовская М. Г. Условия применения единообразного подхода к конструированию квалифицирующего признака публичной демонстрации совершения преступлений против личности // Юридическая наука. 2024. № 10. С. 263—267.

1. Balandin A. L. Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation in terms of circumstances that aggravate punishment. International Research Journal, 2024. Available from: https://research-journal.org/archive/11-149-2024-november/10.60797/IRJ.2024.149.17?ysclid=mg6doerknt195967806#review. Accessed: 3 September 2025. (In Russ.).

2. Grigoriyev V. N., Terekhov A. Yu. On strengthening the criminal responsibility of the creators of trash streams. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 36—40, 2021. (In Russ.).

3. Bukalerova L. A., Ostroushko A. V., Kriez O. Crimes against the information security of minors committed through information and telecommunication networks (including the Internet). Vestnik of Saint Petersburg University. Law, 17—35, 2021. (In Russ.).

4. Encyclopedia of Criminal Law. Vol. 4. Body of the crime. Saint Petersburg: Publishing house of professor Malinin; 2005: 797. (In Russ.).

5. Pestereva Yu. S., Timoshenko S. Ye. Criminal-legal, criminological, and criminalistic aspects of the public manifestation of crimes against the person on the Internet. Siberian Law Review, 596—608, 2024. (In Russ.).

6. The comprehensive explanatory dictionary of the Russian language. Red. by S. A. Kuznetsov 2000. Available from: https://gramota.ru/poisk?query=%D0%B4%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C&mode=slovari&dicts[]=42&ysclid=m6qm9vgn64957308507. Accessed: 4 December 2025. (In Russ.).

7. Dictionary of the Russian language. In 4 vols. Red. by A. P. Yevgeniyeva. 4th ed., repr. Moscow: Russian language; Polygraphresources; 1999. Available from: https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp. Accessed: 4 December 2025). (In Russ.).

8. Abramyan S. K. Problematic aspects to make responsibility for trash streams more serious in the Russian Federation. Humanities, social-economic and social sciences, 61—64, 2024. (In Russ.).

9. Levandovskaya M. G. Conditions for applying a uniform approach to developing / constructing a qualifying feature for public manifestation of the commission of crimes against the person. Legal science, 263—267, 2024. (In Russ.).

10. Шкеле М. В., Кузнецова Н. И. Уголовная ответственность за публичную демонстрацию преступлений против животных в сети «Интернет» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1. С. 97—100.

11. Бульбачева А. А., Котяжов А. В. Проблемы уголовно-правовой квалификации «публичной демонстрации» преступления как обстоятельства, отягчающего уголовную ответственность // Полицейская деятельность. 2025. № 3. С. 17—23.

12. Кисин В. Р., Попугаев Ю. И. О коллизии (конкуренции) норм, предусматривающих административную и уголовную ответственность, и способы ее разрешения // Научный портал МВД России. 2013. № 2. С. 79—88.

13. Ораздурдыев А. М. Понятие единого преступления в уголовном праве // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2017. Т. 2, № 4. С. 190—208.

14. Энциклопедия уголовного права. Т. 2: Уголовный закон. Санкт-Петербург: Изд. проф. Малинина, 2005. 847 с.

15. Гребеньков А. А. Интернет-трансляция совершения преступления в российском уголовном законодательстве и судебной практике // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2022. № 1. С. 121—128.

16. Яни П. С. Совершение преступления с публичной демонстрацией в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях // Законность. 2025. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

17. Шевелева С. В., Михайлова О. Г. Совершение преступления с публичной демонстрацией как новелла уголовного законодательства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». 2025. № 15 (2). С. 182—191.

18. Грачева Ю. В., Маликов С. В. Треш-стрим: социальная обусловленность криминализации // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 6. С. 202—210.

19. Полунина Е. Н., Антонова А. В. Проблемы законодательного регулирования ответственности за «треш-стрим» в Интернете // Закон и право. 2021. № 3. С. 90—91.

20. Рахманова Е. Н., Берестовой А. Н., Цветков П. В. Треш-стрим — форма сетевой агрессии: уголовно-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1. С. 137—143.

10. Shkele M. V., Kuznetsova N. I. Criminal responsibility for public manifestation of crimes against animals in the Internet. Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii, 97—100, 2018. (In Russ.).

11. Bulbacheva A. A., Kotyazhov A. V. Problems of criminal legal qualification of "public manifestation" of a crime as a circumstance that aggravates criminal responsibility. Police Activity, 17—23, 2025. (In Russ.).

12. Kisin V. R., Popugayev Yu. I. On the conflict of norms providing for the administrative and criminal responsibility, and means to solve it. Scientific portal of the Ministry of the Interior of Russia, 79—88, 2013. (In Russ.).

13. Orazdurdyyev A. M. Concept of uniform crime in the criminal law. Vestnik of Volzhsky University named after V. N. Tatishchev, 190—208, 2017. (In Russ.).

14. Encyclopedia of Criminal Law. Vol. 2. Criminal law. Saint Petersburg: Publishing house of professor Malinin; 2005: 847. (In Russ.).

15. Grebenkov A. A. Webcast of a crime in the Russian criminal legislation and judicial practice. Herald of Tver State University. Series: Law, 121—128, 2022. (In Russ.).

16. Yani P. S. Committing a crime with public manifestation in the mass media or information or telecommunication networks. Legality, 2025. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". Access mode: for registered users.

17. Sheveleva S. V., Mikhailova O. G. Committing a crime with public manifestation as a novel in criminal legislature. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 182—191, 2025. (In Russ.).

18. Gracheva Yu. V., Malikov S. V. Trash stream: social conditioning of criminalization. Topical problems of Russian law, 202—210, 2021. (In Russ.).

19. Polunina Ye. N., Antonova A. V. Issues of legislative regulation of responsibility for "trash stream" on the Internet. Legality and Law, 90—91, 2021. (In Russ.).

20. Rakhmanova Ye. N., Berestovoy A. N., Tsvetkov P. V. Trash stream as a form of online aggression: a criminal legal analysis. Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii, 137—143, 2023. (In Russ.).

Егорова Наталья Александровна,
профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
egonatalex@yandex.ru

Yegorova Nataliya Aleksandrovna,
professor at the criminal law department
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
egonatalex@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 15.01.2026; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 12.01.2026; approved after reviewing 15.01.2026; accepted for publication 16.02.2026.

* * *

УДК 343.24

СУЩНОСТЬ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПЕНОЛОГИИ И ДОКТРИНЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Константин Викторович Корсаков
Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, korsakovekb@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме сущности уголовного наказания как сложного социально-правового феномена, относящейся к центральным, фундаментальным и наиболее сложным в пенологии и уголовно-правовой теории. Рассмотрены сформировавшиеся и превалирующие в юридической науке подходы к определению сущности уголовного наказания, произведен их критический научный анализ.

Обосновывается, что сущностью уголовного наказания является возмездие, а его смыслом (предназначением) выступает охрана общества от преступных посягательств.

Автором подчеркивается, что возмездная суть связывает уголовное наказание с идеалами справедливости, а также с философской категорией меры, указывает на то, что за преступлением должно следовать соразмерное наказание, т. е. соответствующее ему по мере воздействия на виновного.

В публикации констатируется, что присутствующий в уголовном наказании принцип возмездия позволяет учесть, уравновесить и сбалансировать интересы всех сторон уголовно-правовых отношений: государства, потерпевшего и преступника, — гарантируя всем, что последний не будет наказан ни слишком мягко, ни излишне строго.

Ключевые слова: уголовное наказание, современная пенология, сущность уголовного наказания, уголовная ответственность, возмездие, осуждение, кара, борьба с преступностью

Для цитирования: Корсаков К. В. Сущность уголовного наказания в современной пенологии и доктрине уголовного права // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 1 (76). С. 41—50.

THE ESSENCE OF CRIMINAL PUNISHMENT IN ACTING PENOLOGY AND IN THE DOCTRINE OF CRIMINAL LAW

Konstantin Victorovich Korsakov
Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, korsakovekb@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the issue of the essence of criminal punishment as a complex social and law phenomenon related to central, fundamental and more complex one in penology and theory of criminal law. The developed and prevailing law approaches to the definition of the essence of criminal punishment are considered, and their critical scientific analysis is carried out.

It is argued, that criminal punishment is based on retribution, and its purpose is to protect society from criminal intrusions.

The author emphasizes that the retribution essence links criminal punishment to ideals of justice as well as with a philosophical category of measure; it points that crime should be punished according to the measure to influence the perpetrator.

The article states that the principle of retribution in criminal punishment gives an opportunity to consider and to balance the interests of all parties to criminal law relations: the state, the victim and the perpetrator; it guarantees everyone that punishment for the latter one will be neither too minor, not too severe.

Keywords: criminal punishment, acting penology, essence of criminal punishment, criminal responsibility, retribution, conviction, punishment, fight against crime

© Корсаков К. В., 2026

For citation: Korsakov K. V. The essence of criminal punishment in acting penology and in the doctrine of criminal law. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 41—50. (In Russ.).

Неуменьшающиеся масштабы использования уголовного наказания, возросшая потребность в нем и значительная роль последнего в системе правового регулирования актуализируют изучение правовых граней уголовного наказания — доктринальную разработку аспектов, связанных с его содержанием, сущностью, формой, целями, качествами, особенностями и понятием как фундаментальной и стержневой юридической категории, правового института, занимающего наряду с преступлением центральное место в уголовном праве.

Традиция рассмотрения наказания в узком (тесном), т. е. строго юридическом значении и широком (внеправовом) восходит еще к пенологическим учениям XVIII—XIX вв. (французский юрист Ж.-Р. Гарро в конце XIX в. относил изучение первого к науке уголовного права «в тесном смысле» (droit criminel), а второго — к уголовной социологии (sociologie criminelle), называя обе двумя ветвями уголовного права [1, с. 4—11]). В самом широком, неюридическом смысле наказанием можно считать абсолютно все негативные последствия для преступника, порожденные его преступным деянием: и угрызения совести (так называемое самонаказание), и гнетущее чувство стыда, и общественное неодобрение (порицание, недоверие, бойкотирование и др.) — моральное наказание, причем последнее в целом ряде случаев оказывается более ощутимым и растянутым во времени, нежели юридическое. Так, вернувшиеся в их родные села и деревни после отбытия сверхдлительных сроков лишения свободы за преступления в годы Великой Отечественной войны (предатели Родины, коллаборационисты, полицаи, приспешники фашистов и пр.) до конца жизни подвергались избеганию в общении, презрительному, крайне неуважительному отношению и иным интенсивным видам морального осуждения со стороны их односельчан. Заметим, что в повседневности слово «наказание» применяется в еще более широком значении — не только как последствие деликта, нарушающего закон деяния, но и как любая расплата за злое, вредное или отрицательное поведение, включая различного рода пороки: лень, жестокость, расточительство, распутство, жадность, глупость и т. п., причем источником такого наказания может быть не только общество, но и природа, и организм человека — они могут «отплатить» людям болезнями, смертью и разнообразными несчастьями, катаклизмами и бедствиями.

Слово «наказание» традиционно используется по отношению к некоторым мерам воспитательного воздействия на детей — так называемое внутрисемейное (родительское, отцовское) наказание. У российских ученых-правоведов XX в. практика телесных семейных наказаний не вызывала возражений — на тот момент она была легализована. Так, А. Д. Любавский не видел в ней ничего зазорного, неприличного и вредоносного, но предлагал «право родителей наказывать телесно своих детей ограничить достижением сими последними 16-летнего возраста для женщин и 18 л. для мужчин; за нарушение же сего правила предавать родителей суду уголовному» [2, с. 36]. Эти принудительные меры как применяющиеся за нарушения дисциплины можно относить к наказанию в его широком смысле, к видам социального наказания (наряду с религиозными (церковными), корпоративными, «школьными» и др.), однако они лишены свойств и качеств, присущих правовому наказанию, так как следуют не за правонарушения — наоборот, практикующие их сами в ряде случаев могут подвергнуться за это юридическому (уголовному или административному) наказанию, причем ООН настаивает на полном запрете телесных наказаний в семье как формы физического насилия, мотивируя это наносимым вредом для психического и физического здоровья детей. Не связанные с телесными наказаниями меры воспитательно-педагогического воздействия, о которых ведется речь, важны для заложения мировоззренческих основ будущего правомерного социального поведения: они формируют и закрепляют у детей чувство ответственности, понимание последствий отрицательного поведения и отношение к наказанию как к надлежащему и справедливому. Необходимость наказаний в деле детского воспитания признавалась А. С. Макаренко, однако при этом он весьма мудро предостерегал: «Наказание — очень трудная вещь; оно требует от воспитателя огромного такта и осторожности...» [3, с. 39]. На формы дрессировки и общения с животными также часто распространяют слово «наказание», однако в этом присутствует условность — животные не способны испытывать чувства вины, стыда, раскаяния, сожаления и т. д., так как у них отсутствует абстрактное мышление и они не мыслят категориями этики и морали, не могут оценивать

свои действия и понимать, что совершили нечто плохое и неправильное (как гласит фламандская пословица: «Wolven kunnen bang, achtervolgen en gedood worden, maar niet gestraft» — «Волков можно пугать, травить и убивать, но не наказывать»).

Уголовное наказание является разновидностью правового (юридического) наказания, еще более общим по отношению к нему является такое понятие, как санкция — мера воздействия, применяемая к правонарушителю либо к стороне, нарушившей договор; уголовное наказание относится к разряду уголовно-правовых санкций, налагаемых по решению суда. Вместе с тем термин «санкция» имеет еще одно значение — структурного элемента правовой нормы, указывающего на неблагоприятные последствия для правонарушителя. Согласно точному описанию А. И. Чучаева, «санкция — это определенная модель меры государственно-принудительного воздействия, характеризующаяся качественно-количественными признаками» [4, с. 67]. В логической структуре (внутреннем строении) уголовно-правовой нормы санкция содержит описание уголовных наказаний, которые суд может применить по отношению к преступнику.

Правовая сущность уголовного наказания стала предметом научного изучения давно, однако вопрос о ней до сих пор не получил своего окончательного разрешения вследствие обилия разнящихся сформулированных исследовательских мнений и точек зрения, каждая из которых, на наш взгляд, достойна внимания и имеет право на существование. Между тем без точного установления сущности уголовного наказания как элемента правовой реальности невозможно верно обозначить и охарактеризовать его содержание, свойства, цели, функции, отличительные черты, назначение и роль в юриспруденции и социальной жизни, а также структурировать его понятие и дать последнему точное описание — определение (дефиницию). Научные знания о внутренних и внешних характеристиках уголовного наказания представляют большое значение для выработки и успешной реализации не только уголовно-правовой, но и криминологической политики государства, так как ее главным направлением является деятельность по предупреждению преступлений, а уголовное наказание выступает средством предупреждения совершения новых преступлений и преследует соответствующую закрепленную в законодательстве цель.

Действующая российская уголовная кодификация в ч. 1 ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) достаточно кратко описывает уголовное наказание как «меру государственного принуждения, назначаемую по приговору суда». Далее в статье содержится указание, что «наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица». Очевидно, что это определение относится к классу формальных — оно проясняет объем определяемого понятия, но не раскрывает в полной мере его сущность, характер и особенности, что вполне логично: такую функцию выполняют доктринальные (теоретические) дефиниции. Отсылка к процессуальной форме назначения уголовного наказания — приговору суда — разграничивает уголовное наказание с другими видами наказания, на которые распадается его родовое понятие, включая административные наказания, назначаемые посредством постановлений, а не приговоров. В то же время решение вышестоящего по отношению к первой инстанции суда, в котором изменяется уголовное наказание, может носить наименование «определение», а решение суда о замене одного вида наказания на другой в случае злостного уклонения от его отбывания носит название «постановление», согласно нормам ч. 7 ст. 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ). Важно и то, что по приговору суда могут назначаться не только наказания, но и другие меры государственного принуждения, в частности, иные меры уголовно-правового характера: они, так же как и наказание, связаны с лишением и ограничением прав личности и тоже попадают под определение, закрепленное в законе. Заметим, что в приведенной статье, равно как и в других статьях УК РФ, используется слово «наказание» вместо слов «уголовное наказание», тогда как в посвященной целям административного наказания ст. 3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее — КоАП РФ) и иных статьях этого федерального закона употребляется сочетание слов «административное наказание» (в действовавшем ранее КоАП РСФСР от 20 июня 1984 г. меры административной ответственности обозначались словами «административное взыскание»), что дало повод многим российским авторам указать на необходимость согласования и упорядочения правовых норм путем внесения изменений в УК РФ в части замены слова «наказание»

на словосочетание «уголовное наказание» [5, с. 15]. Примечательно, что в связи с обозначенными терминологическими новеллами ученые-административисты усилили разработку вопросов наказания, опираясь при этом на уголовно-правовые знания.

Суждения и доводы о том, что уголовное наказание по своей сути прежде всего является *принуждением*, не раз высказывались в научной доктрине. Например, в речи, произнесенной на торжественном собрании Демидовского лицея, А. П. Чебышев-Дмитриев отметил: «Принуждение, как следствие противозаконного деяния, есть в тоже время наказание, то есть зло, заслуженное преступником, потому что он сам навлек его на себя своим противозаконным действием» [6, с. 73]. Однако принуждение не относится к сущности уголовного наказания, оно лишь говорит о том, что наказание осуществляется против воли преступника, как и иные средства принудительного порядка, используемые государством, например, меры пресечения. Полагаем, что принуждение правильно относить к выражению вовне, к форме наказания, так как оно с момента своего появления и до текущего времени выступает одной из форм общественного принуждения (в настоящий период — исключительно государственного правового принуждения); это его внешнее состояние, т. е. оболочка, форма (от лат. forma — внешний, наружный вид): по отношению к виновным наказание имеет форму принуждения, оно применяется государством и выражается внешне в виде направленного на преступника принудительного акта (действиях, осуществляемых против его воли, в условиях игнорирования его волеизъявлений).

Являясь формой, в которую уголовное наказание облекается и предстает перед нами, принуждение также не может составлять ни содержание, ни функцию, ни цель, ни идейный смысл уголовного наказания (таковым принуждение считал В. В. Есипов, рассматривавший уголовное наказание одновременно как средство социального принуждения и как меру помощи). Рассуждая о принуждении, наряду с внешней формой уголовного наказания как меры принудительного воздействия на нарушителя вопреки его воле и желания следует выделить еще один аспект, относящийся к признакам (качествам) наказания, — принудительное (общеустрашающее) свойство уголовного наказания, которое заключается в том, что уже само его присутствие в общественной жизни, сама угроза его применения оказывают воздействие на сознание и волю людей и *принуждают* их воздерживаться от криминального поведения, не совершать преступления и исполнять обязанность соблюдать закон — выделяемую некоторыми учеными-правоведами так называемую позитивную (перспективную) уголовную ответственность. В такой плоскости принуждение выступает способом обеспечения соблюдения правовых норм. Некоторые специалисты находят возможным выделить и третий аспект принуждения — они не только в карательно-предупредительном характере, но и в принудительном качестве уголовного наказания усматривают наличие частно-превентивной функции: обнаруживают в нем *принуждение* (подталкивание) осужденного к осознанию и признанию собственной вины и недопустимости противозаконного поведения для того, чтобы он не допускал совершения новых преступлений в будущем.

Е. В. Курочка, считая, что принуждение является содержанием уголовного наказания, сделала замечание: «А. И. Марцев, раскрывая содержание наказания, утверждает, что „уголовное наказание представляет собой совокупность ограничений, которые государство устанавливает для осужденных, реализация которых обеспечивается государственным принуждением“. Вызывает сомнение тезис о том, что реализация установленных для осужденных ограничений обеспечивается государственным принуждением. Как нами установлено выше, лишения и ограничения прав и свобод выступают содержанием принуждения. Получается, что принуждение обеспечивается принуждением, что лишает вышеприведенное утверждение логического смысла» [7, с. 37]. Однако никакой логической ошибки тут не имеется, А. И. Марцев абсолютно прав в своих выводах: в содержательном отношении (под содержанием мы понимаем общность тех элементов и частей, которые образуют внутреннее строение, композицию явления) уголовное наказание составляют ограничения и лишения, а не принуждение, для того чтобы реализовать эти карательные компоненты наказания, последнее должно быть принудительным по своей форме (содержание и форма явления, как известно, всегда находятся в диалектическом единстве и не существуют одно без другого) — т. е. являться противостоящей воле осужденных репрессивной акцией, заставляющей их претерпеть, испытать данные лишения и ограничения. Выполняя такую миссию, уголовное наказание выступает в качестве одного из форматов использования государством метода принуждения в случаях, когда другой не менее важный метод социального управления — метод убеждения — не сработал.

Поскольку меры государственного принуждения, применяемые в отношении лица, совершившего преступление, образовывают в содержательном плане такую разновидность юридической ответственности, как уголовная, а наказание самым непосредственным образом связано с ответственностью (введший этот термин в научный оборот шотландский философ А. Бэн понимал его как «наказуемость», а в западноевропейских системах уголовного права вместо научного термина «уголовная ответственность» используется именно это понятие — «наказуемость»), обязанностью отвечать за свои действия и бездействие, применительно к юридическим характеристикам уголовного наказания будет правильным и обоснованным рассматривать наказание не только как меру (форму) принуждения со стороны государства, но и как меру уголовной ответственности (в качестве установленной государством меры ответственности административное наказание рассматривается в КоАП РФ, что соответствует нашим выводам) как одну из основных форм реализации последней; такой подход, как известно, является традиционным для отечественной теории уголовного права. Уголовное наказание подразумевает ответственность, хотя последняя не сводима к одному лишь нему, так как значительно шире по объему; в механизме реализации уголовной ответственности наказание выступает ключевым звеном, играет ведущую роль и является в нем своеобразным «центром тяжести». Принудительность уголовного наказания также напрямую связана, обусловливается и проистекает из такого базового способа правового регулирования, как директивный (императивный), при котором одна сторона должна подчиняться обязываниям и требованиям другой, регулирующей стороны.

Известные ученые-правоведы и пенологи (К. Л. фон Бар и др. [8, с. 311—312]) полагали, что сущность наказания заключается не в принуждении, а в *порицании* (осуждении) со стороны социума какого-либо поведения, расходящегося с законом. Возмездие (воздаяние) при этом они часто относили к одной из целей наказания, характеризуя его как «погашение» или «зачет» совершенного преступником зла. Однако порицание (его смысл наиболее емко отображен в таких известных истории права средствах воздействия (включая виды уголовных наказаний) на нарушителя, как замечание, выговор, пристыжение, предупреждение, публичное осуждение, расклеивание и опубликование приговора (в начале XX в. использовались как уголовное наказание, «другая мера» или как мера социальной защиты, в наши дни продолжают использоваться в Ираке, Ливане, Швейцарии и Сирии, в виде дополнительного наказания опубликование приговора закреплено в п. 3 a, b ст. 9 УК Нидерландов), общественное порицание (наиболее мягкий вид уголовного наказания по УК РСФСР 1960 г.) и т. д.) — это лишь выражение неодобрения, критики, укоризны, т. е. открытое, внешнее проявление отрицательного мнения об определенном поведении. Эта внешняя негативная оценка не только лишена каких-либо параметров (она неделима и выражает лишь отношение людей к конкретному человеческому поступку), но и не предусматривает никаких активных (карательных, принудительных) действий (так же, как похвала, являющаяся антонимом порицания, в отличие от награды, являющейся антонимом наказания) и не лишает либо ограничивает права преступника (элемент вторжения в сферу правовых благ присущ любому уголовному наказанию), и поэтому относится прежде всего к средствам морального, психологического и воспитательного плана, а не к уголовной репрессии. Важно и то, что это отношение к определенному поведению базируется на нравственных воззрениях и установках, и возможны ситуации, когда какое-либо преступление (по мотиву милосердия, альтруизма и т. п.) не вызовет никакого порицания со стороны общественности, тогда как, будучи объективно противоправным и противозаконным, оно повлечет осуждение и наказание со стороны государства. Порицание как способ воздействия уместно на практике только за малозначительные нарушения норм с низкой степенью общественной опасности, к которым относятся административные деликты (поэтому КоАП РФ содержит такой вид административного наказания, как предупреждение), дисциплинарные нарушения и акты аморального поведения. В связи с этим не только стремления свести уголовное наказание исключительно к порицанию, но и высказывающиеся иногда предложения вернуть в отечественное уголовное законодательство общественное порицание как вид уголовного наказания мы считаем неоправданными; думается, тут нужно идти другим путем — не отличающиеся заметной общественной опасностью преступления, за которые, как считают некоторые исследователи, может быть применено общественное порицание, следует переводить в разряд административных правонарушений и налагать за них административные наказания.

Суть правового порицания и осуждения заключается в публичном (от лица общества и от имени

государства) выражении мнения о недопустимости, неприемлемости проступка, в его официальной, делающейся в рамках уголовного правосудия негативной нравственно-политической оценке — все это достигается самим фактом признания судом человека виновным в преступлении (этому деянию отрицательная оценка дается не только судом — она также дана государством посредством его криминализации в уголовном законодательстве), формальным и публичным объявлением его преступником в судебном порядке. Данные знаменательные и морально окрашенные юридические процедуры вполне возможны без назначения уголовного наказания по их итогу (в случаях применения иных мер уголовно-правового характера, принудительных мер воспитательного воздействия, освобождения от наказания, амнистии т. д.). Многие ученые (Н. М. Кропачев, В. С. Прохоров, А. Н. Тарбагаев и др. [9, с. 170]) осуждение (порицание) со стороны государства небезосновательно называют сущностью уголовной ответственности, а не уголовного наказания, к которому уголовную ответственность они не сводят и с ним не отождествляют, как это делал правовед О. Э. Лейст. В современной российской уголовно-правовой науке существует разнящаяся с подходами А. М. Рейтборт, писавшей, что «наказанием выражается от имени государства отрицательная оценка преступлению и лицу, его совершившему» [10, с. 13], точка зрения (А. В. Каленых, А. Н. Наумов и др.) о том, что отрицательная оценка со стороны государства (порицание) сохранится и будет иметь место не только при освобождении от наказания, но и при освобождении судом от уголовной ответственности — на это будет указывать сам факт признания подсудимого совершившим преступное деяние. Среди ученых, акцентирующих внимание при изучении феномена наказания на порицании, часто высказывается мнение, что наказание (его назначение, исполнение) позорит осужденного [11, с. 17]. Мы считаем, что это не так: позорит человека не уголовное наказание, а то преступление, которое он совершил и за которое он получил наказание; времена позорящих наказаний давно прошли, и они являют собой позорную страницу истории пенитенциарной практики — уголовное наказание в современном цивилизованном обществе не направлено на посрамление и не может ассоциироваться с позором, афронтом или бесчестьем.

В доктринальных попытках верно охарактеризовать сущность уголовного наказания нередко присутствовал вывод, что наказание является *страданием* (П. Росси определял уголовное наказание не иначе как страдание, П. Д. Калмыков и А. Ф. Кистяковский также помещали страдание в их понятия уголовного наказания, а С. П. Мокринский описывал его как акт принуждения к страданию). Заметим, что наказание само по себе не является страданием: оно выступает принудительным воздействием на личность, которое причиняет страдание. Тем не менее страдание, вопреки мнению А. Е. Якубова [12, с. 21], не может быть отнесено и к целям использующегося в наши дни наказания. Дело не только в том, что основанный на международных стандартах прав человека и закрепленный в ст. 7 УК РФ принцип гуманизма исключает постановку перед наказанием целей причинения физических страданий или унижения человеческого достоинства — цель причинения страдания характерна для мести, расправы, а современное уголовное наказание, как явление гораздо более высокого порядка (в связи с этим в своих выступлениях и интервью П. В. Крашенинников не раз кратко и метко подчеркивал: наказание — это не месть [13, с. 8]), не преследует цель выместить гнев на преступнике и удовлетвориться его страданиями; выражая идеалы справедливости и полезные социальные мотивы, оно ставит совсем другие, цивилизованные цели.

Страдание правильнее рассматривать в качестве сопутствующего эффекта или сопровождающего кару обстоятельства, хотя не каждое уголовное наказание вызывает страдание: существуют и такие наказания (штраф и пр.), которые к страданиям (физической либо нравственной боли, мучениям) в большинстве случаев не приводят, а порождают чувство досады (неудовольствия, огорчения, раздражения и пр.) или не вызывают никаких значительных неприятных эмоций, и даже очень суровое уголовное наказание может не породить у некоторых преступников страдание (для представителей отдельных общественных групп (деградантов, пауперов, бездомных и пр.) пребывание в пенитенциарных заведениях в целом ряде случаев оказывается предпочтительнее нахождения на свободе). В то же время без пресловутого «страдательного» эффекта карательная деятельность потеряет свою логику и смысл. Так как страдание относится к сферам человеческих чувств и ощущений, нельзя не согласиться с польским правоведом, профессором Вильнюсского университета Б. Врублевским, говорившем о правильности определения строгости наказания не только его содержанием, но и его восприятием наказываемыми, которое «зависит от большого числа

индивидуальных качеств: пола, возраста, здоровья, образования, воспитания, интеллекта и др.» [14, с. 108]. Безусловно, уголовное наказание следует связывать с личным, субъективным восприятием преступником карательного наполнения наказания, которому он подвергается, однако если признать страдание сущностью или содержанием уголовного наказания, то получится, что преступник, отбывший, к примеру, лишение свободы и не испытавший при этом страданий, не был подвергнут наказанию. Заметим, что исследовательский ракурс, низводящий наказание до тривиальных страдания, боли и мучения, в науке сохраняется: так, известный криминолог-аболиционист Н. Кристи процесс назначения уголовных наказаний называл не иначе как «раздача боли» [15, с. 26].

Несмотря на то что понятие «зло» относится к этике, а не к праву, многие видные юристы (А. Фингер и др. [16, с. 342]) обозначали сущность, характер либо природу наказания именно как *зло* (хотя эта категория гораздо более приложима к преступлению, нежели к наказанию), что, по нашему мнению, неверно: уголовное наказание не может описываться с помощью указанной категории морали, характеризующей исключительно негативные нравственные ценности, так как оно — не безнравственное, а морально одобряемое средство достижения блага, мира, добра и пользы как для всего общества, так и для самого преступника: потому что наказание выступает средством исправления, нравственного исцеления и морального совершенствования последнего, оно предоставляет ему возможность реабилитироваться в глазах общественности и объективно нацелено и рассчитано на хорошие, положительные изменения его личности (даже если сам он может относиться к нему как к некому злу и насилию).

В утверждении справедливости, защите общественных ценностей и благ и достижении других моральных целей аморальные средства попросту недопустимы. В феномене уголовного наказания зла не больше чем в вынужденных хирургических операциях по удалению у больных людей конечностей во имя спасения их здоровья и жизней (причем наказание нацелено на спасение здоровья и жизни не только потенциальных жертв преступлений, но и самих преступников, так как оно направлено и на то, чтобы уберечь их от разрушительного зла криминальной одержимости). Упомянутые хирургические операции с уголовным наказанием объединяет главное — необходимость, и с внешней стороны они также выглядят как порождающее страдание вмешательство.

Имеющее негативную окраску и отрицательную коннотацию слово «*насилие*» тоже нередко используют при описании наказания, что нам видится неоправданным, так как отличительная цель насилия — подавление воли посредством целенаправленного нанесения вреда (что роднит насилие с жестокостью, описываемой как намеренное причинение страданий или же равнодушное отношение к страданиям другого субъекта), тогда как наказание, тоже относящееся к разновидностям принудительного воздействия, такой цели не ставит (его цели и функции направлены как раз на предупреждение недопустимого и порицаемого в цивилизованном обществе насилия). Цель уголовного наказания — принесение пользы, а не причинение вреда. Любое насилие для человека унизительно и оскорбительно, а уголовное наказание, наоборот, помогает индивиду возвыситься и прийти к уважению человеческой личности, оно призвано не подавить волю, а активировать эту двигательную силу ума в направлении исправления и мобилизовать внутренние духовные силы наказываемого на борьбу с пороками, приводящими к криминальным деяниям. Важной и, несомненно, труднореализуемой задачей уголовного наказания являются исключающие диктат и грубое насилие преображение и возрождение преступника к новой жизни — к благоразумной, честной и правопослушной жизни в социуме. Убеждены, что морально оправданному вынужденному принуждению есть место в человеческой карательной практике, но насилию — нет.

Самобытный подход к сущности уголовного наказания был представлен киргизским исследователем Л. Ч. Сыдыковой: согласно ему эта сущность «представляет собой общепринятые на данном этапе развития общества представления об уголовном наказании как одном из способов воздействия на преступников» [17, с. 21]. Можно согласиться с тем, что сущность явления связана с представлениями о нем — в процессе познания категория сущности выражает мыслительный переход от различных внешних форм и свойств явления к его внутреннему единому основанию, однако сами представления сущностью явления быть не могут, так как сущность объективна и представляет собой устойчивую и инвариантную основу явления, не меняющуюся в зависимости от каких-либо непостоянных и разнящихся субъективных оценок, взглядов и воззрений на нее. Последние составляют не сущность, а образ явления, который может отображать в себе множество значений и смыслов, поэтому наказание имеет

самые разные образы в сознании людей на различных этапах развития общества.

Отметим, что в целом диапазон научных подходов к сущности уголовного наказания отличается удивительной широтой: уголовное наказание рассматривается как *искупление* (В. де Брольи), как *испытание* преступника (в том, захочет ли он сам и сможет ли он «встать после падения», загладить свою вину и явить себя достойным членом социума), как *устрашение* (предостережение), как примирение правонарушителя с обществом, как средство борьбы с субъективными условиями преступности, как *исправление* виновных, как мера дисциплинирования воли делинквентов (Ф. А. Тренделенбург), как общественная гарантия, предназначенная для социально опасных субъектов (Н. А. Неклюдов), как невыгодное для преступника последствие его деяния (С. В. Познышев), как возмездие (В. А. Никонов) либо кара (Н. А. Беляев) [18, с. 79—80]. Г. А. Кригер в его известной монографии «Наказание и его применение» писал, что «сущность наказания состоит в лишении лица, виновного в совершении преступления, тех или иных благ» [19, с. 6]. Подход, в рамках которого сущностью уголовного наказания считается возмездие, присущ представителям классической школы, в особенности ученым-гегельянцам и неогегельянцам. Так, правовед-гегельянец И. А. Максимович заключал: «Существо наказания в юридическом смысле есть возмездие, или воздаяние, равное преступлению, то есть лишение преступника принадлежащих ему прав в количестве, равном количеству им самим нарушенных прав через преступление» [20, с. 7]. Этого мнения придерживался и С. И. Баршев, в текстах которого присутствует фраза «если высшее начало наказания есть возмездие за преступление...» [21, с. 109].

Исходя из того что сущность явления — это то, что составляет его идейную основу, существо, квинтэссенцию, внутреннее ядро и суть (самое главное, ведущее и первостепенное), обнаруживающуюся в его проявлениях (в философии сущность определяется как понятие, которое выражает то главное, что характеризует предметы, их внутреннюю, наиболее важную сторону, их основу), а смысл — это его конкретное предназначение (отсутствие какого-либо предназначения означает бессмысленность), которое оправдывает его существование и делает его необходимым и целесообразным, сущностью уголовного наказания следует признать *возмездие*, а смыслом — охрану общества от преступных посягательств. Термин «возмездие» связывает уголовное наказание с идеалами справедливости, а также с философской категорией меры — он указывает на то, что за преступлением должно следовать соразмерное наказание, т. е. соответствующее ему по мере воздействия на виновного, и именно он наиболее точно и полно выражает сущность наказания как общественно-правового последствия преступления. Благодаря идее возмездия умозрительные идеалы справедливости находят в уголовном наказании реальную, «жизненную» силу, а само наказание как средство государственного принуждения получает свое этическое оправдание. Возмездие представляет собой имеющий важное социально-правовое значение моральный акт; в отличие от консеквенциалистского принципа полезности, оно лишено прагматической субъективности, утилитарности и нацеленности на авантаж. С ним связывается важная идея о том, что как бы ни был велик соблазн власти поддаться описанному Д. А. Шестаковым «синдрому Понтия Пилата» [22, с. 66—70] и усилить уголовную репрессию до сверхбольших пределов, законодатель не должен интерпретировать наказание иначе, чем принуждение, соразмерное преступлению. Лишение наказания возмездного начала превратит его в преследование, не знающее пределов и лимитов, в не имеющий ограничений и рамок карательный произвол. Присутствующий в уголовном наказании принцип возмездия позволяет учесть и сбалансировать интересы всех сторон уголовно-правовых отношений: государства, потерпевшего и преступника, гарантируя всем, что последний не будет наказан ни слишком мягко, ни излишне строго.

В заключение отметим, что с точки зрения современной науки пенологии возмездие не самоцельно: наказывать следует не ради одного него как требования всеобщей справедливости. Наказывая за преступления для защиты общества и установленного в нем правопорядка, осуществляют именно возмездие, так как и выраженная в праве, и социальная справедливость требуют соответствия уголовного наказания преступлению. Точнее, идеал справедливости (запечатленный в массовом сознании в принципе «каждому по заслугам») заключается в постоянном, неуклонном, беспристрастном стремлении к этому соответствию, причем воздаятельной справедливости человечество придерживается не только в уголовно-правовой сфере (в которой она прежде всего означает, что преступления должны наказываться сообразно с их тяжестью), но и в общественно-

экономической жизни: она сформировала убеждения, что честный труд и достижения во благо общества должны получать соответствующие им признание и поощрение.

1. Garraud R. Traité Théorique et Pratique du Droit Pénal Français. T. 1. Paris: Librairie de la Société du Recueil Sirey, 1913. 813 p.

2. Любавский А. Д. Юридические монографии и исследования. В 4 т. Т. 4. Санкт-Петербург: Тип. т-ва «Общественная польза», 1878. 203 с.

3. Макаренко А. С. Лекции о воспитании детей. Москва: Учпедгиз, 1953. 95 с.

4. Чучаев А. И. Личность преступника и вопросы наказания: учеб. пособие. Москва: Изд-во ВЮЗИ, 1990. 91 с.

5. Безверхов А. Г. О законодательном закреплении дефиниции уголовного наказания // Российская юстиция. 2010. № 12. С. 14—18.

6. Чебышев-Дмитриев А. П. О праве наказания. Речь, произнесенная в торжественном собрании Демидовского лицея 29 ноября 1859 г. Ярославль: Тип. Германа Фалька, 1859. 74 с.

7. Курочка Е. В. Проблемы наказания в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 158 с.

8. Bar L. Handbuch des Deutschen Strafrechts. Bd. 1. Berlin: Weidamannsche Buchhandling, 1882. 361 S.

9. Прохоров В. С., Кропачев Н. М., Тарбагаев А. Н. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность. Красноярск: Изд-во КГУ, 1989. 203 с.

10. Рейтборт А. М. Понятие и цели наказания. Москва: Изд-во ВЮЗИ, 1961. 23 с.

11. Люблинский П. И. О действии наказания // Новые идеи в правоведении. Сб. 1: Цели наказания. Санкт-Петербург: Образование, 1914. С. 1—27.

12. Якубов А. Е. О цели кары в наказании // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 1982. № 1. С. 26—32.

13. Крашенинников П. В. Смертная казнь — это кровная месть // Литературная газета. 1999. 7—13 июля. С. 8.

14. Козаченко И. Я., Корсаков К. В. Криминология: учебник и практикум для бакалавриата и специалитета. Москва: Юрайт, 2021. 277 с.

15. Кристи Н. Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике. Санкт-Петербург: Алетейя, 2011. 164 с.

16. Finger A. Das Strafrecht: Systematisch Dargestellt. Bd. 1. Berlin: Carl Heymanns Verl., 1902. 448 S.

1. Garraud R. Traité théorique et pratique du Droit Pénal Français. T. 1. Paris: Librairie de la Société du Recueil Sirey; 1913: 813. (In French).

2. Lyubavsky A. D. Juridical monographs and studies. In 4 vols. Vol. 4. Saint Petersburg: Printing house of partnership "Public benefit"; 1878: 203. (In Russ.).

3. Makarenko A. S. Lectures on education of children. Moscow: Uchpedgiz (State Publishing House of Educational and Pedagogical Literature); 1953: 95. (In Russ.).

4. Chuchayev A. I. Identity of a criminal and punishment issues. Manual. Moscow: Publishing house of All-Union Correspondence Institute; 1990: 91. (In Russ.).

5. Bezverkhov A. G. On the legislative fixation of the criminal punishment definition. Russian Justice, 14—18, 2010. (In Russ.).

6. Chebyshev-Dmitriyev A. P. On the right to punish. Speech at the ceremonial meeting of the Demidov lyceum on November 29, 1859. Yaroslavl: Hermann Falk printing house; 1859: 74. (In Russ.).

7. Kurochka Ye. V. Punishment issues in the criminal law of Russia. Dissertation of candidate of juridical sciences. Saratov; 2000: 158. (In Russ.).

8. Bar L. Handbuch des Deutschen Strafrechts. Bd. 1. Berlin: Weidamannsche Buchhandling; 1882: 361. (In Germ.).

9. Prokhorov V. S., Kropachev N. M., Tarbagayev A. N. Mechanism of criminal law regulation: rule, legal matters, responsibility. Krasnoyarsk: Publishing house of KSU; 1989: 203. (In Russ.).

10. Reitbort A. M. The concept and purposes of punishment. Moscow: Publishing house of All-Union Correspondence Law Institute; 1961: 23. (In Russ.).

11. Lyublinsky P. I. On the effects of punishment. New ideas in jurisprudence. Coll. 1: Purposes of punishment. Saint Petersburg: Education; 1914: 1—27. (In Russ.).

12. Yakubov A. Ye. On the purpose of the retaliation in punishment. Moscow University Bulletin. Series 11. Law, 26—32, 1982. (In Russ.).

13. Krasheninnikov P. V. The death penalty is a blood feud. Literaturnaya Gazeta, 8, 7—13 July, 1999. (In Russ.).

14. Kozachenko I. Ya., Korsakov K. V. Criminology. Textbook and workshop for bachelor's and specialist's degree. Moscow: Yurait; 2021: 277. (In Russ.).

17. Сыдыкова Л. Ч. Теоретические проблемы системы и видов наказаний по уголовному праву Кыргызской Республики: дис. ... д-ра юрид. наук. Алматы, 2000. 281 с.

18. Корсаков К. В. Повышение эффективности системы уголовных наказаний в современных условиях // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 2. С. 78—82.

19. Кригер Г. А. Наказание и его применение. Москва: Госюриздат, 1962. 70 с.

20. Максимович И. А. Речь об уголовных наказаниях в России. Киев: Унив. тип., 1853. 263 с.

21. Баршев С. И. Общие начала теории и законодательств о преступлениях и наказаниях: в 2 разд. Москва: Унив. тип., 1841. 251 с.

22. Шестаков Д. А. Синдром Понтия Пилата в реформе уголовного законодательства // Актуальные вопросы реформы уголовного законодательства: тез. докл. респ. конф. (2—3 марта 1989 г.). Тарту: Изд-во ТГУ, 1989. С. 66—70.

15. Christie N. Inflicting pain. The role of punishment in criminal policy. Saint Petersburg: Aleteiya; 2011: 164. (In Russ.).

16. Finger A. Das Strafrecht: Systematisch Dargestellt. Bd. 1. Berlin: Carl Heymanns Verl., 1902: 448. (in Germ.).

17. Sydykova L. Ch. Theoretical issues of the system and types of penalties under criminal law of the Kyrgyz Republic. Dissertation of doctor of juridical sciences. Almaty; 2000: 281. (In Russ.).

18. Korsakov K. V. Improved efficiency of penal system under current conditions. Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 78—82, 2018. (In Russ.).

19. Krieger G. A. Punishment and its imposition. Moscow: State Publishing House of Legal Literature; 1962: 70. (In Russ.).

20. Maksimovich I. A. Speech on criminal punishment in Russia. Kyiv: University printing house; 1853: 263. (In Russ.).

21. Barshev S. I. General principles of the theory and legislation on crimes and punishments. In 2 parts. Moscow: University printing house; 1841: 251. (In Russ.).

22. Shestakov D. A. Syndrome of Pontius Pilate in criminal legislation reform. In: Topical issues of criminal legislation reform. Abstracts of republican conference, 2—3 March 1989, Tartu. Tartu: Tartu State University; 1989: 66—70. (In Russ.).

Корсаков Константин Викторович,
старший научный сотрудник отдела права
Института философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук,
кандидат юридических наук, доцент;
korsakovekb@yandex.ru

Korsakov Konstantin Victorovich,
senior researcher at the law department
of the Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
candidate of juridical sciences, docent;
korsakovekb@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 28.12.2025; одобрена после рецензирования 30.12.2025; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 28.12.2025; approved after reviewing 30.12.2025; accepted for publication 16.02.2026.

* * *

УДК 343.37

ВОПРОСЫ УСТАНОВЛЕНИЯ РАЗМЕРОВ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СТРАНЫ В РЕЗУЛЬТАТЕ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Александр Александрович Лихолетов
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, a.likholetov@mail.ru

Аннотация. В статье автор на основе расчетов, произведенных по данным отдельно взятого приговора по ст. 171 Уголовного кодекса Российской Федерации, в соответствии с положениями действующего в период совершения деяния фискального законодательства обосновывает мнение, что извлеченный в результате нелегальной деятельности доход является основанием для определения размера материального вреда, причиненного экономике при совершении конкретного преступления в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности, который складывается из недополученных государством объемов финансов, предусмотренных законом в виде обязательных выплат, начиная с пошлин при регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица и заканчивая подоходным налогом и взносами в различные фонды. По результатам проведенного исследования формулируется вывод о том, что материальный вред государству причиняется в каждом случае совершения преступления в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности, что требует внесения изменений в действующие законодательство и судебную практику.

Ключевые слова: доход, конфискация имущества, материальный вред, незаконное предпринимательство, преступления в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности, уголовная ответственность

Для цитирования: Лихолетов А. А. Вопросы установления размеров вреда, причиненного экономической системе страны в результате совершения преступлений в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 1 (76). С. 51—58.

ISSUES RELATED TO ESTIMATING THE EXTENT OF DAMAGE TO BE CAUSED TO THE STATE'S ECONOMIC SYSTEM AS A RESULT OF CRIMES IN THE SPHERE OF SPECIAL TYPES OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

Alexander Alexandrovich Likholetov
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, a.likholetov@mail.ru

Abstract. In the given article the author using the statistics made on the data taken from a certain sentence under Article 171 of the Criminal Code of the Russian Federation in accordance with the provisions of acting fiscal legislation, while the crime is committed, proves the following opinion. He considers income to have been got from illegal activity is the basis to calculate the amount of material damage resulted in the economy while committing a specific crime in the sphere of special types of entrepreneurial activity. This damage involves the amount of funds not having got by the state to be provided for by law in the form of obligatory payments ranging from fees to register an individual entrepreneur or a legal entity to income tax and contributions to various funds. Based on the results of the study the author concludes that the material damage to the state is resulted in every case of the crime to be committed in the sphere of special types of entrepreneurial activity and it requires amendments to the acting legislation and judicial practice.

Keywords: an income, seizure of property, a material damage, illegal entrepreneurship, crimes in the sphere of special types of entrepreneurial activity, criminal liability

© Лихолетов А. А., 2026

For citation: Likholetov A. A. Issues related to estimating the extent of damage to be caused to the state's economic system as a result of crimes in the sphere of special types of entrepreneurial activity. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 51—58, 2026. (In Russ.).

Особенности преступлений в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности [1, с. 24] обусловлены неминуемым и закономерным причинением вреда экономической системе государства ввиду непоступления обязательных к уплате в бюджет материальных средств, связанных с занятием бизнесом.

Изучаемые уголовно наказуемые деяния в большинстве случаев сопряжены с незаконным извлечением дохода, размеры которого напрямую коррелируются с объемами причиняемого ущерба, а его установление необходимо в том числе для решения вопроса о возможности освобождения от уголовной ответственности.

Другими словами, извлеченный в результате нелегальной деятельности доход является основанием для определения размера материального вреда, причиненного экономике в результате совершения конкретного преступления в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности, который складывается из недополученных государством объемов финансов, предусмотренных законом в виде обязательных выплат на различных этапах деятельности, начиная с пошлин, подлежащих выплате в казну при регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица, и заканчивая подоходным налогом и взносами в различные фонды.

Приведенный довод можно проиллюстрировать на примере совершения преступления, характеризующегося относительно простым по содержанию деянием. Приговором Хасавюртовского городского суда Республики Дагестан Ах. признан виновным в совершении деяния, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 171 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ). Установлено, что осужденный, не имея лицензии на эксплуатацию взрывопожароопасных объектов, а также будучи незарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя или учредителя либо руководителя юридического лица, осуществлял незаконную предпринимательскую деятельность по реализации сжиженного газа на АГЗС «Баррель», в результате чего в период с 2014 по 2017 г. извлек доход в особо крупном размере на общую сумму в размере 47 032 950 руб. К осуществлению указанной деятельности Ах. привлек своего племянника Ад., а также Х. и Д., выполнявших функции отпуска сжиженного газа потребителям[1].

Анализ действующего фискального законодательства позволяет прийти к выводу о том, что в результате противоправной деятельности Ах. государству причинен общий материальный вред примерно[2] на сумму 3 287 312 руб., который складывается из следующих непоступивших в бюджет страны отчислений[3]:

1. **800 руб.** — государственная пошлина, подлежащая уплате в связи с государственной регистрацией индивидуального предпринимателя[4].

2. **7 500 руб.** — государственная пошлина, подлежащая уплате в связи с получением лицензии на эксплуатацию взрывопожароопасных и химически опасных производственных объектов I, II и III классов опасности (п. 92 ст. 333.33 Налогового кодекса Российской Федерации (часть вторая) (далее — НК РФ)).

3. Если оплата государственной пошлины представляет собой разовое действие, то другие обязательные взносы в бюджет осуществляются ежемесячно. В связи с этим их размер будет определяться применительно к отдельно взятому

[1] Приговор Хасавюртовского городского суда Республики Дагестан от 20.09.2019 по делу № 1-22/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ (дата обращения: 28.04.2022).

[2] Точный размер вреда определить не представляется возможным в связи с отсутствием некоторых данных (например, указанный в приговоре вид деятельности может осуществляться как организациями, так и индивидуальными предпринимателями, которыми может применяться различная система налогообложения), влияющих на исчисление размера тех или иных обязательных отчислений в бюджет (например, госпошлины в связи с государственной регистрацией, налоговых отчислений и др.). В связи с этим расчеты будут производиться исходя из минимально возможных размеров обязательных отчислений, предусмотренных законом.

[3] Все расчеты производились с учетом законодательства, действующего в период совершения преступления.

[4] См.: Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ. Ст. 333.33. П. 1, подп. 5 // Справ.-правовая система «Консультант-Плюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. В случае государственной регистрации юридического лица размер государственной пошлины увеличивается до 4 000 руб. (подп. 1 п. 1 ст. 333.33 НК РФ).

календарному году за весь период незаконной предпринимательской деятельности Ах. Учитывая, что в приговоре суда не содержится сведений относительно конкретной даты начала и окончания ее осуществления осужденным, при расчетах будет презюмироваться, что деяние совершалось в период с 1 января 2014 г. по 31 декабря 2017 г.

Для определения размера неуплаченных осужденным обязательных страховых взносов (далее — СВ) нужно исходить из объема денежных средств, образующих фонд оплаты труда (далее — ФОТ) трех лиц (Ад., Х. и Д.), привлеченных Ах. к осуществлению незаконной деятельности. В связи с отсутствием в приговоре объективных сведений о размере заработной платы, выплачиваемой работникам за выполнение трудовых функций со стороны осужденного, целесообразно производить расчеты исходя из установленного законодательством минимального размера оплаты труда (далее — МРОТ) в период функционирования АГЗС «Баррель».

3.1. С 1 января 2014 г. МРОТ установлен в размере 5 554 руб.[1] То есть ФОТ трех работников в 2014 г. составил 199 944 руб. = 5 554 руб. (МРОТ) × 12 (месяцев) × 3 (работника).

Сверх суммы, составляющей ФОТ, работодатель обязан уплатить страховые взносы в Пенсионный фонд России (далее — ПФР) в размере 22 %, в Фонд обязательного медицинского страхования (далее — ФОМС) — 5,1 %, в Фонд социального страхования (далее — ФСС) — 2,9 %[2].

Таким образом, размер взносов, подлежащих выплате осужденным в бюджет в 2014 г., составил **59 982 руб.** = 43 987 руб. (взнос в ПФР — 199 944 руб. × 22 %) + 10 197 руб. (взнос в ФОМС — 199 944 руб. × 5,1 %) + 5 798 руб. (взнос в ФСС — 199 944 руб. × 2,9 %).

Размеры страховых выплат за период незаконной деятельности (2014—2017 гг.) остаются неизменными. Переменной величиной при расчете размера материального вреда, причиненного государству в результате действий Ах., будет только размер МРОТ, который в анализируемый хронологический отрезок ежегодно (а иногда и два раза в год) изменялся. В остальном определение недополученных казной СВ будет производиться по алгоритму действий применительно к 2014 г., представленному выше.

3.2. В 2015 г. размер МРОТ составил 5 965 руб.[3] С учетом этого ФОТ в рассматриваемом периоде представлен суммой 214 740 руб. В бюджет в качестве СВ не поступило **64 422 руб.** (в ПФР — 47 243 руб., в ФОМС — 10 952 руб., в ФСС — 6 227 руб.).

3.3. В 2016 г. размер МРОТ подлежал изменению дважды. В связи с этим расчеты будут производиться по полугодиям. Объем материального вреда государству в виде недополученных СВ за 2016 г. составил **74 001 руб.** Указанная сумма образована следующими величинами:

3.3.1. В период с 1 января 2016 г. по 30 июня 2016 г. МРОТ составлял 6 204 руб.[4] То есть ФОТ в первом полугодии 2016 г. образовала сумма 111 672 руб. Объем не поступивших в казну СВ равен 33 501 руб. (в ПФР — 24 568 руб., в ФОМС — 5 695 руб., в ФСС — 3 238 руб.).

3.3.2. В период с 1 июля 2016 г. по 31 декабря 2016 г. МРОТ увеличен до 7 500 руб.[5] ФОТ составил 135 000 руб. Размер недоимки в виде СВ — 40 500 руб. (в ПФР — 29 700 руб., в ФОМС — 6 885 руб., в ФСС — 3 915 руб.).

3.4. В середине 2017 г. МРОТ, как и в предыдущем году, подвергся изменению. В связи с этим расчеты также будут произведены по полугодиям.

---

[1] О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда»: федер. закон от 2 декабря 2013 г. № 336-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

[2] При расчетах использовались размеры страховых взносов, действовавшие с 1 января 2014 г. по 31 декабря 2016 г. (см.: О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования: федер. закон от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ (утр. силу с 31.12.2016) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

[3] О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда»: федер. закон от 1 декабря 2014 г. № 408-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

[4] О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда»: федер. закон от 14 декабря 2015 г. № 376-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

[5] О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда»: федер. закон от 2 июня 2016 г. № 164-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

3.4.1. До 1 июля 2017 г. МРОТ по-прежнему составлял 7 500 руб.[1], в связи с чем размер ФОТ идентичен второму полугодию 2016 г. — 135 000 руб., равно как и объем недополученных СВ — 40 500 руб.

3.4.2. Повышение уровня МРОТ до 7 800 руб. во втором полугодии 2017 г.[2] закономерно привело к увеличению ФОТ до 140 400 руб. Возросла и сумма неуплаченных в бюджет СВ до 42 120 руб. (в ПФР — 30 888 руб., в ФОМС — 7 160 руб., в ФСС — 4 072 руб.).

Таким образом, в 2017 г. в качестве СВ в бюджет не поступили денежные средства в сумме **82 620 руб.**

Общая сумма причиненного государству материального вреда в виде неуплаты СВ за период незаконной предпринимательской деятельности Ах. составила **281 025 руб.**

Полученные данные для наглядности целесообразно представить в виде таблицы (см. табл. 1).

Необходимо отметить, что, в соответствии п. 1.1 ст. 14 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ, если величина дохода плательщика СВ за расчетный период превышает 300 000 руб. — в фиксированном размере, определяемом как произведение МРОТ и тарифа СВ в ПФР, — то размер взносов в ПФР увеличивается на 1 % от суммы дохода плательщика СВ, превышающего 300 000 руб. за расчетный период. Таким образом, осужденным в ПФР должны быть дополнительно внесены денежные средства в размере **47 032 руб.** = = 47 032 950 × 1 %. С учетом изложенного размер СВ, подлежащих уплате в бюджет, должен составлять 281 025 + 47 032 = **328 057 руб.**

4. Помимо перечисленных отчислений в фонды, каждый работник обязан уплатить налог на доходы физического лица (далее — НДФЛ) в размере 13 % от полученной заработной платы (см. ст. 224 НК РФ (часть вторая)). С учетом того что сведения о наличии предусмотренных законом налоговых льгот у работников получить нельзя, при расчете таковые учитываться не будут. Кроме того, из приговора суда точно установить сумму заработной платы каждого работника не представляется возможным, в связи с чем будет производиться расчет совокупного объема НДФЛ исходя из ФОТ троих работников, выступающего в качестве налоговой базы. Следует отметить, что ставка НДФЛ в течение анализируемого периода не изменялась, вместе с тем ФОТ, как было отмечено выше, ежегодно увеличивался в связи с повышением МРОТ.

4.1. В 2014 г. совокупный объем неуплаченного НДФЛ составил **25 993 руб.** = 199 944 руб. × 13 %.

4.2. Размер НДФЛ, неуплаченного в 2015 г., образует сумма в **27 916 руб.** = 214 740 руб. × 13 %.

4.3. В виде НДФЛ в 2016 г. в казну не внесена сумма в **32 067 руб.** = 246 672 руб. × 13 %.

4.4. В 2017 г. в бюджет не поступили отчисления в виде НДФЛ в объеме **35 802 руб.** = = 275 400 руб. × 13 %.

Общая сумма причиненного государству материального вреда в виде неуплаты налога на доходы физических лиц за период незаконной предпринимательской деятельности Ах. составила **121 778 руб.**

Наряду с указанными выше взносами в бюджет индивидуальный предприниматель обязан производить уплату ряда федеральных (например, НДФЛ, налог на добавленную стоимость), региональных (например, налог на транспортное средство) и местных налогов (например, налог на имущество физических лиц).

В целях облегчения налогового бремени нередко используются предусмотренные законом налоговые режимы. Наиболее распространенным видом такового среди объектов малого и среднего бизнеса, по данным ФНС России, является упрощенная налоговая система (далее — УСН)[3]. При переходе на данный вид налогообложения размер отчислений в бюджет составляет 6 % от дохода индивидуального предпринимателя (см. ст. 346.20 НК РФ (часть вторая)).

Таким образом, при установлении размера материального вреда, причиненного экономике преступлением Ах., целесообразно исходить из расчета налога по упрощенной системе. Учитывая, что содержание описательной части приговора не включает информацию о сумме извлекаемого

[1] О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда»: федер. закон от 2 июня 2016 г. № 164-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

[2] О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда»: федер. закон от 19 декабря 2016 г. № 460-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

[3] Упрощенная система налогообложения (УСН). URL: https://data.nalog.ru/create_business/ip/in_progress/usn (дата обращения: 28.03.2024).

дохода от незаконной деятельности ежегодно, объем неуплаченного налога по УСН будет рассчитываться исходя из доказанного размера полученных осужденным в результате незаконного предпринимательства денежных средств.

Приговором суда установлено, что за период с 2014 по 2017 г. осужденный извлек доход от незаконной предпринимательской деятельности в сумме 47 032 950 руб., который представляет собой налоговую базу для исчисления налога по УСН. То есть общая сумма причиненного государству материального вреда в виде неуплаты налога по УСН за период незаконной предпринимательской деятельности Ах. составила **2 821 977 руб.** (47 032 950 × 6 %).

Изложенное позволяет резюмировать, что в результате незаконной предпринимательской деятельности осужденного Ах. за период с 2014 по 2017 г. экономике причинен материальный вред в размере минимум **3 287 312 руб.** Слагаемые приведенной суммы представлены в таблице 2.

Таблица 1

Общая сумма неуплаченных страховых взносов (по уголовному делу в отношении Ах.)

Год	Размер страхового взноса, подлежащего уплате (руб.)		
	В ПФР	В ФОМС	В ФОС
2014	43 987	10 197	5 798
2015	47 243	10 952	6 227
2016	54 268	12 580	7 153
2017	60 588	14 045	7 987
Всего	206 086	47 774	27 165
Итого за период	*281 025*		

Таблица 2

Материальный вред, причиненный экономике в результате незаконной предпринимательской деятельности (по уголовному делу в отношении Ах.)

Вид не поступивших в бюджет выплат	Размер (руб.)
Государственная пошлина, подлежащая уплате в связи с государственной регистрацией индивидуального предпринимателя	800
Государственная пошлина, подлежащая уплате в связи с получением лицензии на эксплуатацию взрывопожароопасных и химически опасных производственных объектов I, II и III классов опасности	7 500
Страховые взносы	328 057
Налог на доходы физических лиц	121 778
Выплаты по упрощенной системе налогообложения	2 821 977
Итого	**3 287 312**

Следует отметить, что при расчетах не учитывались предусмотренные нормативными актами различного рода штрафные санкции за несоблюдение фискального законодательства. Например, непредставление в установленный срок налоговой декларации (расчета по СВ) в налоговый орган является основанием для взыскания штрафа в размере 5 % неуплаченной суммы обязательного платежа, но не более 30 % от указанной суммы (см. ст. 119 НК РФ (часть первая))[1].

Учитывая размер неуплаченной осужденным суммы налога по УСН, сделаем вывод, что непредставление налоговой декларации в уполномоченные органы должно повлечь наложение штрафа в размере **141 099 руб.** = 2 821 977 × 5 %.

Сумма причиняемого вреда закономерно возрастет в случае совершения преступления, характеризующегося более сложным деянием или их серией, привлечением большего количества лиц, выполняющих различные трудовые функции, которые приводят в итоге к извлечению дохода от незаконной деятельности, а также особых требований позитивного законодательства и т. п.

Приведенные выше доводы, на первый взгляд, вступают в определенную коллизию с положениями п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 (далее — постановление ПВС № 23), согласно которым действия лица по уклонению от уплаты налогов (сборов) с доходов, полученных в результате незаконной предпринимательской деятельности, полностью охватываются ст. 171 УК РФ и дополнительной квалификации по налоговым преступлениям не подлежат[2].

Безусловно, в данном случае необходимо согласиться с мнением высшей судебной инстанции о невозможности взыскания предусмотренных законом обязательных платежей с результатов нелегальной деятельности. Вместе с тем размер недополученных налогов или сборов выступает составляющей причиненного ущерба экономике. Сумма таких выплат, не поступивших в бюджеты различных уровней, должна быть включена в расчеты по определению материального вреда государству в целях его дальнейшей компенсации, а не выступать основанием ответственности за уголовно наказуемые деяния в сфере налогов и сборов.

Другими словами, лицо должно возместить в казну денежные средства в объеме, подлежащем уплате при законном осуществлении специального вида предпринимательской деятельности, в случае признания его виновным в нарушении соответствующего уголовно-правового запрета.

Таким образом, материальный вред государству причиняется в каждом случае совершения преступления в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности, определение которого в рамках предварительного расследования необходимо производить с учетом результатов использования специальных знаний.

С изложенной точкой зрения согласились 468 (82,5 %) опрошенных лиц из числа сотрудников правоохранительных органов и 76 (67,9 %) педагогических и научных работников. По мнению 80 (14,1 %) правоприменителей и 23 (20,5 %) специалистов в области уголовного права, приведенный тезис не заслуживает поддержки, поскольку ущерб государству причиняется только в случае причинения ущерба от незаконного предпринимательства. Исходя из того, что незаконная деятельность вообще не может причинить ущерб бюджету, по убеждению 18 (3,2 %) практиков и 9 (8 %) ученых, вред государству не причиняется в принципе. Затруднились с ответом 1 (0,2 %) представитель правоприменительной системы и 4 (3,6 %) теоретика[3].

Более того, в подобных условиях целесообразно принять дополнительные меры, гарантирующие возмещение вреда, причиненного экономике страны в результате совершения преступлений рассматриваемой категории.

Одним из путей обеспечения такой компенсации следует признать необходимость внесения изменений и дополнений в главу 15[1] УК РФ, содержащую положения о конфискации имущества.

---

[1] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

[2] О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 (ред. от 07.07.2015) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

[3] Всего в анкетировании, проведенном в период 2022—2024 гг., принял участие 671 респондент из 51 субъекта Российской Федерации.

В первую очередь, как отмечалось выше, в п. «а» ч. 1 ст. 104^1 УК РФ нужно расширить перечень преступлений, при совершении которых происходит принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства денег, ценностей и имущества, добытого в результате совершения уголовно наказуемых деяний, за счет включения в него всех преступлений в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности.

Далее необходимо дополнить ч. 1 ст. 104^3 УК РФ указанием на первоочередность возмещения вреда экономической системе Российской Федерации наряду с законным владельцем.

Кроме того, следует внести в ст. 104^3 УК РФ положения, определяющие порядок возмещения вреда, причиненного экономической системе страны в результате совершения преступления в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности.

Принятые меры позволят обеспечить реализацию законодательного механизма компенсации государственному бюджету материального ущерба от незаконных форм предпринимательства. Помимо этого, указанные предложения будут способствовать устранению существующей на практике проблемы определения содержания и объема вреда, причиненного в результате совершения преступления, подлежащего возмещению при принятии решения об освобождении по отдельным основаниям от уголовной ответственности (ст. 75, 76^2 УК РФ) и наказания (ст. 79, 80 УК РФ).

С учетом изложенного предлагается главу 15^1 УК РФ дополнить положениями о принятии судом первоочередных мер для компенсации вреда, причиненного экономической системе страны в результате совершения преступлений в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности. Указанный вред образуется в результате недополучения казной нормативно предусмотренных объемов денежных средств в виде обязательных выплат на различных этапах легальной деятельности, начиная с пошлин, подлежащих уплате в бюджет при регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица, и заканчивая подоходным налогом и взносами в различные фонды.

Предлагаемые изменения нашли поддержку среди 396 (84,6 %) сотрудников правоохранительных органов и 60 (78,9 %) педагогических и научных работников из числа респондентов, согласившихся с доводом о неизбежном причинении материального вреда в каждом случае совершения преступления в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности. Вместе с тем 71 (15,2 %) опрошенный практикующий специалист и 16 (21,1 %) ученых указали на отсутствие целесообразности внесения таких поправок в УК РФ, обусловленное достаточностью существующих уголовно-правовых мер. Один (0,2 %) человек из числа правоприменителей, участвующих в анкетировании, затруднился с выбором ответа. В то же время в целях обеспечения исполнения указанного вида наказания суды вправе применять положения о конфискации имущества, предусмотренные главой 15^1 УК РФ.

Внесение подобных поправок позволит в каждом случае постановления судебного акта по рассматриваемой категории посягательств принимать меры по возмещению причиненного государству материального вреда в результате осуществления нелегальных форм деятельности, а также определять объемы ущерба, причиненного в результате совершения преступления, подлежащего возмещению при принятии решения об освобождении от уголовной ответственности или наказания по отдельным основаниям. Кроме того, предлагаемый вариант модернизации уголовного закона должен выполнить и превентивные функции.

В целях формирования единообразной судебной практики необходимо внести соответствующие дополнения в ряд разъяснений высшей судебной инстанции[1].

[1] О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 № 23 (ред. от 07.07.2015) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей; О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29.11.2016) // Там же; О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. № 8 (ред. от 25.06.2024) // Там же.

1. Лихолетов А. А. Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации преступлений в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности: монография / под ред. д-ра юрид. наук, доц. Н. А. Егоровой. Москва: Юрлитинформ, 2020. 288 с.

Лихолетов Александр Александрович,
профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
a.likholetov@mail.ru

1. Likholetov A. A. Criminal-legal characteristics and problems of qualifying crimes in the sphere of special types of entrepreneurial activity. Monograph. Red. by N. A. Yegorova, doctor of juridical sciences, docent. Moscow: Yurlitinform; 2020: 288. (In Russ.).

Likholetov Alexander Alexandrovich,
professor at the department of criminal law
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
a.likholetov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 05.11.2025; одобрена после рецензирования 16.11.2025; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 05.11.2025; approved after reviewing 16.11.2025; accepted for publication 16.02.2026.

* * *

УДК 343.9

РЕЦИДИВНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Анна Михайловна Репьева
Юридический институт Российского университета транспорта, Москва, Россия, anna-repeva@yandex.ru

Аннотация. Рецидивная преступность представляет собой один из наиболее социально опасных видов преступности, требующих всестороннего теоретического осмысления и разработки эффективных мер предупреждения. Несмотря на наблюдаемую тенденцию к снижению общего количества осужденных за повторные преступления, сохраняется повышенная криминальная активность рецидивистов, что определяет актуальность настоящего исследования в контексте уголовно-исполнительной политики Российской Федерации.

В статье проведен анализ рецидивной преступности как ключевого негативного феномена современной криминологии. Особое внимание уделяется детальному описанию ее качественных характеристик и количественных показателей. Методологическая основа работы опирается на диалектический метод познания как фундаментальный, дополненный формально-юридическим подходом и методом интерпретации правовых норм.

Эмпирическая база исследования включает изучение официальных статистических данных Федеральной службы государственной статистики и Министерства внутренних дел Российской Федерации за 2020—2025 гг. На основе проведенного анализа делается обоснованный вывод о том, что при общем сокращении численности рецидивистов наблюдается рост их преступной активности, выражающейся в усилении тяжести совершаемых преступлений, частоты совершения преступлений и устойчивости криминальных связей.

В работе систематизированы ключевые детерминанты рецидивной преступности. На этой основе предлагается комплекс мер превентивного характера, включающий совершенствование способов ресоциализации осужденных, оптимизацию постпенитенциарного сопровождения и усиление межведомственного взаимодействия.

Ключевые слова: рецидивная преступность, личность рецидивиста, детерминанты преступности, предупреждение, ресоциализация осужденных

Для цитирования: Репьева А. М. Рецидивная преступность: современное состояние и направления предупреждения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 1 (76). С. 59—70.

RECIDIVISM: ACTING SITUATION AND DIRECTIONS TO PREVENT

Anna Mikhailovna Repieva
Law Institute of the Russian University of Transport, Moscow, Russia, anna-repeva@yandex.ru

Abstract. Recidivism is one of the most socially dangerous types of crime, requiring a comprehensive theoretical understanding and developing effective preventive measures. Despite the observed downward trend in the overall number of persons convicted of repeat offences, increased criminal activity among repeat offenders is kept, making this research topical in the context of the Russian Federation's penal policy.

In this article, the author analyzes recidivism as a key negative phenomenon in modern criminology. She focuses on a detailed description of its qualitative characteristics and quantitative indicators. The methodological basis of the research is based on the dialectical method of cognition as a fundamental one, supplemented by a formal legal approach and a method to interpret legal norms.

The empirical basis of the research includes an examination of official statistical data from the Federal State Statistics Service and the Ministry of the Interior of the Russian Federation for 2020—2025. Based on the made

© Репьева А. М., 2026

analysis, the author concludes that, despite an overall decrease in the number of repeat offenders, there is an increase in their criminal activity, demonstrated in an increase in the severity of the crimes committed, the frequency of crimes committed, and the stability of criminal ties.

The research systematizes the key determinants of recidivism. Based on this material, a set of preventive measures is proposed, including improving methods of resocialization of the convicts, optimizing post-penitentiary support, and strengthening inter-branch cooperation.

Keywords: recidivism, recidivist personality, determinants of crime, prevention, resocialization of the convicts

For citation: Repieva A. M. Recidivism: acting situation and directions to prevent. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 59—70, 2026. (In Russ.).

В криминологической доктрине приоритетное внимание уделяется разработке и внедрению наиболее эффективных мер предупреждения преступности. При этом наблюдается разнообразие концептуальных подходов к определению криминологического рецидива и его отличий от уголовно-правового понимания данного явления. Если в уголовном праве основной акцент делается на «совершении умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление» (ст. 18 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ)) [1, с. 14], то в криминологии понятие «рецидивная преступность» в широком смысле охватывает все вновь совершенные преступления (умышленные и неосторожные), за которые виновный как был, так и не был осужден [2, с. 66]. Другой, узкий подход, предлагаемый рядом ученых, заключается в том, что рецидив может быть констатирован исключительно при наличии ранее примененных к виновному мер уголовной ответственности [3, с. 61; 4, с. 108]. Такое понимание рецидивной преступности представляется наиболее обоснованным, поскольку обеспечивает адекватное осмысление личности рецидивиста, выявление детерминантов рецидивной преступности, обстоятельств продолжения криминальной деятельности после уголовно-правового воздействия на рецидивиста, а также разработку целенаправленных мер предупреждения этого явления.

Стоит отметить, что особая общественная опасность рецидивной преступности обусловлена характеристиками личности самого рецидивиста: повторное совершение преступления свидетельствует о сознательном противопоставлении преступником себя нормам социального поведения, устойчивой антисоциальной ориентации, неприятии правовых установлений, а также повышении уровня организованности и профессионализма его криминальной деятельности. Подобная ситуация порождает существенно более тяжелые негативные последствия для государства и общества, включая подрыв авторитета власти и снижение уровня общественного доверия к системе обеспечения безопасности и правопорядка.

Изучение статистических данных говорит о сложности воздействия на рецидивную преступность в Российской Федерации: за последнее десятилетие доля ранее судимых лиц среди общего числа выявленных преступников практически не изменилась (в 2016 г. — 49,8 %, в 2025 г. — 49,7 %). Такая ситуация подтверждает криминологическую аксиому: уровень рецидива свыше 40 % требует корректировки уголовно-исполнительной и превентивной политики, поскольку указывает на недостаточную эффективность уголовного наказания [5, с. 390].

Рецидивная преступность представляет собой сложное негативное социально-правовое явление, обладающее выраженными закономерностями, которые подлежат последовательному анализу с позиций качественных и количественных характеристик.

1. Тяжесть последствий рецидивной преступности. Рецидивная преступность неизменно влечет за собой более тяжкие социально-правовые последствия по сравнению с первичной преступностью, что обусловлено повышенным уровнем общественной опасности личности рецидивиста, сложностью выявления преступлений и нейтрализации детерминантов, их порождающих.

2. Высокая общественная опасность рецидивной преступности. Данный феномен проявляется в распространении криминального образа жизни, антисоциальных норм и взглядов, а также формировании общественного восприятия неэффективности правоохранительной и уголовно-исполнительной систем. В итоге возникает риск системного «кризиса правосознания» у населения.

3. Широкая распространенность рецидивной преступности. Согласно официальным данным МВД России, в 2025 г. удельный вес преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления, составил 53,7 % от общего числа выявленных преступлений. В отдельных регионах

показатель удельного веса преступлений (от числа расследованных), совершенных лицами, ранее совершавшими преступления, превысил 68 % (Кемеровская область — 68,6 %; Вологодская область — 68,3 %; Кировская область — 68,3 %)[1]. Динамика этого показателя за последние пять лет носит волнообразный характер, при этом в 2025 г. он был минимальным (см. табл. 1).

4. Устойчивость преступного поведения. Рецидивная преступность отличается устойчивостью криминального поведения, что подтверждается уровнем многократного рецидива, составляющим около $^1/_3$ всех рецидивных преступлений. Удельный вес ранее судимых лиц среди лиц, ранее совершавших преступления, за последние годы в среднем достиг 51 % с тенденцией к стабильности в 2020—2024 гг. и резким снижением до 49,7 % в 2025 г. (см. табл. 2). Однако в ряде субъектов Федерации этот индикатор превышает 65 % (Республика Ингушетия — 68,7 %; Московская область — 65,7 %)[2].

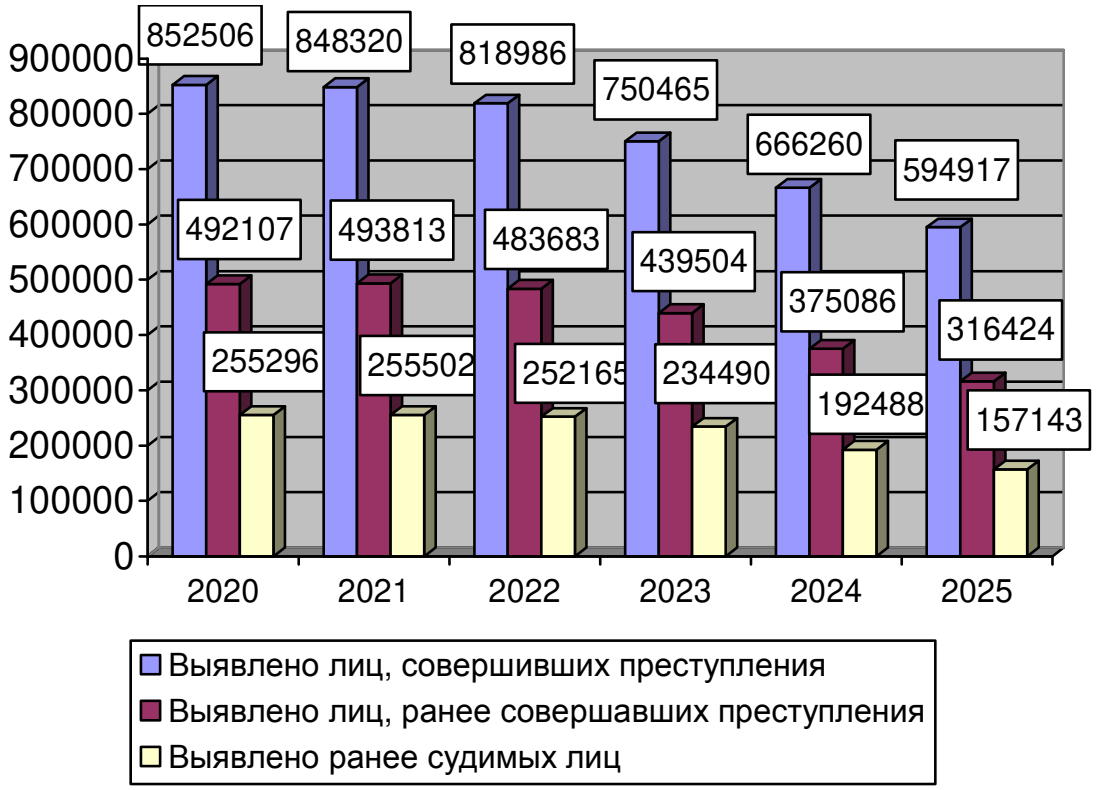

Рис. 1. Динамика выявления лиц, ранее совершавших преступления, и лиц, ранее судимых за совершение преступлений, среди общего количества лиц, совершивших преступления в 2020—2025 гг. в России

[1] Состояние преступности в России за 2020—2025 год // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (дата обращения: 19.02.2026).

[2] Состояние преступности в России за 2020—2025 год.

Таблица 1

Динамика рецидивной преступности в 2020—2025 гг.

Преступлений совершено	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Всего преступлений	2 044 221	2 004 404	1 966 795	1 947 161	1 911 258	1 771 174
Прирост / снижение, %	1,0	—1,9	—1,9	—1	—1,8	—7,3
Преступления совершены лицами, ранее совершавшими преступления	617 184	618 158	625 743	596 290	513 915	458 861
Прирост / снижение, %	—0,1	0,2	1,2	—4,7	—13,8	—10,7
Удельный вес от расследованных преступлений, %	59,8	60,0	60,4	59,8	57,1	53,7
Преступления совершены лицами, ранее судимыми	344 383	346 328	356 584	347 818	288 531	251 216
Прирост / снижение, %	0,3	0,6	3,0	—2,5	—17,0	—12,9
Удельный вес от расследованных преступлений, %	33,4	33,6	34,4	34,9	32,1	29,4

Таблица 2

Динамика рецидивной преступности в 2020—2025 гг.

Выявлено лиц, совершивших преступления	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Всего лиц	852 506	848 320	818 986	750 465	666 260	594 917
Прирост / снижение, %	—3,6	—0,5	—3,5	—8,4	—11,2	—10,7
Ранее совершавших преступления	492 107	493 813	483 683	439 504	375 086	316 424
Прирост / снижение, %	—2,4	0,3	—2,1	—9,1	—14,7	—15,6
Удельный вес в общем числе выявленных лиц, в %	57,7	58,2	59,1	58,6	56,3	53,2
Из них ранее судимых за преступления	255 296	255 502	252 165	234 490	192 488	157 143
Прирост / снижение, %	—2,5	0,1	—1,3	—7,0	—17,9	—18,4
Удельный вес от числа лиц, ранее совершавших преступления, %	51,9	51,7	52,1	53,4	51,3	49,7

5. Преобладание многократного и специального рецидива. Характерной чертой является доминирование многократного рецидива и высокий удельный вес специального рецидива, отражающий профессионализацию рецидивистов в выбранных криминальных сферах. Осужденные используют накопленный опыт для трансформации способов совершения преступлений, включая маскировку следов с учетом возможностей их выявления правоохранительными органами, обход видеонаблюдения, применение криптовалют в мошенничестве. В криминологической доктрине отмечается, что у рецидивистов, осужденных за преступления против собственности, специальный рецидив превышает общий уровень [2, с. 67].

6. Корыстный мотив криминальных интересов. Рецидивная преступность преимущественно носит корыстный характер с преобладанием преступле-

ний против собственности, общественной безопасности и личности. Две трети рецидивных преступлений составляют кражи, грабежи, разбои и мошенничество [2, с. 68].

7. Связь с организованной преступностью. Феномену рецидивной преступности присуща тесная связь с организованной и профессиональной преступностью. Значительная доля участников групповых форм совершения преступлений имеет судимости, что обеспечивает высокий уровень сложности в их выявлении и разобщении [3, с. 62].

8. Рост интенсивности с увеличением количества судимостей. Нарастание количества судимостей у рецидивистов коррелирует с повышением интенсивности совершения ими новых преступлений, особенно при низкой эффективности их ресоциализации. В данных условиях укрепляются криминальные навыки рецидивистов, а также их осознанный выбор криминального пути решения жизненных проблем [4, с. 110].

Следовательно, на фоне общего сокращения числа рецидивистов их преступная активность усиливается. Кроме того, с увеличением числа судимостей уменьшается временной интервал до совершения нового преступления. Исходя из перечисленных закономерностей, актуализируется необходимость изучения детерминантов рецидивной преступности для разработки мер по ее предупреждению.

Основная задача государства в предупреждении рецидивной преступности — это нейтрализация, минимизация, устранение причин и условий, которые ей способствуют. К числу причин и условий рецидивной преступности относят *социально-экономические, социально-психологические, организационно-правовые, социально-политические и культурно-нравственные* детерминанты.

В криминологической доктрине *социально-экономические детерминанты* неизменно признаются приоритетными и наиболее весомыми среди причин и условий рецидивной преступности. Поскольку рецидивная преступность по сравнению с первичной структурно более сложно устроена, социально-экономические детерминанты выступают определяющими в выборе лицом, ранее совершавшим преступление, именно криминального варианта деятельности после отбытия наказания, в том числе после освобождения из мест лишения свободы. К социально-экономическим детерминантам рецидивной преступности можно отнести:

1. Высокий уровень безработицы среди лиц, освобожденных из мест лишения свободы, и сопутствующие низкие показатели их трудоустройства. Отсутствие стабильного законного источника дохода после освобождения объективно провоцирует повышенный риск повторных преступлений, поскольку вынуждает бывших осужденных прибегать к привычным криминальным способам удовлетворения базовых материальных потребностей. Согласно докладам Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации жалобы на проблемы трудоустройства преимущественно исходят от бывших осужденных, а свыше 60 % выявленных рецидивистов в момент совершения нового преступления не имели постоянной работы и стабильного дохода[1]. Эта связь особенно отчетливо проявляется в контексте общих проблем на рынке труда: низкой заработной платы, ограниченной востребованности, неполной занятости и нежелания работодателей оформлять официальные трудовые отношения. Низкий уровень образования и профессиональной подготовки существенно ограничивает возможности социальной реинтеграции. Лица с недостаточным образовательным уровнем и профессиональными навыками испытывают хронические трудности в поиске работы, что снижает их конкурентоспособность на рынке труда и затрудняет ресоциализацию, усугубляя маргинализацию. Низкая квалификация и невыгодные условия труда усугубляют ситуацию, делая криминальные способы заработка (кражи, мошенничества, грабежи) более привлекательными по сравнению с легальными альтернативами.

Опросы осужденных на этапе подготовки к освобождению выявляют пробелы в ключевых компетенциях: отсутствие знаний о легальных механизмах решения финансовых и бытовых проблем, финансовой грамотности, а также понимания современных общественных трансформаций, таких как цифровизация и информатизация повседневных процессов [6, с. 240]. В совокупности эти проблемы формируют когнитивно-поведенческие барьеры, превращаясь в одну из доминирующих детерминантов возврата к преступной деятельности как к наиболее простому, доступному и предсказуемому пути выживания.

2. Социальное неравенство и низкий уровень жизни в отдельных регионах. В криминологических исследованиях при проведении сравнительного

[1] Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год. URL: https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady (дата обращения: 19.02.2026).

анализа социально-экономических показателей субъектов Федерации была установлена прямая зависимость между уровнем социально-экономического развития региона и показателями рецидивной преступности [7, с. 228—233; 8, с. 119—124]. В частности, в регионах с наиболее низкими показателями социально-экономического развития (депрессивные территории с высоким уровнем бедности, ограниченной инфраструктурой и т. д.) фиксируется статистически значимый рост уровня рецидивной преступности. Эта зависимость обусловлена ограниченными возможностями социальной мобильности населения, усилением маргинализации и ослаблением институтов социального контроля, что особенно сильно сказывается на лицах с судимостью в постпенитенциарный период.

Степень поляризации в обществе обычно исследуется с помощью коэффициента Джини — числового индекса, иллюстрирующего степень неравномерности распределения доходов среди населения (так называемого «расслоения общества»). Его диапазон рассчитывается от 0 до 1, где 0 соответствует абсолютному равенству, а 1 — абсолютному неравенству, иначе — чем ближе показатель к 1, тем выше разрыв между населением с самыми высокими и с самыми низкими доходами. Согласно данным Росстата, в России коэффициент Джини по итогам 2025 г. вырос до 0,411 (в 2024 г. — 0,408, в 2023 г. — 0,405, в 2022 г. — 0,395, в 2021 г. — 0,409, в 2020 г. — 0,406)[1].

Ярко выраженное социальное неравенство создает условия, при которых у лиц, имеющих судимость, формируется уверенность в своей «ущербности», невозможности достичь даже среднего уровня жизни и, как следствие, психологическое противопоставление себя обществу, что, безусловно, усиливает склонность к повторным преступлениям.

3. Невозможность обеспечения базовых потребностей после отбытия наказания. Отсутствие постоянного места жительства (регистрации) после освобождения из мест лишения свободы существенно ограничивает доступ к ключевым социальным институтам — здравоохранению, образованию, социальному обслуживанию и трудоустройству, выступая мощным детерминантом рецидивной преступности. За период отбывания наказания осужденные нередко утрачивают жилье или право на пользование им по ряду объективных обстоятельств, что провоцирует хроническую необеспеченность базовых жизненных потребностей, формирует уязвимое психоэмоциональное состояние, усиливая восприимчивость к криминогенному воздействию и стрессогенную дезадаптацию. Более того, отсутствие собственного жилья вынуждает бывших осужденных проживать в помещениях с высокой концентрацией маргинального и криминализированного контингента, что не только тормозит процессы социальной реинтеграции и ресоциализации, но и существенно повышает вероятность повторного вовлечения в преступную деятельность.

Социально-психологические детерминанты играют значимую роль в существовании рецидивной преступности, плотно взаимодействуя, пересекаясь с социально-экономическими. К ним можно отнести:

1. Сложные семейные и социальные условия. Исследования показывают, что наличие стабильных семейных связей снижает риск повторных преступлений практически вдвое [7, с. 228—233; 8, с. 119—124]. Однако отбывание наказания в виде лишения свободы, как и сам факт осуждения, часто становится поводом для разрушения семьи, утраты социальных связей и, как следствие, отсутствия поддержки со стороны близких, что значительно увеличивает риск рецидива.

2. Психологические особенности личности. У рецидивистов отмечается наличие таких специфических черт, как импульсивность, низкий уровень самоконтроля, заниженная самооценка, укоренившееся чувство неполноценности. Кроме того, длительное нахождение в местах лишения свободы формирует устойчивое превалирование норм криминальной субкультуры, которые становятся доминирующими в их ценностной системе[2].

3. Высокий уровень социальной дезадаптации. Бывшие заключенные сталкиваются со значительными трудностями в коммуникации, у них отсутствуют навыки построения долгосрочных

[1] Социально-экономическое положение России (2025 год): доклад Федеральной службы государственной статистики // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2025.pdf (дата обращения: 19.02.2026).

[2] Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год. URL: https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady (дата обращения: 19.02.2026).

планов, разрешения сложных конфликтных ситуаций путем переговоров. Кроме того, рецидивистам сложно установить «здоровые» социальные контакты, тогда как налаживание связей с криминально ориентированными гражданами происходит значительно проще, что создает условия для повторных преступлений. Психологи также отмечают, что свыше 70 % рецидивистов имеют когнитивные искажения, а именно: отрицание собственной вины, оправдание совершенного преступления, занижение общественной опасности совершенного деяния [7, с. 228—233; 8, с. 119—124].

Организационно-правовые детерминанты включают в себя совокупность просчетов в правовой системе, правоприменительной практике, организации уголовно-исполнительной системы и механизмах ресоциализации осужденных:

1. Отток квалифицированных кадров из правоохранительных структур, проявляющийся в штатной неукомплектованности МВД России и ФСИН России на уровне около 20 %, существенно перегружает ключевых субъектов профилактики рецидивной преступности [9, с. 76]. Подобный кадровый дисбаланс препятствует проведению системной превентивной работы, своевременному выявлению провоцирующих обстоятельств и оказанию адресной поддержки лицам группы риска. Аналогичные ограничения затрагивают процессы исправления осужденных в пенитенциарных учреждениях, снижая эффективность мер по предупреждению новых преступлений как в период отбывания наказания, так и в постпенитенциарный период.

2. Отсутствие преемственности и координации между субъектами профилактики рецидивной преступности представляет собой системный организационно-правовой дефект, существенно снижающий действенность постпенитенциарной ресоциализации. В настоящее время фиксируется выраженная рассогласованность усилий ключевых институтов: исправительных учреждений, уголовно-исполнительных инспекций (применительно к условно-досрочному освобождению), органов внутренних дел, муниципальных исполнительных органов по месту предполагаемого проживания бывших осужденных, центров занятости и негосударственных организаций [10, с. 177]. Дефицит унифицированных баз данных, специализированных реестров и механизмов оперативного информационного обмена принципиально затрудняет, а в ряде случаев исключает возможность формирования целостной системы взаимодействия, направленной на комплексное сопровождение и ресоциализацию бывших осужденных.

3. Недостаточная эффективность системы постпенитенциарной ресоциализации остается существенным организационно-правовым барьером в противодействии рецидивной преступности. В настоящее время в России сформирована нормативная правовая база, регулирующая указанные процессы. В частности, Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ[1] устанавливает порядок коррекции социального поведения, ресоциализации и адаптации лиц, в отношении которых применяется пробация, с акцентом на предупреждение новых преступлений. Дополнительно приказ Министерства юстиции России «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация» от 29 ноября 2023 г. № 350[2] детализирует правила социальной и воспитательной работы, оказания психологической помощи, а также содействия в трудовом и бытовом устройстве бывших осужденных. Однако наличие законодательной базы само по себе не гарантирует эффективности ресоциализационных мероприятий. После вступления в силу данных нормативных правовых актов к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации продолжили поступать индивидуальные обращения от осужденных, в том числе от лиц, освобожденных из мест лишения свободы, с просьбами о содействии в процессах социальной адаптации и ресоциализации[3]. Для достижения системности и результативности в этом направлении требуется длительный период организационного налаживания взаимодействия, ресурсного обеспечения и методического сопровождения, что подчеркивает необходимость комплексного перехода от декларативных норм к практическим механизмам постпенитенциарной поддержки.

4. Недостатки в осуществлении надзора за лицами, ранее привлекавшимися к уголовной ответственности, или ненадлежащее применение контрольно-профилактического воздействия существенно ограничивают эффективность постпенитенциарных мер. Федеральный закон «Об административном надзоре за лицами, освобожденными

[1] URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 28.03.2026).

[2] Там же.

[3] Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год.

из мест лишения свободы» от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ[1] представляет собой фундаментальный нормативный правовой акт, регулирующий механизм административного присмотра за субъектами, отбывшими наказание в виде лишения свободы и сохраняющими потенциальную общественную опасность после освобождения. Надзорные меры дифференцированы законодателем с учетом характера совершенных преступлений (рецидив преступлений, умышленные преступления в отношении несовершеннолетних и т. д.), особенностей личности, а также уголовно-правовых последствий судимости. По сути, данный институт направлен на охрану общественного правопорядка путем нейтрализации вероятных угроз государству и обществу, которые не поддаются минимизации иными средствами [11, с. 63]. Административный надзор выполняет ключевую функцию в профилактике рецидивной преступности, способствуя укреплению безопасности. Несмотря на детальную регламентацию механизмов административного надзора и значительную практику их реализации, в правоприменении сохраняются значительные проблемы, препятствующие задействованию его полного потенциала: расплывчатость критериев отнесения лиц к категории потенциально опасных, провоцирующая субъективизм в решениях об установлении надзора; дефицит ресурсного обеспечения органов надзора, который снижает эффективность присмотра и приводит к его формализации; недостаточная нормативная проработка отдельных аспектов, включая взаимодействие с органами местного самоуправления, медицинскими учреждениями и работодателями освобожденных лиц, и т. д. Данные противоречия подчеркивают необходимость совершенствования механизма административного надзора для повышения его превентивной эффективности.

Социально-политические детерминанты в большинстве своем связаны с нестабильностью государственной политики и несовершенством правоохранительной системы. Отметим некоторые из них:

1. Современное уголовное законодательство характеризуется высокой скоростью изменений, что обусловлено необходимостью оперативного реагирования на социально-политические трансформации. В частности, за 2020—2025 гг. был принят 31 федеральный закон, вносящий изменения в УК РФ, что отражает нестабильный характер законодательной политики. Такая спешка в принятии решений, хотя и обеспечивает быстрое реагирование государства на общественные вызовы, неизбежно порождает ряд системных проблем: фрагментарность нормативного материала, приводящая к отсутствию внутренней согласованности и системности; возникновение правовых коллизий, усложняющих единообразное толкование норм; трудности правоприменительной практики, связанные с неоднозначностью формулировок и несогласованностью положений; дефицит методического сопровождения. Часто законодательные изменения не сопровождаются разработкой разъяснительных материалов, повышением квалификации судей, прокуроров, сотрудников ФСИН России и МВД России, что снижает эффективность их реализации и усиливает правоприменительные риски. Данные противоречия подчеркивают необходимость перехода от отрывочных поправок к комплексному реформированию уголовного законодательства с обязательным институциональным сопровождением.

2. Недостаточное финансирование программ ресоциализации осужденных представляет собой системный дефицит ресурсного обеспечения постпенитенциарной адаптации, существенно ограничивающий эффективность мер по профилактике рецидивной преступности. Анализ ассигнований ФСИН России за последние годы выявляет хроническое недофинансирование целевых программ. Расчет удельного веса средств, выделяемых на социальную адаптацию освобожденных лиц, демонстрирует, что они составляют менее 2—3 % от общего бюджета ФСИН, преимущественно распределяемого на содержание мест лишения свободы и логистику. Отмеченный ресурсный дефицит обусловлен приоритетами бюджетной политики, ориентированной на текущие операционные расходы в ущерб долгосрочным превентивным программам. В результате реализация мер по трудоустройству, психологической поддержке и жилищному обеспечению носит эпизодический характер, что подтверждается статистикой рецидива (40—50 % в первые три года после освобождения) и ежегодными жалобами освобожденных в адрес Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации[2].

3. Российская Федерация на протяжении многих лет остается принимающей страной для трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья (СНГ), а в последние годы — также из регионов

[1] URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 28.03.2026).

[2] Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год.

Африки и Юго-Восточной Азии. По оценкам специалистов, на начало 2025 г. в России находилось около 6,3 млн иностранцев, из которых значительная доля (до 40—50 %) осуществляет трудовую деятельность нелегально — с просроченными патентами, отсутствием регистрации или нарушением миграционного режима. Такое положение делает мигрантов уязвимыми для вовлечения в противоправную деятельность, включая транснациональную преступность и экстремизм [12, с. 134]. Освобожденные из мест лишения свободы мигранты сталкиваются с усугубленными социальными барьерами: ограниченными возможностями легального трудоустройства, низким уровнем владения русским языком и незнанием национального законодательства, что резко повышает риск рецидива. Административное выдворение как превалирующая мера реагирования на их противоправные действия оказывается не всегда эффективной: значительная часть выдворенных лиц возвращается в Россию в кратчайшие сроки, возобновляя преступную деятельность. Эффективность превентивных мер в значительной степени снижается из-за проблем в международном сотрудничестве — ограниченных возможностей экстрадиции и слабого взаимодействия с правоохранительными органами стран происхождения мигрантов. Ученые отмечают, что отсутствие системного отслеживания криминальной мобильности транснациональных субъектов приводит к росту рецидива на 20—30 % среди этой категории [12, с. 135].

Культурно-нравственные детерминанты рецидивной преступности формируют специфический блок причин и условий, дезорганизующих внутренние механизмы социального контроля и способствующих повторному противоправному поведению:

1. Утрата традиционных ценностей — дегуманизация общественного сознания, характеризующаяся деформацией историко-культурных, нравственных и религиозных ориентиров (семейные ценности, трудолюбие, патриотизм), приводит к ослаблению самоконтроля и нивелированию моральных барьеров перед рецидивом преступлений.

2. Дефекты семейного воспитания — негативный семейный фон (алкоголизм, наркомания, антисоциальные установки, внутрисемейное насилие, отсутствие контроля за детьми) формирует криминогенные черты личности, обеспечивая преемственность девиантного поведения.

3. Медиадетерминанты — средства массовой информации, популяризирующие насилие, агрессию и толерантность к отклонениям, выступают катализатором нравственной деградации, усиливая рецидивные мотивы.

4. Криминальная субкультура — распространение тюремных традиций и понятий как внутри пенитенциарной системы, так и в сообществах бывших осужденных искажает правосознание и оправдывает повторную преступность.

Комплексный анализ указанных детерминантов обеспечивает основу для точного прогнозирования изменений рецидивной преступности и разработки стратегий ее предупреждения. Их взаимосвязь формирует причинно-следственные цепи: социально-экономические трудности (безработица, отсутствие жилья) провоцируют деморализацию, которая в сочетании с низкой правовой культурой и нигилизмом обусловливают рецидив. Основная стратегическая задача государства в предупреждении рецидивной преступности заключается в целенаправленном устранении, нейтрализации, минимизации, корректировке перечисленных выше причин и условий, порождающих ее.

Социально-экономические меры предупреждения рецидивной преступности требуют первоочередного внимания, поскольку именно они определяют материальную основу постпенитенциарной адаптации. Для преодоления высокого уровня безработицы и обеспечения занятости необходимо продолжить и расширить государственные программы квотирования рабочих мест для лиц с судимостью (до уровня 3—5 % вакансий в приоритетных отраслях) с предоставлением субсидий и налоговых льгот работодателям, а также создания центров профессиональной подготовки в исправительных учреждениях с фокусом на востребованные специальности (логистику, строительство и т. д.), обеспечивающие гарантированное трудоустройство после освобождения. Индивидуальные подходы к трудоустройству с сопровождением уголовно-исполнительными инспекциями в течение 6—12 месяцев минимизируют риск возврата к криминальным моделям поведения. Снижение социального неравенства может достигаться адресными социальными выплатами и программами повышения социальной мобильности для нуждающихся в этом групп населения, включая мониторинг коэффициента Джини с корректировкой региональных мер в депрессивных территориях. Низкий уровень жилищных условий может восполняться восстановлением жилищных прав через упрощенные процедуры регистрации и предоставление социального жилья в формате центров адаптации (на 6—12 месяцев), а также созданием

центров ресоциализации с доступом к базовым услугам. Наконец, дефицит образования должен устраняться обязательным профессиональным обучением спецконтингента с выдачей дипломов государственного образца, программами финансовой грамотности и цифровой компетентности, реализуемыми через партнерство с вузами и онлайн-платформами.

Социально-психологические меры предупреждения рецидивной преступности реализуются через семейно-ориентированную работу, включающую программы медиации для сохранения семейных связей и воссоединения после освобождения, а также поддержку родственников. Психологические отклонения осужденных корректируются диагностикой и когнитивно-поведенческой терапией в исправительных учреждениях, постпенитенциарным надзором в течение года — двух лет и профилактикой криминальной субкультуры посредством культурно-досуговых программ ценностной переориентации. Социальная дезадаптация преодолевается навыковыми тренингами коммуникативной компетентности и конфликтологии, программами реинтеграции с поддержкой волонтеров и мониторингом когнитивных искажений.

Организационно-правовые меры предупреждения рецидивной преступности включают в себя комплексную кадровую политику, направленную на удержание специалистов во ФСИН России и МВД России через повышение заработной платы сотрудников до конкурентоспособного уровня на рынке труда, обеспечение карьерного роста, подготовку кадрового резерва и цифровизацию работы для снижения нагрузки на сотрудников, реализацию жилищных программ и других мер социальной поддержки. Слаженное взаимодействие субъектов профилактики должно обеспечиваться единой цифровой платформой с реестром лиц группы риска и планами сопровождения, регулярными межведомственными встречами и едиными стандартами постпенитенциарного надзора. Эффективность ресоциализации может значительно повыситься в случае обеспечения финансированием института пробации на уровне 5—7 % бюджета ФСИН России, разработки методик оценки программ и проектов комплексного сопровождения в регионах высокого рецидива. Просчеты административного надзора минимизируются уточнением критериев отбора с автоматизацией, увеличением ресурсного обеспечения и расширением взаимодействия с работодателями, медучреждениями и муниципалитетами.

Социально-политические меры предупреждения рецидивной преступности требуют продолжения реализации долгосрочной Федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018—2035 гг.)», утвержденной постановлением Правительства РФ от 6 апреля 2018 г. № 420[1], с экспертно-аналитическим сопровождением изменений, системной подготовкой правоприменителей и устранением правовых коллизий. Миграционные риски снижаются усилением контроля легализации приезжих, программами языковой и правовой адаптации, а также механизмами международного сотрудничества по рецидивистам.

Культурно-нравственные меры предупреждения рецидивной преступности связаны с реализацией государственных программ патриотического, правового, религиозного воспитания в пенитенциарных учреждениях и кампаний общественного осуждения рецидива. Недостатки семейного воспитания устраняются просветительскими программами профилактики детской преступности и социальной работой с семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации. Негативное влияние СМИ минимизируется мониторингом информации со стороны Роскомнадзора и других субъектов, а криминальные традиции — программами декриминализации субкультуры и внедрением альтернативных ценностей.

Реализация предложенного комплекса в условиях федеральной координации, ресурсного обеспечения и мониторинга эффективности позволит существенно снизить рецидивную преступность в среднесрочной перспективе. Важно также понимать, что перечисленные меры предупреждения рецидивной преступности призваны действовать в совокупности, только путем взаимодополнения друг друга. С их помощью возможно создать условия, способствующие максимально результативной политике предупреждения рецидивной преступности и обеспечению национальной безопасности государства. Эффективное противодействие рецидиву преступлений невозможно без системной государственной политики, сочетающей правоохранительные меры с программами ресоциализации, трудоустройства, психологической поддержки и восстановления социальных связей, а также в целом формирования современной, гибкой и эффективной уголовной политики.

[1] URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 28.03.2026).

1. Гончарова М. В. Основные черты рецидива корыстных преступлений / под ред. засл. деятеля науки РФ д-ра юрид. наук, проф. Ю. М. Антоняна. Москва: ВНИИ МВД России, 2012. 110 с.

2. Ничуговская О. Н. Ресоциализация и социальная адаптация осужденных в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (63). С. 65—69.

3. Поляков А. В. Актуальные аспекты прогностической деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел: проблемы и пути их решения // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3 (73). С. 60—63.

4. Попов С. В. Роль и значение конфиденциального содействия в оперативно-разыскной деятельности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (82). С. 106—113.

5. Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Авторский курс. 4-е изд., перераб и доп. Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2018. 517 с.

6. Гончарова М. В. Рецидив корыстных преступлений и его предупреждение: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. 457 с.

7. Филиппова О. В. Состояние рецидивной преступности и социально-экономическое положение региона // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 228—233.

8. Михайлова Е. В. Криминологическая характеристика рецидивной преступности в России // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 119—124.

9. Мелихов А. И., Лобасева Е. Г. Образовательное и научное обеспечение профессиональной подготовки оперативных сотрудников полиции через призму теории национальной безопасности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (75). С. 75—82.

10. Поляков А. В. О некоторых вопросах организации работы сотрудников уголовного розыска // VII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в Третьем тысячелетии»: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Калининград, 14 декабря 2018 г.). Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2019. С. 176—178.

1. Goncharova M. V. Main features of recidivism of crimes of personal gain. Red. by Yu. M. Antonyan, honored scientist of the Russian Federation, doctor of juridical sciences, full professor. Moscow: All-Russian Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 2012: 110. (In Russ.).

2. Nichugovskaya O. N. Resocialization and social adaptation of the convicts in the penal system of the Russian Federation. Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 65—69, 2021. (In Russ.).

3. Polyakov A. V. Topical aspects of prognostic activities of detective units of the internal affairs bodies: problems and ways to solve them. Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 60—63, 2023. (In Russ.).

4. Popov S. V. Role and importance of confidential assistance in detective activities. Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 106—113, 2025. (In Russ.).

5. Gilinsky Ya. I. Criminology: theory, history, empirical base, social control. Author's Course. 4th ed., rev. and suppl. Saint Petersburg: Alef-Press; 2018: 517. (In Russ.).

6. Goncharova M. V. Recidivism of crimes of personal gain and its prevention. Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2014: 457. (In Russ.).

7. Filippova O. V. Recidivism and socio-economic situation of the region. Tomsk State University Journal, 228—233, 2023. (In Russ.).

8. Mikhailova Ye. V. Criminological characteristics of recidivism in Russia. Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 119—124, 2024. (In Russ.).

9. Melikhov A. I., Lobaseva Ye. G. Educational and scientific support for the professional training of detective officers of police through the prism of national security theory. Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 75—82, 2024. (In Russ.).

10. Polyakov A. V. On some issues of organizing the work of criminal investigation officers. In: VII Baltic Legal Forum "Law and Order in the Third Millennium". Works of the internatonal scientific-practical conference (Kaliningrad, 14 December 2018). Kaliningrad: Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry

11. Репьев А. Г., Кашкина Е. В. Специальные принципы осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: сущность, содержание и виды // Административное право и административный процесс. 2019. № 2. С. 61—65.

12. Мелихов А. И., Костюченко Н. И. Ключевые факторы обеспечения национальной безопасности в сфере миграции // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78). С. 134—141.

of Internal Affairs of Russia, 176—178, 2019. (In Russ.).

11. Repiev A. G., Kashkina Ye. V. Special principles to implement administrative supervision over persons released from correctional institutions: essence, content and types. Administrative law and administrative process, 61—65, 2019. (In Russ.).

12. Melikhov A. I., Kostyuchenko N. I. Key factors to ensure national security in the sphere of migration. Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 134—141, 2024. (In Russ.).

Репьева Анна Михайловна,
исполняющий обязанности
заведующего кафедрой
уголовного права, уголовного процесса
и правоохранительной деятельности
Юридического института
Российского университета транспорта,
кандидат юридических наук;
anna-repeva@yandex.ru

Repieva Anna Mikhailovna,
acting head of the department of criminal law,
criminal procedure and law enforcement activities
of the Law Institute
of the Russian University of Transport,
candidate of juridical sciences;
anna-repeva@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 13.01.2026; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 13.01.2026; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 16.02.2026.

* * *

УДК 343.132

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК ПРИЗНАК ИХ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Людмила Анатольевна Александрова
Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, ml1970@yandex.ru

Аннотация. Предметом исследования являются нормы уголовно-процессуального законодательства, отражающие общие правила производства следственных действий, логика их изложения, позволяющая систематизировать деятельность следователя. В предмет также входят выводы Конституционного Суда Российской Федерации, Пленума Верховного Суда Российской Федерации, сделанные по итогам рассмотрения противоречивой правоприменительной практики. Объект исследования формируется возникающими при этом отношениями между участниками производства по уголовному делу, спорными вопросами обеспечения их прав, разрешение которых отражено в отдельных судебных решениях. В исследовании применялись, наряду с общенаучными, метод обработки эмпирических данных для выявления закономерности, а также методы систематизации: сравнение, анализ и синтез. В статье рассматривается проблема отсутствия единообразного подхода к производству следственных действий, что привело к регулированию спорных моментов правоприменения решениями Конституционного Суда и Верховного Суда России — функции, им не свойственной. В результате изучения практики и нормативного регулирования предлагаются общие закономерности, позволяющие систематизировать следственные действия по такому признаку их подготовительной части, как наличие юридического основания производства. На этой основе предлагается универсализация норм уголовно-процессуального закона, содержащих положения об общих правилах производства следственных действий, что обеспечит его законность и позволит упорядочить правоприменение.

Ключевые слова: уголовный процесс, следственные действия, общие правила, юридическое основание, систематизация, внутренняя структура, подготовительная часть, ограничение конституционных прав, охраняемая законом тайна

Для цитирования: Александрова Л. А. Юридическое основание производства следственных действий как признак их систематизации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 1 (76). С. 71—78.

THE LEGAL GROUND FOR INVESTIGATIVE ACTIONS AS A FEATURE OF THEIR SYSTEMATISATION

Lyudmila Anatoliyevna Aleksandrova
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia, ml1970@yandex.ru

Abstract. The subject of research involves criminal procedure norms that contain the common rules of investigative actions, and the logic of their presentation, which allows the systematization of those investigative actions. The subject also includes the findings of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, deduced from the analysis of controversial law enforcement practice. The object of the research comprises the evolving relationship of the participants in criminal procedure and the contentious issues of ensuring their rights, the resolution of which is stated in courts' verdicts. The research applied both general and private scientific methods; the latter included the identification of empirical regularities method as well as such methods of systematization as comparison, analysis and synthesis. The article views upon the lack of a uniform approach in investigative actions as a problem leading to the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation taking over the non-core function of resolving the controversial issues of law enforcement. Practice and legal regulation analysis resulted in revealing the common patterns, which made it possible to systematize the investigative actions by means of such a preliminary stage

© Александрова Л. А., 2026

indicator as the existence of a legal basis for the proceeding. Therefore, it is required to universalise the criminal procedure norms containing the common rules of investigative actions, which ensures their legality and streamlines law enforcement.

Keywords: criminal procedure, investigative actions, common rules, legal ground, systematization, internal structure, preparatory stage, constitutional rights restriction, secret protected by the law

For citation: Aleksandrova L. A. The legal ground for investigative actions as a feature of their systematization. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 71—78, 2026. (In Russ.).

Любые правила предполагают систематизацию упорядоченных ими действий, обобщают их. Общим правилам производства следственных действий формально посвящена только одна статья 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ), однако таковые содержатся и в последующих — включительно по ст. 170 УПК РФ. Более того, подобные нормы, носящие общий характер, закреплены в некоторых статьях как специальные. Хаотичное их изложение свидетельствует о проблемах систематизации следственных действий, о чем неоднократно отмечалось в научных исследованиях [1, с. 172; 2, с. 49; 3, с. 17].

В качестве одного из системообразующих признаков можно выделить юридическое основание производства следственных действий. По своим характеристикам он может быть отнесен к общим правилам, однако нормы, касающиеся постановления судьи или следователя, содержатся не только в ч. 2 ст. 29, ч. 1 ст. 164 УПК РФ, но и в специальных статьях — ч. 2 ст. 179 и ч. 3 ст. 202 УПК РФ. Это ведет к путанице в регулировании: например, ч. 1 ст. 164 УПК РФ ограничивается простым закрытым перечнем следственных действий, производство которых возможно только по постановлению следователя. В то же время без этого юридического основания невозможно получение образцов для сравнительного исследования, что приведенное общее правило игнорирует. Содержание ч. 2 ст. 164 УПК РФ также нельзя назвать удачным: оно не несет никакой собственной информации, дублируя положения ст. 29 УПК РФ, ссылаясь на ее перечень, такой же закрытый, хотя в качестве основы санкционирования должен быть указан общий признак.

Описывая внутреннюю структуру следственного действия, можно выделить такие части, как подготовительная (распорядительная), производственная и итоговая (закрепительная), о чем писал С. Б. Россинский [4, с. 166]. Для обеспечения законности следственного действия предназначена в большей мере первая, носящая обеспечительный характер. Системный подход на основе признаков, объединяющих подобные структурные элементы, позволит упорядочить изложение норм, описывающих общие правила производства следственных действий, которые должны охватывать повторяющиеся проявления структуры как закономерность, только тогда можно будет их систематизировать и упорядочить правоприменительную практику. Одним из таких признаков является деятельность следователя (дознавателя) по определению и обеспечению юридического основания производства следственного действия, под которым понимается его постановление либо судебное решение (санкционирование).

Судебное решение как юридическое основание производства следственного действия

Необходимость осуществления судебного контроля обусловлена ограничением конституционных прав участников судопроизводства. Для группы следственных действий, обозначенной в ч. 2 ст. 164 УПК РФ, судебное решение — гарантия законности, позволяющая заранее не предупреждать стороны об их осуществлении и, соответственно, специально в подготовительной (распорядительной) части не обеспечивать участие защитника[1]. Конституционный Суд Российской Федерации связал это с угрозой уничтожения доказательств и отграничил эту группу от действий, «связанных с дачей показаний» или вербальных[2]. В его опре-

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Григоряна Романа Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частью одиннадцатой статьи 182, пунктами 10 и 11 части третьей, частями пятой и шестой статьи 259, частью третьей статьи 260, статьей 297 и пунктом 2 статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 сентября 2017 г. № 2240-О // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28092017-n-2240-o/ (дата обращения: 21.07.2025).

[2] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Агаркова Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части первой статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2015 г. № 998-О //

делении фактически было предложено правило, основанное на общих признаках таких действий, на которые не распространяется требование предварительного обеспечения присутствия адвоката:

— если действие не связано с дачей лицом показаний;

— если оно носит безотлагательный характер;

— если проводится без предварительного уведомления для обеспечения доступа к доказательствам и их целостности.

При всей ясности данного подхода отсутствие его систематичности создает проблемы правоприменения. Законодатель допускает обыск, выемку в жилище, а также осмотр жилища в случае возражения проживающего в нем лица только при наличии судебного решения, однако без него там же могут производиться проверка показаний на месте, следственный эксперимент. Нельзя не согласиться с Е. К. Черкасовой, предлагавшей проводить эти следственные действия по правилам осмотра жилища [5, с. 148]. Такую же позицию занял и Конституционный Суд Российской Федерации, однако его вывод касается только производства проверки показаний на месте и содержит, соответственно, формальное толкование ст. 194 УПК РФ как статьи, не предполагающей отказа от судебного контроля[1]. Думается, что ограничение конституционного права должно выступать как признак, подлежащий вынесению на общесистемный уровень, а не размещаемый отдельно в специальных статьях. Для этого определить в ч. 2 ст. 29 УПК РФ общее условие, при котором следственные действия могут производиться только по решению суда, — ограничение неприкосновенности жилища. Ее текст может выглядеть так: следственные действия, ограничивающие конституционное право неприкосновенности жилища, связанные с проникновением в его пределы, производятся по судебному решению, если иной порядок не определен специальной нормой. Содержание п. 4 ч. 2 ст. 29 УПК РФ можно признать излишним, поскольку более подробно оно изложено в ч. 5 ст. 177 УПК РФ со ссылкой на ст. 165 УПК РФ — общие правила производства.

Трудность правоприменения в связи с этим может возникнуть при определении границ самого по себе жилища как пределов действия конституционной гарантии: уголовно-процессуальный закон дает слишком размытое его понятие. Любое строение или помещение, приспособленное для временного проживания, как часть определения (п. 10 ст. 5 УПК РФ) не только обесценивает саму дефиницию, но и может служить основой для любого злоупотребления правом. От этого может пострадать публичный интерес, в частности — безопасность общества: существуют строения, имеющие стратегическое значение. Неплохо было бы обратить внимание на определение жилища, которое используется для применения меры пресечения в виде домашнего ареста. Помимо жилого помещения, входящего в жилищный фонд и используемого по назначению, для этой цели пригодным считается не входящее в него иное помещение или строение, если оно отвечает соответствующим требованиям[2]. Более того, ч. 1 ст. 107 УПК РФ устанавливает требования к лицу — законные основания проживания. Думается, такой подход необходимо распространить как понимание пределов производства следственных действий.

Другое общее условие, обозначенное в п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, — доступ к охраняемой законом тайне. Однако содержание нормы, носящее частный характер и касающееся только выемки, оставляет желать лучшего. Конституционный Суд в определении по жалобе ОАО «Универсальный коммерческий банк „ЭРА“» предложил неплохую формулировку этого, по сути, общего признака: «судебное решение необходимо вне зависимости от вида следственного действия, направленного на изъятие документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан»[3]. Ее напрасно игно-

Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-23042015-n-998-o-ob/ (дата обращения: 21.07.2025).

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Киятова Николая Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 194 Уголовно процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июля 2010 г. № 911-О-О // Сборник законов. Законодательство Российской Федерации. Правовой портал. URL: https://sbornik-zakonov.ru/22171.html (дата обращения: 23.07.2025).

[2] О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-19122013/ (дата обращения: 05.10.2025).

[3] Определение Конституционного Суда РФ от 19 января 2005г. № 10-О по жалобе ОАО «Универсальный

рирует законодатель, однако и здесь — не без недостатков: для общей нормы кодифицированного нормативного акта предложенное содержание представляется слишком узким, поскольку касается определенных обстоятельств. В приведенном случае рассматривается жалоба на нарушение банковской и коммерческой тайны, сохранность которой обеспечивается банком, поэтому для описания общего правила необходима систематизация следственных действий, касающихся охраняемых законом отношений. Практика знает исключительные случаи получения данных, содержащих рассматриваемый вид тайны без судебного решения. В статье 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» от 2 декабря 1990 г. № 395-1 есть ссылка на порядок предоставления сведений, содержащих банковскую тайну, предусмотренный Таможенным кодексом Евразийского экономического союза (п. 2 ст. 337; п. 8 ст. 340)[1] и Федеральным законом «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ (ч. 13 ст. 242)[2]. Существующие исключения создают еще большую путаницу, однако порядок, предусмотренный ратифицированным международным нормативным актом, имеет преимущественное значение в соответствии с ч. 3 ст. 1 УПК РФ.

В рамках действующего национального законодательства за используемые сведения несет ответственность организация, которой они были доверены, независимо от вида охраняемой тайны, однако если они оказываются в распоряжении лица — их обладателя и источника, действует иной правовой режим изъятия. Так, например, определил его Конституционный Суд Российской Федерации, рассмотрев жалобу Попова[3] и аналогичную жалобу Сидака[4]: электронный носитель информации может быть изъят у лица в ходе производства законного следственного действия, вынесения специального судебного решения для этого не требуется. Аналогично сложилась практика изъятия почтовых отправлений, из которой следует, что место нахождения носителя информации не влияет на порядок изъятия, если это не почтовое отделение связи. Так, в суд апелляционной инстанции была подана жалоба на незаконность произведенного следователем обыска, в которой оспаривалось не само изъятие источников информации, а наличие фактических оснований для этого, а также отмечалось нарушение пределов следственного действия, поскольку доля жилого помещения принадлежала иному собственнику — заместителю председателя органа местного самоуправления[5]. В данном случае имеет значение законность следственного действия и статус лица, у которого происходит изъятие, а не носитель информации. То же можно отнести, например, и к изъятию медицинских документов, что уточняется Пленумом Верховного Суда Российской Федерации: выемка медицинской карты должна осуществляться только по судебному решению, однако по запросу следователя может быть получена выписка из нее, справка о факте обращения за медицинской помощью или о медицинском учете[6]. Очевидно, что речь идет о пре-

коммерческий банк „ЭРА“» // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/law/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-19012005-n_6/ (дата обращения: 05.07.2025).

[1] О ратификации договора о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза: федер. закон от 14 ноября 2017 г. № 317-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 47. Ст. 6843.

[2] О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 32. Ст. 5082.

[3] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Попова Анатолия Николаевича на нарушение его конституционных прав статьями 176 и 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2017 г. № 338-О // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28022017-n-338-o/ (дата обращения: 24.07.2025).

[4] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сидака Константина Петровича на нарушение его конституционных прав частью шестой статьи 164 и статьей 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2018 г. № 1955-О // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-17072018-n-1955-o/ (дата обращения: 24.07.2025).

[5] Апелляционное постановление № 22-720/2019 22К-720/2019 от 19 марта 2019 г. по делу № 22-720/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/pxTjFYcnqmUd/ (дата обращения: 24.07.2025).

[6] О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): постановление Пленума Верховного Суда

доставлении сведений медицинскими организациями, отвечающими за сохранение этого вида тайны. Если медицинская карта находится у непосредственного владельца, изымается она в рамках производимого для этого следственного действия.

Общее правило, касающееся группы следственных действий, объединенных по признаку юридического основания, в случае получения доступа к охраняемой законом тайне можно сформулировать следующим образом: предметы и документы, содержащие охраняемую законом тайну, изымаются у организаций, ответственных за ее хранение, по судебному решению, а также в ходе производства следственного действия. Изъятие у владельцев и носителей этих сведений — частных лиц — осуществляется в рамках законного следственного действия.

Постановление следователя как юридическое основание производства следственного действия

Менее очевидна необходимость постановления следователя для производства некоторых следственных действий. Е. А. Бравилова небезосновательно говорит об утрате им своего значения наряду с обязательным судебным контролем [3, с. 21], однако отказываться от него было бы опрометчиво. Логично подходил к этому вопросу УПК РСФСР, изложивший в Главе десятой «Общие условия производства предварительного следствия» правило об обязательности исполнения вынесенного им постановления «всеми предприятиями, учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами» (ч. 5 ст. 127 УПК РСФСР)[1]. Это — одно из полномочий следователя, предполагающее возможность применения принуждения для исполнения его решения. В действующем УПК РФ подобное положение изложено более размыто, как полномочие самостоятельно принимать решения о производстве процессуальных действий (п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). Его процессуальное значение вскользь отмечено в ч. 2 ст. 179 УПК РФ, где говорится о его обязательности для освидетельствуемого лица. Очевидно, что наличие процессуального решения — постановления следователя — обеспечивает возможность применения принуждения для достижения цели следственного действия. О его допустимости и пределах отмечалось в определении Конституционного Суда Российской Федерации еще в 2004 г.[2] Эту мысль подтверждает сложившаяся практика: для производства осмотра жилища при отсутствии возражений со стороны жильцов не требуется не только судебного решения, но и специального постановления следователя, поскольку обстоятельства осуществления следственного действия исключают применение принуждения.

Несколько обособленно стоит такое следственное действие, как назначение и производство судебной экспертизы. Здесь, кроме прочего, постановление следователя определяет границы необходимого исследования, его предмет путем постановки перед экспертом вопросов. О возможности принуждения при этом свидетельствуют нормы ст. 196 УПК РФ, перечисляющие случаи обязательного назначения экспертизы, хотя по смыслу названная статья больше определяет ограничение процессуальной самостоятельности следователя. Пределы применения принуждения со ссылкой на пп. 2, 4 и 5 обозначены положением ч. 4 ст. 195 УПК РФ, согласно которой, невзирая на наличие согласия, потерпевший направляется на исследование при необходимости определить его психическое состояние, возраст, а также тяжесть вреда здоровью, причиненного преступлением. Волеизъявление свидетеля требуется во всех случаях[3].

По этому же специальному признаку можно выделить и освидетельствование, отличающееся от экспертного исследования отсутствием требования к наличию специальных знаний (ч. 1 ст. 179 УПК РФ). Тем не менее принуждение в этом случае допустимо не только к потерпевшему, но и по отношению к свидетелю при необходимости оценки его показаний. Возможность принуждения предусмотрена уголовно-процессуальным законом как

Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-01062017/ (дата обращения: 02.07.2025).

[1] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Москва: Ось-89, 1999. 208 с.

[2] Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Черкесского гор. суда Карачаево-Черкесской Республики о проверке конституционности п. 2 ч. 4 ст. 46 и п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2004 г. № 448 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-16122004-n-448-o-ob/ (дата обращения: 04.07.2025).

[3] О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 // Российская газета. 2010. 30 дек.

последствие неподчинения требованиям следователя при производстве обыска (ч. 4 ст. 182 УПК РФ). В то же время пределы применения принуждения при производстве других следственных действий, предполагающих наличие специального юридического основания, подобным образом специальными нормами не установлены, хотя этот вопрос в теории уголовного процесса широко изучен [6, с. 71; 7, с. 146; 8], что подтверждает насущность создания общего правила с описанием порядка применения принуждения и его пределов при производстве следственных действий этой группы. Наряду с указанием обязательности процессуального решения для всех участников судопроизводства как условие принудительного воздействия должен быть назван отказ от его выполнения, а также исключительность принимаемых мер, возможных только тогда, когда иными способами цель следственного действия не может быть достигнута.

Любое принуждение, применяемое к участникам производства по уголовному делу, требует тщательного обоснования, мотивировки. У описываемой группы следственных действий (производимых по постановлению следователя) общий признак их подготовительной (распорядительной) части — обеспечение наличия специального юридического основания. Это неразрывно связано с требованиями законности, обоснованности и мотивированности, предъявляемыми к процессуальному решению (ч. 4 ст. 7 УПК РФ), что предполагает наличие в описательно-мотивировочной части документа перечня фактических оснований с их оценкой и связью с юридическими нормами. О важности оценки обстоятельств, свидетельствующих о необходимости производства следственного действия, говорится в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посвященных судебному контролю, как в форме санкционирования[1], так и в форме рассмотрения жалоб на действия и решения следователя, дознавателя[2]. И в первом, и во втором случае судья должен установить полноту предоставленных сведений (процессуальные, правовые) и наличие фактических оснований для производства следственного действия.

Так, двойное значение имеет постановление следователя о назначении судебной экспертизы: оно важно не столько для обеспечения возможности применения принуждения, сколько для описания задания для исследования, вопросов, задаваемых эксперту, его данных и сведений об экспертной организации. Тем не менее отсутствие в описательно-мотивировочной части мотивов и оснований принятого решения может стать причиной отмены решения следователя и, соответственно, признания заключения эксперта недопустимым доказательством.

Коммерсант, передавая взятки должностным лицам Камчатского края, самостоятельно делал аудиозаписи разговоров с ними. Предоставленные следователю результаты стали единственным прямым доказательством передачи денег. Первоначальной фоноскопической экспертизой аудиозаписи не удалось определить принадлежность голоса одного из участников разговора, в связи с чем следователь назначил повторное исследование. Это решение было обжаловано защитником обвиняемого в суд, который признал его незаконным, поскольку в тексте постановления не были приведены данные о возникших сомнениях в обоснованности выводов эксперта или их противоречивости, как того требует ст. 207 УПК РФ[3].

Таким образом, по подготовительной (распорядительной) части следственных действий можно их сгруппировать:

— на связанные с ограничением конституционных прав и осуществляемые по судебному решению (в том числе производящиеся в жилище при наличии возражения проживающего в нем лица);

[1] О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19.

[2] О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-10022009/ (дата обращения: 02.07.2025).

[3] Постановление судьи Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края по материалу № 3/10-615/2013 от 11 октября 2013 г. по итогам рассмотрения жалобы адвоката-защитника о признании незаконным постановления следователя о назначении повторной фоноскопической судебной экспертизы по уголовному делу № 218014 // Защита. Камчатская коллегия адвокатов. URL: https://kollegia-kamchatka.ru/praktika/po-ugolovnym-delam/rasmotrenie-zhalob-v-porjadke-st-125-upk-rf/sud-priznal-nezakonym-naznachenie-pov.html (дата обращения: 02.06.2025).

— осуществляемые по постановлению следователя (дознавателя), обязательного для исполнения участниками производства в связи с возможностью применения принуждения для достижения цели следственного действия;

— не требующие отдельного юридического основания, осуществляемые вне жилища — осмотр, следственный эксперимент, проверка показаний на месте, а также обыск, выемка, не затрагивающие охраняемую законом тайну, допросные следственные действия, в ходе производства которых принуждение не допускается.

Для первых двух групп можно выделить общее требование — наличие специального юридического основания с мотивировкой и обоснованием необходимости производства следственного действия для обеспечения законности и судебного контроля. Такое процессуальное решение обязательно к исполнению всеми участниками. Это можно было бы отразить, соответственно, в чч. 1, 2 и 3 ст. 164 УПК РФ. Создание общего правила позволило бы дополнить УПК РФ: главу 21 «Общие условия предварительного расследования» статьей 156.1, которая бы содержала общее для стадии предварительного расследования правило: «Постановление, вынесенное следователем по уголовному делу, находящемуся у него в производстве, как законное процессуальное решение обязательно для исполнения всеми участниками уголовного судопроизводства, органами государственной власти, органами местного самоуправления, общественными объединениями и организациями. Игнорирование законных требований следователя влечет принудительное их исполнение, кроме случаев, когда законом предусмотрен иной порядок действий. Принуждение в этом случае носит исключительный характер и применяется только тогда, когда иными способами цель следственного действия не может быть достигнута».

О необходимости подобной классификации, а также уточнения общих положений ч. 2 ст. 29 УПК РФ свидетельствуют решения Конституционного Суда Российской Федерации, выводы Пленума Верховного Суда Российской Федерации, основанные на изучении противоречивой практики. Это позволило бы обеспечить единообразие правоприменения при производстве следственных действий.

1. Давыдовская М. В. К вопросу об общих условиях и общих правилах производства следственных действий // Государственная служба и кадры. 2022. № 2. С. 172—178.

2. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. Москва: Юрлитинформ, 2001. 206 с.

3. Бравилова Е. А. Об общих правилах производства следственных действий // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2020. № 1 (27). С. 16—30.

4. Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств: монография. Москва: Норма, 2021. 408 с.

5. Черкасова Е. К. К вопросу о проведении следственных действий в жилище // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 4 (42). С. 146—152.

6. Данилова Н. А., Николаева Т. Г. К вопросу о допустимости принуждения при производстве следственных действий // КриминалистЪ. 2012. № 1 (10). С. 71—77.

7. Смолькова И. В. Допустимо ли принуждение при получении образцов для сравнительного исследования в российском уголовном судопроизводстве? // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 4 (87). С. 146—154.

1. Davydovskaya M. V. To the issue of common conditions and common rules of investigative actions. State service and human resources, 172—178, 2022. (In Russ.).

2. Sheifer S. A. Investigative actions. System and procedural form. Moscow: Yurlitinform; 2001: 206. (In Russ.).

3. Bravylova Ye. A. On the common rules of investigative actions. Siberian criminal procedure and criminalistics readings, 16—30, 2020. (In Russ.).

4. Rossynsky S. B. Pre-trial procedure in a criminal case: essence and ways of collecting evidence. Monograph. Moscow: Norma; 2021: 408. (In Russ.).

5. Cherkasova Ye. K. To the issue of investigative actions in a dwelling. Legal science and law enforcement practice, 146—152, 2017. (In Russ.).

6. Danylova N. A., Nykolayeva T. G. To the issue of compulsion admissibility during investigative actions. The Criminalist, 71—77, 2012. (In Russ.).

7. Smolkova I. V. Is compulsion admissible while gathering samples for comparative research in Russian criminal procedure? Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 146—154, 2018. (In Russ.).

8. Shamsutdinov M. M. The experience of examination regulation in the criminal procedure of Germany and Switzerland. Legal research, 2022.

8. Шамсутдинов М. М. Опыт регламентации освидетельствования в уголовном процессе Германии и Швейцарии // Юридические исследования. 2022. № 5. URL: https:/nbpublish.com/library_read_article.php?id=37975 (дата обращения: 22.07.2025).

Available from: htps:/nbpublish.com/library_read_article.php?id=37975. Accessed: 22 July 2025. (In Russ.).

Александрова Людмила Анатольевна,
доцент кафедры судебной деятельности
и уголовного процесса имени П. М. Давыдова
Уральского государственного
юридического университета
имени В. Ф. Яковлева,
кандидат юридических наук, доцент;
ml1970@yandex.ru

Aleksandrova Lyudmila Anatoliyevna,
associate professor at the court activity
and criminal procedure department
named after P. M. Davydov
of the Ural State Law University
named after V. F. Yakovlev,
candidate of juridical sciences, docent;
ml1970@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 03.10.2025; одобрена после рецензирования 10.10.2025; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 03.10.2025; approved after reviewing 10.10.2025; accepted for publication 16.02.2026.

* * *

УДК 343.1

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОПТИМИЗАЦИИ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ГРУППАМИ

Кристина Сергеевна Глухова
отдел полиции № 5 УМВД России по г. Волгограду, Волгоград, Россия, krisglux@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье выдвигается научная гипотеза о том, что эффективная модель оптимизации института безопасности участников уголовного судопроизводства при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами, может быть построена только с учетом детерминированности применяемых мер обеспечения безопасности участников уголовного процесса свойствами самой организованной преступности как криминального явления. Автор обосновывает пути противостояния свойствам оргпреступности, которые создают максимальные угрозы участникам уголовного судопроизводства, и относит к этим генерирующим риски свойствам структурированность, иерархичность, устойчивость, сплоченность, наличие коррупционных связей среди сотрудников правоохранительных органов, высокую степень технической оснащенности. Предлагаются меры минимизации воздействия этих свойств на процесс обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства при расследовании данных категорий уголовных дел, носящие комплексный характер и включающие в себя разработку проектных норм по совершенствованию положений Федерального закона «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», собственно Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и еще не вступившего в силу Федерального закона «О частной охранной деятельности».

Ключевые слова: организованная преступность, обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства, меры безопасности, секретарь судебного заседания, помощник судьи, задержание, дистанционные следственные действия, засекречивание сведений о защищаемом лице

Для цитирования: Глухова К. С. Теоретическая модель оптимизации правового института безопасности участников уголовного судопроизводства при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 1 (76). С. 79—86.

THEORETICAL MODEL TO OPTIMIZE THE LEGAL INSTITUTE OF SECURITY OF CRIMINAL PROCEEDINGS PARTICIPANTS, WHILE INVESTIGATING CRIMES COMMITTED BY ORGANIZED CRIMINAL GROUPS

Kristina Sergeyevna Glukhova
Police Division № 5 of the Department of the Ministry of the Interior of Russia for Volgograd, Volgograd, Russia, krisglux@yandex.ru

Abstract. This article deals with the scientific hypothesis related to an effective model to optimize the institute of security of criminal proceedings participants, while investigating crimes committed by organized criminal groups. It is possible to develop mentioned-above model by considering determination of taken measures to ensure the security of participants in the criminal procedure by the qualities of organized crime itself as a criminal phenomenon.

The author justifies ways to counteract the properties of organized crime to threaten participants in criminal proceedings as much as possible and characterizes such risk-generating properties as structuralism, hierarchy, stability, cohesion, presence of corrupt ties among law enforcement officers, a high degree of technical equip-

© Глухова К. С., 2026

ment to these risk-generating characteristics. The author proposes measures to minimize the impact of these properties on the process to ensure security of criminal proceedings participants, while investigating criminal cases of these categories. These measures are complex in nature and include the development of draft standards to improve the provisions of the Federal Law "On state protection of judges, officials of law enforcement and regulatory bodies", Criminal Procedure Code of the Russian Federation itself and the Federal Law "On private security activities" that has not come into force yet.

Keywords: organized crime, ensuring security of criminal proceedings participants, security measures, court clerk, judge assistant, detention, remote investigative actions, classification of information related to the protected person

For citation: Glukhova K. S. Theoretical model to optimize the legal institute of security of criminal proceedings participants, while investigating crimes committed by organized criminal groups. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 79—86, 2026. (In Russ.).

Обеспечение безопасного и беспрепятственного участия лиц в уголовном судопроизводстве в целях защиты собственных или представляемых интересов, в целях содействия правосудию — одна из важнейших задач современной уголовно-процессуальной науки и практики. Для ее успешной реализации нормативная основа деятельности по обеспечению безопасности в сфере уголовного судопроизводства должна быть безупречной с точки зрения полноты и непротиворечивости регламентации. Однако на протяжении уже более чем 25 лет в специализированной научной литературе констатируется настоятельная потребность в совершенствовании правового института безопасности участников уголовного судопроизводства — и в докторских диссертациях [1—4], и диссертациях на соискание ученой степени кандидата юридических наук [5; 6], и в периодической профильной литературе [7; 8]. Естественно, что для выстраивания адекватной системы нормативного регулирования правоотношений по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства требуется соответствующая теоретическая основа, аргументирующая акцентирование внимания на конкретных проблемах правового института безопасности участников уголовного судопроизводства. Построение этой теоретической основы возможно как в масштабах комплексного решения острых вопросов всего упомянутого правового института, так и локально — применительно к частным аспектам данной нормативной общности.

В силу научных интересов автора настоящей статьи теоретические аспекты оптимизации правового института безопасности участников уголовного судопроизводства будут рассмотрены в контексте расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных организованными преступными группами. Такой акцент обусловлен, прежде всего, самой опасностью организованной преступности как криминального явления. Обозначенная проблематика приобретает особое значение в аспекте противодействия организованным криминальным группам, преступным сообществам и преступным организациям, представляющим собой значительную угрозу не только безопасному функционированию различных сфер общественной жизни, экономическим устоям, общественному порядку и стабильности в государстве в целом. Нужно отдавать себе отчет в том, что они непосредственно воздействуют на безопасность отдельной личности, вовлеченной в уголовно-процессуальные отношения, чем создают препятствия для достижения назначения уголовного судопроизводства.

Сказанное диктует объективную необходимость разработки авторской теоретической модели оптимизации института безопасности участников уголовного судопроизводства с учетом специфики расследования преступлений, совершенных организованными преступными группами.

Наша теоретическая модель подразумевает обоснование положений, направленных на оптимизацию института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства при расследовании соответствующей категории преступлений. **Во-первых**, коль речь идет о безопасности участников, необходимо четко определить круг лиц, нуждающихся в государственной защите — в целом при производстве по уголовным делам, а также применительно к расследованию преступлений, совершенных организованными преступными группами. **Во-вторых**, следует обозначить те риски и угрозы, с которыми сталкивается участник уголовного судопроизводства при расследовании данных преступлений, обусловленных специфическими чертами организованной преступности как криминального явления. **В-третьих**, нужно разработать предложения по минимизации выяв-

ленных рисков. Этот алгоритм мы в дальнейшем и применим в настоящей статье — с учетом масштабности решаемой нами задачи.

По первому направлению отметим, что в основе тех или иных теоретических изысканий в области права лежит анализ истории возникновения и становления соответствующих нормативных общностей, являющихся предметом исследовательского интереса. Ранее на основании изучения отечественных памятников права нами предпринято историческое исследование процесса зарождения института обеспечения безопасности участников судопроизводства [9]. В ходе этого анализа были выявлены закономерности генезиса данного правового института: формирование указанной нормативной общности берет свои корни именно с момента начала борьбы с преступлениями против правосудия. Далее законодателем обозначается **особый статус лиц, осуществляющих производство по уголовным делам**, как нуждающихся в специальной правовой защите в связи с выполнением данной важной функции. И только после, как результат, наступило **осознание необходимости защиты частных лиц**, способствующих правосудию, от криминального воздействия со стороны организованных форм преступности того времени.

Вышеприведенные суждения позволили сконцентрировать исследовательский интерес на проблематике уточнения круга субъектов уголовного судопроизводства, в отношении которых необходимо применять меры безопасности. В рамках разработки данного перспективного направления уголовно-процессуального учения об обеспечении безопасности мы обосновали целесообразность выделения специального статуса участника уголовного судопроизводства, нуждающегося в обеспечении безопасности при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами [10; 11].

Наше исследование показало, что с учетом специфики организованной преступности при расследовании подобных уголовных дел наиболее уязвимыми с точки зрения угроз и реальных рисков выступают наряду со свидетелями и потерпевшими сами **должностные лица**, осуществляющие производство по уголовному делу, а также **члены преступных группировок**, с которыми заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Что касается качества регламентации применения мер безопасности в отношении властных субъектов в досудебном производстве, то мы бы обратили внимание на формулировку условий принятия решения о применении мер безопасности в ст. 14 Федерального закона «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (далее — ФЗ № 45)[1], которая в действующей редакции подразумевает получение согласия защищаемого лица на реализацию соответствующих мер. Дело в том, что наличие угроз должностным лицам со стороны преступных группировок требует незамедлительного реагирования — без затраты драгоценного в указанных обстоятельствах времени на получение упомянутого согласия. Считаем, что ст. 14 ФЗ № 45 следует дополнить новой частью 2, содержащей экстренный формат реагирования на информацию об угрозах должностному лицу [10, с. 158].

В ходе анализа действующего законодательства, правоприменительной практики, результатов предпринятого нами анкетирования 279 респондентов (оперативных сотрудников и сотрудников органов предварительного следствия) из 24 субъектов Российской Федерации было установлено, что нормы о субъектах государственной защиты нуждаются в дополнении путем включения в круг защищаемых лиц согласно ФЗ № 45 таких участников судопроизводства, как **секретарь судебного разбирательства** и **помощник судьи**, которые играют важную роль в подготовке проектов судебных документов, изготавливаемых в рамках расследования уголовного дела и осуществления судебно-контрольных процедур по делам о преступлениях, совершенных организованными преступными группами. Их деятельность может оказать существенное влияние на законность и обоснованность принимаемых итоговых и промежуточных судебных решений. Кроме того, указанные субъекты обеспечивают реализацию дистанционных судебных процедур с использованием систем видео-конференц-связи (ст. 241.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ)), применение которых актуально и для судебно-контрольных производств на стадии предварительного расследования. Сам факт введения в УПК РФ норм, регламентирующих отводы секретаря судебного заседания и помощника судьи (ст. 68 УПК РФ), а также указание в качестве об-

[1] См.: О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: федер. закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1455; 2025. № 9. Ст. 852.

стоятельств, исключающих возможность участия в уголовном деле в ином качестве лиц, которые выполняли ранее при производстве по данному делу функции секретаря судебного заседания и помощника судьи (ст. 61, 62 УПК РФ), подтверждает важность обеспечения незаинтересованности, беспристрастности и объективности указанных субъектов в судопроизводстве.

В то же время обращает на себя внимание то обстоятельство, что ст. 2 ФЗ № 45 упоминает среди защищаемых лиц и присяжных, и арбитражных заседателей, которые эпизодически вовлекаются в судопроизводство, в отличие от секретаря судебного заседания и помощника судьи, постоянно, на профессиональной основе участвующих в судопроизводстве. Конечно, весомым аргументом в пользу того, что присяжные и арбитражные заседатели нуждаются в особой защите, является то обстоятельство, что они осуществляют функцию правосудия, принимая юридически значимые решения по соответствующим делам (помощнику судьи, кстати, ч. 1 ст. 241.1 УПК РФ запрещено выполнять функции по осуществлению правосудия).

Тем не менее отметим, что функции и секретаря судебного заседания, и помощника судьи (ч. 2 ст. 244.1 УПК РФ) являются отнюдь не только техническими, но и удостоверительными, что приобретает особый смысл в вопросах формирования доказательств. Отсутствие упоминания об этих участниках процесса в нормативно установленном перечне лиц, подлежащих защите, является серьезным упущением законодателя, в связи с чем представляется целесообразным дополнить ч. 1 ст. 2 ФЗ № 45 новым пунктом*: «1.1) помощник судьи, секретарь судебного заседания;»*, который бы прямо указывал на возможность применения мер безопасности в отношении помощника судьи и секретаря судебного заседания в случае необходимости.

В русле проблематики совершенствования порядка обеспечения безопасности субъектов уголовного судопроизводства при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами, следует упомянуть и уникальную фигуру — «процессуального кентавра», о котором писала М. Т. Аширбекова [12], подразумевая под **ним лицо, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве**. Применительно к его защите нами обосновано, что необходимо ряд положений УПК РФ, касающихся обеспечения его безопасности, изложить в императивном формате, что исключит произвольное усмотрение правоприменителя, обяжет его всегда предпринимать меры безопасности в упреждающем режиме. Это касается и решения о выделении в отношении него уголовного дела в отдельное производство (п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ), и решения изъять из материалов дела документы, связанные с заключением соглашения о сотрудничестве, и идентифицирующие данные о защищаемом лице ч. 3 ст. 317.4 УПК РФ. Необходимо также сделать обязательной меру безопасности в виде перевода защищаемого лица из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое, после заключения им досудебного соглашения. Представляется, что такие изменения в процедурах обеспечения его безопасности будут минимизировать потенциальные риски угроз соучастников по уголовным делам о преступлениях, совершенных организованными преступными группами.

Относительно **второго направления**, обозначенного нами в начале настоящей статьи, подчеркнем, что в основу нашей теоретической модели мы заложили **тезис о детерминированности применяемых мер обеспечения безопасности участников уголовного процесса свойствами организованной преступности как криминального явления.**

Мы особое внимание уделили таким свойствам организованной преступности, как **структурированность, устойчивость и сплоченность преступных группировок,** о чем мы ранее писали в своих работах [12, с. 93—94]. Этот «организационный» фактор (назовем его подобным образом) создает угрозы безопасности участникам уголовного судопроизводства ввиду значительного численного состава криминальных сообществ, их информированности о ходе расследования. Для минимизации возникающих с учетом изложенного рисков мы считаем необходимым ввести ряд корректировок в некоторые уголовно-процессуальные нормы, а также предусмотреть комплексные меры для противодействия данным угрозам.

В частности, в контексте вышеизложенного видится целесообразным изменение ч. 4 ст. 96 УПК РФ по вопросу уведомления родителей задержанного несовершеннолетнего. Необходимо ее дополнить нормой, позволяющей прокурору в особых случаях, связанных с участием несовершеннолетних в организованных преступных группах, временно не уведомлять родителей о задержании. Это исключение может быть применено только когда существуют доказательства вовлечения несовершеннолетнего в криминальную деятельность преступных групп (особенно этнических

преступных группировок), угрожающую его жизни или здоровью, а уведомление родителей может привести к негативным последствиям для несовершеннолетнего или повлиять на ход следствия. Опрошенные нами респонденты из 24 субъектов Российской Федерации указали, что существует целесообразность во введении подобной меры (так ответили 59 %), а 18 % анкетированных посчитали ее необходимой, когда речь идет о преступлениях, совершенных этническими преступными группировками. Данная новелла могла бы в виде второго предложения дополнить существующую ч. 4 ст. 96 УПК РФ: «*Неуведомление родителей несовершеннолетнего задержанного возможно только в исключительных случаях с согласия прокурора, если подозреваемый несовершеннолетний задержан в связи с совершением преступления в составе организованной преступной группы.*».

Далее, анализируя пути противостояния сплоченности, структурированности и немалому численному составу преступных организаций, группировок, следует обратить внимание на проблему «кадрового голода» в подразделениях органов внутренних дел. Об этом говорится руководством МВД России в официальных интервью[1]. Укомплектовать профессиональными сотрудниками соответствующие службы в современных условиях затруднительно (памятуя потребность в создании территориальных органов в новых российских регионах, что также обостряет данную проблему). Поэтому, в связи с кадровым дефицитом в государственных правоохранительных органах, по нашему мнению, целесообразно задействовать частные охранные предприятия для обеспечения безопасности защищаемых лиц, для чего необходимо устранить ограничения, установленные статьей 9 Федерального закона «О частной охранной деятельности» от 30 ноября 2024 г. № 427[2], а также скорректировать п. 4 ст. 21 данного федерального закона в части использования огнестрельного оружия частными охранными организациями. Данный федеральный закон еще не вступил в законную силу, поэтому разработка и внедрение подобных корректив возможна в плановом, поступательном режиме. В качестве проектной нормы предлагаем следующую редакцию п. 2 ст. 9 указанного закона:

«2) осуществлять полномочия должностных лиц правоохранительных органов и иных государственных органов, *за исключением случаев, связанных с обеспечением безопасности охраняемых лиц и их жилища в соответствии с договором, заключенным частной охранной организацией и государственным органом, осуществляющим меры безопасности в соответствии с федеральными законами „О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства“ и „О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов“*».

Что касается оружия частных охранников, привлеченных для целей государственной защиты участников уголовного судопроизводства, то для снятия установленных ограничений предлагаем изложить часть 4 ст. 21 в следующей редакции:

«4. В ходе оказания охранной услуги по защите жизни и здоровья физических лиц от противоправных посягательств разрешено использовать только огнестрельное оружие ограниченного поражения, за исключением случаев заключения с данными частными охранными организациями договора об осуществлении личной охраны, жилища и имущества участника уголовного судопроизводства.».

Продолжая далее формулировать конструкты нашей авторской теоретической модели оптимизации института безопасности участников уголовного судопроизводства с учетом специфики расследования преступлений, совершенных организованными преступными группами, обратим внимание на такие **черты организованной преступности, как наличие коррупционных связей среди сотрудников правоохранительных органов и высокая степень технической оснащенности**, — для минимизации воздействия которых на обеспечение безопасности также следует разработать контрмеры.

В частности, видится необходимым при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами, для безопасности производства следственных действий с использованием дистанционных технологий при участии защищаемых лиц **использовать защищенные каналы связи**, что следует регламентировать в новой редакции ч. 8 ст. 189.1 УПК РФ. Кроме того, принимая во внимание зарубежный

[1] Рюмин А. Замглавы МВД назвал некомплект личного состава огромным // ТАСС. 15 августа 2024. URL: https://tass.ru/obschestvo/21610415 (дата обращения: 20.12.2025).

[2] О частной охранной деятельности: федер. закон от 30 ноября 2024 г. № 427-ФЗ // СЗ РФ. 2024. № 49 (ч. IV). Ст. 7418. (Начало действия документа — 01.09.2026).

опыт[1], целесообразно дополнить ст. 189.1 УПК РФ новой частью 9, закрепляющей процедуру участия в таком следственном действии защищаемого лица **с изменением внешности и голоса, исключающим его узнавание**.

Безусловно, выиграть в «соревновании» с технически оснащенными преступными группами можно только при надлежащем использовании новейших технологий в деле обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, что требует внедрения современных технологий, таких как системы видеонаблюдения, GPS-трекеры и средства шифрования связи и др. Это может существенно повысить уровень безопасности, а также минимизировать риски перехвата информации.

Учитывая осведомленность членов преступных группировок, наличие у них коррупционных связей в некоторых правоохранительных органах, предлагается также для сохранения в тайне информации о защищаемом лице ввести в ст. 166 УПК РФ новую часть 9.1, предписывающую протокол первоначального допроса защищаемого лица, в отношении которого принято решение о засекречивании сведений о нем, помещать в конверт совместно с постановлением о засекречивании личности. Такое регулирование актуально для следственных ситуаций, когда изначально лицо, желающее сотрудничать с правоохранительными органами, не боится давать показания, однако после дачи им показаний в его адрес поступают угрозы, вынуждающие свидетеля (потерпевшего; лицо, заключившее досудебное соглашение) отказаться давать показания, так как возникает угроза его безопасности. В части 9 статьи 166 УПК РФ нет никакого упоминания о том, как поступить в данном случае с протоколом первоначального допроса защищаемого лица. В указанной ситуации первоначальный прокол допроса лица, как правило, также помещают в конверт совместно с постановлением о засекречивании личности. Однако полагаем, что данный момент целесообразно законодательно урегулировать и оговорить его в соответствующей статье. Данное предложение было поддержано 270 респондентами (97 % опрошенных).

Итак, подводя итог анализа путей оптимизации института обеспечения безопасности участников производства при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами, мы можем констатировать, что основные направления, по которым следует осуществлять модернизацию нормативного регулирования соответствующих правоотношений, **обусловлены спецификой организованной преступности как криминального явления и представляют собой законодательные и организационные усилия, направленные на минимизацию рисков, вызванных такими свойствами оргпреступности, как структурированность, иерархичность, устойчивость, сплоченность, наличие коррупционных связей среди сотрудников правоохранительных органов, высокая степень технической оснащенности.**

1. Зайцев О. А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1999. 446 с.

1. Zaitsev O. A. Theoretical and legal grounds of state protection of participants in criminal proceedings in the Russian Federation. Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 1999: 446. (In Russ.).

[1] Подобные меры, например, предусмотрены ч. 4 ст. 213 УПК РК (Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: принят Парламентом Республики Казахстан (в ред. от 12.09.2023): офиц. текст // Ведомости Парламента РК. 2014. № 13-II. Ст. 83) и п. 11 ст. 224.1 УПК РБ (Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-З (ред. от 17.02.2025) (URL: https://etalonline.by/document/?regnum=HK9900295 (дата обращения: 25.05.2025)).

2. Брусницын Л. В. Теоретико-правовые основы и мировой опыт обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2002. 520 с.

3. Епихин А. Ю. Концепция обеспечения безопасности в сфере уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2004. 460 с.

4. Дмитриева А. А. Теоретическая модель безопасного участия личности в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2017. 52 с.

5. Авдеев М. А. Теоретические и правовые основы обеспечения личной и имущественной безопасности участников уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009. 29 с.

6. Мухаметшин Т. Р. Правовое регулирование применения мер безопасности личности на стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2022. 215 с.

7. Семенов Е. А. Уголовно-процессуальные меры обеспечения безопасности отдельных участников уголовного судопроизводства на современном этапе развития законодательства // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2019. № 5-1. С. 147—152.

8. Мухаметшин Т. Р. Как реализовать идею предъявления для опознания на стадии возбуждения уголовного дела в условиях, исключающих визуальный контакт с опознаваемым // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 4 (71). С. 62—68.

9. Глухова К. С. Исторические аспекты развития института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // Междисциплинарные проблемы безопасности личности в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и правоприменение: монография / отв. ред. А. Ю. Епихин. Москва: Проспект, 2024. С. 54—60.

10. Глухова К. С. Оптимизация мер обеспечения безопасности должностных лиц в связи с выполнением ими служебных обязанностей при расследовании преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 155—161.

11. Глухова К. С. Применение процессуальных мер обеспечения безопасности в отношении потерпевших // Защита прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: сб. материалов Всерос. круглого

2. Brusnitsyn L. V. Theoretical and legal grounds and world experience to ensure security of persons assisting criminal justice. Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2002: 520. (In Russ.).

3. Yepikhin A. Yu. The concept to ensure security in criminal proceedings sphere. Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2004: 460. (In Russ.).

4. Dmitriyeva A. A. Theoretical model of safe participation of a person in Russian criminal proceedings. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2017: 52. (In Russ.).

5. Avdeyev M. A. Theoretical and legal grounds to ensure person and property's security of participants in criminal proceedings. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2009: 29. (In Russ.).

6. Mukhametshin T. R. Legal regulation to take personal security measures, while initiating a criminal case. Dissertation of candidate of juridical sciences. Uliyanovsk; 2022: 215. (In Russ.).

7. Semenov Ye. A. Criminal procedural measures to ensure security of some participants in criminal proceedings at the present stage of legislative development. Public security, legality, law and order in the third Millennium, 147—152, 2019. (In Russ.).

8. Mukhametshin T. R. How to implement the idea of presentation for identification, while initiating a criminal case under conditions to exclude visual contact with the identified person. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 62—68, 2024. (In Russ.).

9. Glukhova K. S. Historical aspects of the development of the institute to ensure security of participants in criminal proceedings. In: Interdisciplinary problems of personal security in criminal proceedings: theory, legislation and law enforcement. Monograph. Red. by A. Yu. Yepikhin. Moscow: Prospect; 2024: 54—60. (In Russ.).

10. Glukhova K. S. Optimization of measures to ensure security of officials, while performing official duties in investigating crimes. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 155—161, 2025. (In Russ.).

11. Glukhova K. S. Taking procedural measures to ensure security of victims. In: Protection of the rights and legitimate interests of the victim in criminal proceedings. Materials of the Russian Round table with international participation. Red. by V. V. Dolgayev, L. A. Zashlyapin, K. B. Kalinovsky [et al.]. Saint Petersburg: Asterion; 2024: 429—435. (In Russ.).

стола с международным участием / редкол.: В. В. Долгаев, Л. А. Зашляпин, К. Б. Калиновский [и др.]. Санкт-Петербург: Астерион, 2024. С. 429—435.

12. Аширбекова М. Т. Процессуальный кентавр: «заинтересованный осужденный» // Уголовное судопроизводство. 2018. № 1. С. 16—20.

12. Ashirbekova M. T. Procedural centaur: "an interested convict". Criminal proceedings, 16—20, 2018. (In Russ.).

Глухова Кристина Сергеевна,
инспектор по вопросам миграции
отдела полиции № 5
УМВД России по г. Волгограду;
krisglux@yandex.ru

Glukhova Kristina Sergeyevna,
migration inspector of Police Division № 5
of the Department of the Ministry
of the Interior of Russia
for Volgograd;
krisglux@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 02.02.2026; одобрена после рецензирования 08.02.2026; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 02.02.2026; approved after reviewing 08.02.2026; accepted for publication 16.02.2026.

* * *

УДК 343.1+378

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: УЧЕБНИК, ЖУРНАЛ И МОНОГРАФИЯ, ИХ РОЛЬ И МЕСТО В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ. ЧАСТЬ 3. УЧЕБНИКИ ПО УГОЛОВНОМУ ПРОЦЕССУ В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ[1]

Никита Александрович Колоколов
Московский университет имени А. С. Грибоедова,
Московский педагогический государственный университет,
журнал «Уголовное судопроизводство», журнал «Мировой судья», Москва, Россия, nikita_kolokolov@mail.ru

Аннотация. Существующий ныне практически во всем мире алгоритм уголовного судопроизводства (процесс познания от преступления к приговору и соответствующие ему процедуры) — творение века двадцатого, а во многом и вовсе девятнадцатого. Вместе с тем очевидно, что общество в своем развитии все эти две сотни лет на одном месте не стояло. Следовательно, новые производительные силы (средства производства) с неизбежностью породили новые производственные отношения, в первую очередь кадры, владеющие технологиями XIX в. Появятся также и соответствующие новой правой культуре методы функционирования уголовно-правовых и уголовно-процессуальных инструментов, участником активного судоговорения станет искусственный интеллект. Мы стоим на пороге открытия инновационной во всех отношениях «надлежащей правовой процедуры», в которой место для произвола отдельных субъектов процесса, возможно, удастся свести к разумному минимуму! Впрочем, не будем отрицать очевидного: основные черты этих инновационных процедур все еще в непроницаемом тумане будущего. В то же время никто не отменял азбучного правила: «новую рабочую силу» (следователей, прокуроров, судей и адвокатов) уже давным-давно пора обучать в вузах совершенно по-новому. Высшая школа, а вместе с нею и все общество терпеливо ожидают от академической науки адекватных текущим запросам инновационных учебников по уголовно-процессуальному праву. Нами постоянно подчеркивается мысль, что уголовное судопроизводство — явление суть системное. Для познания данных наук обучающиеся, помимо учебников, обязаны регулярно и системно читать соответствующие юридические журналы, статьи из которых постепенно складываются в монографии, как индивидуальные, так и коллективные.

Вниманию читателя предлагается третья статья из серии. В ней речь пойдет об учебниках по уголовно-процессуальному праву, их месте в системе юридического образования, а также о роли юридической периодики и монографических исследований в познании глубин уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право (уголовный процесс), учебники по уголовно-процессуальному праву (уголовному процессу), история создания учебников по российскому уголовно-процессуальному праву (уголовному процессу)

Для цитирования: Колоколов Н. А. Уголовное право и уголовный процесс: учебник, журнал и монография, их роль и место в образовательном процессе. Часть 3. Учебники по уголовному процессу в прошлом, настоящем и будущем // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 1 (76). С. 87—103.

CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURE: A TEXTBOOK, A MAGAZINE AND A MONOGRAPH, THEIR ROLE AND PLACE IN THE EDUCATIONAL PROCESS. PART 3. TEXTBOOKS ON CRIMINAL PROCEDURE IN THE PAST, PRESENT AND FUTURE

Nikita Alexandrovich Kolokolov
A. S. Griboyedov Moscow University, Moscow Pedagogical State University, "Criminal proceedings" journal, "Judge of the Peace" journal, Moscow, Russia, nikita_kolokolov@mail.ru

© Колоколов Н. А., 2026

[1] Продолжение. Предыдущие части статьи (первая и вторая) выходили в журнале «Вестник Волгоградской академии МВД России» в номерах 3 и 4 за 2025 г.

Abstract. The acting algorithm of criminal proceedings (understanding the process from a crime to a sentence and the corresponding procedures) is a product of the twentieth century, and in many ways the one of the nineteenth century. At the same time, it is obvious that society has not stood still in its development for these two hundred years. Consequently, new productive forces (means of production) generated new production relations inevitably; primarily, personnel who know the technologies of the nineteenth century. Therefore, it is not surprising, that in the twenty-first century, the "material" offices of police, prosecutor's office and court traditional for the previous centuries, as well as the usual filed "paper" cases are replaced by not just something new, but something absolutely new — innovations: "virtual" office and "virtual" case. Methods to function criminal law and criminal procedure instruments corresponding to the new legal culture will emerge, and artificial intelligence will become a participant in active legal proceedings speaking.

We are at the very beginning to open a completely innovative "proper legal procedure", in which the scope for arbitrary action by each subject in the proceedings may be reduced to a reasonable minimum! However, let's not deny the obvious thing: the fundamental features of these innovative procedures are still in the impenetrable mist of the future. At the same time, the truism remains: it is high time for universities to train the "new work force" (investigators, prosecutors, judges and lawyers) in a completely new way. Higher education institutions, as well as the whole society, patiently expect innovative textbooks on criminal procedure from academic scholarship that are adequate to existing demands. We constantly emphasize the idea that criminal proceedings are a systemic phenomenon. In order to understand these sciences, it is necessary for students, in addition to textbooks, to read relevant legal journals regularly and systematically, because their articles gradually form monographs, both individual and collective.

The author pays the attention of the reader to the second article in the series. It will analyze textbooks on criminal procedure, their place in the system of legal education, as well as the role of legal periodicals and monographic studies in understanding the depths of criminal proceedings.

Keywords: criminal procedural law (criminal procedure), textbooks on criminal procedural law (criminal procedure), history of the development of textbooks on Russian criminal procedural law (criminal procedure)

For citation: Kolokolov N. A. Criminal law and criminal procedure: a textbook, a magazine and a monograph, their role and place in the educational process. Part 3. Textbooks on criminal procedure in the past, present and future. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 87—103, 2026. (In Russ.).

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь...
А. С. Пушкин «Евгений Онегин»

Ничему нельзя научить, всему
можно только научиться.
Галилео Галилей

Не умеешь — научим, не хочешь — заставим.
Главный армейский принцип

Введение

В двух предыдущих номерах Вестника опубликованы первая и вторая части нашей статьи, посвященной анализу доктрины отечественного уголовного права и процесса [1; 2], в которых автором были сделаны некоторые первые — правда, не всегда утешительные — промежуточные выводы.

В рамках заявленной тематики наши рассуждения на фоне базовых уголовно-правовых суждений, характерных для века девятнадцатого, продолжим с анализа некоторых новейших статей, чьи авторы рискнули (замахнулись) на критику уголовно-правовых и уголовно-процессуальных концепций дня нынешнего.

7. Учебник «Уголовный процесс» в царской России

7.1. Уголовный процесс: первые учебные пособия

Мы же, оставаясь верными родной по университету научной школе проф. П. В. Советова (1927—1991), свои рассуждения продолжим тем, что в далеком «галантном» XVIII в. учебников, известных в России, было совсем немного. Все помнят, что М. В. Ломоносов (1711—1765) начинал всего с двух книг: «Арифметики» (1703 г.) Л. Ф. Магницкого (1669—1739) и «Грамматики» (1619 г., переиздана в Москве, Печатный двор, в 1648 г.) церковного деятеля Мелетия (в миру Максима Герасимовича, псевдоним Теофил Ортолог) Смотрицкого (1577—1633).

7.2. Первая четверть «золотого века»: кодексы Наполеона и их оценка

Начало XIX в. ознаменовалось принятием в революционной Франции ряда совершенно новых, инновационных на тот момент кодексов [3], в их числе и знаменитый Code d'instruction criminelle (опубликован 26 ноября 1808 г.), который действовал целых полтора века (как при империи, так и при республиках) и явился образцом процессуального законодательства для многих стран, и в частности России.

По поводу явно наметившегося нашего отставания от Европы историк, по убеждениям ярый монархист Н. М. Карамзин (1766—1826) в своей «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» (1811 г.) [4], адресованной Императору Александру I (1777—1825), о качестве законодательства с сожалением отмечал следующее. Во-первых, уже «царь Федор Алексеевич (1660—1682 гг.) видел недостатки Уложения (1649 г.)» [4, с. 88], во-вторых, минул «блестящий век Екатерины II» (1729—1796 гг.) [4, с. 89], а ничего не изменилось в Отечестве нашем: «дотоле имелись одни указы, а законов не было» [4, с. 89].

В то же время Н. М. Карамзин предостерегал Александра I от поспешного «следования Кодексам Наполеоновым, Фридриховым и Юстиниановым, а вспомнить бы царя Алексея: оградить святынею закона неприкосновенности церкви, государя, чиновников и личную безопасность всех россиян» [4, с. 95].

Как видим, элита Российской империи, даже чувствуя проблему, оказалась совершенно неготовой к переменам в области законодательства, в том числе процессуального. Результат: старое, отжившее было заморожено еще на полвека.

В условиях современности — это ничего не напоминает? Тогда перечитайте монографию Н. В. Азаренка и А. А. Давлетова [5]. В этом же духе рассуждают, а следовательно, и пишут будущие доктора юридических наук С. Д. Милицин (Екатеринбург) и А. М. Алексеев (Санкт-Петербург).

Тревога перечисленных авторов вполне понятна: уяснить «точку своего стояния» (где российское уголовно-процессуальное право в мировой истории было и сейчас находится) академической процессуалистике пока не удалось.

7.3. Первые «настоящие» учебники по уголовному процессу

Думается, абсолютно прав проф. Л. В. Головко, который, приступая к описанию развития отечественной юридической мысли (применительно к уголовному процессу) [6, с. 115—116], свое повествование начинает, во-первых, с трудов должностного лица, некоторое время заведовавшего апелляционными делами в Правительствующем Сенате, титулярного советника Ф. Д. Правикова (1750—1803) [7; 8], а во-вторых, работ позитивиста, реального практика З. А. Горюшкина (1748—1821) [9].

Прав Леонид Витальевич и в том, что публикация в 1832 г. второй книги тома XV «Свода законов» позволила авторам оперативно упорядочить (свести в одну сравнительно небольшую книгу) многие правила действия органов следственных (полиции) [6, с. 116].

Речь идет о руководствах по следственной части графа Г. Орлова (1835 г.), Г. Долгова (1846 г.) и Г. Наливайкина (1847 г.).

Вопреки суждениям проф. К. Б. Назаренко, некоторые из творений того далекого от нас периода, как ни странно, представляют несомненный интерес для всех изучающих следственную и судебную деятельность. В частности, речь идет о работах коллежского асессора Е. Ф. Колоколова [10].

7.4. Евграф Федорович Колоколов (1800—?)

Впрочем, по большому счету, работа у него была фактически одна: «Правила и формы о производстве следственных действий, составленных по Своду законов». Данные «Правила» выдержали целый ряд изданий тиражом до 10 000 экземпляров. Для нас особый интерес представляет книга 1849 г., посвященная Его Превосходительству свиты Его Императорского Величества генерал-майору и кавалеру Московскому обер-полицмейстеру легендарному Ивану Дмитриевичу Лужину (1802—1868). Практику Е. Ф. Колоколову (в отличие от современных авторов) удалось всего на 82 страницах (не считая образцов процессуальных документов) изложить все требования к проведению расследования.

Данная книга «без перемен» с ходу выдержала целых пять изданий. В частности, в 1858 г. вышли «Правила» под авторством уже надворного советника Е. Ф. Колоколова [10].

Наконец в 1878 г. — теперь статский советник — Е. Ф. Колоколов публикует «Правила и формы производства предварительных следствий и дознаний судебными следователями и полицейскими чинами» [11].

7.5. Николай Иванович Стояновский (1821—1900)

Русский юрист Н. С. Стояновский известен потомкам не только как преподаватель практиче-

ского уголовного судопроизводства (1850—1854 гг.), товарищ Министра юстиции (1862 г.), действительный тайный советник (1881 г.), статс-секретарь (1895 г.), активный проводник судебной реформы 1860-х гг., но и как автор «Практического руководства к русскому уголовному судопроизводству» [12]. Ценность данного «Руководства», в отличие от параллельно издававшихся «Правил» Е. Ф. Колоколова, для современного читателя заключается в том, что, во-первых, по формату и манере изложения текста это уже привычный нам классический учебник. Во-вторых, в нем во «всей красе» раскрыт предшествовавший современному процессу устному процесс письменный (раритет!). В-третьих, в «Руководстве» Н. И. Стояновского мы найдем описание неотвратимого судебного надзора — от суда второй инстанции до Государя Императора, о необходимости которого писал в своем вышеупомянутом послании Государю и историк Н. М. Карамзин.

7.6. Иреремия Бентам (1748—1832) о судоустройстве и процессе

1860 г., в Российской империи вот-вот грядет Великая судебная реформа (данное ощущение перспективы в наши дни ничего не напоминает?). В ее преддверии Правительствующий сенат в своей типографии издает переведенный с французского юрисконсультом юридической консультации при Министерстве юстиции (впоследствии сенатором, членом Государственного совета) А. А. Книримом (1837—1904) скромнейший по объему, но бесконечно глубокий по содержанию труд родоначальника утилитаризма И. Бентама «О судоустройстве» [13].

Работа И. Бентама, безусловно, требует отдельного серьезного разговора. Мы же только отметим, что многие из изложенных в ней фундаментальных положений должного отражения в современных российских учебниках по судоустройству так и не нашли. Например, И. Бентам пишет о «географическом начале» в распределении судебных мест. В частности, рассуждает о конкретном времени, которое должен затратить участник процесса на дорогу к судье и обратно: субъект все должен успеть сделать «одним днем».

Скажем больше, данное правило И. Бентама, писанное им в конце XVIII в., работает и в наши дни. Автор, будучи в 2000 г. в служебной командировке в Канаде (провинция Альберта), от организаторов судебной деятельности услышал: «Суд должен быть не дальше, чем в 100 км от места жительства тяжущегося, примерно в часе езды на автомобиле по автостраде». Ну и далее, если данный стандарт выдержать не получается, то не тяжущийся спешит в суд, а суд по ежеквартальному регламенту (выездная сессия) едет к нему.

7.7. Уголовный процесс: первые классические учебники

Чтобы не дублировать уже опубликованное, заинтересованного читателя мы опять отсылаем к «Курсу уголовного процесса» под ред. проф. Л. В. Головко, в котором перечислена добрая дюжина изданий по обсуждаемой нами теме [6, с 116—119]. Из дидактических соображений мы же, однако, выделим некоторые следующие работы.

7.8. Федор Михайлович Дмитриев (1829—1894)

В первую очередь, наше пристальное внимание привлекает книга проф. Ф. М. Дмитриева «История судебных инстанций и гражданского апелляционного производства от Судебника до Учреждения о губерниях» [14]. Во-первых, Федор Михайлович честно признавал, что «изданные до сих пор (1859 г.) источники (учебники) «еще не служат достаточным пособием» [14, с. 3], т. е. «приличного» учебника уголовного (и прочего) процесса в России тогда все-таки еще не было. Во-вторых, проф. Ф. М. Дмитриев отмечал, что «апелляция — одно из поздних явлений в жизни каждого народа... у нас ясные понятия о ней появляются не ранее Петра Великого» [14, с. 3]. Далее мы находим у Ф. М. Дмитриева упоминание об актуальном и в наши дни «запрете на обход инстанций» (для сравнения см.: Федеральный закон от 28 июня 2022 г. № 216-ФЗ[1]. Императив «не обращался с апелляционной жалобой — нет у тебя и права на сплошную кассацию»), сделанном Петром Великим [14, с. 522].

В-третьих, проф. Ф. М. Дмитриев высоко ценил Совестные суды — одно из самых ранних проявлений института оперативного судебного контроля в России. В определенной мере это был отечественный аналог Habeas Corpus Act [14, с. 529—530].

Наконец, в-четвертых, Федор Михайлович однозначно констатировал: «Судебная власть из высших учреждений не ограничена никаким законом» (!!!) [14, с. 135] и (еще главное) «цель любого судебного

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 28 июня 2022 г. № 216-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 08.08.2025).

разбирательства — справедливое решение» (!!!) [14, с. 3]. Согласитесь, звучит очень своевременно [15]!

7.9. Николай Николаевич Розин (1871—1920)

Во вторую очередь, одним из высших достижений российской процессуалистики является учебник (курс лекций) Н. Н. Розина «Уголовное судопроизводство» [16]. Уже с первых строк своего повествования Николай Николаевич предупреждает читателя, что «все существенные моменты процессуального юридического отношения она рассматривает и в статике, и динамике, не входя при этом в слишком подробные детали, являющиеся достоянием судебной практики» (таковые он расценивал как предмет сугубо практических занятий) [16, предисл.]. Далее Н. Н. Розин безапелляционно констатирует: «Наука уголовное судопроизводство — ветвь судебного права» [17, с. 1].

Несмотря на то что сам факт существования судебной деятельности с самых древнейших времен немыслим без соответствующей ей специальной отрасли права, с развитием науки судебного права нам, мягко говоря, не повезло... Работ по данной, бесспорно актуальной, тематике очень и очень много, а вот все ли они заслуживают серьезного внимания — вопрос (например, работа А. А. Максурова была подвергнута жесткой критике проф. В. В. Николюком [18]).

Как известно, в рамках российской классический школы судебного права «последним из могикан» оказался Н. Н. Полянский (1878—1961). В 1960 г. он завершил «большой труд, который был одобрен и рекомендован к печати», но в силу неведомых нам причин не опубликован. В определенной мере реанимировать предложенные Николаем Николаевичем идеи в 1980-х гг. попытались специалист в области процесса гражданского А. А. Мельников (1925—1986), а также ведущие советские процессуалисты-криминалисты В. М. Савицкий (1930—1999) и М. С. Строгович (1894—1984) [19].

Вопреки тому что судебное право — реальная действительность, многие наши современники, движимые явно сепаратистскими побуждениями, категорически против даже самого упоминания термина «судебное право».

Например, экс-судья Конституционного Суда Российской Федерации, заведующий центром судебного права в ИЗиСП проф. Н. С. Бондарь 6 марта 2025 г., выступая в роли ведущего секции в рамках XII Общероссийского годового собрания теоретиков права на тему «Систематизация законодательства: от устоявшихся концепций к современным новациям», приуроченного к 100-летию со дня рождения И. С. Самощенко, ограничивая выступления сторонников системы судебного права, вдруг безапелляционно заявил: «Гроссбух в виде кодификации судебного права нам категорически не нужен».

С нашей точки зрения, интересна и оценка Н. Н. Розиным потенциала суда с участием присяжных заседателей как «идеала неведомой дотоле справедливости и правосудия» [20, с. 1]. У «заморского» института Jury trial в России всегда было множество противников. Например, проф. Г. А. Есаков (да и не он один) последовательно критикует «нуллификацию» уголовного закона присяжными вследствие наличия у них комплекса симпатий и антипатий к подсудимому, другим участникам процесса [21]. Себе в соратники проф. Г. А. Есаков приглашает самого Л. Н. Толстого (1828—1910) [22]. Как известно, присяжный заседатель Лев Николаевич в своем последнем романе «Воскресенье» (1899 г.) не только жестко раскритиковал формат института Jury trial, характерный для его времени, но предвосхитил многие проблемы современности.

Как правило, критика института Jury trial основана на тотальном недоверии к судьям из народа. Получается, что ее авторы не доверяют сами себе, что заставляет их заняться поиском неких «идеальных чиновников» от следствия и суда. Совершенно очевидно, что таковых нет в природе и быть не может. В то же время без активного участия народа в правосудии недостижим важнейший из его критериев — справедливость.

Нужно ли обо всем этом знать «будущим следователям»? Да, безусловно, нужно! Скажем больше, следователь в своем поиске ответов на вопросы относительно доказанности того или иного факта обязан предвосхитить тех из них, которые будут заданы присяжным. По делу егеря Михайловского (застрелил двух полковников) — прямо скажем, весьма сложного в организации доказывания — органы предварительного расследования, привыкшие, что суды будут «спасать дело», без всякой задней мысли наивно вещали в СМИ: «Мы свое дело сделали, а дальше пусть суд решает» [23]. Вот суд и решил: подсудимого оправдать! Во второй инстанции «заметался» уже прокурор: «у него появились сомнения в направленности умысла» подсудимого. Итог известен: приговор устоял[1].

[1] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской

7.10. Элементарный учебник С. В. Позднышева (1870—1943)

Наряду с капитальными курсами Н. Н. Розина, И. Я. Фойницкого (1847—1913) [24] и И. В. Михайловского (1867—1921) [25] оказались востребованными и книги по процессу «попроще», например «Элементарный учебник русского уголовного процесса» [26] проф. Московского университета С. В. Позднышева.

7.11. Е. В. Васьковский (1866—1942) смело ввел в уголовный процесс элементы антропологии

Лучшим «отечественным» процессуалистом считаем проф. Е. В. Васьковского (1866—1942) [27]. Почему именно его? Да только потому, что Евгений Владимирович в своем академическом повествовании (в отличие от подавляющего большинства прочих ученых) никогда особо не чуждался юридической антропологии [28] (участники процесса живут и действуют в условиях соответствующей социальной реальности), полностью отвергая тем самым слепую веру в «непорочное зачатие» процессуальной формы, чем «неизлечимо больно» подавляющее большинство авторов.

Мы не будем скрывать очевидного, что главное в любой разновидности судопроизводства — «надлежащая правовая процедура» [29, с. 102—103].

Отметим следующие мысли проф. Е. В. Васьковского: во-первых, «справедливость с небес не сходит» [28, с. 29] — она плод деятельности субъектов процесса; во-вторых, Евгений Владимирович никогда не забывал упоминать о таком важнейшем критерии процесса, как «дешевизна» [28, с. 205—208]! Следовательно, как говорится в народе: «По одежке протягивай ножки» (жить скромно — соразмерно средствам, отпускаемым на уголовную юстицию).

8. Зарубежные авторы XIX в.

Таковых великое множество, возьмем, например, Карла Иосифа Антона Миттермайера (1787—1867), опубликовавшего по уголовному процессу добрую дюжину книг (в том числе учебников), многие из которых переведены на русский язык [30]. Книги очень интересные, однако останавливаться на них из-за отсутствия места в настоящей публикации не будем.

8.1. Юлий (Юлиус) Антон Глазер (1831—1885)

Австрийский юрист-процессуалист, криминолог, педагог и политик Юлий Глазер [31] — человек, который лично и в Австро-Венгрии, и в Германии создавал уголовно-процессуальный кодекс и судебные системы. В понимании сути института Jury trial нам ценен тем, что всегда констатировал очевидное: в деятельности суда с участием присяжных заседателей попытка развести факт (зона ответственности присяжных) и права (зона ответственности председательствующего) — нечто сродни «непорочному зачатию». Крайне трудно оспорить позицию Ю. Глазера, последовательно утверждавшего, во-первых, что присяжные свой выбор о виновности сделали на основе утечек информации (слухов), во-вторых — что присяжным не чужды определенные познания в области права [32].

Для лучшего понимания описываемой Ю. Глазером действительности (а также современной практики) читателю необходимо также изучить как минимум эпическое творение выпускника Училища правоведения, длительное время служившего по судебному ведомству, председателя Санкт-Петербургского окружного суда (1896—1990 гг.) А. М. Бобрищева-Пушкина (1851—1903) «Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных» [33], которые автор предварил эпиграфом из «Слова о полку Игореве»: «Начати же ся с той песни по былинам сего времени, а не по замышлению Бояню». Иными словами: юрист, начинай с изучения матчасти (практики), а не с изучения рассуждений авторов учебников.

По нашему мнению, ни одно из современных диссертационных исследований института Jury trial (автор настоящей статьи выступал оппонентом по двум докторским) к уровню анализа юридической действительности, достигнутого А. М. Бобрищевым-Пушкиным, даже и не приблизилось. Не понять аспирантам, докторам «извне» то, что следует, «по капельке» впитывая практику, познавать «изнутри». Ниже к данному вопросу мы еще вернемся.

9. Советские учебники

Констатируем, что тема «Советский учебник по уголовно-процессуальному праву» неплохо раскрыта в «Курсе уголовного процесса» под редакцией проф. Л. В. Головко [6, с. 125—130]. В то же время считаем необходимым отметить, что роль таких советских (российских) ученых, как член-корреспондент Академии наук СССР, проф. Михаил Соломонович Строгович (1894—1984) и проф. Михаил Александрович Чельцов (Чельцов-Бебутов)

Федерации от 9 февраля 2017 г. № 34-АПУ17-1СП // Электронный архив Верховного Суда Российской Федерации за 2017 г.

(1890—1973), в освещении ряда весьма специфических аспектов советской процессуальной деятельности нуждается в некотором дополнении.

В первую очередь это касается уклонения обоих названных авторов от описания алгоритма взаимодействия (сотрудничества) органов предварительного расследования и суда. Наша позиция: и следователь, и суд в рамках отечественного традиционного судопроизводства (инквизиционного по сути) делают одно и то же дело — занимаются сбором, анализом и оценкой доказательств, следовательно, они обречены на взаимодействие, а если еще точнее — сотрудничество [34—36].

Во вторых, что тоже весьма немаловажно, и М. С. Строгович, и М. А. Чельцов (Чельцов-Бебутов) отмечали, что «советская» кассация (а вместе с нею и надзор) порой de facto являлись полноценной апелляцией, поскольку вышестоящие суды не могли удержаться от соблазна не только переоценки доказательств, но и от их сбора. Так, проф. М. С. Строгович (в том числе и со ссылками на учебники М. А. Чельцова) писал, что Верховный Суд РСФСР «повернул кассационную практику в направлении существа дела…» [37, с. 523—524].

Профессор М. А. Чельцов (Чельцов-Бебутов) в своей работе «Обжалование приговора защитником», подготовленной в 1948 г. совместно с М. Л. Шлифманом, прямо указал на то, что данная система (обжалования, проверки и пересмотра судебных решений), во-первых, работает только при наличии реальной состязательности, во-вторых — «чистой» кассации в СССР никогда не было [38, с. 557—586].

Сказанное — не что иное, как в первом случае отрицание очевидного, а во втором — его (очевидного) полное признание. В силу целого ряда обстоятельств эти аспекты практически никак не толкуются в наших современных учебниках (см., например: [39]). На текущий момент данная проблема раскрыта, пожалуй, только в некоторых статьях практиков. В частности, об этом подробно пишет советник Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации М. В. Скляренко [40].

Мы же на время покинем столбовую дорогу и поговорим о глубинной сути проблемы.

9.1. Революция. Кого учить и чему учить?

Крах Российской империи в 1917 г. предопределил неизбежный крах прежней государственной идеологии и, соответственно, тотальное, «до основания» разрушение предшествовавшей Октябрьской революции системы юридического образования. Впрочем, социально-политическая значимость уголовного судопроизводства была столь очевидна, что «выплеснуть воду прошлого с крепким ребенком уголовной юстиции» вожди пролетариата все же не решились, в силу чего некоторые рудименты старой школы успешно перешли в новую формацию.

Например, благополучно переживший «и царизм, и коммунизм» проф. Николай Николаевич Полянский (1878—1961) в 1919 г. опубликовал фактически программную статью (пусть и во многом изложенную эзоповым языком) «Цель уголовного процесса» [41]. Эту статью он, во-первых, предварил эпиграфом из Аристотеля (суть которого — почти афоризм А. В. Суворова (1729—1800): «Каждый должен понимать свой маневр» [41, с. 3], включая авторов учебников нашего времени) и, во-вторых, счел необходимым привести в ней довольно жесткую цитату из учебника «Уголовное судопроизводство» Н. Н. Розина: «В эпоху государственной борьбы за власть самый суд вводится в общую сеть оборонительных организаций, приобретает полицейский характер и утрачивает свое положение беспристрастного органа» [16, с. 357—358].

Ниже у самого Николая Николаевича Розина мы уже дополнительно обнаружили: «Преследование политических преступлений в эту пору (борьба за власть. — *Н. К.*) представляет в особенности бесчеловечную картину — картину произвольного лишения свободы, пыток и т. п.» [16, с. 357].

Да и сам проф. Н. Н. Полянский в 1919 г. не стеснялся констатировать: «Государственная власть, увлеченная борьбой со своими врагами, все чаще и чаще напоминает суду, что он — ее орудие для применения суровых кар к ослушникам ее велений» [41, с. 14].

Весьма интересна также и информация, приведенная проф. Н. П. Полянским в сноске из публикации С. А. Андреевского (1848—1918) «Будущее суда»: «Суды политические — вернее „трибуналы“ — имеют свою особую природу. Они создаются временно, в случайных и разнообразных формах, как самозащита правительства от бунта народных масс. Здесь уже идет борьба за власть, то есть *нечто совсем не схожее с правосудием*, призванным регулировать нормальное общежитие» [42].

Ниже уже у наркома юстиции Украины А. И. Хмельницкого (1889—1919), отрицавшего чуждый «коммунистам» «суверенитет народа» [43, с. 6], читаем: «Революционный трибунал до известной степени уподобляется бывшим чрез-

вычайным судам, можно сказать, что это полевые суды революционной эпохи» [43, с. 12].

Работавший в разные годы наркомом просвещения УССР Владимир Петрович Затонский (1888—1938) неоднократно отмечал: «Юридический факультет, вероятно, будет упразднен, и надо полагать, что будет открыт особый отдел историко-филологического факультета. Будет восемь предметов. Предметы следующие: общая теория права, сравнительная история права, социальное право, карательное право, публичное право, процесс и другие».

Сказанное означает, что и бурный период неограниченной уголовной репрессии в годы революции и Гражданской войны (уничтожался класс эксплуататоров) — открытая борьба за власть, и так называемый период политических репрессий 1920—1950 гг. (скрытая борьба за власть) юридической наукой были предсказаны. Правосудие — атрибут спокойного мирного времени, для которого, впрочем, порой бывают не чужды репрессивные начала периода революций. Чего, например, стоит современное толкование судами института «интеллектуального соучастия» во взяточничестве: лицо, фактически выполнившее по заданию ФСБ функцию агента, — рядовой соучастник [44; 45].

После Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. классическое юридическое образование в России пресеклось, науку в значительной мере подменила откровенная пропаганда [46].

9.2. Общее правило: «лектор должен знать в сто раз больше, чем скажет»!

Профессор В. Т. Томин (1934—2019), основатель нижегородской школы процессуалистов, свои «Заметки на полях ученых записок» начинает не только с озорного эпиграфа «Учиться надо весело», но и с уникальной фразы, приписываемой им проф. А. А. Герцензону (1902—1979): «Лектор должен знать в сто раз больше, чем скажет» [47, с. 14]. Трудно поспорить с уважаемым Валентином Тимофеевичем (который порой величал автора этих строк «друг мой ситный»), ибо очевидно, что любую работу следует делать весело, дерзко. Что касается знаний лектора (преподавателя), то в глазах обучающихся он должен знать все!

Когда будущий проф. В. Т. Томин в 1957 г. по распределению прибыл на остров Сахалин, специалистов с высшим юридическим образованием в регионе было всего четыре [47, с. 21]. Образование начальника сахалинского следствия «завершилось в третьем классе начальной школы, однако он был одним из самых образованных и культурных офицеров Управления, чего достиг упорным и каждодневным самообразованием» [47, с. 21]. Прямая констатация: в постижении науки могут быть вторичны и «Высшая школа», и «Учебник».

Применительно к Высшей школе исключительно глубокий смысл имеет мысль, высказанная проф. В. Т. Томиным: «Научно-исследовательскую работу надо совмещать не с преподавательской, а с практической деятельностью» [47, с. 25]. Об этом выше мы уже говорили.

9.3. Обучение в условиях информационной блокады

Поколение студентов 1970—1980-х гг., как и их предшественники 1920—1960-х гг., по целому комплексу идеологических причин практически полностью было лишено возможности получить классическое юридическое образование. В силу данного обстоятельства уголовно-процессуальным правом (и прочими его отраслями) мы были вынуждены овладевать в условиях жесткой информационной блокады, строго по утвержденной свыше программе, в основном в рамках учебников, выданных вузом. По этому поводу судья МКАС проф. А. Г. Быков (1938—2009 гг.), в 1955—1960 гг. студент МГУ им. М. В. Ломоносова, отмечал, что «советский» период «это ведь не нынешнее время, когда возможность получения информации по законодательству и учебному материалу практически беспредельна» [48, с. 26].

Современная наука уголовного судопроизводства предполагает наличие у правоприменителя широчайшего межотраслевого мышления, причем в увязке с правовыми категориями международного уровня, такой переход от анализа к синтезу не может не быть трудным, некоторыми допустимость такой смелости полностью отрицается. Вместе с тем именно такой поход к научному познанию позволяет судьям как Конституционного Суда РФ, так и Верховного Суда РФ творить, без преувеличения, прецеденты. В первом случае речь идет, например, о делах Исхакова[1], Вильке[2] и Ткачен-

[1] По делу о проверке конституционности статей 416-417 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Ф. Б. Исхакова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2021 г. № 53-П // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 08.08.2025).

[2] По делу о проверке конституционности части первой статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федера-

ко[1], во втором — о делах В. [49; 50] и Г. [51; 52], рассмотренных Судебной коллегией по уголовным делам, и деле М., рассмотренном Судебной коллегией по гражданским делам[2].

Тот факт, что дело в отношении М. было рассмотрено в Гражданской коллегии, читателя смущать не должен, ибо речь идет о распространении девушками в сети Интернет фактически сведений об изнасиловании. Истец М. настаивал, что ответчицы обвиняли его в преступлении сексуального характера, а суды, сославшись на практику ЕСПЧ, констатировали: девушки всего лишь просто обменялись своими личными впечатлениями [53].

9.4. Нужен заказ на конкретного специалиста

Главное в любой сфере высшего образования — это заказ будущего работодателя. В условиях плановой социалистической экономики вопрос о том, сколько юристов и каким вузам следует подготовить, никогда особой остротой не отличался. Не было и споров относительно того, чему и как долго учить будущих специалистов. Если проанализировать последний период в развитии «советского» юридического образования (1960—1990 гг.), то сразу будет понятно, что таковое могло быть как высшим, так и средним специальным.

Высшее юридическое образование получали, например, выпускники: 1) юридических факультетов университетов (пять лет обучения) и 2) специализированных юридических институтов (четыре года обучения), а также выпускники высших ведомственных образовательных учреждений в системе МО, МЮ, МВД и КГБ.

Применительно к уголовному судопроизводству выпускники юридических институтов (например, Харьковского, Саратовского и Свердловского юридических институтов) после четырех лет обучения котировались гораздо выше, чем их коллеги, целых пять лет «протиравшие юбки и брюки» в общегражданских университетах. А все потому, что в юридических институтах учили «конкретному делу», а в университетах — никому не нужной теории.

Сразу следует отметить, что конкурс в образовательные заведения, готовившие юристов, в СССР традиционно был высок. Например, когда автор этих строк в конце 1970-х гг. поступал в КГУ, то на одно место студента в группах с молдавским языком обучения претендовало 10 абитуриентов, а с русским языком обучения — целых 25!

Ясное дело, что у поступавших в вуз проверялись не какие-то там формальные знания, а нечто «другое», в отношении каждого — «что-то индивидуальное» (стаж, партийность и — не будем отрицать очевидного — «нужные связи»).

Особенностью плановой «социалистической» экономики было также и то, что все 100 % выпускников трудоустраивались. Другой вопрос: надолго ли они задерживались в профессии? Наши наблюдения: в органах предварительного расследования в системе МВД в первые четыре-пять лет ежегодно «вымывались» до 10 % офицеров (и это при том, что служба в 25 лет была обязательной). Оставшиеся 10 % дорабатывали уже до пенсии, на которую выходили в возрасте в 40—45 лет.

Совсем не лишним будет напомнить и то, что при социализме в плане было дать высшее образование только 20 % выпускников школ, а в наши дни эта цифра достигла 80 %, следовательно, в четыре раза автоматически снизился и уровень общей подготовки студентов. О мотивированности к учебе тех из них, кто выбрал юридические факультеты, ниже поговорим отдельно.

Пока же только отметим, что очень многие юридические должности при социализме занимали лица, имеющие высшее, но не обязательно юридическое образование. В частности, в системе БХСС на вполне законных основаниях часто трудились экономисты. Специальные знания, как по оперативной работе, так и в части их деятельности в качестве дознавателей, они получали в процессе системы дополнительной подготовки на всевозможных «курсах», например в той же Горьковской высшей школе МВД СССР, ориентированной на подготовку кадров для аппаратов БХСС (в просторечии — Горьковской высшей школе БХСС), основной срок обучения в которой для базового переменного состава был критикуемые ныне четыре года.

Классический пример — первый заместитель Министра внутренних дел генерал-полковник Александр Владимирович Горовой (род. 1960 г.),

---

ции в связи с жалобой гражданина П. О. Вильке: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2024 г. № 2-П // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 08.08.2025).

[1] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 марта 2023 г. № 45-УД23-2-К7 // Электронный архив Верховного Суда Российской Федерации за 2023 г.

[2] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2021 г. № 56-КГ20-12-К9 // Электронный архив Верховного Суда Российской Федерации за 2021 г.

который после окончания в 1982 г. Красноярского политехнического института пошел на работу без всякого юридического образования в органы МВД и быстро дослужился до заместителя начальника Курагинского ОВД Красноярского края.

В наше время от рядового специалиста требуют не просто высшее юридическое образование, но и настаивают на том, чтобы таковое он получил сначала в рамках бакалавривата, а затем еще и магистратуры.

Результат: магистерскую диссертацию у нас писал генерал-лейтенант полиции; комплексный экзамен по юриспруденции сдавал генерал-майор госбезопасности; а число проэкзаменованных по теории государства и права полковников уже и учету не поддается (лиц званием ниже мы вообще не рассматриваем, ибо их — тьма).

Особо подчеркнем, что и генералы, и офицеры с «сединой на висках» на излете своей карьеры «за парты садятся» не от любви к академической науке — кадры («которые решают все») их вынуждают...

О прогнозируемо провальных попытках тех, кого заставляли «принести» диплом «любой ценой» (случается, что кадры принимают поддельный), мы уже писали. Верховный Суд Российской Федерации по этому поводу констатировал: «денежное довольствие начисляется не за диплом (подделывать который, конечно, нельзя), а за хорошую работу, к качеству которой претензий никогда не было» [54].

При советской власти любили повторять: «академий не заканчивал и в таковых не нуждается». Некоторые лидеры КПСС (например, руководитель Москвы В. В. Гришин, 1914—1992) вообще высшего образования не имели... Означает ли это, что они были абсолютно безграмотными? Нет, конечно, самообразование никто не отменял (напоминаем: научить нельзя, можно только научиться), да и школ по целевой подготовке высших руководителей страны не существует. Призвание, понимаете...

Напомним, что в советское время весьма высоко котировалось трехлетнее среднее специальное юридическое образование. В частности, подавляющее большинство школ милиции именно такое образование и давали. И этого было вполне достаточно. Коллеги, которые сначала получили среднее юридическое образование, а затем двинулись дальше, не скрывают, что вуз существенных знаний им не добавил, пять лет дополнительно отучились только ради диплома.

Крах плановой социалистической экономики, бум в формировании горизонтальных правоотношений между хозяйствующими субъектами в 1991 г. ожидаемо обусловил востребованность представителей юридических профессий. Юридические вузы стали расти как грибы. Начиная с 1992/93 учебного года в массовом порядке появилось платное юридическое образование. Сказанное означает, что умопомрачительный конкурс в 25 человек на одно место мгновенно сменился хроническим недобором кандидатов в студенты. Хорошо это или плохо? С одной стороны, очень плохо: две трети студентов — бесполезный балласт, мешающий учиться настоящим студентам, которых в группах обычно все те же 20 %. С другой — хорошо! Во-первых, как любил говаривать один наш знакомый декан: «Нельзя рубить голову курице, которая несет золотые яйца». Во-вторых, куда девать «недорослей»? Признаемся, что мальчики сразу после школы идут в вуз (и в аспирантуру тоже), чтобы «откосить» от армии, а девочки — созреть для брака.

Вправе ли мы требовать от такого студента усидчивости и 100 %-й успеваемости? Да нет, конечно. Это бессмысленно! По закону рынка, человек, купивший билет в театр, может смотреть балет, вправе пройти в буфет или зайти в туалет. Как известно, к водопою лошадь может привести один человек, но и двадцать не заставят ее пить.

Есть ли выход из ситуации? Да, конечно, есть! Лицо, получившее диплом, должно соответствующим образом доказать, что у него, помимо «бумаги», есть еще и знания. Кому этим предстоит заняться? Самому заинтересованному лицу — будущему работодателю!

9.5. Учебник по уголовному процессу: мнение ученых

Некоторые вопросы по анализируемой проблеме в рамках II Стояновских чтений по теме «Учебник уголовного процесса: прошлое, настоящее, будущее» [55] были освещены несколько ранее, причем не только нами [56], но и целым рядом ведущих специалистов в области науки уголовного процесса.

Так, проф. А. Р. Белкин в свой публикации «Нам действительно нужен учебник!» утверждает, что желательно, чтобы эта книга была *единой* [55, с. 10—15]. Некий такой *учебник* всех учебников! Мы совершенно уверены: наш читатель прекрасно понимает, что предложение Анатолия Рафаиловича — очередная утопия.

Безусловно, интересная и исключительно важная мысль высказана проф. Л. В. Головко о том, что учебник — это в первую очередь источник уголовно-процессуальной доктрины [55, с 40—45]. Вот только вопрос: кто будет потребителем этой доктрины?

Проф. М. П. Поляков вообще усматривает романтическую функцию учебника, которым будут зачитываться... [55, с. 108—114]. В этом месте только наш вопрос: «Кто именно?», особенно если сам Михаил Петрович пишет, что ему хорошо известно мнение о том, что в России учебник не только не источник доктрины, но и даже «не источник точного знания» [55, с. 109].

Скорее всего, прав профессор В. Г. Глебов, требующий обязательную дифференциацию учебного материала с учетом контингента обучаемых [55, с. 35—39]. Закономерно также доцент И. В. Маслов разумно предлагает как минимум три уровня учебников в зависимости от целей, стоящих как перед учителем, так и его учениками. Наблюдения данного автора: уголовный процесс студенты изучают, во-первых, только для того, «чтобы сдать» экзамен. Во-вторых, в будущем выпускники вузов будут делать все не по учебнику (это проф. Л. В. Головко о доктрине), а только «так, как им говорят» [55, с. 92—96].

Особый интерес представляет выступление доцента С. Г. Коновалова, который исключительно интересно раскрыл тему учебника уголовного процесса в Германии [55, с. 76—84]. На наш взгляд, особый интерес представляет то обстоятельство, что уголовно-процессуальная наука этого государства (в лице ее представителей Ф. К. Шредера и Т. Ферелла) признает обязательное наличие в процессе познания интриги [57, с. 7]. На что им все российские практики (за исключением, конечно, адвокатов) скажут: «Пожалуйста, без интриг, не случайно весь процесс мы пытаемся втиснуть в стадию возбуждения дела; число дел возбужденных должно быть равно числу обвинительных приговоров». Немецкие ученые не стесняются также называть вещи (о которых наши авторы предпочитают вообще молчать) своими именами: так, жертвы грубых процессуальных ошибок в учебнике прямо названы «мучениками» [57, с. 7]. Ниже у «немцев» идет констатация очевидного: «абсолютно безошибочного процесса не бывает», некая доля ошибок — не позор для судебной власти, а показатель ее человечности [57, с. 7]. Впрочем, анализ приведенных и иных тезисов — тема для отельного разговора.

Неслучайно Т. В. Черемисина сетует, что практически все известные ей курсы «Уголовного процесса» стыдливо обошли вниманием такую скользкую тему, как взаимодействие участников судопроизводства между собой [55, с. 142—145].

В рамках II Стояновских чтений также их участниками были представлены материалы: доцентом Е. С. Азаровой «Судейское усмотрение: тема, которой авторы учебников крайне редко уделяют должное внимание» и советником Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации М. В. Скляренко «Уголовный процесс: наш взгляд на его место и роль в становлении специалиста». К общему величайшему сожалению, данные материалы пока все еще не опубликованы.

Третьи промежуточные научно-практические выводы

1. Несмотря на то что история уголовного судопроизводства насчитывает уже пять тысячелетий, человечество все еще перманентно пребывает в поисках его оптимальной концепции. Неслучайно со времен Древнего Китая говорят примерно следующее: «Уголовный кодекс — это негатив нашего парадного портрета». Ну а какой уголовный кодекс, такой автоматически будет и кодекс уголовно-процессуальный.

2. Генезис воззрений на уголовное право и уголовное судопроизводство, их эволюция на текущий момент должным образом не прослеживаются — надлежащего системного изложения мы не встречали.

3. Хотя человек, его основные права и свободы провозглашены высшей ценностью, расставить верно знаки препинания в фразе «Пытать нельзя не пытать» пока не получается.

3. Стыдно признаться, но российская уголовно-правовая и уголовно-процессуальная наука все еще дебатирует об официальных целях уголовного судопроизводства.

4. Никто не отменял принципа, при котором в формировании институтов уголовного права и процесса мы «смело берем чужое, когда нет своего». Главное, заимствованные компоненты должны «не в кучу складываться», а занять свое место в национальной системе уголовного права и судопроизводства.

5. Концепция о классических учебниках по уголовному праву и уголовно-процессуальному праву все еще пишется... Не зря российские практики, как и их коллеги, жившие в Германии в середине XIX в., упорно обсуждают проблему отделения

незапрещенного Уголовным кодексом Российской Федерации «сбора валежника» от уголовно наказуемой порубки (ст. 260 УК РФ).

6. Вывод: историю уголовно-правовой и уголовно-процессуальной науки (как и историю вообще) изучать следует обязательно!

7. Наши знания по данным дисциплинам будут явно неполными, если мы ограничимся изучением только отечественной литературы. И уголовное право, и уголовный процесс — науки, имеющие важное интернациональное значение.

Продолжение следует.

1. Колоколов Н. А. Уголовное право и уголовный процесс: учебник, журнал и монография, их роль и место в образовательном процессе. Часть 1. Доктрина в поисках концепции // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). С. 60—75.

2. Колоколов Н. А. Уголовное право и уголовный процесс: учебник, журнал и монография, их роль и место в образовательном процессе. Часть 2. Учебники по уголовному праву в прошлом, настоящем и будущем // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 44—54.

3. Кабрияк Р. Кодификация / пер. Л. В. Головко. Москва: Статут, 2007. 476 с.

4. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. Москва: Наука, 1991. 127 с.

5. Давлетов А. А., Азаренок Н. В. Уголовный процесс России: исторические корни, современное состояние, перспективы эволюционного развития. Екатеринбург: УрГЮУ, 2023. 504 с.

6. Курс уголовного процесса / под ред. проф. Л. В. Головко. 4-е изд., испр. и доп. Москва: Статут, 2025. 1041 с.

7. Правиков Ф. Д. Памятник из законов, руководствующих к познанию приказного обряда, собранный по азбучному порядку. 2-е изд. Москва: В вольной тип. Пономарева, [1802].

8. Правиков Ф. Д. Грамматика юридическая, или Начальные правила российского правоведения. Москва: Вольная тип. Пономарева, 1803. 172 с.

9. Горюшкин З. А. Руководство к познанию российского законоискусства. Москва: Унив. тип., 1811. 364 с.; Описание судебных действий, или Легчайший способ к получению в краткое время надлежащих познаний к оправлению должностей в судебных местах. Москва: Унив. тип., Ч. 1—2. 1807—1808, 1815. 785 с.

10. Колоколов Е. Правила и формы о производстве следствий, составленные по Своду законов надворным советником Е. Колоколовым. 5-е изд., без перемен. Москва: Унив. тип., 1858. 148 с.

1. Kolokolov N. A. Criminal law and criminal procedure: a textbook, a magazine and a monograph, their role and place in the educational process. Part 1. Doctrine in looking for a concept. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 60—75, 2025. (In Russ.).

2. Kolokolov N. A. Criminal law and criminal procedure: a textbook, a magazine and monograph, their role and place in the educational process. Part 2. Textbooks on criminal law in the past, present and future. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 44—54, 2025. (In Russ.).

3. Kabriyak R. Codification. Transl. by L. V. Golovko. Moscow: Statut, 2007: 476. (In Russ.).

4. Karamzin N. M. Note on old and new Russia in its political and civil status. Moscow: Nauka; 1991: 127. (In Russ.).

5. Davletov A. A., Azarenok N. V. Criminal procedure in Russia: historical roots, acting position, prospects for evolutionary development. Yekaterinburg: the Ural State Law University; 2023: 504. (In Russ.).

6. Course on criminal procedure. Red. by Golovko L. V., prof. 4th ed., corrected and suppl. Moscow: Statut; 2025: 1041. (In Russ.).

7. Pravikov F. D. Body of laws guiding the understanding of the ritual order, collected in alphabetical order. 2nd ed. Moscow: In the free printing house of Ponomarev; 1802. (In Russ.).

8. Pravikov F. D. Legal grammar or basic rules of Russian jurisprudence. Moscow: Free printing house of Ponomarev; 1803: 172. (In Russ.).

9. Goryushkin Z. A. Guide to understanding Russian art of law. Moscow: University printing house; 1811: 364 (In Russ.); Description of judicial actions, or the easiest way to quickly acquire the necessary knowledge to perform duties in judicial places. Moscow: University printing house, Parts 1—2; 1807—1808, 1815: 785. (In Russ.).

10. Kolokolov Ye. Rules and forms to conduct investigations. Compiled according to the Code of Laws by Ye. Kolokolov, the Court Councilor. 5th ed., without amendments. Moscow: University printing house; 1858: 148. (In Russ.).

11. Колоколов Е. Правила и формы производства предварительных следствий и дознаний судебными следователями и полицейскими чинами / сост. Е. Колоколовым по Уставу уголов. судопроизводства 20 нояб. 1864 г. Москва: Тип. И. И. Смирнова, 1878. 96 с.

12. Стояновский Н. И. Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству. Санкт-Петербург: Тип. Карла Крайя, 1852. 311 с.

13. Бентам И. О судоустройстве. Москва: Юрайт, 2022. 196 с.

14. Дмитриев Ф. М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного производства от Судебника до Учреждения о губерниях. Москва: Унив. тип., 1859. 581 с.

15. Колоколов Н. А. Роль и место решений Конституционного Суда РФ в формировании конкретных судебных правовых позиций Верховного Суда РФ по отдельным вопросам // Конституционный судебный процесс: учебник / под науч. ред. Б. С. Эбзеева, Г. А. Гаджиева, Н. А. Колоколова; под общ. ред. Л. Т. Чихладзе. 5-е изд. перераб. и доп. Москва: Юнити-Дана, 2025. С. 158—268.

16. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. 3-е изд., пересмотр. Петроград: Изд. юрид. кн. склада «Право», 1916. 592 с. С предисл.

17. Розин Н. А. Процесс как юридическая наука // Журнал Министерства юстиции. 1910. Кн. 10.

18. Николюк В. В. Рец. на моногр.: Максуров А. А. Актуальные проблемы судебного права: монография. Москва: Инфра-М, 2024. 308 с. // Международная ассоциация содействия правосудию: сайт. 2024. 19 апр. URL: https://www.iuaj.net/node/3430 (дата обращения: 25.11.2025).

19. Проблемы судебного права / Н. Н. Полянский, М. С. Строгович, В. А. Савицкий, А. А. Мельников; под ред. В. М. Савицкого. Москва: Наука, 1983. 224 с.

20. Розин Н. Н. О суде присяжных. Публичная лекция, читанная в Томске 24 февраля 1901 года. Томск: Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1901. 35 с.

21. Есаков Г. А. «Нуллификация» уголовного закона в суде с участием присяжных заседателей // Уголовное право. 2013. № 2. С. 121—129.

22. Есаков Г. А. Роман Л. Н. Толстого «Воскресенье»: историко-правовая реконструкция. Москва: Проспект, 2023. 264 с.

23. Колоколов Н. А. Право на самооборону // Человек и закон. 2017. № 8. С. 35—44.

11. Kolokolov Ye. Rules and forms to conduct preliminary investigations and inquiries by judicial investigators and police officials. Comp. by Ye. Kolokolov according to the Charter of criminal procedure on November 20, 1864. Moscow: Printing house of I. I. Smirnov; 1878: 96. (In Russ.).

12. Stoyanovsky N. I. Practical guide to Russian criminal procedure. Saint Petersburg: Printing house of Karl Kray; 1852: 311. (In Russ.).

13. Bentham I. On the judicial system. Moscow: Yurait; 2022: 196. (In Russ.).

14. Dmitriyev F. M. History of judicial instances and civil appellate proceedings from the Sudebnik to the Institution on the Provinces. Moscow: University printing house; 1859: 581. (In Russ.).

15. Kolokolov N. A. Role and place of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, while forming specific judicial legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation on some issues. In: Constitutional Judicial Process. Textbook. Red. by B. S. Ebzeev, G. A. Gadzhiev, N. A. Kolokolov; gen. red. L. T. Chikhladze. 5th ed., rev. and suppl. Moscow: Yunity-Dana; 2025: 158—268. (In Russ.).

16. Rozin N. N. Criminal proceedings. The 3rd ed., rev. Petrograd: Printing house of the legal book warehouse "Law"; 1916: 592 (with the preface). (In Russ.).

17. Rozin N. A. Procedure as a legal science. Journal of the Ministry of Justice, Book 10, 1910. (In Russ.).

18. Nikolyuk V. V. Review of the monograph: Maksurov A. A. Topical issues of judiciary law. Monograph. Moscow: Infra-M; 2024: 308. In: International union for assistance to justice. Website. 19 April 2024. Available from: https://www.iuaj.net/node/3430. Accessed: 25 November 2025. (In Russ.).

19. Polyansky N. N., Strogovich M. S., Savitsky V. A., Melnikov A. A. Issues of judiciary law. Red. by V. M. Savitsky. Moscow: Science; 1983: 224. (In Russ.).

20. Rozin N. N. On the jury process. Public lecture, delivered in Tomsk, February 24, 1901. Tomsk: Steam printing-lithography of P. I. Makushin; 1901: 35. (In Russ.).

21. Yesakov G. A. "Nullification" of criminal law in the court with the participation of jury. Criminal law, 121—129, 2013. (In Russ.).

22. Yesakov G. A. The novel "Resurrection" by L. N. Tolstoy: historical and legal reconstruction. Moscow: Prospekt; 2023: 264. (In Russ.).

24. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. I. 4-е изд. Санкт-Петербург: Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1912. 567 с.; Т. II. 3-е изд. Санкт-Петербург: Сенатская тип., 1910. 573 с.

25. Михайловский И. В. Судебное право как самостоятельная юридическая наука. Санкт-Петербург, 1908. 16 с.; Его же. Основные принципы организации уголовного суда: Уголовно-полит. исслед. Томск: Паровая типо-литография П. И. Макушина, Благовещенск, 1905. 336 с.

26. Позднышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. Москва: Г. А. Леман, 1913. 329 с.

27. Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса. Т. I: Субъекты и объекты процесса, процессуальные действия. Москва: Изд-во братьев Башмаковых, 1913. 691 с.

28. Васьковский Е. В. Избранные работы польского периода. Москва: Статут, 2016. 640 с.

29. Келли Дж. М. Краткая история западной теории права. Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2025. 542 с.

30. Миттермаер // Брокгауз Ф. А. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского. Санкт-Петербург: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890—1907.

31. Глазер Ю. Руководство по уголовному процессу / сочинение Юлия Глазера; пер. с нем. А. Лихачева. Т. 1, [вып. 1]. Санкт-Петербург: редакция Журнала гражданского и уголовного права, 1884. 274 с.; Т. 1, вып. 2. Санкт-Петербург: редакция Журнала гражданского и уголовного права, 1886. 206 с.

32. Глазер Ю. О влиянии суда на приговор присяжных / соч. Юлия Глазера. Санкт-Петербург: М. И. Лиманский, 1868. 114 с.

33. Бобрищев-Пушкин А. М. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных (с атласом). Москва: Журн. «Русская мысль», 1896. 616, IV с.

34. Колоколов Н. А. Взаимодействие органов предварительного расследования и суда. Статья 1. Уголовно-судебное право о следствии предварительном и судебном: о доверии общества к результатам предварительного расследования вообще и о формах коммуникации между следователем и судом // Уголовное судопроизводство. 2025. № 3. С. 3—11.

35. Колоколов Н. А. Взаимодействие органов предварительного расследования и суда. Статья 2. Уголовно-судебное право о следствии предварительном и судебном: критерии дове-

23. Kolokolov N. A. Right to self-defense. Person and law, 35—44, 2017. (In Russ.).

24. Foinitsky I. Ya. Course on criminal proceedings. Vol. I. 4th ed. Saint Petersburg: Printing house of the association "Public benefit"; 1912: 567; Vol. II. 3rd ed. Saint Petersburg: Senate printing house; 1910: 573. (In Russ.).

25. Mikhailovsky I. V. Judicial law as an independent legal science. Saint Petersburg: 1908: 16. (In Russ.); Idem. Basic principles of the organization of the criminal court: criminal and political research. Tomsk: Steam printing-lithography of P. I. Makushin; Blagoveshchensk; 1905: 336. (In Russ.).

26. Pozdnyshev S. V. Elementary textbook of the Russian criminal procedure. Moscow: G. A. Leman; 1913: 329. (In Russ.).

27. Vaskovsky Ye. V. Civil procedure course. Vol. I: Subjects and objects of the procedure, procedural actions. Moscow: Publishing house of the Bashmakov brothers; 1913: 691. (In Russ.).

28. Vaskovsky Ye. V. Selected works of the Polish period. Moscow: Statut; 2016: 640. (In Russ.).

29. Kelly J. M. Brief history of the western theory of law. Saint Petersburg: Alef-Press; 2025: 542. (In Russ.).

30. Mittermaer. Brockhaus F. A. Encyclopedic dictionary. Red. by I. Ye. Andreevsky, prof. Saint Petersburg: F. A. Brockhaus, I. A. Yefron; 1890—1907. (In Russ.).

31. Glazer Yu. Guide on criminal procedure. Essay by Yuliy Glaser. Transl. from German by A. Likhachev. Vol. 1, [iss. 1]. Saint Petersburg: Editorial board of the Journal of civil and criminal law; 1884: 274; Vol. 1, iss. 2. Saint Petersburg: Editorial board of the Journal of civil and criminal law; 1886: 206. (In Russ.).

32. Glazer Yu. On the influence of the court on jury's verdict. Essay by Yuliy Glaser. Saint Petersburg: M. I. Limansky; 1868: 114. (In Russ.).

33. Bobrishchev-Pushkin A. M. Empirical laws of the activities of the Russian jury (atlas to be applied). Moscow: Journal "Russkaya Mysl"; 1896: 616. (In Russ.).

34. Kolokolov N. A. Interaction between the preliminary investigation bodies and the court. Art. 1. Criminal-judicial law on preliminary and judicial investigation: on the public's credibility to the results of preliminary investigation in general and on the forms of communication between the investigator and the court. Criminal proceedings, 3—11, 2025. (In Russ.).

рия общества (в том числе профессионального сообщества) к результатам предварительного расследования и судебной деятельности; посредники в коммуникационной системе «следователь — суд»; особенности коммуникационной практики между следователем и судом по конкретным делам // Уголовное судопроизводство. 2025. № 4. С. 2—12.

36. Колоколов Н. А. Взаимодействие органов предварительного расследования и суда. Статья 3. Анализ текущей следственно-судебной практики // Уголовное судопроизводство. 2026. № 1. С. 2—12.

37. Строгович М. С. На пути доказывания истины. Москва: ИГП РАН, 2024. 736 с.

38. Чельцов (Чельцов-Бебутов) М. А. Избранное. Т. 2. Москва: Проспект, 2017. 720 с.

39. Колоколов Н. А. Обжалование, проверка и пересмотр судебных решений. Производство в суде апелляционной, кассационной и надзорной инстанции // Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс): учебник / под ред. А. И. Бастрыкина. Санкт-Петербург: Фонд «Университет», 2023. С. 476—495.

40. Скляренко М. В. Срок на апелляцию: от идеологии к идеологии. Статья № 2. Идеология «советская»: полный отказ от института апелляции (1917—2001 гг.); идеология «постсоветская»: неспешное поэтапное восстановление апелляции (2001—2019 гг.) обусловили образование массивного пробела в практике выявления процессуальных ошибок, исправлять которые суды вынуждены в наши дни // Уголовное судопроизводство. 2024. № 1. С. 39—44.

41. Полянский Н. Н. Цель уголовного процесса. Ярославль: Тип. Ярослав. Кредитного союза кооператоров, 1919. 36 с.

42. Андреевский А. С. Будущее суда // Труды юридического сообщества при Императорском С.-Петербургском Университете. Санкт-Петербург, 1913. Т. V. С. 516.

43. Хмельницкий А. А. Красное право и красный суд: публичная лекция. Одесса: Всеукраинское государственное издательство, 1921. 20 с.

44. Колоколов Н. А. Мздоимство, лихоимство: проблемы квалификации // Уголовное судопроизводство. 2025. № 2. С. 3—12.

45. Колоколов Н. А. Когда взяткодатель не преступник, а потерпевший по делу взяткополучателя // Уголовный процесс. 2025. № 11. С. 46—52.

46. Вышинский А. Я., Ундревич В. С. Курс уголовного процесса. Т. I: Судоустройство. Моск-

35. Kolokolov N. A. Interaction between the preliminary investigation bodies and the court. Art. 2. Criminal and judicial law on preliminary and judicial investigation: criteria of the public's credibility (including the professional community) to the results of preliminary investigation and judicial activity; intermediaries in the "investigator — court" communication system; specifics of communication practice between the investigator and the court on certain cases. Criminal proceedings, 2—12, 2025. (In Russ.).

36. Kolokolov N. A. Interaction between the preliminary investigation bodies and the court. Art. 3. Analysis of acting investigative and judicial practice. Criminal proceedings, 2—12, 2026. (In Russ.).

37. Strogovich M. S. On proving the truth. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Science; 2024: 736. (In Russ.).

38. Cheltsov (Cheltsov-Bebutov) M. A. Selected works. Vol. 2. Moscow: Prospect; 2017: 720. (In Russ.).

39. Kolokolov N. A. Appeal, verification and retrial. Proceedings in the court of appeal, cassation and supervisory instance. In: Criminal procedural law (criminal procedure). Textbook. Red. by A. I. Bastrykin. Saint Petersburg: "University" institution; 2023: 476—495. (In Russ.).

40. Sklyarenko M. V. The period for appeal: from ideology up to ideology. Art. 2. The "Soviet" ideology: unconditional refusal from the institution of appeal (1917—2001); the "post-Soviet" ideology: deliberate gradual restoration of appeal (2001—2019) led to making a great gap in the practice of identifying procedural errors, which the courts must correct today. Criminal proceedings, 39—44, 2024. (In Russ.).

41. Polyansky N. N. Purpose of criminal procedure. Yaroslavl: Printing house of the Yaroslavl Credit Union of Cooperators; 1919: 36. (In Russ.).

42. Andreyevsky A. S. Future of the Court. Works of the jurisprudential community at the Imperial Saint Petersburg University. Saint Petersburg; 1913: 516. (In Russ.).

43. Khmelnitsky A. A. Red law and red court. Public lecture. Odessa: All-Ukrainian State Publishing House; 1921: 20. (In Russ.).

44. Kolokolov N. A. Facilitative corruption and collusive corruption: problems of qualification. Criminal proceedings, 3—12, 2025. (In Russ.).

45. Kolokolov N. A. When a bribe giver is not a criminal but a victim on a bribe-taker-case. Criminal procedure, 46—52, 2025. (In Russ.).

ва: ОГИЗ, 1936. 564 с.; Вышинский А. Я. Судоустройство в СССР: учеб. пособие. Москва: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. 344 с.

47. Томин В. Т. Избранные труды. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2004. 586 с.

48. Быков А. Г. Интервью с доктором юридических наук, профессором А. Г. Быковым (к 70-летию со дня рождения) // А. Г. Быков: Человек, Ученый, Учитель. Москва: Стартап, 2013. 416 с.

49. Колоколов Н. А. Засекреченный прецедент? Да нет, все-таки: «дело Воробей» уже вылетело — не поймаешь! Анализируем образец смелого и исключительно принципиального судейского усмотрения — определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ в отношении лица, поспешно осужденного за «хищение» автомобиля у своей сожительницы // Уголовное судопроизводство. 2024. № 1. С. 2—12.

50. Колоколов Н. А. Оправдание по делу о мошенничестве: ВС РФ творчески оценил отношения между лицами, состоящими в гражданском браке // Уголовный процесс. 2025. № 10. С. 90—95.

51. Колоколов Н. А. Очередной «засекреченный» прецедент. Верховный Суд РФ смягчил наказание по ч. 4 ст. 134 УК РФ // Администратор суда. 2025. № 3. С. 38—44.

52. Колоколов Н. А. Неизвестный прецедент Верховного Суда РФ по делу о половом сношении с потерпевшими в возрасте до 16 лет // Уголовный процесс. 2025. № 6. С. 90—93.

53. Колоколов Н. А. Верховный Суд РФ решительно исправляет процессуальные ошибки, допущенные по делам о распространении ложной информации. Статья 3. Примеры запоздалой деконструкции совершенно очевидных судебных ошибок по уголовному и гражданскому делу // Мировой судья. 2025. № 9. С. 2—10.

54. Колоколов Н. А. Высшие суды на страже прав и законных интересов военнослужащих: недвусмысленное напоминание ст. 37 Конституции РФ — закон прямого действия // Военно-Юридический журнал. 2024. № 1. С. 38—45.

55. Учебник уголовного процесса: прошлое, настоящее, будущее: II Стояновские чтения — материалы науч.-дидакт. конф. (Москва, 22 апреля 2025 г.) / под ред. А. А. Бессонова, В. Д. Дармаевой, Ю. А. Цветкова. Москва: Юрайт, 2025. 155 с.

56. Колоколов Н. А. Учебник уголовного судопроизводства: инновации неизбежны // Учебник уголовного процесса: прошлое, настоящее,

46. Vyshinsky A. Ya., Undrevich V. S. Course on criminal procedure. Vol. I. Court system. Moscow: OGIZ (Association of State Publishing Houses); 1936: 564. (In Russ.); Vyshinsky A. Ya. Court system in the USSR: guide. Moscow: State Publishing House of Legal Literature; 1940: 344. (In Russ.).

47. Tomin V. T. Selected works. Saint Petersburg: Yurid. center Press; 2004: 586. (In Russ.).

48. Bykov A. G. Interview with Bykov A. G., doctor of juridical sciences, professor (to the 70th anniversary of his birth). In: Bykov A. G.: Person, Scientist, Teacher. Moscow: Startup; 2013: 416. (In Russ.).

49. Kolokolov N. A. Is it a secret precedent? No, after all: "Vorobey case" has already flown out — you won't catch it! We analyze an example of bold and exceptionally conceptual judicial discretion, that is, the ruling of the Criminal Division of the Supreme Court of the Russian Federation regarding the person to be hastily convicted for a car "theft" from his girl-friend. Criminal proceedings, 2—10, 2024. (In Russ.).

50. Kolokolov N. A. Fraud justification: the Supreme Court of the Russian Federation creatively evaluated relations between persons in common-law marriage. Criminal procedure, 90—95, 2025. (In Russ.).

51. Kolokolov N. A. Another "classified" precedent. The Supreme Court of the Russian Federation mitigated the sentence under Part 4 of Article 134 of the Criminal Code of the Russian Federation. Court's Administrator, 38—44, 2025. (In Russ.).

52. Kolokolov N. A. Unknown precedent of the Supreme Court of the Russian Federation in the case of sexual acts with victims under the age of 16. Criminal procedure, 90—93, 2025. (In Russ.).

53. Kolokolov N. A. The Supreme Court of the Russian Federation decisively corrects procedural errors on cases of false information dissemination. Art. 3. Examples of late deconstruction of obvious judicial errors in criminal and civil cases. Justice of the Peace, 2—10, 2025. (In Russ.).

54. Kolokolov N. A. Higher courts as guardian of the rights and legitimate interests of military personnel: an expressly reference (mention) on Art. 37 of the Constitution of the Russian Federation — it is directly applicable law. Military-Legal Journal, 38—45, 2024. (In Russ.).

55. Criminal procedure textbook: past, present, future. In: IInd Stoyanov scientific (academic) readings. Works of scientific and didactic conference. Moscow, 22 April, 2025. Red. by A. A. Bessonov,

будущее: II Стояновские чтения — материалы науч.-дидакт. конф. (Москва, 22 апреля 2025 г.) / под ред. А. А. Бессонова, В. Д. Дармаевой, Ю. А. Цветкова. Москва: Юрайт, 2025. С. 58—77.

57. Шредер Ф. К., Феррел Т. Уголовно-процессуальное право Германии. 5-е изд. Москва: Инфотропик Медиа, 2016. 304 с.

V. D. Darmayev, Yu. A. Tsvetkov. Moscow: Yurait; 2025: 155. (In Russ.).

56. Kolokolov N. A. Textbook on criminal court procedure: innovations are inevitable. Criminal procedure textbook: past, present, future In: IInd Stoyanov scientific (academic) readings. Works of scientific and didactic conference. Moscow, 22 April, 2025. Red. by A. A Bessonov, V. D. Darmayev, Yu. A. Tsvetkov. Moscow: Yurait; 58—77, 2025. (In Russ.).

57. Shreder F. K., Ferrel T. German criminal procedure law. 5th ed. Moscow: Infotropik Media; 2016: 304. (In Russ.).

Колоколов Никита Александрович,
судья Верховного Суда РФ
в почетной отставке,
заведующий кафедрой судебной
и прокурорско-следственной деятельности
Московского университета
имени А. С. Грибоедова,
профессор кафедры теории и истории
государства и права
Московского педагогического
государственного университета,
главный редактор
журнала «Уголовное судопроизводство»,
председатель редакционного совета
журнала «Мировой судья»,
доктор юридических наук, профессор;
nikita_kolokolov@mail.ru

Kolokolov Nikita Alexandrovich,
honorably retired judge of the Supreme Court
of the Russian Federation,
head of the department of judicial
and prosecutorial-investigative activities
of the A. S. Griboyedov Moscow University,
professor at the department
of the theory and history
of state and law
of the Moscow Pedagogical State University,
editor-in-chief
of the "Criminal proceedings" journal,
chairman of the editorial board
of the "Judge of the Peace" journal,
doctor of juridical sciences, full professor;
nikita_kolokolov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.12.2025; одобрена после рецензирования 15.12.2025; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 07.12.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 16.02.2026.

* * *

УДК 343.1

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС DE LEGE FERENDA КАК ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ОТКРЫТИЕ

Анна Вячеславовна Ламтева
Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, criminalprocedure2025@mail.ru

Аннотация. Отечественный уголовный процесс рассматривается через призму типологического подхода с акцентом на догматической и эвристической составляющих. Сконструирована авторская система уголовно-процессуальных типов, в основании которой лежит способ взаимодействия общества и государства по вопросам борьбы с преступностью (символический, доверительный, коллегиальный и гласный). Автором была предложена защитная теория возникновения государства. В качестве новой формы участия граждан в отправлении правосудия по наиболее сложным уголовным делам предлагается двухуровневая модификационная модель (два профессиональных судьи и коллегия из судей справедливости). Делается вывод о том, что уголовный процесс не каждого государства может претендовать на статус типа. После трансформации национального уголовного судопроизводства в уникальный тип начинается его импортная экспансия. Проработка уникальных и работоспособных национальных уголовно-процессуальных институтов трансформирует имеющееся уголовное судопроизводство в систему с особой процессуальной энергетикой, которая, словно солнце, заряжает все другие страны.

Ключевые слова: тип, отечественный, судьи справедливости, догма, типология, судебное заседание
Для цитирования: Ламтева А. В. Отечественный уголовный процесс de lege ferenda как типологическое открытие // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 1 (76). С. 104—113.

DOMESTIC CRIMINAL PROCEDURE DE LEGE FERENDA AS A TYPOLOGICAL ACHIEVEMENT

Anna Vyacheslavovna Lamteva
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhny Novgorod, Russia, criminalprocedure2025@mail.ru

Abstract. The author focuses on the domestic criminal procedure by using a typological approach with an emphasis on dogmatic and heuristic aspects. The author's own system of criminal and procedural types is formed, based on the way of a society and a state cooperation on the issues of crime fighting (symbolic, confidential, collegial and public). The author proposes a defense theory of state origins. As a new form of citizens' participation in the administration of justice in the most serious criminal cases, a two-level modified pattern (combining two professional judges and a panel of judges of justice) is offered. The author makes a conclusion the type status in criminal procedure not to be an option for every state. After the transformation of national criminal proceedings into a unique type, its import expansion begins. The development of unique and functioning national criminal and procedural institutions will transform the existing criminal proceedings into a system with a special procedural energy, which, like the sun, revives all other countries.

Keywords: type, domestic, judges of justice, dogma, typology, court session
For citation: Lamteva A. V. Domestic criminal procedure de lege ferenda as a typological achievement. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 104—113, 2026. (In Russ.).

© Ламтева А. В., 2026

Отечественный уголовный процесс — это глобальное понятие, обладающее многоуровневым конвергентным потенциалом. Если на российский уголовный процесс посмотреть с позиции линейного вектора развития, то мы увидим ламинарные и турбулентные переходы от одного уголовно-процессуального типа к другому. Например, первый, обвинительный тип, существующий параллельно с разыскным, постепенно передислоцировался на второй план вместе с ордалиями и судебными поединками. А разыскная процедура «заклич — свод — гонение следа» трансформировалась в повальный обыск по наиболее общественно опасным уголовным делам (татьба, душегубство, разбой). В XVI в. розыск стал новой доминантой в вопросах борьбы с преступностью.

Если на отечественный уголовный процесс взглянуть через призму такой методологической разработки, как уголовно-процессуальный тип, то мы увидим новые грани национальных уголовно-процессуальных институтов, разглядим отечественные корни там, где до этого речь шла лишь об импортной экспансии.

Понятие «отечественный» означает «относящийся к отечеству, принадлежащий ему, не иностранный» [1, с. 711], а Отечество — это «страна, где родился данный человек и к гражданам которой он принадлежит» [1, с. 711].

Предложим следующую классификацию уголовно-процессуальных типов применительно к отечественному уголовному судопроизводству.

По способу взаимодействия общества и государства по вопросам борьбы с преступностью можно выделить **четыре уголовно-процессуальных типа**:

1. Символический (так как уголовный процесс происходит от латинского слова «procedure», что означает движение, то здесь в качестве ключевого процессуального акта выступит глагол «**смотреть**»), когда и судья, и все участвующие при проведении ордалия лица убеждаются в невиновности лица посредством испытания силами природы, помноженными на рационалистическую составляющую в плане подготовки самого ритуала. Тонущий считался невиновным при испытании водой. Победа в силовом поединке приравнивалась к выигрышу уголовно-правового спора. Сама символическая процедура ордалия формировала высокий уровень доверия к итоговому результату в тех случаях, когда по уголовному делу имели место неустранимые сомнения (ст. 21 и 22 Пространной редакции Русской Правды). Здесь прослеживается безальтернативный ориентир на результат даже при недостаточности собранной доказательственной базы.

2. Доверительный (ключевое действие — «**рассказать**»). Яркий пример — это процедура повального обыска, когда о личности заподозренного опрашивались все жители его околотка (ст. 52, 56 Судебника 1550 г., ст. 161 Соборного уложения 1649 г.). Если лицо называли лихим и сам гражданин давал признательные показания, то в качестве наказания избиралась смертная казнь. Если большинство опрошенных называли потенциального субъекта преступления добрым человеком и он сам также отрицал свою причастность к противоправному деянию, то он отдавался на поруки тем людям, которые за него поручились. Здесь действуют в связке две уголовно-процессуальные технологии: опрос граждан как проявление рационального земного начала и пытка с позиции метафизического идеала. Предполагалось, что невиновное лицо будет отстаивать свою невиновность и сможет стойко претерпеть пытку, в то время как личность причастная под натиском физического воздействия неизбежно даст признательные показания. Такая формула, сочетающая рациональные и иррациональные способы познания истины, в конечном итоге трансформировалась в формальную систему оценки доказательств, когда каждое из них имело заранее установленную силу.

Повальный обыск «бываетъ или малый, когда допрашиваются ближніе окольные люди, или большой, когда допрашиваются... и дальные окольные люди...» [2, с. 83]. Допросу подлежали только граждане, заслуживающие доверия.

Следует заметить, что обыск мог иметь место как в рамках разыскной процедуры, так и в формате ординарного судебного заседания. «При суде... обыски чрезъ окольныхъ людей или чрезъ послуховъ и видоковъ производились для изследованія факта преступленія и **отношенія къ нему обвиняемаго**, а при сыске... для определенія... виновенъ ли обвиняемый... лихой ли онъ человекъ или нетъ, т. е. следуетъ ли его подвергнуть пытке...» [3, с. 118—119].

3. Коллегиальный (центральным действием является «**голосование**») — речь идет о присяжных заседателях и впоследствии о народных заседателях. С момента принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. можно говорить о такой яркой черте состязательного уголовного процесса, как суд присяжных. Теперь граждане вовлекаются в процесс отправления правосудия в качестве ключевых действующих лиц по отдельным катего-

риям уголовных дел. Именно от их коллективного вердикта будет зависеть итоговый судебный приговор. В период советского уголовного судопроизводства народные заседатели в лице граждан (не юристов) включаются в состав судебной коллегии для профессиональной реализации функции разрешения уголовного дела по существу наряду с профессиональным народным судьей.

4. Гласный. Современный уголовный процесс является диспозитивно-прозрачным для незаинтересованных граждан. Выражается это в праве любого гражданина в соответствии с ч. 1 ст. 123 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020) присутствовать в открытом судебном разбирательстве. Кроме того, в ст. 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) содержится описание такого общего условия судебного заседания, как гласность. Согласно ч. 5 ст. 241 УПК РФ те граждане, которые присутствуют в открытом судебном заседании, имеют право делать письменные записи и вести аудиозапись. Следовательно, как и при символическом типе уголовного процесса, любой желающий может быть наблюдателем процесса установления истины по уголовному делу.

Автором статьи было посещено 12 открытых судебных заседаний во второй половине 2025 г. на базе Канавинского районного суда Нижнего Новгорода. Более подробно рассмотрим два уголовных дела. 8 октября 2025 г. было проведено первое судебное заседание в отношении гражданина Р. (дело № 1-370/2025) по факту совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ), в судебном зале № 3. Гражданин Р. был ранее признан виновным в совершении деяния, предусмотренного ст. 12.26 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ, и был лишен специального права на управление транспортным средством до 26 декабря 2027 г. Однако 26 июня 2025 г. он управлял автомобилем в состоянии алкогольного опьянения и совершил наезд на припаркованное транспортное средство. Была качественно и подробно проведена подготовительная часть судебного заседания (судья убедился в личности подсудимого Р., выяснил информацию о наличии у него и его близких родственников заболеваний, обратил внимание на соблюдение правил и сроков вручения копии обвинительного акта и дату уведомления о судебном заседании, разъяснил право на отводы и самоотводы и др.). В ходе судебного следствия государственным обвинителем было оглашено предъявляемое подсудимому обвинение. Подсудимый полностью признал вину, сообщив, что будет давать показания после выступления стороны обвинения. Государственным обвинителем был предложен следующий порядок исследования доказательств: допрос свидетелей, исследование письменных доказательств, затем исследование доказательств со стороны защиты. Но, так как ни один свидетель не явился, государственным обвинителем было заявлено ходатайство об отложении судебного заседания в связи с неявкой свидетелей.

Заметим, что, помимо автора статьи, других посетителей (которые бы не относились ни к одной из сторон и не выполняли обеспечительных функций либо задач, способствующих достижению нужд доказывания) на судебном заседании не было.

Второй пример: 8 октября 2025 г. в судебном зале № 8 было продолжено разрешение по существу дела № 1-306/2025 в отношении гражданина Ц., обвиняемого в совершении деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 187 УК РФ (неправомерный оборот средств платежей). Судья объявил о продолжении рассмотрения уголовного дела, т. е. разбирательство продолжилось с этапа судебного следствия. Никто из пяти надлежаще вызванных свидетелей не явился на судебное заседание. Государственным обвинителем было заявлено ходатайство об оглашении показаний данных свидетелей по материалам уголовного дела. Сторона защиты согласилась на оглашение четырех свидетельских показаний, заявив ходатайство о непосредственном допросе свидетеля М. Суть оглашенных показаний сводилась к тому, что ряд граждан за вознаграждение (в среднем — 20 000 руб.) оформляли фирмы, которыми впоследствии руководили другие лица. Затем судебное заседание было отложено. Нам показалось интересным следующее: судья заметила, что повторная повестка свидетелю М. будет направлена, но на этом работа секретаря считается выполненной. Если стороны заинтересованы в допросе данного свидетеля, они должны обеспечить его явку сами. В связи с этим возникает вопрос: как может обеспечить явку свидетеля сторона защиты? Согласно ч. 2 ст. 113 УПК РФ привод состоит в принудительном доставлении лица, в том числе в суд. Свидетель тоже может быть подвергнут приводу в соответствии с ч. 1 ст. 113 УПК РФ. Согласно ч. 7 анализируемой

статьи на основании постановления суда сотрудники органов принудительного исполнения РФ обязаны осуществить привод.

Таким образом, несмотря на небольшое количество посещенных судебных заседаний, перед нами раскрылась одна немаловажная проблема — отложение судебных заседаний в связи с неявкой свидетелей, — которая удлиняет сроки судебных разбирательств, препятствует скорому правосудию и восстановлению социальной справедливости. Второй момент, на который бы хотелось обратить внимание, — отсутствие каких-либо внешних незаинтересованных посетителей судебных заседаний. Кроме того, сам размер посещенных нами залов судебных заседаний позволил бы вместить малое количество представителей общественности в зале № 3 (три скамьи — около девяти человек) и в зале № 8 (две скамьи и пять стульев могли бы вместить около одиннадцати человек).

Сегодня продолжает действовать институт присяжных заседателей. Их итоговое количество составляет шесть и восемь в районном суде и суде субъекта соответственно. Но, несмотря на уменьшение количественного состава присяжных, логика их голосования остается неизменной. Если голоса распределились поровну, то ответ трактуется в пользу подсудимого (ч. 5 ст. 343 УПК РФ).

Диспозитивность выражается в том, что есть ряд законодательно допустимых возможностей отказаться от обязанности исполнить функцию присяжного заседателя по уважительной причине. Кроме того, гласность и открытость судебного заседания как потенциальная возможность для граждан трансформируются в их диспозитивное право посетить открытое судебное заседание или исходить из презумпции доверия без своего непосредственного участия.

Уникальность предложенной нами классификации состоит в том, что мы анализируем отечественный уголовный процесс с точки зрения деления на значимые процессуальные вехи развития с позиции участия народного элемента в отправлении правосудия. В ракурсе отечественного подхода представляется обоснованным сосредоточить внимание на взаимодействии государства и общества по вопросам борьбы с преступностью. Фактически в основании этой классификации лежит **национальное чувство патриотизма**, обрамленное легислативным государственным видением альтернатив народного участия в отправлении правосудия.

Заметим, что, помимо таких известных теорий возникновения государства и права, как материалистическая (естественноисторический процесс [4, с. 43]), теологическая (божественное происхождение государственной власти), психологическая (в силу потребности жить вместе и зависимости от власти [4, с. 45]) и др., можно предложить **защитную**. Разрозненно проживающие лица объединились в одну большую группу людей, постепенно разрастающуюся в суверенную независимую организацию для обеспечения собственной безопасности. Сначала — от диких хищников, затем — от тех, кто, игнорируя правила совместного общежития, нарушал установленный порядок пользования общественными и личными благами. В дальнейшем — для защиты от внешних врагов. Нельзя не признать, что гораздо проще обеспечить безопасность, объединив усилия против общей угрозы.

Таким образом, и уголовное судопроизводство, в продолжение развития данной авторской теории, является инструментом, который позволяет достичь реализации сущностной первопричины объединения людей, придерживающихся идентичных представлений в вопросах права и обладающих общими глобальными интересами.

«Подъ народнымъ участіемъ въ уголовно-судебной деятельности разумеется привлеченіе къ ней лучшихъ изъ полноправныхъ гражданъ, исполняющихъ судебныя обязанности не по долгу службы, а какъ политическое право и государственную повинность» [5, с. 128].

Рассмотрим несколько **форм участия граждан при отправлении правосудия** в масштабах всего мира:

а) суд всего народа (в отправлении правосудия участвует вся совокупность свободных граждан для реализации своего политического права);

б) шэффены старого и нового германского права. Старинная форма: наиболее достойные и опытные люди определенной местности по общепринятому обычаю разрешали уголовно-правовой спор, исключая при этом возможный властный произвол. При разрешении дела не производилась дифференциация на фактическую и юридическую стороны преступления. Новая форма: «Къ 3-мъ короннымъ судьямъ присоединились 4 шэффена...» [5, с. 141]. В дальнейшем шэффенский суд функционировал в тройственном составе: участковый судья и два шэффена. На эту почетную должность мог претендовать гражданин старше 25 лет, с цензом оседлости не менее 2 лет, ко-

торый не получал пособие из общественной казны для бедных [5, с. 144] и т. д.;

в) сословные суды. Сословность, как правило, выступает переходной ступенькой к общенародному суду. Идея этого суда заключается в целесообразности осуществления суда лицами, равными по статусу субъекту преступления: «По учрежденію губерній 1775 г. первую инстанцію суда составляли: для дворянъ — судъ уездный, для городскихъ обывателей — магистратъ или ратуша...» [5, с. 132];

г) присяжные заседатели. «Онъ образовался въ Англіи изъ техъ обыскныхъ людей, къ которымъ обращалось правительство для изледованія интересовавшихъ его делъ, какъ фискальныхъ, такъ и судебныхъ» [5, с. 136]. Таким образом, можно обнаружить интересную закономерность: наш отечественный суд присяжных — это закономерное развитие национального института повального обыска. Но если при обыске граждан опрашивали о личности заподозренного (добрый или лихой), о его поступках, то в суде присяжных участвуют граждане, незнакомые с подсудимым. Они отвечают на вопросы факта, а с данными о личности подсудимого их ознакомляет председательствующий судья в той мере, в какой это необходимо, чтобы не сформировать необоснованного предубеждения. Они «постепенно изъ свидетелей превращаются въ судей» [5, с. 136];

д) народные заседатели. Они составляют с профессиональным судьей одну цельную судебную коллегию.

Согласно ст. 25 УПК РСФСР 1922 г. «народный суд рассматривает уголовные дела в составе: а) единоличного народного судьи, б) народного судьи и двух народных заседателей и в) народного судьи и шести народных заседателей»[1].

Таким образом, участие граждан в суде можно свести к трем формулам: а) судят только граждане; б) представители от народа включены в состав профессиональной коллегии судей; в) представители общества образуют коллегию присяжных заседателей, которая выносит вердикт. Итоговый приговор выносится профессиональным судьей.

Именно формат взаимодействия общества и государства по вопросам отправления правосудия формирует основные черты портрета отечественного типа уголовного процесса на любом из этапов его уголовно-процессуальной эволюции.

Порассуждаем о национальных уголовно-процессуальных институтах.

Англичане приписывают себе идею суда присяжных. Но мы не склонны с этим соглашаться. На Руси прообраз такого суда уже имел место в XI в. в период действия Русской Правды. В статье 15 краткой редакции Русской Правды говорится следующее: «Аже где възыщеть на друзе проче, а он ся запирати почнеть, то ити ему на извод пред 12 человека...» [6, с. 47]. Правильнее было бы согласиться с И. Я. Фойницким, заметившим, что повальный обыск постепенно трансформировался в суд присяжных. Этот институт, словно феникс, сгорев в разыскной типологии отечественного уголовного процесса, возродился в состязательной, обретя новые черты. Существует точка зрения, что появлению английского суда присяжных предшествовал суд ассизов. Благодаря выездным сессиям судей и решению ими возникших правовых споров было сконструировано английское прецедентное право. Однако в работе Н. Ланге, посвященной изучению древнего русского уголовного судопроизводства, есть такое утверждение: «Судьи разъезжіе и судьи данные... изредка посылались правительствомъ изъ Москвы въ уезды для решенія на месте только спорныхъ гражданскихъ земельныхъ делъ» [3, с. 16]. В связи с этим утверждать, что суд присяжных был английским ноу-хау, которое передовые страны разглядели в XIX в., представляется необоснованным. Эта технология всегда была в уголовно-процессуальной копилке отечественного законодательства. Наша страна обратилась к своему институту тогда, когда в этом возникла необходимость. Не было причин активировать процессуальный свет в светлое время суток, но в момент судьбоносных реформ XIX в. мы обратились к своим отечественным наработкам.

Суд шэффенов — это разработка Германии. Советский Союз — это народные заседатели, отправляющие правосудие наряду с народным судьей.

Сегодня можно наблюдать постепенное вырождение института присяжных заседателей и общее снижение гражданской потребности посещать судебные заседания. В качестве альтернативы можем предложить **Суд справедливости**. Изменения должны коснуться как представителей от общества, так и коллегии профессиональных судей.

Первый блок преобразований: судей должно быть двое по наиболее сложным уголовным делам. Один судья должен занимать активную позицию, при необходимости — организовывать про-

[1] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/upk22 (дата обращения: 07.10.2025).

ведение следственного эксперимента в зале суда (ст. 288 УПК РФ), предъявление для опознания (ст. 289 УПК РФ) и др. Второй судья — посредник для сторон, который берет на себя организационно-распорядительную часть судебного заседания и выносит приговор. Судья, ориентированный на получение новых судебных доказательств, в судебном следствии действует с разрешения основного судьи, выступающего нейтральным между сторонами. Как у монеты есть аверс и реверс, так и в деятельности судей, отправляющих правосудие, — две грани.

Второй блок преобразований: от граждан более не следует скрывать данные о личности подсудимого. Если приглашаются представители от народа, то итоговое решение должны принимать именно они. То есть сначала должен выноситься приговор, а затем вердиктом граждан его можно будет скорректировать. Следует разрешить **судьям справедливости** задавать вопросы лично и непосредственно в ходе судебного следствия, но не более одного вопроса от одного человека. Представляется целесообразным именовать участвующих при разрешении уголовного дела граждан **судьями справедливости**.

Особого внимания заслуживают лица, которые пришли посмотреть за ходом проведения судебного заседания по своей инициативе в соответствии со ст. 123 Конституции РФ. Можно предусмотреть голосование и для «зрителей» как представителей своего государства и определенной части общества. Перед ними может ставиться такой вопрос: заслуживает ли осужденный снисхождения? При положительном ответе большинства присутствующих наказание должно быть скорректировано, например, на $^1/_5$. Приведем такую цитату: «При производстве... суда, всегда присутствовали судные мужи, т. е. дворскіе, сотскіе, старосты и лучшіе люди... въ качестве свидетелей, какъ велось на суде дело...» [3, с. 12]. При отправлении правосудия царем рядом всегда присутствовали бояре. Сегодняшняя тенденция «пустых залов» должна быть изменена с учетом позитивного отечественного исторического опыта.

Такие меры внесут ясность в деятельность суда, повысят интерес со стороны общественности. Появится взаимосвязь между общественным представительством и итоговым судебным решением. Двое судей обеспечат активность при установлении истины и объективность при вынесении приговора. Новая последовательность вынесения приговора и вердикта поднимет статус судей справедливости в лице всего общества, а возможность повлиять на итоговое судебное решение обеспечит приток граждан на судебные заседания, что автоматически повысит интерес к профессии, уровень правовой грамотности населения и планку доверия к судебной власти. Данные корректировки позволят сформировать новую национальную технологию взаимодействия общества и государства по вопросам установления истины, придания приговору такого свойства, как милосердие.

Выскажем предположение, что отечественный уголовный процесс по своему смысловому объему может быть и равным российскому уголовному судопроизводству, и шире него, поскольку для граждан Англии или Франции их уголовный процесс будет считаться отечественным.

В научной статье «Типология отечественного уголовного процесса как насущная и масштабная научная проблема» доктор юридических наук профессор Михаил Петрович Поляков анализирует ключевое понятие с позиции догматического и эвристического начала [7, с. 85]. **Догма,** на наш взгляд, может выступать в качестве суммы уже сложившихся учений о содержании и перспективах развития российского уголовного процесса, это «вечные» положения, не подвергающиеся сомнению (например, в состязательном процессе должны быть две стороны — защита и обвинение). Еще один пример догматического: отечественный уголовный процесс представляет собой сумму трех типов (С. В. Познышев, В. К. Случевский и др.), синтез двух типов (И. Я. Баршев, А. В. Смирнов (выделил виды в состязательном и разыскном типах) и др.). **Эвристика** — это способ, позволяющий обнаружить новое и упрощенное в решении известных задач, процесс продуктивного творческого мышления. Ключевым эвристическим потенциалом, на наш взгляд, обладает малоизвестная в XXI в. **категория порядка**. Например, И. Я. Фойницкий писал именно о порядках и видах процесса, имея в виду избираемые пути развития (разыскной и состязательный порядки): «Розыскной порядокъ состоитъ въ смешеніи функцій суда и обвиненія...» [5, с. 70]. Но на порядок можно взглянуть и в ракурсе упорядочивания имеющихся уголовно-процессуальных институтов. Если отказаться от наиболее малоэффективных из них, появится правовое пространство для новых идей и конструкций.

Таким образом, отечественный уголовный процесс базируется на догматических постулатах обвинительного, разыскного и состязательного типов в своем процессуальном фундаменте, но ориентируется при этом на поиск новых проактивных

начал, позволяющих оптимизировать следственную и судебную деятельность с сохранением ожидаемого качества истинности с учетом процессуальных сроков, а также критериев достаточности и при соблюдении пределов доказывания.

Порассуждаем о сущности национального. Русский философ И. А. Ильин сформулировал словосочетание «**идея родной нации**». Нам импонирует следующая цитата: «Все великое может быть сказано человеком или народом **только по-своему**, и **все гениальное родится именно в лоне национального опыта, духа и уклада**...» [8, с. 228].

Исходя из смысла приведенной сентенции, заметим, что поистине великий, рабочий, максимально подходящий по разнополярному комплексу критериев уголовный процесс для конкретного государства может быть создан только его гражданами — качественный интеллектуальный продукт для самих себя.

Мы можем рассмотреть типологию уголовного судопроизводства в ракурсе космополитического подхода, в соответствии с которым интересы всего человечества ставятся выше интересов отдельной нации. Но полагаем, что это может привести к заранее уязвимой для критики исходной позиции. Нет и не должно быть единого для всего мира уголовного процесса. Это означало бы отрицание национальной индивидуальности, территориальной протяженности, исторической преемственности и ретуширование родной культуры в праве своей страны. Но при этом определенные точки соприкосновения, обеспечивающие минимальный уровень конвергенции между уголовно-процессуальным законодательством стран, быть должны. Считаем, что идея общественного атомизма является работоспособной применительно к конкретной стране, но пока еще не в масштабе всего мира, если мы говорим именно об уголовно-процессуальной сфере.

Нас будет интересовать именно отечественная типология и исключительно отечественный уголовный процесс в значении российского уголовного судопроизводства.

Разберем **корпус из трех значимых типологических проводников-новшеств**, решение вопросов внутри которых может стать предвестником изменений внутри самой суровой отрасли права.

Первый проводник в рамках совершенствования отечественного уголовного процесса — это ст. 20 УПК РФ, именуемая «Виды уголовного преследования». Именно она хранит национальную память о всех известных типах отечественного уголовного процесса и делает наш уголовный процесс не столько смешанным, сколько многоальтернативным.

Частный вид уголовного преследования — это отражение обвинительного или частно-искового начала уголовного процесса с присущими ему ордалиями и разыскной технологией «заклич, свод и гонение следа». Сегодня только два состава считаются делами частного обвинения (ч. 1 ст. 115 и ч. 1 ст. 116.1 УК РФ).

Частно-публичный вид уголовного преследования — это пограничное состояние между обвинительным и разыскным началом, когда уголовное дело может быть возбуждено по жалобе потерпевшего, но по общему правилу примирение по нему недопустимо, за исключением ст. 25 УПК РФ и некоторых других.

Публичный вид уголовного преследования на второй план отодвигает частное и диспозитивное начало. На первом месте здесь необходимость защиты и восстановления нарушенного общественного интереса. Именно этот вид уголовного преследования имеет внутри себя наибольшее количество разыскных черт. Ярким историческим примером розыска, помимо формальной системы оценки доказательств, выступает технология повального обыска.

Полагаем, что проактивный потенциал развития отечественного уголовного процесса может быть сосредоточен в разработке концепции публично-частного вида уголовного преследования, озвученной доктором юридических наук профессором Л. В. Головко. Ее сущность сводится к следующему: «Уголовное дело возбуждается на общих основаниях, но подлежит императивному прекращению по воле обвиняемого, для чего ему достаточно совершить определенные действия» [9, с. 92], например возместить причиненный ущерб в соответствии со ст. 28.1 УПК РФ. В завершение своих рассуждений Леонид Витальевич делает следующее критичное замечание: «Речь идет скорее о сугубо российской законодательной деформации, нежели об универсальных закономерностях развития...» [9, с. 93]. С последним тезисом мы категорически не согласны. Полагаем, что за процессуальной ширмой публично-частного вида уголовного преследования скрыт по-настоящему национальный состязательный проактивный потенциал.

Второй проводник для уголовно-процессуальных изменений: в XIX в. «следствіе разделялось на предварительное и формальное и про-

изводилось втайне» [10, с. 52]. Предварительное сводилось к необходимости установить, имело ли место противоправное деяние. Следовало установить все сопутствующие событию преступления обстоятельства (время, место, способ и др.), т. е. «все обстоятельства, указывающія на такое деяніе» [10, с. 52]. Формальное следствие требовало установить личность потерпевшего и информацию, например о похищенном имуществе, «какимъ способомъ, когда, где, кемъ, съ намереніемъ или безъ намеренія учинено...» [10, с. 52].

Мы предлагаем поступить аналогичным образом в плане методологического определения последовательности действий. Предварительное расследование вне зависимости от субъекта, его осуществляющего (следователь или дознаватель), должно делиться на **следствие фактическое** и **следствие обосновательное**. Первое должны осуществлять следователи и дознаватели. Темпорально оно составляет промежуток с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела до установления всех элементов предмета доказывания, т. е. при соблюдении требования достаточности доказательственной базы: «Чтобы следователь, представивъ себя на месте судьи, убедился въ томъ, что по его следствію собраны уже все матеріалы, которые судью могутъ поставить въ состояніе, основать на нихъ решительный обвинительный или освобождающій приговоръ...» [2, с. 187].

Обосновательное следствие должно быть возложено на прокурора, который будет поддерживать по данному уголовному делу государственное обвинение в суде. Полагаем, что деятельность прокурора на этапе предварительного расследования должна быть расширена. Именно этот участник должен составлять обвинительное заключение, акт или постановление на основе материалов, собранных следователем или дознавателем, и утверждать этот процессуальный документ у своего руководителя. Таким образом, деятельность прокурора по утверждению, например, обвинительного заключения, должна стать составной частью предварительного расследования. Приведем такую цитату: «Не должны требовать отъ следователей мненій или заключеній по делу, предоставляя это местамъ судебнымъ» [2, с. 189].

Третий проводник: иногда должны выноситься оправдательные приговоры. Приведем статистику в контексте разыскного типа уголовного процесса: «Судебными местами постановлялось приговоровъ обвинительныхъ только 12,5 %, остальные же 87,5 % приходились главнымъ образомъ на приговоры объ оставленіи въ подозреніи» [5, с. 36]. Мы не являемся сторонниками промежуточного неопределенного судебного решения. Однако для гармоничного взаимодействия общества и государства оправдательные приговоры должны расцениваться не как следственная ошибка, а как индикатор правового государства, в котором на первом месте стоят истина и справедливость.

Мы исходим из того, что уголовный процесс не каждой страны может претендовать на статус типа. Как только национальное уголовное судопроизводство достигает высокого уровня уникальной отечественной эволюции и содержит в своей структуре ряд эффективных рабочих институтов, оно приобретает статус типа. И начинается закономерная экспансия отдельных его частей в другие страны (рис. 1). Яркий пример — это уголовно-процессуальное законодательство СССР, выступившее образцом для многих других государств.

Идея очарования пронизывает английское уголовное судопроизводство. На ее волне рядом стран была заимствована состязательная технология вместе с судом присяжных. Идея навязывания и процессуальной напористости отражает сущность американского масштабирования их национальных институтов (например, особые порядки). У нашей страны будет свой особый путь, в основе которого — забота и любовь к своему народу.

Нами на основе лестницы Ханта (или лестницы осведомленности) была сконструирована имиджевая уголовно-процессуальная модель (рис. 2).

Рис. 1. Приобретение статуса «Тип уголовного процесса»

Рис. 2. Алгоритм заимствования национальных институтов другими странами

Именно по такому алгоритму со временем будут копироваться уголовно-процессуальные институты российского типа уголовного процесса другими странами.

Типология отечественного уголовного процесса — это теоретический способ его описания и изучения, а также эмпирический метод познания его сущности. Отечественный уголовный процесс — это наши уникальные наработки, учитывающие особый национальный путь. Типология нашего уголовного процесса — это процессуальное хранилище всех существовавших форм и институтов. И как в химии при смешении новых компонентов (или тех же самых, но в других пропорциях) может быть создано новое химическое вещество, так и в уголовно-процессуальной науке конвергенция отдельных свойств исторических типов отечественного уголовного процесса, умноженная на его эвристический потенциал, позволит по-новому взглянуть на уголовное судопроизводство de lege ferenda.

Суть отечественного уголовного процесса заключается в его ориентированности на заботу о гражданах своего Отечества. Именно поэтому нами была предложена классификация типов уголовного процесса исходя из взаимодействия общества и государства по вопросам борьбы с преступностью (символический, доверительный, коллегиальный и гласный).

Приведем цитату И. А. Ильина: «Долгая жизнь на чужбине не делает ее родиной... пока человек не сольется духом с дотоле чужим ему народом...» [8, с. 194—195]. То же правило действует в отношении импортных уголовно-процессуальных институтов. Они могут быть названы отечественными только тогда, когда были приняты народом и гармонично встроились в структуру уголовно-процессуальной материи. А если институт стал народной «Калинкой-Малинкой», то это уже исключительно национальная технология, у которой появились свои уникальные и неповторимые черты.

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. Москва: Мир и Образование, 2016. 1376 с.

2. Баршев Я. И. Основанія уголовнаго судопроизводства, съ примененіемъ къ россійскому уголовному судопроизводству: сочиненіе. Санкт-Петербургъ: Въ Тип. II Отд-я Собств. Е. И. В. Канцеляріи, 1841. 297 с.

3. Ланге Н. Древнее русское уголовное судопроизводство: сочиненіе. Санкт-Петербургъ: Тип. и хромолитографія А. Траншеля, 1884. 248 с.

1. Ozhegov S. I. Explanatory dictionary of the Russian language: about 100,000 words, terms and phraseological expressions. Red. by L. I. Skvortsov. 28th ed., rev. Moscow: World and Education; 2016: 1376. (In Russ.).

2. Barshev Ya. I. The basis of criminal proceedings, applied to the Russian criminal proceedings. Essay. Saint Petersburg: in the Printing house of the second department of the own office by Her Imperial Majesty Office; 1841: 297. (In Russ.).

3. Lange N. Old Russian criminal proceedings. Essay. Saint Petersburg: Printing house and chromolithography by A. Transhel; 1884: 248. (In Russ.).

4. Теория государства и права: учебник / под ред. В. К. Бабаева. Москва: Юристъ, 2001. 592 с.

5. Фойницкий И. Я. Курсъ уголовнаго судопроизводства. Т. I. 4-е изд. Санкт-Петербургъ: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1912. 566 с.

6. Краткая редакция «Русской Правды» // Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т. I. Законодательство Древней Руси. Москва: Юрид. лит., 1984. 432 с.

7. Поляков М. П. Типология отечественного уголовного процесса как насущная и масштабная научная проблема // Вестник Волгоградской академии МВД России. № 3 (74). 2025. С. 83—90.

8. Ильин И. А. Путь духовного обновления. Москва: АСТ, 2024. 448 с.

9. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: монография / А. Ф. Абдулвалиев, Н. В. Азаренок, Е. К. Антонович [и др.]; отв. ред.: Л. Н. Масленникова, А. А. Собенин. Москва: Юрлитинформ, 2025. 456 с.

10. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство: пособіе къ лекціям. 3-е изд., пересмотр. Петроградъ: Изд. Юрид. кн. склада «Право», 1916. 597 с.

4. Theory of state and law. Textbook. Red. by V. K. Babayev. Moscow: Jurist; 2001: 592. (In Russ.).

5. Foinitsky I. Ya. Course of criminal proceedings. Vol. I. 4th ed. Saint Petersburg: Printing house of the association "Public benefit"; 1912: 567. (In Russ.).

6. Brief version of "Russian Truth". Russian legislation of the X—XX centuries. In 9 vols. Vol. I. Legislation in Old Russia. Moscow: Legal literature; 1984: 432. (In Russ.).

7. Polyakov M. P. The typology of domestic criminal procedure as vital and large-scale scientific issue. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 83—90, 2025. (In Russ.).

8. Iliyin I. A. Way of spiritual revival. Moscow: AST; 2024: 448. (In Russ.).

9. Abdulvaliyev A. F., Azarenok N. V., Antonovich Ye. K. (et al.) Public and dispositive beginnings in the criminal proceedings of Russia. Monograph. Red. by L. N. Maslennikova, A. A. Sobenin. Moscow: Yurlitinform; 2025: 456. (In Russ.).

10. Rozin N. N. Criminal proceedings. Handbook to lectures. 3rd ed., rev. Petrograd: Publication of the legal book warehouse "Law"; 1916: 597. (In Russ.).

Ламтева Анна Вячеславовна,
докторант научно-исследовательского отдела
Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
criminalprocedure2025@mail.ru

Lamteva Anna Vyacheslavovna,
post-doctoral student of the research department
of the Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
criminalprocedure2025@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.01.2026; одобрена после рецензирования 17.01.2026; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 11.01.2026; approved after reviewing 17.01.2026; accepted for publication 16.02.2026.

* * *

УДК 343.1:001.102

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИНФОРМАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Тимур Ришатович Мухаметшин
Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия, tamerlan_9@mail.ru

Аннотация. В статье автор отмечает, что информация является основой развития современного общества, влияя на все сферы его жизнедеятельности, включая правовую. На основе существующих реалий автор рассматривает понятие информации в широком и узком смысле, характеризуя ее как категорию значимую, многогранную, межотраслевую, анализирует его интерпретацию в различных нормативных правовых актах, обращает внимание на то, что в уголовном процессе информация является средством реализации процесса доказывания, его интеллектуальным продуктом, а также отмечает сходство понятий «информация» и «доказательство», но при этом раскрывает их разную правовую природу. В работе приводятся позиции отечественных процессуалистов, касающиеся сущности информации в уголовном судопроизводстве, изучаются предложенные в науке определения этого явления. Автором выделены ключевые признаки, характеризующие информацию, и предложена авторская дефиниция данного понятия в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: уголовный процесс, информация, свойства информации, дефиниция информации, уголовное судопроизводство, понятиеобразующие признаки информации, сведения, событие, сообщение

Для цитирования: Мухаметшин Т. Р. Еще раз об информации в уголовном процессе // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 1 (76). С. 114—122.

ON INFORMATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS ONCE AGAIN

Timur Rishatovich Mukhametshin
Kazan Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Kazan, Russia, tamerlan_9@mail.ru

Abstract. In this article, the author notes that information is the foundation of modern society development and affects all spheres of life, including the legal sphere. Based on existing realities, the author considers the concept of information in both its broad and narrow senses, characterizing it as a significant, multifaceted, and interdisciplinary category. He analyzes its interpretation in various regulatory legal acts, drawing attention to the fact that in criminal proceedings, information is a means of implementing the process of proving and its intellectual product. He also notes the similarity between the concepts of "information" and "evidence" while revealing their different legal natures. The article presents the positions of Russian proceduralists regarding the essence of information in criminal proceedings and examines the scientific definitions of this phenomenon. The author identifies the essential features characterizing information and proposes his own definition of this concept in criminal proceedings.

Key words: criminal procedure, information, properties of information, definition of information, criminal proceedings, concept-defining features of information, data, event, message / information

For citation: Mukhametshin T. R. On information in criminal proceedings once again. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 114—122, 2026. (In Russ.).

© Мухаметшин Т. Р., 2026

Понятие информации является значимым не только в таких науках, как математика, информатика, химия, философия, оно имеет ключевое значение и в юридических науках. К примеру, в математике информацию можно понимать как любые случайные величины, которые можно сложить, вычесть, умножить, разделить. В информатике информация — сведения об окружающем нас мире, которые можно хранить, передавать, преобразовывать, форматировать, копировать. В технике под информацией понимают любое событие, сообщение, которое передается через систему знаков, символов, изображений. В IT-индустрии информация служит средством для написания компьютерных программ с помощью различных языков программирования. С точки зрения философии информация — это сведения о событии, происходящем в жизни, имеющем последующую фиксацию в сознании человека. Важно отметить, что в философии даже есть отдельное направление «философия информации», занимающееся изучением основ природы и информации, а также исследованием динамики ее использования и изучения с применением методов теории информации и вычислительных методов к философским проблемам. В криминалистике информацию можно понимать как результат взаимодействия двух объектов между собой, при этом один объект именуется следообразующим, а другой — следовоспринимающим, благодаря чему происходит частичное либо полное отражение признаков данного контакта на объектах материального мира. Все это характеризует информацию как понятие значимое, межотраслевое и многогранное.

Слово «информация» имеет латинскую этимологию: informatio в переводе с латинского языка означает «разъяснение, представление, понятие о чем-либо». В повседневной жизни под информацией понимают сообщение, новость о каком-то событии. Не случайно современные исследователи ассоциируют с информацией такое понятие, как «транспарентность» [1, с. 121].

В словаре С. И. Ожегова понятие «информация» имеет следующее толкование: «Сообщения, осведомляющие о положении дел, о состоянии чего-нибудь» [2, с. 386]. По нашему мнению, осведомление как признак этого определения удачно введено в объем данного понятия, так как подразумевает сообщение, передачу и извещение о каком-то событии. Однако словосочетание «положение дел» больше может быть интерпретировано применительно к реальному времени, к положению дел в настоящий момент, к состоянию объектов и событий. Нужно при этом принимать в расчет, что информация не всегда сообщается в режиме реального времени, она может передаваться с определенным «сроком давности», неся на себе печать ретроспекции, что должно учитываться при оперировании с нею в последующий отрезок времени.

Новым этапом в развитии понятия информации стало распространение в первой половине XX в. теории информации. Дефиниция указанного понятия получила отражение в работе основоположника данной теории К. Шеннона, который под информацией понимал сообщение, важным свойством которого является возможность выбора из некого множества [3, с. 403—414]. Этот подход (понимание информации как сообщения, сведений, сигнала) был воспринят и в науке, и в законотворчестве (естественно, с определенной интерпретацией).

Так, Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определяет информацию как сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления[1]. Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации», «информация — сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления»[2]. Отечественный и белорусский законодатели практически идентично интерпретируют понятие информации, акцентируя при этом внимание на том, что форма ее представления не имеет никакого значения, и, несомненно, в этом мы солидарны с указанной позицией. Одну и ту же информацию можно представить абсолютно в различной форме: все зависит непосредственно от цели использования информации и возможностей коммуницирующих субъектов.

Однако применительно к уголовному судопроизводству форма представления информации особо значима, ибо формализованность уголовного судопроизводства в качестве критериев допустимости доказательственной информации предусматривает не только соблюдение процедур ее

[1] Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 09.10.2025).

[2] Об информации, информатизации и защите информации: закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800455 (дата обращения: 17.10.2025).

получения, но и соблюдение формы ее фиксации — чтобы обеспечить адекватность, сохранность сведений для последующих адресатов доказывания. По мнению Е. В. Чиненова и В. И. Щукина, основной формой «фиксации доказательственной информации в уголовном судопроизводстве является вербальное словесное описание. Средством фиксации закрепления доказательственной информации в ней выступает процессуальная форма составления протокола следственного действия, заключения эксперта, справки о результатах исследований, личные рабочие записи» [4]. Можно поспорить с данным утверждением, так как авторы экстраполируют процессуальную форму фиксации доказательственной информации на средства познания, априори непроцессуальные: как справка об исследовании [5—8], так и личные рабочие записи не являются установленными законом источниками доказательственной информации, соответственно, в уголовно-процессуальное доказывание они должны вовлекаться в какой-то иной процессуальной форме [9].

В уголовном процессе информация является средством реализации процесса доказывания, его интеллектуальным продуктом, одновременно выступая и средством установления важных для дела обстоятельств. На основании полученной информации о совершенном преступлении происходит возбуждение уголовного дела, наделение уголовно преследуемых лиц уголовно-процессуальным статусом или, наоборот, подозреваемый в совершении преступления приобретает возможность в ходе предварительного расследования предоставить доказательства своей невиновности. И это все может быть реализовано благодаря информации, ее постоянному обновлению, накоплению и приобретению ею в связи с этим новых процессуально значимых качеств.

По сути своей уголовный процесс — это система правоотношений, которые возникают на базе какой-либо информации, трансформируются и прекращаются на ее основе. Информация по поводу возможного совершенного преступления порождает правоотношения по регистрации данного сообщения и проверке этого события на предмет наличия признаков преступления; подтверждение на основе собранной информации факта преступления влечет возбуждение уголовного дела. Информация постоянно «течет», обновляется, происходит обмен ею между участниками уголовно-процессуальных отношений: властными субъектами и частными лицами.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) дефиниция понятия «информация» отсутствует, что и логично, с позиции предмета правового регулирования уголовно-процессуальной отрасли права. Однако, учитывая значимость информации для правоприменения и построения концептов теории доказывания, множество отечественных процессуалистов интерпретировали понятие информации в своих трудах.

Вклад в развитие понятия информации в контексте уголовно-процессуального доказывания внес А. И. Трусов, еще в 1976 г. отмечавший, что «информация охватывает отражение предметов и явлений в человеческом сознании, явлений и процессов друг в друге, вне связи с сознанием» [10, с. 31]. Теоретической основой его подхода является понимание отражения как свойства, имманентно присущего материи. Стоит согласиться с данной позицией, так как качественным признаком информации является ее связь с процессом отражения, который по своей природе многоэтапен. Информация способна отражаться вначале на каких-либо объектах материального мира и иметь последующее отражение в человеческом сознании.

По мнению А. В. Венгерова, одного из ведущих специалистов по информационному праву, информация содержит следующие признаки (свойства), имеющие значение для права: а) известная самостоятельность информации по отношению к своему носителю (для информации характерно наличие материального носителя, физико-химические и иные свойства которого, однако, не оказывают определяющего влияния на организацию информации); б) возможность многократного использования одной и той же информации; в) ее неисчезаемость при потреблении; г) сохранение передаваемой информации у передающего субъекта (этим признаком информация существенно отличается от вещных, материальных объектов); д) способность к сохранению, агрегированию, интегрированию, накапливанию, «сжатию»; е) количественная определенность информации; ж) системность информации [11]. Такой подход нашел отражение в трудах процессуалистов, которые развили учение об указанных признаках в русле своих научных интересов.

А. И. Соколов считает, что уголовно-процессуальная информация представляет собой образ события преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления) как явления социальной действительности [12]. Полагаем, что к событию преступления может быть от-

несено отражение субъективного портрета лица, совершившего противоправное деяние. Однако, учитывая сложность предмета доказывания, наличие в нем так называемых побочных фактов, работу следователя с различными версиями криминального события, следует шире воспринимать уголовно-процессуальную информацию, не только как образ события преступления. В качестве таковой в деле могут фигурировать сведения, не касающиеся самого преступления, например отражающие данные об отношениях участников уголовного судопроизводства.

А. А. Тушев и Н. А. Назаров рассматривают определение информации с точки зрения уголовно-процессуального закона и указывают на тесную связь с понятием доказательства, которое приведено в ч. 1 ст. 74 УПК РФ [13]. По нашему мнению, в рассматриваемых понятиях присутствуют общие черты, но, тем не менее, по своему назначению они разные. Доказательства — это уголовно-процессуальный инструмент, предусмотренное законом средство, представляющее собой диалектическое «единство формы и содержания», с помощью которого осуществляется процесс доказывания в уголовном судопроизводстве. Содержанием доказательства при этом выступает именно информация, однако обладающая определенными свойствами (достоверность, относимость), которые устанавливаются субъектом доказывания на этапе оценки доказательств. Но доказательственным аспектом роль информации не исчерпывается, так как в уголовном судопроизводстве используются различные сведения, в том числе ориентирующая информация. Примечательно, что информация, ввиду ее универсальности, может выступать и средством установления обстоятельств дела, и результатом совокупности действий, необходимых для осуществления процесса доказывания.

По нашему мнению, информация является фундаментальной, содержательной составляющей процесса доказывания. В связи с этим также удачный подход представил В. М. Козел, сформировав его в русле классического (диалектического) понимания доказательств, что фактически каждое доказательство является носителем информации, и сама информация составляет содержание доказательства [14]. Можно согласиться с О. П. Аксаментовой, по мнению которой понятия «информация» и «доказательства» представляют некую эквивалентность, поскольку оба они определены как сведения [15]. Однако она справедливо замечает, что не вся информация может служить доказательством по уголовному делу, а только отвечающая установленным законом требованиям.

По мнению С. В. Зуева, информация (в уголовном процессе) — это форма выражения материальных объектов (в том числе живых лиц) и явлений, возникшая как результат произошедших процессов отражения совершенного преступления и используемая участниками уголовно-процессуальных отношений для отстаивания государственных, личных или защищаемых (представляемых) прав и интересов [16]. Попробуем проанализировать эту дефиницию.

С нашей точки зрения, важнейшими понятие-образующими признаками категории «информация», согласно представленной выше дефиниции, являются следующие выделяемые нами[1] черты, свойства информации:

1) **субстанциональный признак**, отображающий сущность информации: «это форма выражения материальных объектов (в том числе живых лиц) и явлений». Здесь хотелось бы внести принципиальное уточнение, что информация выступает формой выражения *свойств* материальных объектов и явлений, а не самих объектов и явлений;

2) **признак, раскрывающий генезис, происхождение информации**: «результат произошедших процессов отражения совершенного преступления». Такое узкое понимание информации в уголовном процессе не соответствует традиционному в теории доказывания подходу к свойству относимости доказательств. В силу указанного свойства в качестве информации в уголовном процессе предстают и данные отражения признаков других объектов и явлений, напрямую не связанных с совершенным (или готовящимся) преступлением, тем не менее важных для установления релевантных обстоятельств. В этом определении значимость информации акцентирована только на отражении совершенного преступления, что видится нам неверным, так как в орбиту интереса познающего субъекта вовлекаются сведения (отражения), возникшие не только в связи с совершенным преступлением, о чем мы писали выше. Такой подход обедняет представление об информации,

[1] Данные признаки в таком формате мы выделили на основе анализа определения С. В. Зуева. Их с соответствующей интерпретацией мы считаем целесообразным использовать при построении собственной дефиниции информации в уголовном судопроизводстве, что будет предпринято нами далее в рамках настоящей статьи.

имеющей обращение в уголовном судопроизводстве;

3) **субъектный признак:** «использование информации участниками уголовно-процессуальных отношений». Этот аспект подчеркивает вовлеченность информации в процессуальные отношения посредством активной познавательной и коммуникативной деятельности властных и частных участников уголовного процесса;

4) **технологический признак:** чтобы познающие субъекты могли оперировать информацией, она должна иметь определенную форму и параметры, позволяющие использовать ее в таковом качестве. Информация нематериальна, но без материи информация существовать не может, т. е. необходим носитель для ее воспроизведения. Носителем информации могут быть любые материальные объекты, имеющие физическую субстанцию (имущество, деньги, ценные бумаги, живые люди и даже трупы);

5) **целевой признак:** использование ее для «отстаивания государственных, личных или защищаемых (представляемых) прав и интересов». Данный ракурс позволяет рассматривать информацию как средство реализации назначения уголовного судопроизводства с позиций обеспечения баланса публичного и частного интересов.

С. В. Зуев считает, что «следует выделять следующие свойства информации, используемой в уголовном процессе: а) информация должна иметь своего носителя (им может быть один из материальных объектов —— предмет, документ или человек); б) информация должна иметь определенную форму; в) обладает свойством относимости; г) информация должна быть значима; д) информация всегда множественна и разнообразна; е) информация может собираться, исследоваться, оцениваться и использоваться для решения задач уголовного процесса; ж) субъектом использования информации является лицо, в чьем производстве находится уголовное дело, а также иные участники уголовно-процессуальных отношений, чьи права и интересы затрагиваются в уголовном судопроизводстве» [16, с. 25].

Считаем, что последний признак является не совсем корректным, так как субъектом использования информации могут быть участники уголовно-процессуальных отношений, чьи права и интересы не затрагиваются в уголовном процессе. К примеру, эксперт и специалист не только используют предоставленную им информацию, но и запрашивают новую для последующего производства экспертизы и дачи заключения. Помощник судьи изучает поступившее на рассмотрение уголовное дело, а секретарь судебного заседания ведет протокол. Эти лица, способствующие правосудию, использующие информацию, априори не должны иметь интереса в деле: их права и интересы не затрагиваются в уголовном судопроизводстве, иначе они подлежат отводу.

В основном представленный набор свойств информации С. В. Зуева характеризует ее с позиции современной теории доказывания. Многогранность явления «информация» позволяет нам также выявить следующие ее специфические черты, влияющие на оперирование ею в уголовном судопроизводстве. Среди данных особенностей отметим следующие.

1. Вариационность информации — любая информация, независимо от источника получения и происхождения, способна менять свою первоначальную структуру. Информация постоянно обновляется и трансформируется, старая информация теряет актуальность, исчезает, рождается новая, которая отлична от прежней. Вариационность информации имеет тесную связь с теорией криминалистической идентификации. Каждое совершенное преступление априори сопровождается отображением следов (носителей информации), идентификация которых возможна в пределах определенного интервала времени, традиционно именуемого в криминалистике идентификационным периодом [17]. По мнению В. В. Саночкина, информация возникает и изменяется вместе с несущей ее материальной структурой в едином движении как результат сравнения свойств объектов в процессе их взаимодействия [18].

2. *Коммуникационный признак.* Уголовный процесс является юрисдикционным, т. е. процессом правоприменительным, а для того, чтобы применить норму права, необходимо установить фактическую основу дела, поэтому в ходе доказывания участники уголовно-процессуальных отношений постоянно коммуницируют между собой. Их коммуникация проходит посредством информационных сигналов. Данный факт свидетельствует о том, что информация всегда востребована в уголовном процессе, является фундаментальным стратегическим ресурсом, предназначенным для решения задач уголовного процесса. Информация имеет своего производителя, посредника (проводника) и потребителя. По мнению В. В. Сафронова, создателем (производителем) информации являются лица, в результате интеллектуальной деятельности которых появляется информация [19]. Мы же считаем, что информация появляется не только

в ходе интеллектуальной деятельности, она может зарождаться в результате любых процессов, явлений, действий, а также иных видов деятельности субъектов информационных правоотношений. Посредником передачи информации, по нашему мнению, стоит считать лицо или группу лиц, осуществляющих передачу информации от производителя к потребителю информации. Потребитель информации — это лицо или группа лиц, получающие информацию от посредника в целях ее последующего использования в практической деятельности.

3. Апперцептивный признак. Основывается на том, что не каждая информация может восприниматься одинаково различными категориями людей. Процесс генерации, закрепления и потребления информации тесно зависит от знаний, опыта индивида. Приведем пример апперцептивности информации как признака: в телеграм-канале появилась информация о том, что «в отдел полиции № 15 города Торск поступило сообщение о том, что группа квадроберов 25—30 лет совершила нападение на ювелирный магазин, располагающийся на улице Академика Семенова». Исходя из данного сообщения, можно сделать вывод о том, что как минимум для четырех категорий граждан данная информация может иметь абсолютно разный подтекст: 1) для рядовых граждан данная информация может означать, что в городе небезопасно; 2) для сотрудников полиции — необходимость проведения оперативно-разыскных мероприятий по задержанию преступников; 3) для директора ювелирного магазина — крупные финансовые расходы, а также риски банкротства; 4) для субъектов, имеющих специальные познании в психологии, — тренд квадроберов становится популярным не только среди детей, подростков, но и среди взрослых, и постепенно переходит в фазу проблемы, а не тренда. Все это свидетельствует об апперцептивности информации для различных категорий субъектов информационных отношений.

4. Читаемость информации как свойство подразумевает последовательное ее изложение, структурированность, морфологические и лингвистические характеристики, позволяющие ее уяснить.

5. В литературе и интернет-ресурсах очень часто мы встречаем термин «избыточность информации», однако, по нашему мнению, применительно к уголовному процессу информации «много не бывает», а часто субъекты, осуществляющие уголовно-процессуальную деятельность, испытывают недостаток информации, которая влечет за собой невозможность установить личность виновного в совершении преступления. Все это свидетельствует о том, что в уголовном процессе информация нередко *дозирована и ограничена.*

6. Зависимость информации от материального носителя — существование информации без ее закрепления на материальный носитель невозможно.

Эти свойства по-особому высвечивают специфику информации, проявляющуюся при ее вовлечении в уголовно-процессуальное доказывание, однако, как представляется, их не следует включать в авторскую дефиницию, так как они не отражают сущностных признаков анализируемого явления.

Н. Н. Моисеев считает, что «удовлетворяющего всех определения информации, то есть достаточно универсального определения, просто не может быть, ибо оно неотделимо от свойств субъекта, который нуждается не в информации вообще, а во вполне определенной информации, и отбрасывает ненужную ему информацию» [20, с. 50]. Однако мы предпримем попытку дать собственную дефиницию информации в уголовном судопроизводстве, но для начала выделим ее основные, на наш взгляд, понятиеобразующие признаки.

1. Ядром информации являются *данные.* Как представляется, данными в уголовном процессе могут быть абсолютно любые факты, сведения, выводы, решения.

2. Важным признаком информации является ее *значимость.* По сути, значимость информации проявляется с учетом ее ценности для субъектов уголовно-процессуальных отношений. Значимость эквивалентна понятию ценности, важности и полезности информации. Объекты материального мира, несущие информацию, значимы не в силу своей внутренней структуры, не с момента их функционирования в природе; значимыми они становятся с учетом приобретения либо накопления свойств, представляющих интерес для субъектов уголовного процесса. Значимость информации — понятие относительное и временное. По мере поступления информации ценность ее меняется. Вначале поступившая информация может быть ценной, но с учетом временного интервала она может обновляться, тем самым ценность первоначальной информации может сводиться к минимуму. Однако значимость информации возрастает в том случае, если она подтверждает уже имеющиеся данные и факты, или вовсе опровергает их, либо в совокупности с другими вновь обретенными сведениями она позволяет установить

важный факт, который ранее был недосягаем для познающего субъекта и пр.

3. Информация должна обладать признаком *относимости.* «Относимость» подразумевает связь с обстоятельствами, интересующими субъекта доказывания или познающего субъекта вообще.

4. Следующим признаком информации является *вариативность ее возникновения.* В уголовном процессе одна и та же информация может быть получена в разных вариантах. К примеру, информация о совершенном преступлении может быть запечатлена на камерах видеонаблюдения, та же самая информация может содержаться в протоколе допроса свидетелей преступления или получена в результате проведения судебных экспертиз. Все это говорит о вариативности происхождения информации. Главное, чтобы это происхождение можно было проверить.

5. Информация должна быть *актуальной.* По нашему мнению, для решения задач уголовного процесса данный признак считается крайне важным. Поскольку информационное взаимодействие участников уголовного процесса имеет продолжительный характер, то устаревшая информация будет способствовать вынесению ошибочных процессуальных решений, что, в частности, противоречит назначению уголовного судопроизводства. Несвоевременное поступление информации вносит неясность в содержание уголовного дела, приводит к вынужденному продлению процессуальных сроков субъектами, осуществляющими уголовно-процессуальную деятельность, а время, затрачиваемое на данную процедуру, приводит к «старению информации», соответственно — к потере ее актуальности.

6. *Субъекты информационных отношений наделены равными правами при ее использовании.* После передачи информации от одного субъекта информационных отношений к другому каждый из этих субъектов начинает обладать равным количеством прав на полученную информацию.

7. Следующим признаком информации является ее *технологическая доступность.* В уголовном процессе беспрепятственный доступ к информации субъектов, имеющих соответствующие полномочия, должен осуществляться по мере необходимости, свободно.

8. *Репрезентативность информации* как признак в уголовном процессе характеризуется полнотой сведений, представленных в доказательствах, направленных на решение задач уголовного процесса. В теории доказательств принято говорить о «достаточности» доказательств, такой их совокупности, которая необходима для принятия обоснованных процессуальных решений субъектами, ведущими уголовный процесс.

9. *Доступ к информации в уголовном процессе имеет ограниченное число пользователей.* Информация, содержащаяся в материалах уголовного дела, как правило, носит конфиденциальный характер, так как в ней содержатся сведения о персональных данных субъектов уголовно-процессуальных отношений, сведения, составляющие иные виды тайн, и распоряжаться данными сведениями могут только уполномоченные на это субъекты.

10. *Информация универсальна* — любое явление, процесс, действие содержит информацию.

На основании вышеизложенного нами предлагается следующее определение информации применительно к уголовному судопроизводству:

Информация в уголовном процессе — это форма выражения актуальных, универсальных, значимых, относимых и репрезентативных свойств материальных объектов и явлений, представляющая собой результат отражения признаков как совершенного преступления, так и событий, напрямую не связанных с совершенным (или готовящимся) преступлением, тем не менее важных для установления любых данных и значимых обстоятельств, полученных из технологически доступных источников и ресурсов, независимо от вариативности их возникновения, используемых ограниченным числом пользователей, а именно уполномоченными на это субъектами, наделенными равными правами при ее применении в целях реализации назначения уголовного судопроизводства.

1. Павленков Р. В., Колосович М. С. Транспарентность деятельности властных субъектов уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1 (68). С. 120—132.

2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов / под общ. ред. проф.

1. Pavlenkov R. V., Kolosovich M. S. Transparency of activities of authority subjects of criminal proceedings. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 120—132, 2024. (In Russю).

2. Ozhegov S. I. Explanatory Dictionary of the Russian Language: approx. 100 000 words. Red.

Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр. Москва: АСТ: Мир и Образование, 2024. 1376 с.

3. Шеннон К. Современные достижения теории связи / пер. с англ. М. Г. Шура // Работы по теории информации и кибернетике: [сб. ст.] / под ред. Р. Л. Добрушина, О. Б. Лупанова. Москва: Изд-во иностр. лит., 1963. 824 с.

4. Чиненов Е. В., Щукин В. И. Фиксация доказательственной информации при раскрытии и расследовании экономических преступлений // Право: история и современность. 2019. № 3 (8). С. 116—121.

5. Зайцева Е. А. Непроцессуальная форма экспертных исследований // Судебная экспертиза. 2011. № 4 (28). С. 16—24.

6. Зайцева Е. А. Арсенал средств доказывания в стадии возбуждения уголовного дела в контексте федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Курск, 11—13 апреля 2013 г.). Курск: Юго-Западный гос. ун-т, 2013. С. 73—79.

7. Дьяконова О. Г. Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государств — членов ЕАЭС: теория и практика: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2021. 647 с.

8. Дьяконова О. Г. Рецензия специалиста на заключение судебной экспертизы: понятие, сущность, нормативное регулирование // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 4. С. 84—97.

9. Зайцева Е. А. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. 378 с.

10. Савельева М. В., Смушкин А. Б. Криминалистика: учебник. Москва: Деловой двор, 2009. 682 с.

11. Венгеров А. В. Право и информация в условиях автоматизации управления: (теоретические вопросы). Москва: Юрид. лит., 1978. 208 с.

12. Соколов Ю. Н. Природа уголовно-процессуальной информации и ее особенности // Вестник УрФО. 2017. № 1 (23). С. 48—51.

13. Тушев А. А., Назаров Н. А. Информация как основа всех видов доказательств в уголовном процессе // Общество и право. 2012. № 3 (40). С. 195—197.

14. Козел В. М. О значении термина «информация» в уголовном процессе // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика: материалы

by prof. L. I. Skvortsov. 27th ed., rev. Moscow: AST: Mir i Obrazovanie; 2024: 1376. (In Russ.).

3. Shannon C. Modern achievements in communication theory. Transl. from Eng. by M. G. Shur. In: Works on information theory and cybernetics. Collected articles. Red. by R. L. Dobrushin, O. B. Lupanov. Moscow: Foreign literature publishing house; 1963: 824. (In Russ.).

4. Chinenov Ye. V., Shchukin V. I. Fixation of evidence in solution and investigation of economic crimes. Law: history and modernity, 116—121, 2019. (In Russ.).

5. Zaitseva Ye. A. Non-procedural form of expert examinations. Forensic examination, 16—24, 2011. (In Russ.).

6. Zaitseva Ye. A. Arsenal of means of evidence it the stage of initiation of a criminal case in the context of the federal law No. 23-FZ on 4 March 2013. In: Problems of administration of justice in criminal cases in modern Russia: theory and practice. Proceedings of the 5th International scientific and practical conference, 11—13 April 2013, Kursk. Kursk: Southwest State University; 2013: 73-79. (In Russ.).

7. Diyakonova O. G. Special knowledge in judicial and other jurisdictional activities of the EAEU member states: theory and practice. Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2021: 647. (In Russ.).

8. Diyakonova O. G. Specialist review of the forensic examination report: concept, essence, regulation. Zhurnal rossiyskogo prava = Russian Law Journal, 84—97, 2023. (In Russ.).

9. Zaitseva Ye. A. Essence and topical issues of the stage of initiation of criminal case. Volgograd: Publishing house of the Volgograd state university; 2011: 378. (In Russ.).

10. Saveliyeva M. V., Smushkin A. B. Criminalisics. Textbook. Moscow: Delovoy Dvor; 2009: 682. (In Russ.).

11. Vengerov A. V. Law and information under conditions of management automation: theoretical issues. Moscow: Law literature; 1978: 208. (In Russ.).

12. Sokolov Yu. N. The nature of the criminal-procedural information and its specifics. Journal of the Ural Federal District. Information security, 48—51, 2017. (In Russ.).

13. Tushev A. A., Nazarov N. A. Information as a basis of all types of evidence in criminal proceedings. Society and law, 195—197, 2012. (In Russ.).

14. Kozel V. M. On the meaning of the term "information" in criminal proceedings. In: Topical problems of criminal law, criminology, criminal procedure and criminal-executive law: theory and

XII Междунар. науч.-практ. конф. (Тамбов, 2023 г.). Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2023. С. 359—365.

15. Аксаментова О. П. О понятии информации в уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 1. С. 27—34.

16. Зуев С. В. Информационное обеспечение уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. 199 с.

17. Майлис Н. П. Трасология и трасологическая экспертиза: курс лекций. Москва: РГУП, 2015. 235 с.

18. Саночкин В. В. Что такое информация // Эволюция. 2005. № 2. С. 110—113.

19. Сафронов В. В. Субъекты информационных правоотношений // Решетневские чтения: материалы XIV Междунар. науч. конф., посвящ. памяти генерального конструктора ракетно-космических систем акад. М. Ф. Решетнева (10—12 ноября 2010, г. Красноярск). В 2 ч. Красноярск: Сиб. гос. аэрокосм. ун-т, 2010. Ч. 2. С. 556—557.

20. Моисеев Н. Н. Универсум, информация, общество. Москва: Устойчивый мир, 2001. 188 с.

practice. Proceedings of the 12th International scientific and practical conference, 12—13 October 2023, Tambov. Tambov: Publishing house "Derzhavinsky"; 2023, 359—365. (In Russ.).

15. Aksamentova O. P. On the concept of information in criminal proceedings. Sibirskie Ugolovno-Protsessual'nye I Kriminalisticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings, 2024, 27—34. (In Russ.).

16. Zuyev S. V. Information support of criminal procedure. Dissertation of candidate of juridical sciences. Omsk; 2002: 199. (In Russ.).

17. Mailis N. P. Traceology and traceological examination: lecture course. Moscow: Russian State University of Justice; 2015: 235. (In Russ.).

18. Sanochkin V. V. What is Information? Evolution, 110—113, 2005. (In Russ.).

19. Safronov V. V. Subjects of information legal relations. In: Reshetnev readings. Proceedings of the 14th International scientific conference devoted to the memory of academician M. F. Reshetnev, general designer of rocket and space systems, 10—12 November 2010, Krasnoyarsk. In 2 parts. Part 2. Krasnoyarsk: Siberian State Aerospace University; 2010: 556—557. (In Russ.).

20. Moiseyev N. N. Universe, information, society. Moscow: Sustainable World; 2001: 188. (In Russ.).

Мухаметшин Тимур Ришатович,
старший преподаватель кафедры
огневой подготовки,
Казанского юридического института
МВД России,
кандидат юридических наук;
tamerlan_9@mail.ru

Mukhametshin Timur Rishatovich,
senior lecturer at the department
of firearms training
of the Kazan Law Institute
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
tamerlan_9@mail.ru

Статья поступила в редакцию 25.11.2025; одобрена после рецензирования 28.11.2025; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 25.11.2025; approved after reviewing 28.11.2025; accepted for publication 16.02.2026.

* * *

УДК 343.12

ВЛИЯНИЕ ОТСУТСТВИЯ ДОЛЖНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УЧАСТИЯ ПЕРЕВОДЧИКА НА ПРИНЯТИЕ ИТОГОВОГО РЕШЕНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Людмила Владимировна Попова*, Елена Вильгельмовна Вологина**, Сергей Борисович Цветков***

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, lygmila.2015@yandex.ru

** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, vologina-e@mail.ru

*** Волгоградский институт бизнеса, Волгоград, Россия, tsvetkov.1954@mail.ru

Аннотация. В статье обращено внимание на некоторые проблемы правовой регламентации участия переводчика в уголовном судопроизводстве как лица, свободно владеющего языком, знание которого необходимо для перевода. Рассмотрели возможность допуска переводчика с момента составления протокола о задержании лица в качестве подозреваемого. Поднят вопрос удостоверения компетентности переводчика. Данный процесс не урегулирован законодательством, и в связи с этим предложен алгоритм проведения такого удостоверения. Авторы высказывают мнение о том, что переводчиком может быть лишь физическое лицо, а машинные методы перевода текстов нельзя применять в российском уголовном процессе. Исследованы термины «невладение» и «недостаточное владение русским языком» лицом, привлекаемым к уголовной ответственности, и на примерах судебной практики определено, что нарушение порядка назначения переводчика ведет к возвращению дела судом для устранения недостатков. Предложено внести дополнение в ч. 2 ст. 59 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающееся отказа от назначения переводчика. Высказано мнение об участии переводчика по уголовным делам, связанным с преступлениями, совершенными гражданами Украины и наемниками на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: язык уголовного судопроизводства, переводчик, назначение лица переводчиком, компетентность переводчика, отказ от переводчика, невладение и недостаточное владение русским языком

Для цитирования: Попова Л. В., Вологина Е. В., Цветков С. Б. Влияние отсутствия должного процессуального регулирования участия переводчика на принятие итогового решения по уголовному делу // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 1 (76). С. 123—130.

THE IMPACT OF THE ABSENCE OF PROPER PROCEDURAL REGULATION OF AN INTERPRETER'S PARTICIPATION ON THE FINAL DECISION-MAKING IN A CRIMINAL CASE

Lyudmila Vladimirovna Popova*, Yelena Vil'gelmovna Vologina**, Sergey Borisovich Tsvetkov***

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, lygmila.2015@yandex.ru

** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, vologina-e@mail.ru

*** Volgograd Institute of Business, Volgograd, Russia, tsvetkov.1954@mail.ru

Abstract. The authors pay attention to certain issues of legal regulation of an interpreter's participation in criminal proceedings as a person speaking fluent language required for interpretation. The article examines the possibility to admit an interpreter since the moment to make a report on the detention of a person as a suspect. The issue of certifying the interpreter's competence is also focused. Law does not regulate this process, and therefore an algorithm to certify such competence is proposed.

The authors express the opinion that only an individual can act as an interpreter, while machine translation methods can’t be used in Russian criminal proceedings. The terms "lack of speaking" and "insufficient speaking the Russian language" by a person brought to criminal responsibility are examined. By using examples of court

© Попова Л. В., Вологина Е. В., Цветков С. Б., 2026

practice, it is determined that violation of the procedure to appoint an interpreter leads to the court returning of the case for correction of the deficiencies. The authors propose to amend Part 2 of Article 59 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation related to the refusal to appoint an interpreter. The authors make an opinion regarding the participation of an interpreter in criminal cases related to crimes committed by citizens of Ukraine and mercenaries on the territory of the Russian Federation.

Key words: language of criminal proceedings, interpreter, appointment of a person as an interpreter, interpreter competence, refusal to appoint an interpreter, lack of speaking and insufficient speaking the Russian language

For citation: Popova L. V., Vologina Ye. V., Tsvetkov S. B. The impact of the absence of proper procedural regulation of an interpreter's participation on the final decision-making in a criminal case. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 123—130, 2026. (In Russ.).

В статье 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) законодатель определил основным *языком уголовного судопроизводства* русский язык и дополнил возможность ведения процесса также на государственных языках республик Российской Федерации в данных субъектах. Участникам, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, предоставляется право пользоваться бесплатно услугами *переводчика*, который определен в ст. 59 УПК РФ как лицо, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода.

Кратко коснемся вопроса о применении государственного языка республики в составе РФ в судах первой инстанции. Считаем, что на практике реализовать эту норму будет непросто. Отсутствие должного регулирования в процессуальном законодательстве для ведения дел на национальном языке народов, населяющих республики, является существенным препятствием. Верховный Суд Российской Федерации также не проявляет интереса к данной проблеме. Поиск в Интернете не выявил ни одного приговора, составленного на государственном языке субъекта Федерации. При заявлении стороной защиты ходатайства о проведении судебного разбирательства при рассмотрении уголовного дела по существу на национальном языке государственный обвинитель, как правило, возражает, заявляя, что судебное заседание в РФ ведется на русском языке, а судьи отказывают в удовлетворении ходатайства, аргументируя тем, что в штате суда отсутствуют переводчики. Ю. Б. Павлюк, анализируя некоторые особенности законодательства использования в судопроизводстве государственных языков республик, делает вывод: «Положение процессуальных законов, предоставляющих право пользоваться государственным языком республик, является в настоящее время в значительной мере декларативным» [1, с. 169].

Ведение судопроизводства на государственном языке субъектов Федерации, конечно, требует дополнительной правовой регламентации в УПК РФ в целях возбуждения желания у следователей и судей решать вопрос языка производства по уголовному делу в национальных рамках, но главное заключается в необходимости решения вопроса о подготовке кадров, способных осуществлять юридический перевод с национального языка на русский и наоборот в рамках уголовного процесса (термины, специфические положения производства по уголовному делу, права того участника, который не владеет русским языком, и т. п.). Но это требует создания реестра этих особых переводчиков, на что потребуется соответствующее финансирование. На этом мы остановимся и перейдем к более значимым аспектам обеспечения переводчиком участника, не владеющего русским языком, где производство по делу, собственно, и ведется на данном языке.

Переводчик относится к иным участникам уголовного процесса, его функция заключается в оказании содействия в осуществлении уголовного судопроизводства. Участие переводчика в производстве процессуальных действий обусловлено необходимостью обеспечить соблюдение прав лиц, не владеющих языком уголовного судопроизводства, независимо от их процессуального статуса: право на бесплатное пользование услугами переводчика распространяется на всех участников уголовного процесса [2].

Вопрос о моменте допуска переводчика к участию в уголовном деле в уголовном процессе до конца не раскрыт. Согласно ч. 1 ст. 169 УК РФ следователь привлекает переводчика в случае невладения (недостаточного владения) русским языком участника процесса в производстве следственного действия. То есть если лицо задержано по подозрению в совершении преступления в по-

рядке ст. 91 УПК РФ, то переводчик вступит в дело с момента начала допроса подозреваемого, который может произойти и не сразу, а через несколько часов. Все это время до допроса задержанное лицо не будет понимать, что с ним происходит, лишь предполагая о подозрении в каком-либо деянии. Защитник, конечно, может попытаться доступным путем разъяснить задержанному суть подозрения, но это не в полной мере способствует соблюдению прав данного участника.

Считаем, что было бы правильно допускать переводчика к участию в деле с момента фактического задержания лица, не владеющего языком судопроизводства, т. е. при составлении протокола задержания и разъяснения прав, предусмотренных ст. 46 УПК РФ, подозреваемому лицу. Кроме того, поскольку защитник и подозреваемый перед началом допроса имеют право на конфиденциальное свидание, которое не имеет смысла, если они говорят на разных языках, то и переводчика необходимо допустить присутствовать на такой встрече.

Желательно, чтобы переводчик участвовал с момента начала процессуальных действий, затрагивающих права и свободы данного лица (например, в ходе проверки сообщения о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ). Но будем реалистами: это создаст трудности в практике, да и, согласно ч. 2 ст. 59 УПК РФ, назначать переводчика может дознаватель, следователь и судья путем принятия властного решения. Но о такой возможности органа дознания, который, как правило, проводит проверку сообщения о преступлении, закон ничего не разъясняет. А оплата труда переводчика возможна лишь после вынесения постановления, в котором об этом указано, что возможно лишь после возбуждения уголовного дела, где будет указан его регистрационный номер.

Конечно, все написанное требует дополнительного осмысления, но полагаем, что ст. 169 УПК РФ целесообразно дополнить новой частью 1.1 следующего содержания: *«1.1. В случае если лицо не владеет или недостаточно владеет языком судопроизводства, переводчик привлекается*

к участию в уголовном деле с момента составления протокола задержания подозреваемого в порядке части первой статьи 92 настоящего Кодекса. В случае просьбы подозреваемого о свидании с защитником до производства допроса, переводчик может участвовать в таком свидании с целью перевода разговора.».

Закон требует от властного субъекта перед началом следственного действия, в котором участвует переводчик, удостовериться в его *компетенции*, т. е. определить, что последний является своего рода специалистом в языкознании, поскольку одной добросовестности этого участника явно недостаточно. Законодатель не регламентирует, каким образом, например, следователь должен удостовериться в этой компетенции именно до начала перевода. Думается, что необходимо как минимум проверить личность (переводчик должен быть совершеннолетним), знает ли кандидат в переводчики алфавит, способен ли он точно без словаря перевести на нужный язык определенную юридическую фразу (предложение), которые ему сообщит следователь, может ли прочитать письменный (печатный) текст. Да и сам отвод переводчика, указанный в ч. 2 ст. 69 УПК РФ, описан в общих чертах — в случае обнаружения некомпетентности переводчика ему может быть заявлен отвод сторонами, свидетелем, экспертом, специалистом. Опять же неясно, как эти участники, не зная иного, кроме русского, языка, определяют некомпетентность. А если никто не заявит об отводе, примет ли следователь или суд решение об этом, если будет понятно, что языком переводчик владеет слабо?

Вот пример того, как суд оценивает компетентность переводчика в конкретной следственной ситуации. *Приговором Красноармейского районного суда Краснодарского края № 1-11/2025 от 13 марта 2025 г.* осужден гражданин Туркмении за покушение на убийство своего знакомого на почве ссоры. Осужденный недостаточно владеет русским языком и в судебном заседании заявил, что признательных показаний на предварительном следствии он не давал, а переводчик его слова неправильно переводил. Суд по данному вопросу указал в приговоре, что принимает за основу показания подсудимого, данные на предварительном следствии, поскольку они объективны, даны в присутствии адвоката и переводчика. Из материалов дела следует, что подсудимый владеет лишь туркменским языком. В связи с этим данному субъекту уголовно-процессуальных отношений предоставлен переводчик, свободно владеющий как русским, так и его родным языком. Следователь разобрался в компетенции переводчика, к качеству перевода которого подсудимый претензий не имел[1].

[1] Приговор Красноармейского районного суда (Краснодарский край) № 1-11/2025 1-262/2024 от 12 марта

Как видим, суд оценил компетентность переводчика достаточно просто: переводчик одной национальности с лицом, показания которого переводятся, язык знает свободно, претензий к переводу не имелось, отводов не заявлялось. Это еще раз говорит о том, что законодатель не привел даже ориентировочных критериев признания компетентности переводчика, в связи с чем оценка компетентности носит сугубо субъективный характер.

К признакам некомпетентности переводчика, на наш взгляд, следует отнести, кроме недостаточных лингвистических познаний в русском языке, еще и нежелание участвовать в процессе из-за занятости, боязни, требование значительной оплаты своего труда, наличие знакомства с лицом, которое имеет языковый барьер, поскольку, если и заставить такого переводчика переводить, то быть уверенным в точности перевода нельзя. Вообще в принудительном порядке назначать переводчика в уголовном судопроизводстве, думается, нельзя, поскольку уголовное дело в связи с недобросовестным или некорректным переводом может оказаться в суде для рассмотрения по существу, а там возможно оглашение показаний.

Изучая научную литературу по рассматриваемой проблематике, мы обнаружили статью Е. А. Купряшиной, Е. А. Черкасовой и Д. Н. Рудова, которые пишут: «Поскольку процесс привлечения переводчика к участию в производстве по уголовному делу является проблемным, в связи с отсутствием необходимых специалистов данной сферы и наличием особенностей оплаты труда таких лиц, видится возможность введения официального использования технических переводчиков в виде специальных программных средств, позволяющих должностному лицу, осуществляющему предварительное расследование, самостоятельно и напрямую обращаться к лицам, не владеющим или владеющим в недостаточной мере языком уголовного судопроизводства» [3, с. 111].

Мы не можем согласиться с мнением данных исследователей: УПК РФ требует, чтобы переводчиком являлось физическое лицо, поэтому используемое порой на практике недобросовестными должностными лицами определенных возможностей современного компьютерного устройства для перевода текстов недопустимо, поскольку такой «перевод» не обеспечивает необходимую точность при фиксации юридических формулировок, да и текстовая достоверность машинного перевода сомнительна. Такие программы не сертифицированы и не созданы для переводов текстов процессуальных документов, находящихся в уголовном деле. И как будет выглядеть просьба следователя подписать такой перевод приглашенному переводчику, да еще чтобы тот расписался об уголовной ответственности за заведомо неправильный перевод? На наш взгляд, *о запрете подобных действий следует дополнить законодательную норму об участии переводчика, а именно ч. 1 ст. 169 УПК РФ.*

А теперь главное в исследуемом нами вопросе — *невладение или недостаточное владение русским языком* лица, привлекаемого к уголовной ответственности. И. Г. Савицкая отмечает: «УПК РФ содержит указание на уровень владения участником уголовного судопроизводства языком — „не владеющий или недостаточно владеющий языком“, содержание которого в законе не раскрывается. Таким образом, уровень владения языком в уголовном процессе определяется лицом, ведущим производство по делу, и носит сугубо оценочный, субъективный характер» [4, с. 180]. Безусловным основанием отмены судебного решения является существенное нарушение норм уголовно-процессуального закона, выразившееся в праве пользоваться помощью переводчика, если это повлияло или могло повлиять на вынесение законного и обоснованного решения (п. 5 ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ).

В *постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» от 30 июня 2015 г. № 29* прямо указано, что право обвиняемого на защиту включает в себя и право давать показания на родном языке и пользоваться помощью переводчика бесплатно в случаях, когда обвиняемый не владеет или недостаточно владеет языком, на котором ведется судопроизводство. Обеспечение возможности реализации этого права возлагается на лиц, осуществляющих предварительное расследование по делу, и суд. *Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами норм УПК РФ, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» от 17 декабря 2024 г. № 39* прямо предписывает суду возвращать уголовное дело прокурору, если обвиняемому, не владеющему или недостаточно владеющему языком, на котором ведется судопроизводство, не обеспечено право пользоваться помощью переводчика.

2025 г. по делу № 1-11/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/gSEhhm1Wayd1/ (дата обращения: 30.10.205).

Данным разъяснением судебные инстанции пользуются в практической деятельности.

Вот как оценил суд нарушение права обвиняемого на получение помощи переводчика на предварительном следствии. *Постановлением Прохладненского районного суда Кабардино-Балкарской Республики от 20 февраля 2025 г. № 1-51/2025* уголовное дело в отношении гражданина Республики Грузии Гусеинови Руслана, обвиняемого в совершении нескольких преступлений, связанных со сбытом наркотических средств, возвращено прокурору. Обвиняемый пояснил, что он недостаточно владеет русским языком и не может дать показания в суде по существу предъявленных ему обвинений по делу. На предварительном следствии он был лишен права пользоваться помощью переводчика. Все протоколы следственных действий он подписывал, не читая их, поскольку практически не понимал содержания данных процессуальных протоколов. Подсудимый является уроженцем и гражданином Республики Грузия, его родным языком является азербайджанский, государственным языком является грузинский, но переводчик ему предоставлен не был[1].

Государственный обвинитель А. О. Сабанчиева внесла апелляционное представление на данное решение, указав, что доводы о недостаточном знании русского языка считает несостоятельными, поскольку в ходе расследования Гусеинови пояснил, что в услугах переводчика не нуждается и может изъясняться на русском языке. *Однако Верховный Суд Кабардино-Балкарской Республики в постановлении от 24 апреля 2025 г. № 22-321/2025* в удовлетворении представления отказал и указал, что следователем не был назначен Гусейнови переводчик, владеющий русским и азербайджанским языком, чем нарушено право на защиту. Согласно материалам дела, Гусеинови является уроженцем и гражданином Республики Грузия, и его родным языком является азербайджанский. Он окончил 9 классов общеобразовательной школы, обучение проходил в своей стране на грузинском и азербайджанском языках. Проживает в России непродолжительное время в качестве иностранного гражданина. Заявление Гусеинови об отказе от переводчика, который реально не предоставлялся, в материалах дела отсутствует. Гусейнови пояснил, что текст его ходатайства, имеющийся в деле, на русском языке был ему предоставлен и им воспроизведен с подражанием[2].

Возможно, подсудимый со своим защитником и смогли ввести суд в заблуждение и злоупотребить правом пользования переводчиком, но орган предварительного расследования ничего не сделал для того, чтобы такое судебное решение не состоялось. На наш взгляд, этого бы не произошло, если бы следователь пригласил переводчика с азербайджанского языка и в присутствии защитника предложил Гусейнови воспользоваться помощью данного переводчика, а если бы обвиняемый отказался от него либо не понимал азербайджанский язык и об этом был бы составлен соответствующий протокол, то суд признал бы право на защиту ненарушенным, а заявление стороны защиты — злоупотреблением права подсудимого.

В связи с такими «поворотами» в уголовных делах мы видим целесообразность внесения дополнения в ч. 2 ст. 59 УПК РФ после слов «*...статьями 169 и 263 настоящего Кодекса.*» следующего содержания: *«В случае отказа подозреваемого, обвиняемого от назначения переводчика, при сомнении в достаточном владении им русским языком вызов переводчика осуществляется один раз и в присутствии защитника составляется протокол отказа от оказания помощи переводчика.».* Данное дополнение позволит суду рассмотреть уголовное дело по существу без возвращения его прокурору, а при желании и ходатайстве подсудимого иметь переводчика в судебном заседании обеспечить участие такового.

В уголовно-процессуальной науке принято считать лиц, испытывающих затруднения в понимании устной речи на русском языке и не обладающих достаточной свободой ее использования при осуществлении следственных и процессуальных действий, недостаточно владеющими языком. К лицам, не владеющим языком судопроизводства, также относятся лица с сенсорными нарушениями, исключающими восприятие устной речи. В таких ситуациях для обеспечения коммуникации привлекается сурдопереводчик, являющийся спе-

[1] Постановление Прохладненского районного суда (Кабардино-Балкарская Республика) № 1-394/2024 1-51/2025 от 19 февраля 2025 г. по делу № 1-394/2024. URL: https://sudact.ru/regular/doc/jTeV77ZC4sQC/ (дата обращения: 30.10.2025).

[2] Апелляционное постановление Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики (Кабардино-Балкарская Республика) № 22-321/2025 от 23 апреля 2025 г. URL: https://sudact.ru/regular/doc/6A1HWwdaqG6Q/ (дата обращения: 30.10.2025).

циалистом в области жесто-мимической и / или дактильной речи, а также понимающий язык глухих и глухонемых. На наш взгляд, следователь (дознаватель) после появления в его поле зрения процессуальной фигуры подозреваемого и обвиняемого должен однозначно понимать, что собираемые доказательства с участием этих лиц должны быть оценены судом как допустимые, в том числе при соблюдении принципа языка уголовного судопроизводства. Поэтому в ходе допроса должно быть установлено гражданство лица и национальность, срок пребывания в РФ (для иностранца), образование, проходил ли службу в воинских формированиях России, где используется в служебной обстановке русский язык, на каком языке он разговаривает, пишет и думает в быту и во время работы на предприятии (если мигрант, то сдавал ли соответствующий экзамен на знание русского языка).

Возникает вопрос о целесообразности дополнения ст. 18 УПК РФ положением о том, что если к уголовной ответственности привлекается иностранный гражданин, получивший разрешение на временное проживание, вид на жительство, разрешение на работу или патент, то *в обязательном порядке проверяется получение сертификата о владении русским языком*. Данное правило исходит из положения ст. 15.1 *Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в РФ» от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 31.07.2025)*. Наличие такого документа даст возможность правоохранителю более правильно определить необходимость привлечения или непривлечения к делу переводчика.

В настоящее время становится актуальным участие переводчика в уголовных делах, связанных со злодеяниями, совершенными украинскими войсками на территориях Российской Федерации. Следственный комитет Российской Федерации возбудил немало уголовных дел о терроризме, убийствах людей и других преступлениях, совершенных гражданами Украины и иностранными наемниками. В скором времени Вооруженные Силы Российской Федерации одержат победу над националистами в специальной военной операции и настанет период, когда эти преступники будут привлечены к уголовной ответственности. Уголовно-процессуальный закон действует независимо от того, в каком качестве предстанут перед судом лица, совершившие эти особо тяжкие преступления, поэтому соблюдение принципа языка судопроизводства в ходе производства по уголовным делам должно соблюдаться процессуально точно.

Одним из основных моментов в ходе следствия по данным делам выступает вопрос о необходимости привлечения переводчика в производстве следственных действий, а также перевода всех материалов уголовного дела, где на каждом переведенном документе следует делать отметку об этом и удостоверять подписью переводчика и обвиняемого гражданина Украины или наемника-иностранца. Эти субъекты наверняка будут требовать назначения переводчика в целях усложнения процесса расследования уголовного дела. Здесь важно так настроить переводчика, чтобы тот объективно определил, достаточно или недостаточно владеет «фигурант дела» русским языком и проинформировал о своем мнении следователя.

В связи с этим считаем целесообразным дополнить ч. 3 ст. 59 УПК РФ, раскрывающую права переводчика, новым пунктом следующего содержания: *«4) высказывать в письменном виде суждение о совершенстве владения лицом родным языком, с которого осуществляется перевод, и понимании задаваемых вопросов на русском языке, переводимых на родной язык данного лица.»*. Это позволит следователю определить отсутствие оснований для назначения переводчика и принять соответствующее процессуальное решение в целях экономии сил и средств и соблюдения разумного срока предварительного расследования.

Видится, что необходимо в ближайшее время подготовить переводчиков, которые бы в совершенстве владели как русским, так и украинским языками. Таких участников уголовного судопроизводства следует обучить не только лингвистическим особенностям украинского языка, но и умению отличать особые организованные преступные группы из числа военнослужащих ВСУ (типа батальона «Азов»[1] и подобных ему сообществ). Разработать методику перевода конкретных следственных действий, таких как допрос обвиняемого, очная ставка, проверка показаний на месте, учитывая при этом безопасность участников процесса, а также защиту информации от утечки. Смоделировать типичные неблагоприятные следственные ситуации, которые могут быть вызваны устойчивыми отрицательными социально-психологическими качествами граждан Украины, действующих в рядах ВСУ как враги России. Иными словами, нельзя привлекать переводчиков, не прошедших первоначальную

[1] Батальон «Азов» признан террористической организацией на территории России, его деятельность на территории России запрещена.

уголовно-процессуальную подготовку и не получивших криминологической характеристики предполагаемых лиц, нуждающихся в услугах переводчика, по делам террористической направленности.

Исходя из проведенного анализа, можно предположить, что выработанные в ходе исследования рекомендации будут способствовать преодолению ряда существующих коллизий в следственной и судебной практике по уголовным делам, затрагивающим иностранных граждан. В то же время они призваны обеспечить окончательное юридическое оформление статуса и роли переводчика в рамках российского уголовного процесса.

1. Павлюк Ю. Б. О некоторых особенностях применения в отечественном судопроизводстве норм, регулирующих использование государственных языков субъектов Российской Федерации // Образование и право. 2023. № 7. С. 166—169.

2. Уголовный процесс: учебник. В 2 ч. Ч. 1 / [М. Т. Аширбекова, В. Г. Глебов, И. С. Дикарев и др.]; под ред. д-ра юрид. наук, доц. М. С. Колосович, канд. юрид. наук Л. В. Поповой. Волгоград: ВА МВД России, 2023. 350 с.

3. Купряшина Е. А., Черкасова Е. А., Рудов Д. Н. К вопросу о привлечении переводчика к проведению процессуальных действий с участием иностранных граждан: вопросы теории и практики // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15, № 1. С. 109—113.

4. Савицкая И. Г. Реализация принципа языка судопроизводства в уголовном процессе России посредством участия в нем переводчика // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2022. № 8-1. С. 176—184.

Попова Людмила Владимировна,
заместитель начальника
кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
lygmila.2015@yandex.ru

Вологина Елена Вильгельмовна,
доцент кафедры
предварительного расследования
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
vologina-e@mail.ru

1. Pavlyuk Yu. B. On some specifics to apply norms to regulate the use of state languages of the subjects of the Russian Federation in domestic legal proceedings. Education and Law, 166—169, 2023. (In Russ.).

2. [Ashirbekova M. T., Glebov V. G., Dikarev I. S. (et al.)] Criminal Procedure. Textbook. In 2 parts. Part 1. Red. by M. S. Kolosovich, doctor of juridical sciences, docent; L. V. Popova, candidate of juridical sciences. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2023: 350. (In Russ.).

3. Kupryashina Ye. A., Cherkasova Ye. A., Rudov D. N. On the issue of an interpreter's participation in procedural actions involving foreign citizens: issues of theory and practice. Gaps in the Russian legislation, 109—113, 2022. (In Russ.).

4. Savitskaya I. G. Implementation of the principle of the language of legal proceedings in criminal proceedings in Russia involving the participation of an interpreter. Public safety, legality, law and order in the III Millennium, 176—184, 2022. (In Russ.).

Popova Lyudmila Vladimirovna,
deputy head of the department
of criminal procedure
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation in the interior bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
lygmila.2015@yandex.ru

Vologina Yelena Vil'gelmovna,
associate professor at the department
of preliminary investigation
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation in the interior bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
vologina-e@mail.ru

Цветков Сергей Борисович,
заместитель заведующего кафедрой
частного и публичного права
Волгоградского института бизнеса,
кандидат юридических наук, доцент;
tsvetkov.1954@mail.ru.

Tsvetkov Sergey Borisovich,
deputy head of the department
of private and public law
of the Volgograd Institute of Business,
candidate of juridical sciences, docent;
tsvetkov.1954@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.12.2025; одобрена после рецензирования 11.12.2025; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 07.12.2025; approved after reviewing 11.12.2025; accepted for publication 16.02.2026.

* * *

УДК 343.985.2

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАССЛЕДОВАНИЮ НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: О ПОНЯТИИ И ЕГО ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ

Евгений Иванович Замылин
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, efrommm@mail.ru

Аннотация. Противодействие установлению истины на досудебной стадии уголовного процесса все чаще осуществляется в виде тщательно спланированного и умело реализуемого комплекса мероприятий; его следует рассматривать не иначе как реакцию криминальной среды на правоприменительную деятельность. До настоящего времени среди ученых не было единой точки зрения относительно понятия «противодействие расследованию», классификации и систематизации его признаков. Общее, согласованное мнение о данной проблеме способно не только оказать позитивное влияние на дальнейшее развитие и совершенствование частной криминалистической теории о противодействии расследованию, но и оптимизировать деятельность правоохранительных органов в процессе раскрытия и расследования преступлений в целом. Как следствие, в статье представлены закономерности механизма противодействия процессу выяснения обстоятельств по уголовному по делу и установлению (привлечению к уголовной ответственности) лиц, причастных к его совершению; предложена авторская дефиниция противодействия расследованию.

Ключевые слова: противодействие расследованию, закономерности противодействия, преступление, уголовное дело, уголовное преследование, правоохранительные органы

Для цитирования: Замылин Е. И. Противодействие расследованию на досудебной стадии уголовного процесса: о понятии и его закономерностях // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 1 (76). С. 131—141.

COUNTERACTION TO INVESTIGATION AT THE PRE-TRIAL STAGE OF CRIMINAL PROCEDURE: ON THE NOTION AND ITS REGULARITIES

Yevgeny Ivanovich Zamylin
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, efrommm@mail.ru

Abstract: Counteraction to establish the truth at the pre-trial stage of the criminal procedure is increasingly carried out in the form of a carefully planned and skillfully implemented set of activities. It should be considered nothing but as the reaction of the criminal environment to law enforcement activities. By the present moment among scientists there has been no unified point of view related to the notion of «counteraction to investigation», classification and systematization of its characteristics. General agreement on this issue can not only have a positive impact on the further development and improvement of special criminalistic theory on the counteraction to investigation, but also optimize efficiency of law enforcement activities in the process of solution and investigation of crimes as a whole. Consequently, the article presents the regularities of the mechanism to counteract the process of clarifying the circumstances concerning the criminal case and identifying (bringing to criminal responsibility) persons involved in its commission; the author's definition of counteraction to investigation is offered.

Keywords: counteraction to investigation, regularities of counteraction, crime, criminal case, prosecution, law-enforcement bodies

For citation: Zamylin Ye. I. Counteraction to investigation at the pre-trial stage of criminal procedure: on the notion and its regularities. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 131—141, 2026. (In Russ.).

© Замылин Е. И., 2026

Откровение не всегда помогает следствию, особенно если оно — сокрытие.

Р. А. Двалишвили (Реваз Радвали), член Московского союза литераторов, юморист и сатирик

Социально-экономические и политические перемены в жизни общества на рубеже XX—XXI вв. предопределили кардинальные изменения в структуре уголовно наказуемых деяний: появились новые составы преступлений, способы совершения и их последствия, расширился перечень объектов преступного посягательства, изменилась качественная характеристика жертвы, объекта и субъекта преступления. Соответственно, качественное изменение претерпели и способы противодействия раскрытию и расследованию преступлений. Работники правоохранительной системы оказались неготовыми к этому, продемонстрировав низкий уровень «адаптации» к борьбе с преступными проявлениями в новых условиях, а порой и некомпетентность.

Если рассуждать в более широком контексте, то противодействие выявлению следов преступной деятельности берет начало зарождения цивилизации, когда возникла необходимость определиться с понятием «общественно опасное деяние», совершение которого необходимо было запретить под угрозой наказания. Даже на заре цивилизации, чтобы избежать ответственности, виновные лица (их близкие) прибегали к различным формам противодействия, которые сопровождали процесс выяснения обстоятельств по тому или иному противоправному деянию. К таковым можно отнести и сокрытие самого преступления, и следов его совершения, и подкуп видоков, и отказ от дачи показаний, и уклонение от дачи показаний, и пр. Если обратиться к древнейшим письменным памятникам, то еще несколько тысячелетий назад было известно такое явление, как лжесвидетельство. Так, в частности, свод законов царя Вавилона Хаммурапи[1], датированный примерно 1750 г. до н. э., декларировал ответственность за подобное противодействие установлению истины по делу. В нашей стране ответственность за лжесвидетельство была предусмотрена и в Русской Правде, и в Судебниках 1497 г.[2] и 1550 г.[3], и Соборном уложении 1649 г.[4], и т. д.

В одной из своих работ профессор В. П. Лавров уточняет, что с тех пор, как существуют уголовные преступления и связанные с ними процессы расследования и судебного разбирательства, существуют и способы сокрытия следов преступлений, различные уловки, направленные на уклонение виновных от ответственности; об этом неоднократно писали многие «первопроходцы» зарубежной и советской криминалистики [1, с. 15]. Однако надо признать, что «тактика выявления и нейтрализации противодействия расследованию преступлений началась намного позже, чем появление самого феномена „противодействие“. Процесс развития нейтрализации противодействия расследованию преступлений уступает в интенсивности процессу развития самого противодействия расследованию» [2, с. 280].

Воспрепятствование решению задач уголовного судопроизводства посредством создания помех раскрытию, расследованию и предупреждению уголовно наказуемых деяний исследовалось на протяжении не одного десятка лет. В результате научные изыскания многих видных представителей науки криминалистики легли в основу построения современной частной криминалистической теории противодействия расследованию. Среди этих ученых Р. С. Белкин, Э. У. Бабаева, А. Ф. Волынский, Ю. В. Гармаев, Г. Г. Зуйков, В. Н. Карагодин, В. П. Лавров, А. Ф. Лубин, И. М. Лузгин, И. А. Николайчук, И. В. Тишутина, В. В. Трухачев и др. В их научных трудах сформированы базовые дефиниции, содержащие наиболее существенные признаки противодействия расследованию, разработаны и обоснованы криминалистические методы его преодоления как на досудебной стадии уголовного процесса, так и в ходе судебного разбирательства по уголовным делам.

Проведенные исследования показали, что преступность как социально-правовое явление без противодействия властным структурам и обществу в природе не существует. В рамках раскрытия

[1] Древнейший свод законов в мире — законы Хаммурапи. URL: https://dzen.ru/a/ZTZA7TMz-Vkvhw9p (дата обращения: 12.11.2025).

[2] Судебник 1497 г. Текст в переводе. URL: https://study.shmat.by/sudebnik-1497-g-tekst-v-perevode/ (дата обращения: 12.11.2025).

[3] Судебник 1550 г. / пер. В. Б. Цыганова. URL: https://russiahistory.ru/download/library/istochniki/1073676_96334_sudebnik_1550_goda.pdf (дата обращения: 12.11.2025).

[4] Соборное уложение 1649 г. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sobornoeulozgenie1649 (дата обращения: 12.11.2025).

и расследования уголовно наказуемых деяний оно в той или иной форме фиксируется в материалах каждого второго уголовного дела. По делам же об организованных преступных формированиях противодействие установлению истины встречается в каждом уголовном деле, относится к обязательным признакам их деятельности [3, с. 96].

В связи с этим противодействие раскрытию и расследованию преступлений следует рассматривать не иначе как реакцию криминальной среды, независимо от степени профессионализма ее представителей и их организованности, на правоприменительную и судебную деятельность в целом. Поэтому противодействие выяснению обстоятельств совершения уголовно наказуемого деяния и установлению лиц, к нему причастных, нужно понимать как социально опасное явление. Здесь за основу берутся различные механизмы по воспрепятствованию установлению истины, затрудняя или даже лишая возможности привлечения виновных в совершении уголовно наказуемых деяний к ответственности. В данном процессе широко используются различные механизмы в рамках «правого поля» и за его пределами, проявляясь как в активных, так и пассивных действиях. В деятельности же лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, противодействие довольно отчетливо прослеживается в виде защитной доминанты: отрицания и опровержения имеющихся в их отношении улик.

Однако воспрепятствование установлению истины по делу не ограничено данными способами, противодействие расследованию становится не только все более изощренным, но и, как следствие ощущения безнаказанности, дерзким и вызывающе неприкрытым. Если ранее оно обычно рассматривалось в системе форм и способов сокрытия преступления и его следов (утаивание, уничтожение, маскировка, фальсификация), то в настоящее время для субъекта противодействия «материальные следы преступлений как источники криминалистически значимой информации, как правило, оказываются „вторичными“ объектами воздействия» [4, с. 9] (см. также: [5, с. 18—19]). Все более распространенный характер данных проявлений в ходе производства по делу значительно затрудняет деятельность соответствующих должностных лиц; имеющие место типовые методики расследования тех или иных преступлений постепенно морально устаревают. Традиционные формы и методы деятельности правоохранительных органов в ходе раскрытия и расследования преступлений, применяемые ими криминалистические приемы и методы часто не способствуют достижению ожидаемых результатов. В целом это возводит в абсолют необходимость постоянной разработки и апробации на практике новых тактико-психологических направлений в деятельности следователей (дознавателей) и сотрудников, осуществляющих раскрытие преступлений и оперативное сопровождение процесса расследования.

Противодействие встречается при расследовании практически всех видов преступлений; в современных условиях оно «изменилось не только качественно (новые формы, средства и методы его осуществления), но и масштабно» [6, с. 10]. Стремление избежать ответственности за содеянное в современных условиях порождает со стороны лиц, совершивших противоправное деяние, активное сопротивление. Наряду с «традиционными» появились и новые способы неправомерных действий, которые ранее советскому уголовному судопроизводству были неизвестны (а если быть более точным — не носили столь массового, демонстративного характера), например использование СМИ, похищение потерпевших, членов их семей, физическое и психическое насилие, лишение жизни добросовестных участников уголовного судопроизводства «по заказу» как следствие содействия раскрытию и расследованию преступлений и др. В рамках рассматриваемого процесса с нашей стороны было бы ошибкой сами способы противодействия относить к разряду «постоянных величин»; разговор о константе здесь неуместен. Они подвержены постоянной трансформации от примитивных (отказ от дачи показаний, срыв проведения того или иного следственного действия и т. п.) до «высококвалифицированных», когда в процесс противодействия включаются коррупционные связи, используются услуги наемных убийц и пр.

В настоящее время накоплен богатый эмпирический материал, позволяющий выявить и в определенной степени стандартизировать закономерности механизма противодействия процессу установления истины по уголовному делу относительно его «зависимости». За основу здесь следует признать зависимость характера противодействия расследованию:

— от совершенного уголовно наказуемого деяния (категория преступления, форма вины, наступившие последствия, общественный резонанс и пр.), в процессе расследования которого реализуются (или возможны) действия по воспрепятствованию установления истины по делу;

— личностной характеристики субъектов, вовлеченных в процесс расследования в качестве обвиняемых (подозреваемых) («статусное» положение в обществе, наличие судимости, вид соучастия в преступлении, место, занимаемое в преступной группе, отношение к совершенному деянию и его последствиям и пр.);

— личностной характеристики субъектов, осуществляющих тот или иной способ противодействия (их процессуальный статус, заинтересованность в исходе по делу, степень эффективности (навыков) реализации подобных действий, выполнение заранее обговоренного «заказа» и пр.);

— характера и содержания следственной ситуации (благоприятная / неблагоприятная; наличие / отсутствие доказательств, которые содержат сведения об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания, возможно, это лишь промежуточные факты, которые логически связаны с ними (доказательствами); осознание / отрицание вины подследственным в инкриминируемом ему деянии; активная / пассивная позиция представителей стороны обвинения (потерпевших, свидетелей) в процессе расследования; форма и интенсивность оказываемого противодействия в тот или иной момент расследования и пр.);

— этапа производства по уголовному делу (на стадии возбуждения уголовного дела, в ходе предварительного расследования, в ходе судебного разбирательства); и пр.

Нельзя не отметить и тот факт, что в отдельных научных исследованиях отмечается зависимость характера противодействия от того или иного территориального образования (местности). Например, своя специфика прослеживается в сельских поселениях, а также местности, где возникли обстоятельства чрезвычайного характера [7, с. 4—5]. Отличительные особенности рассматриваемой нами деятельности присущи и территориям в условиях вооруженного конфликта: среди прочего это воспрепятствование со стороны каждой из противоборствующих сторон осуществлению представителями правоохранительных органов миротворческого контингента процессуальных функций, их доступу к тем или иным объектам, а также обеспечение физической безопасности участников уголовно-процессуальных отношений и пр. [8, с. 271—277]

В целом под противодействием принято понимать совокупность умышленных действий (бездействия), направленных на воспрепятствование установлению истины в процессе раскрытия и расследования преступлений [9]. Однако нельзя не обратить внимания на целый ряд дефиниций, смысловая нагрузка которых, как представляется, не отвечает предъявляемым требованиям, а некоторые из словесных оборотов носят спорный характер.

Так, в частности, А. Ф. Лубин и С. Ю. Журавлев, исследуя проблему противодействия расследованию, берут за основу систему действий (или бездействия), преследующих цель воспрепятствовать вовлечению следов преступления в сферу уголовного судопроизводства и последующему их использованию в качестве доказательств по делу [10, с. 345].

Отметим, что определение, по нашему разумению, не совсем удачное, его нельзя признать идеальным. Но нельзя согласиться и с имеющей место критикой, где делается вывод, что, формулируя определение, авторы якобы оперируют, по существу, теми же категориями, которые характеризуют сокрытие преступления, в то время как заинтересованные лица в процессе противодействия выбирают в качестве объекта не только и не столько следы преступления, сколько добросовестных субъектов уголовного процесса [11, с. 105—106; 12, с. 7]. Надо признать, что следы преступления А. Ф. Лубин и С. Ю. Журавлев толкуют более широко, нежели пытаются представить их оппоненты. К ним авторы относят не только материальные, но и идеальные следы (психические отображения, мысленные образы, следы памяти), т. е. и следы (информацию), полученные в ходе организационно-правовых отношений, складывающихся в процессе расследования [10, с. 349—350].

В свою очередь, ряд авторов в качестве субъекта противодействия выделяют «виновных и содействующих им лиц» [13, с. 9], «преступника и связанных с ним лиц» [14, с. 7], «подозреваемых или обвиняемых, а также содействующих им лиц» [15, с. 465], «заинтересованных лиц» [16, с. 6] или «совокупность поведения и действий заинтересованных лиц, направленных на уклонение субъекта преступления от уголовной ответственности либо же на смягчение наказания» [17, с. 14].

На практике же противодействие расследованию оказывают не только виновные в совершении преступления и связанные с ними лица, имеющие интерес в исходе дела, но и свидетели, нейтрально относящиеся к этому процессу, а порой и такая процессуальная фигура, как потерпевший (жертва преступления)[1], кого уж никак нельзя «заподоз-

[1] Надо признать, что И. В. Веренич, кроме субъекта преступления и его соучастников по противодействию

рить в симпатии» к лицам, в результате преступных действий которых наступили для него неблагоприятные последствия в виде физического, материального или морального вреда. Вряд ли их можно отнести к категории лиц, связанных с преступниками общей целью, хотя вследствие посткриминального воздействия в виде угроз и физического насилия, подкупа, уговоров и т. п. они могут давать показания в пользу обвиняемого (подозреваемого). Применительно же к институту свидетельствования в уголовном процессе даже со стороны законопослушных граждан нельзя не учитывать такой психологический фактор, как осознание ими последствий исполнения «гражданского долга» в подобном контексте. Надо признать, что в нашей стране человек, будучи вовлечен в уголовный процесс в качестве свидетеля, «больше теряет, чем приобретает... зачастую портит отношения с людьми или наживает врагов, создавая проблемы себе, своей семье, как минимум тратит свое личное время, участвуя в различных действиях правоохранительных органов. Здесь уместен вопрос: а что же он приобретает взамен? Как ни банально это звучит, ответ лишь один: чувство исполненного долга перед самим собой» [19, с. 102]. Безусловно, нежелание выступать в качестве свидетеля в ходе производства по уголовному делу никак не связано со «стремлением» индивида к воспрепятствованию решению задач уголовного судопроизводства в целом, в том числе привлечению виновного к ответственности. В подобной ситуации означенная деятельность с его стороны никак не связана с процессом «воздействия на криминалистически значимую информацию и ее носители» [20, с. 86].

Занимаясь данной проблемой, В. В. Войников приходит к выводу, согласно которому противодействие может осуществляться только после начала производства предварительного расследования. По его мнению, в том случае, когда деятельность по реализации сокрытия следов преступления заинтересованными лицами предпринимается в ходе совершения деяния (до начала производства по делу), ее нельзя рассматривать в качестве противодействия расследованию [21, с. 11]. В подобном ключе рассуждают и другие авторы. В частности, профессор С. В. Дубровин приходит к однозначному заключению: «противодействия расследованию преступлений на стадии возбуждения уголовного дела быть не может». Свою позицию он обосновывает тем, что, согласно уголовному судопроизводству, регламентированному Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ), расследования преступления в их содержании не существует; оно имеет место только на стадии предварительного расследования в форме предварительного следствия или дознания. Поэтому причислять расследование к стадии возбуждения уголовного дела, по его мнению, некорректно [22, с. 86, 87].

Трудно оспаривать позицию автора, где он руководствуется «регламентом» УПК РФ. И все же попытаемся под несколько другим углом посмотреть на излагаемую проблему, если можно так выразиться, «на обыденном уровне». Так, по нашему мнению, комплекс мер по сокрытию следов преступления в ходе совершения уголовно наказуемого деяния и до начала производства по делу не может быть обособленным, самостоятельным компонентом преступного умысла: «сокрытием для сокрытия». Это является отправным пунктом противоправной деятельности, посредством чего фигурант стремится избежать разоблачения, привлечения его к уголовной ответственности. В подобной ситуации он (на уровне мыслительного процесса) четко формулирует себе задачу — воспрепятствовать установлению истины, осложнить процесс выяснения обстоятельств по делу, а значит, активно осуществляет мероприятия, которые, по его мнению, будут затруднять на момент возбуждения уголовного дела процесс расследования, препятствовать, противодействовать ему. Если эту деятельность взять за основу, то она предопределяет возможность виновному, исходя из его субъективной оценки, избежать ответственности за совершенное деяние.

Думаем, здесь будет уместным привести позицию А. В. Репина, который считает, что если «акты противодействия не будут своевременно нейтрализованы на стадии возбуждения уголовного дела, то они в устойчивой форме перейдут и на стадию предварительного расследования. Следовательно, для комплексного понимания и своевременного выявления признаков воспрепятствования правоохранительным органам со стороны заинтересованных лиц правильнее рассматривать противодействие применительно не только к процессу расследования преступления, но и к процессу его раскрытия» [23, с. 63—64]. В свою очередь, на основе анализа следственной и судебной практики

расследованию, акцентирует внимание на действиях и поступках «других — как прямых, так и косвенных — участников преступного события, включая потерпевшего» [18, с. 226].

профессор Э. У. Бабаева пришла к выводу, что «фактически противодействие уголовному преследованию начинается при неумышленных преступлениях — с момента совершения преступного деяния; при умышленных — с момента активной подготовки к совершению преступления» [24, с. 20].

Анализируя точку зрения Л. В. Лившица, отметим следующее. Придерживаясь суждения о противодействии расследованию как более широком понятии, нежели сокрытие преступления, он вместе с тем утверждает, что сокрытие преступления (т. е. воздействие на информацию или ее носителя) в целях воспрепятствования раскрытию и расследованию преступления может совершаться и неумышленно, т. е. вследствие добросовестного заблуждения индивида относительно истинного характера события, безразличного отношения к преступлению и процессу расследования или простой небрежности [25, с. 12—13]. (Похожую позицию занимает и А. И. Звягин в ходе проведенного им диссертационного исследования [26, с. 34, 36].) Полагаем, что поведение того или иного лица, которое включает в себя «добросовестное заблуждение, безразличие или небрежность», не может быть охвачено понятием противодействия расследованию. На наш взгляд, противодействие, тем более в форме сокрытия преступления, как его понимает Л. В. Лившиц, имеет четко выраженную целевую, осознанную направленность на воспрепятствование раскрытию и расследованию преступления.

Воспрепятствование установлению истины по делу может выражаться как в активных действиях, так и в бездействии со стороны тех или иных лиц. Поэтому нам не совсем понятно определение, где в качестве наиболее существенных признаков противодействия отдельными авторами представлена «система противоправных действий, детерминированных объективными и субъективными факторами» [27, с. 309]. Надо понимать, что данная дефиниция оставляет за рамками понятия такую форму преступного деяния по противодействию расследованию, как бездействие, или пассивное поведение индивида (при котором он не выполняет или ненадлежащим образом выполняет возложенную на него обязанность), тем самым сводя деятельность по воспрепятствованию решению задач расследования лишь к действиям или системе действий той или иной категории лиц, имеющих отношение к данному процессу. Практика раскрытия и расследования уголовно наказуемых деяний свидетельствует об обратном.

В целом ряде работ противодействие интерпретируется лишь как «система противоправных действий» или противоправная (противозаконная) система целенаправленных действий (бездействий), ориентированная на воспрепятствование раскрытию и расследованию преступлений [28]. Есть и такая трактовка, при которой предлагается рассматривать поведение противодействующих лиц как «ненормативное»[1] [29, с. 18]. Как ни странно, но здесь противодействие в ходе расследования сведено лишь к противозаконной деятельности отдельных представителей социума, что явно сужает его должное «назначение». Ограничивая данное понятие противоправными действиями (или девиантным поведением), авторы не учитывают тот факт (или не придают ему должного значения), что, кроме «противозаконных», в ходе противодействия имеют место и действия, которым присущ «иной характер» [30, с. 12]. Это действия, выходящие за рамки уголовно наказуемых норм, включенные в перечень прав того или иного лица на момент вовлечения и участия в уголовном процессе, независимо от его процессуального положения, в том числе на конституционном уровне.

Сопротивление раскрытию и расследованию преступлений со стороны подавляющего большинства преступников, за исключением случайных и части ситуативных, — это вполне закономерное явление, производство по уголовным делам без противодействия, как мы уже уточняли выше, — редчайшее исключение. Но надо признать, что воспрепятствование следствию в пределах, допустимых процессуальным законом, — неотъемлемое право участников уголовного судопроизводства, используемое ими для защиты своих интересов [31].

Совокупность правовых норм, регулирующих участие сторон в уголовном процессе, предусматривает процессуальные гарантии соблюдения прав и законных интересов каждой из них. Так, в соответствии с положением ч. 2 ст. 14 УПК РФ, обвиняемый (подозреваемый) не обязан доказывать свою невиновность: бремя доказывания вины и опровержения доводов, приводимых им в свою защиту, лежит на стороне обвинения. Закрепляя за данной категорией участников уголовно-процессуальных отношений адекватный комплекс прав,

[1] Относительно «ненормативного поведения» надо понимать, что речь идет о девиантном, отклоняющемся поведении, т. е. поведении, которое отличается от общепринятых стандартов.

Закон (ст. 46, 47, 173 УПК РФ) предоставляет им свободу выбора линии поведения на следствии. Так, будучи наделены правом дачи показаний, и обвиняемый, и подозреваемый без каких-либо уголовно-правовых последствий для себя могут отказываться от дачи показаний, а равно давать ложные показания, вводя следствие в заблуждение, заявлять о якобы существующем алиби и пр.

Кроме того, несмотря на то что отдельные положения Закона (ст. 51 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020), п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ) затрудняют исследование обстоятельств совершенного уголовно наказуемого деяния, свидетель вправе отказаться от дачи показаний против самого себя и близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ.

Вызывает интерес предложение ряда авторов рассматривать противодействие как выражение принципа состязательности сторон в уголовном процессе (ст. 154 УПК РФ). За основу здесь взято воспрепятствование защитника-адвоката уголовному преследованию его подзащитного посредством умышленной деятельности [32]. К чести авторов, необходимо отметить, что данный вид деятельности они ограничивают средствами и способами этически безупречными и не противоречащими закону.

В дополнение к изложенному: во многих из вышеприведенных работ в качестве базового структурного элемента в понятии противодействия расследованию за основу принято сочетание таких слов, как «совокупность умышленных противоправных и иных действий», «противоправные или иные по своему характеру действия» (под «иными действиями», думаем, надо понимать правомерные), «противоправная или законная деятельность» и т. д., и т. п. По нашему мнению, нет необходимости при построении какого-либо понятия, выделяя наиболее существенные его признаки, использовать (противопоставлять) термины-антонимы (*как здесь: «законное — противозаконное»*), поскольку в данном контексте «утяжеляется» суть изложенного, не внося какой-либо новый конструктивный элемент, они нивелируют отводимую им смысловую нагрузку.

На основании сказанного считаем, что под ***противодействием расследованию преступлений*** *следует понимать совокупность умышленных действий (бездействие) со стороны определенной категории лиц, которые, независимо от интереса в исходе расследования, усложняя деятельность правоохранительных органов в процессе производства по уголовному делу в целом, затрудняют выяснение обстоятельств совершения уголовно наказуемого деяния и изобличение виновных.*

Подведем итог нашим рассуждениям. Обобщение следственной практики и соответствующих литературных источников свидетельствует, что наряду с правомерными действиями представителей стороны защиты по противодействию установлению истины по делу в ходе расследования все чаще применяются противоправные способы, подпадающие под признаки уголовно наказуемого деяния. Во многом это определено обстоятельствами совершения преступления, его составом, а также категорией лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование. Как следствие противодействия расследованию, в том числе неправомерного воздействия в отношении носителей информации по делу, искажение истины может относиться и к конкретному фактическому обстоятельству исследуемого события, и к событию в целом.

1. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: учебник для вузов / Б. Я. Гаврилов [и др.]; под общ. ред. Б. Я. Гаврилова, В. П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2021. 379 с.

2. Семенов В. В. Противодействие расследованию преступлений: виды, способы и этапы // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4. С. 280—284.

3. Волынский А. Ф., Лавров В. П. Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений (проблемы теории и практики) // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры

1. Gavrilov B. Ya. (et al.) Counteraction to the crime investigation and measures to suppress it. Textbook for universities. Gen. red. by B. Ya. Gavrilov, V. P. Lavrov. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Yurait; 2021: 379. (In Russ.).

2. Semenov V. V. Counteraction to the crime investigation: types, ways and stages. Legal science and practice: journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 280—284, 2014. (In Russ.).

3. Volynsky A. F., Lavrov V. P. Organized counteraction to the crime solution and investigation (issues of theory and practice). In: Organized counteraction to the crime solution and investiga-

по его нейтрализации: материалы науч.-практ. конф. (Руза, 29—30 окт. 1996 г.). Руза: ЮИ МВД России (Рузский филиал), 1997. С. 93—99.

4. Федоренко А. Ю. Криминалистическая техника в предупреждении и пресечении противодействия раскрытию и расследованию преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2001. 17 с.

5. Тишутина И. В. Преодоление противодействия расследованию организованной преступной деятельности (организационные, правовые и тактические основы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2013. 48 с.

6. Бахин В. П. Тактика преступников. Тактические приемы противодействия преступников следствию: пособие. Киев: Изд-во Семенко Сергея, 2009. 44 с.

7. Рахматуллин Р. Р. Криминалистические проблемы преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений: науч.-практ. пособие. Екатеринбург: УЮИ МВД России, 2006. 133 с.

8. Антонов А. Н. Расследование преступлений в условиях международного вооруженного конфликта: монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. Н. Григорьева. Москва: Юрлитинформ, 2020. 352 с.

9. Волынский А. Ф. Противодействие расследованию преступлений: суть проблемы, пути ее решения // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики: межвуз. сб. науч. тр. Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2005. Вып. 8. С. 59—70; Бабаева Э. У. Проблемы теории и практики преодоления противодействия уголовному преследованию. Москва: Юрлитинформ, 2010. 276 с.; Лавров В. П. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: курс лекций. Москва: Акад. упр. МВД России, 2011. 147 с.; Карагодин В. Н. Криминалистическое учение о преодолении противодействия расследованию // Библиотека криминалиста. 2013. № 4. С. 241—252; Тишутина И. В. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: монография. Москва: Юнити: Закон и право, 2016. 177 с.; Грибунов О. П., Унжакова С. В. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению. Иркутск: ВСИ МВД России, 2019. 132 с.; и др.

10. Лубин А. Ф., Журавлев С. Ю. Нейтрализация противодействия расследованию // Криминалистика. Расследование преступлений

tion and measures for its neutralization. Materials of scientific and practical conference, 29—30 October 1996, Rusa, Russia. Rusa: Law Insistute of the MIA of Russia (Rusa branch), 1997: 93—99. (In Russ.).

4. Fedorenko A. Yu. Criminalistic technique to prevent and to suppress the counteraction to the crime solution and investigation. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2001: 17. (In Russ.).

5. Tishutina I. V. Suppressing the counteraction to the investigation of organized criminal activities (organizational, legal and tactical bases). Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2013: 48. (In Russ.).

6. Bakhin V. P. Tactics of criminals. Tactical ways (techniques) of criminals to counteract the investigation. A manual. Kyiv: Semenko Sergey publishing house; 2009: 44. (In Russ.).

7. Rakhmatullin R. R. Criminalistics problems to supress the counteraction to the crime solution and investigation. Scientific and practical manual. Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; 2006: 133. (In Russ.).

8. Antonov A. N. Crime investigation in the context of international armed conflict. Monograph. Red. by V. N. Grigoriyev, doctor of jurudical sciences, prof. Moscow: Yurlitinform; 2020: 352. (In Russ.).

9. Volynsky A. F. Counteraction to the crime investigation: the issues essence, ways of its solution. In: Topical issues of crime combating theory and law enforcement practice. Inter-university collection of scientific works. Krasnoyarsk: the Siberian Law institute of the Ministry of the Interior of Russia; 59—70, 2005. (In Russ.); Babayeva E. U. Issues of theory and practice to suppress the counteraction to criminal prosecution. Moscow: Yurlitinform; 2010: 276. (In Russ.); Lavrov V. P. Counteraction to the crime investigation and measures to supress it. Course of lectures. Moscow: Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia; 2011: 147. (In Russ.); Karagodin V. N. Criminalistics doctrine to suppress the counteraction to investigation. Library of the criminalist, 241—252, 2013. (In Russ.); Tishutina I. V. Counteraction to the crime investigation and measures to suppress it. Monograph. Moscow: Unity: Law and Right; 2016: 177. (In Russ.); Gribunov O. P., Unzhakova S. V. Counteraction to the crime investigation and measures to suppress it. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2019: 132. (In Russ.); et al.

в сфере экономики: учебник / под ред. В. Д. Грабовского, А. Ф. Лубина. Нижний Новгород: НижВШ МВД России, 1995. С. 344—383.

11. Бобровский И. В. О соотношении противодействия расследованию и сокрытия преступлений // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации: материалы науч.-практ. конф. (Руза, 29—30 окт. 1996 г.). Руза: ЮИ МВД России (Рузский филиал), 1997. С. 104—106.

12. Петрова А. Н. Меры преодоления противодействия расследованию при производстве отдельных следственных действий: учеб.-метод. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2009. 64 с.

13. Стулин О. Л. Тактические основы преодоления умышленного противодействия расследованию преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 1999. 24 с.

14. Навалихин А. А. Противодействие расследованию мошенничества и криминалистические методы его преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. 23 с.

15. Гармаев Ю. П., Ким Д. В. Криминологические и криминалистические проблемы преодоления противодействия уголовному преследованию // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 3. С. 461—470.

16. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: учеб. нагляд. пособие / Т. В. Валькова, Р. А. Салфеткин, С. В. Смелова [и др.]. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та МВД России, 2020. 80 с.

17. Виноградова О. П., Андроник Н. А. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: учеб. пособие. Екатеринбург: УЮИ МВД России, 2024. 126 с.

18. Веренич И. В. Учение о преодолении противодействия расследованию преступлений: понятие, содержание и место в криминалистической науке // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7. С. 224—227.

19. Жиляев А. И., Данилин С. Н. Актуальные проблемы защиты свидетелей // Реагирование на преступность: концепции, закон, практика: сб. науч. тр. / [ред.: А. И. Долгова (отв. ред.) и др.]. Москва: Рос. криминол. ассоц., 2002. С. 102—107.

20. Яджин Н. В., Коптяева А. В. Понятие противодействия расследованию преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2011. № 1. С. 80—87.

21. Войников В. В. Тактика обеспечения безопасности в уголовном судопроизводстве:

10. Lubin A. F., Zhuravlev S. Yu. Neutralization of the counteraction to the investigation. Criminalistics. Crime investigation of the economic crimes. Textbook. Red. by V. D. Grabovsky, A. F. Lubin. Nizhny Novgorod: Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia; 1995: 344—383. (In Russ.).

11. Bobrovsky I. V. On the correlation of counteraction to the crime investigation and crime concealment. In: Organized counteraction to crime detection and solution and measures for its neutralization. Materials of scientific and practical conference. 29—30 October 1996, Rusa, Russia. Rusa: Law Insitute of the MIA of Russia (Rusa branch); 1997: 104—106. (In Russ.).

12. Petrova A. N. Measures to suppress the counteraction to the investigation under the some investigative activities. Manual. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2009: 64. (In Russ.).

13. Stulin O. L. Tactical bases to supress the intentional counteraction to the crime investigation. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Saint Petersburg; 1999: 24. (In Russ.).

14. Navalikhin A. A. Counteraction to fraud investigation and criminalistic methods to supress it. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Tyumen; 2008: 23 (In Russ.).

15. Garmayev Yu. P., Kim D. V. Criminological and criminalistic issues to supress the counteraction to the criminal prosecution. Russian Journal of Criminology, 461—470, 2020. (In Russ.).

16. Counteraction to the crime investigation and measures to supress it. Illustrated manual. Red. by T. V. Valkova, R. A. Salfetkin, S. V. Smelova [et al.]. Saint Petersburg: Publihing house of the Saint Petersburg University of Russian Ministry of Internal Affairs; 2020: 80. (In Russ.).

17. Vinogradova O. P., Andronik N. A. Counteraction to crime investigation and measures to suppress it. Manual. Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; 2024: 126. (In Russ.).

18. Verenich I. V. The theory to suppress crime investigation counteraction: notion, content and position in the science of criminalistics. Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 224—227, 2019. (In Russ.).

19. Zhilyaev A. I., Danilin S. N. Topical issues of witnesses protection. In: Response to crime: concepts, law, practice. Collection of scientific works. Red. by A. I. Dolgova (et al.). Moscow: Russian criminology association; 2002: 102—107. (In Russ.).

автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2002. 23 с.

22. Дубровин С. В. Соотношение (взаимосвязь и различие) противодействия расследованию преступлений и их сокрытия // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 6. С. 86—88.

23. Репин А. В. Некоторые дискуссионные вопросы понятийного аппарата теории преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 4. С. 61—66.

24. Бабаева Э. У. Основы криминалистической теории преодоления противодействия уголовному преследованию — уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность. Москва, 2006. 44 с.

25. Лившиц Л. В. Проблемы преодоления противодействия расследованию преступлений несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2001. 26 с.

26. Звягин А. И. Противодействие расследованию убийств по найму и криминалистические методы его преодоления: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. 195 с.

27. Кустов А. М. Противодействие расследованию: понятие, содержание и пути преодоления // Библиотека криминалиста. 2013. № 6. С. 306—318.

28. Кашапов Р. М. К вопросу о понятии и видах противодействия раскрытию и расследованию преступлений // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 4. С. 49—54; Веренич И. В. Частная криминалистическая теория преодоления противодействия расследованию преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2025. 48 с.; и др.

29. Флоря Д. Ф. Противодействие расследованию преступлений и его влияние на расследование уголовного дела: монография. Орел: ОрЮИ МВД России, 2012. 145 с.

30. Жуков О. И. Тактико-криминалистическая основа следственной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006. 25 с.

31. Куссмауль Р. Право на ложь и право на молчание как элементы права на защиту // Российская юстиция. 2003. № 2. С. 33—35; Шахкелдов Ф. Г. Уголовно-процессуальное доказывание и место в нем защитника // Мировой судья. 2006. № 4. С. 12—15; Цховребова И. А.

20. Yadzhin N. V., Koptyaeva A. V. The notion of counteraction to crime investigation. Legal science and law enforcement practice, 80—87, 2011. (In Russ.).

21. Voynikov V. V. Ensuring safety techniques in criminal procedure. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Kaliningrad; 2002: 23. (In Russ.).

22. Dubrovin S. V. The correlation (connection and difference) of counteraction to crime investigation and crime concealment. Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 86—88, 2012. (In Russ.).

23. Repin A. V. Some debating issues of the conceptual apparatus of the theory of suppressing counteraction to crime solution and detection. Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia, 61—66, 2021. (In Russ.).

24. Babayeva E. U. The bases of criminalistic theory of suppressing counteraction to crime investigation — criminal procedure, criminalistics and forensic science; detective activity. Moscow; 2006: 44. (In Russ.).

25. Lyivshits L. V. Issues to suppress counteraction to juvenile delinquency investigation. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Ufa; 2001: 26. (In Russ.).

26. Zvyagin A. I. Counteraction to contract murders investigation and criminalistic methods of suppressing it. Dissertation of a candidate of juridical sciences. Moscow; 2004: 195. (In Russ.).

27. Kustov A. M. Counteraction to investigation: notion, content and ways to suppress it. Forensic Scientist's Library, 306—318, 2013. (In Russ.).

28. Kashapov R. M. To the issue of the notion and types of counteraction to crime solution and detection. Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia, 49—54, 2023. (In Russ.); Verenich I. V. Special criminalistic theory of suppressing counteraction to crime investigation. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Krasnodar; 2025: 48. (In Russ.); etc.

29. Florya D. F. Counteraction to crime investigation and its impact on criminal case investigation. Monograph. Orel: Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; 2012: 145. (In Russ.).

30. Zhukov O. I. Tactical criminalistic bases of investigative activity. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2006: 25. (In Russ.).

31. Kussmaul R. The right to lie and the right to remain silent as components of the right for defence. Russian justice, 33—35, 2003. (In Russ.);

Противодействие расследованию или допустимые средства защиты // Труды Академии управления МВД России. 2008. № 3. С. 68—73; Лапин Е. С. Некоторые проблемы допроса // Вестник криминалистики. 2010. Вып. 3. С. 102—103; и др.

32. Баев М. О. Противодействие как реализация принципа состязательности в уголовно-процессуальном исследовании преступлений // Воронежские криминалистические чтения. 2005. № 6. С. 5—9; Новик В. В. Состязательность сторон и противодействие адвоката уголовному преследованию: процессуальные и криминалистические аспекты // Вестник криминалистики. 2007. Вып. 2. С. 13—22; Баев О. Я., Баев М. О. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него: учеб. пособие. Москва: Экзамен, 2008. 639 с.; Насонова И. А. Теоретическая модель уголовно-процессуальной защиты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2011. 50 с.

Shakhkeldov F. G. Proving in criminal procedure and the defence attorney's position in it. Justice of the peace, 12—15, 2006. (In Russ.); Tskhovrebova I. A. Counteraction to crime investigation and admissible defence techniques. Works of the Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia, 68—73, 2008. (In Russ.); Lapin Ye. S. Some issues of interrogation. Journal of criminalistics, 102—103, 2010. (In Russ.); etc.

32. Bayev M. O. Counteraction as a means of implementing adversarial principle in criminal procedural investigation of crimes. Voronezh criminalistic readings, 5—9, 2005. (In Russ.); Novik V. V. Adversarial system and barrister's counteraction to prosecution: procedural and criminalistic aspects. Journal of criminalistics, 13—22, 2007. (In Russ.); Bayev O. Ya., Bayev M. O. Prosecution and professional defence techniques. Manual. Moscow: Examination; 2008: 639. (In Russ.); Nasonova I. A. Theoretical model of criminal procedural defence. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2011: 50. (In Russ.).

Замылин Евгений Иванович,
профессор кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
efrommm@mail.ru

Zamylin Yevgeny Ivanovich,
professor at the department of criminalistics
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation in the interior bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, full professor;
efrommm@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.12.2025; одобрена после рецензирования 15.12.2025; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 09.12.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 16.02.2026.

* * *

УДК 343.985.7:343.775

ОТДЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ ЯНТАРЯ

Арфения Рудольфовна Сицская
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Управление экономической безопасности и противодействия коррупции УМВД России по Калининградской области, Калининград, Россия, a_sitsskaya@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья представляет собой исследование отдельных элементов криминалистической характеристики преступлений, связанных с незаконной добычей янтаря и отличающихся высоким уровнем латентности и организованностью. На основе системного анализа современной следственной практики, нормативно-правовой базы и методик расследования выявлены и классифицированы криминалистически значимые признаки преступлений данного рода. В работе охарактеризованы способы незаконной добычи в зависимости от места совершения преступления (в прибрежной зоне, на суше и в акватории). Особое внимание уделено специфическим механизмам следообразования, типичным следовым картинам, а также особенностям взаимодействия преступных групп. Результаты работы могут быть использованы правоохранительными органами при выявлении, документировании и расследовании уголовных дел данной категории, что подчеркивает практическую значимость исследования. Теоретическую значимость статьи характеризует возможность использования ее результатов в образовательном процессе для подготовки специалистов в области уголовного права, оперативно-разыскной деятельности и криминалистики, а также в целях развития частной криминалистической теории.

Ключевые слова: незаконная добыча янтаря, криминалистическая характеристика, оперативно-разыскная деятельность, экологические преступления, экономические преступления, межотраслевая преступность, организованная преступность, следообразование, региональная преступность, янтарь

Для цитирования: Сицская А. Р. Отдельные элементы криминалистической характеристики незаконной добычи янтаря // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 1 (76). С. 142—148.

SOME ELEMENTS OF FORENSIC CHARACTERISTICS OF ILLEGAL AMBER MINING

Arfenia Rudolfovna Sitsskaya
Immanuel Kant Baltic Federal University, department of Economic Security and Anti-Corruption of the Ministry of the Interior of Russia for the Kaliningrad Region, Kaliningrad, Russia, a_sitsskaya@mail.ru

Abstract. This article deals with an examination of some elements of the forensic characteristics of crimes related to the illegal mining of amber characterized by a high level of latency and organization. Based on a systemic analysis of modern investigative practice, the regulatory grounds, and investigative methods, significant forensic features of crimes of this type are identified and classified. In this paper, the author characterizes methods of illegal mining depending on the area of the crime commission (coastal, onshore, and offshore ones). Particular attention is paid to the specific mechanisms of trace formation, typical trace patterns, and the interactions among criminal groups. The results of this article can be used by law enforcement agencies in identifying, documenting, and investigating criminal cases in this category, emphasizing the practical significance of the examination. The theoretical significance of the article is demonstrated by the possibility to use it in educational process for training specialists in criminal law, detective activities, and forensic science, as well as for the development of specific forensic theory.

Key words: illegal amber mining, forensic characteristics, detective activities, environmental crimes, economic crimes, inter-branch crime, organized crime, trace formation, regional crime, amber

© Сицская А. Р., 2026

For citation: Sitsskaya A. R. Some elements of forensic characteristics of illegal amber mining. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 142—148, 2026. (In Russ.).

Добыча янтаря является традиционным промыслом жителей Калининградской области, поскольку большая часть мировых запасов ценного минералоида сконцентрирована на территории региона. В самой западной части Российской Федерации расположен Калининградский янтарный комбинат, который признан крупнейшим в мире и единственным в России предприятием, ведущим промышленную добычу янтаря.

В то же время концентрация минералоида на территории региона и обилие мест его потенциального скопления порождают криминальный интерес к нему преступных групп, внедрившихся в теневой сегмент рынка, наносящих значительный ущерб не только экономическим интересам государства, но и экологическому балансу области.

Деятельность по самовольной добыче янтаря, с учетом изменений уголовного законодательства Российской Федерации, вступивших в силу в 2019 г., признана нелегальной, подлежит уголовному наказанию согласно чч. 2 и 3 ст. 255 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ). Несмотря на ужесточение правовой политики, регулирующей данную отрасль, а также технологическую сложность добычи и последующей реализации минералоида, на территории региона сохраняется тенденция к осуществлению противоправной деятельности подобного рода[1]. Ввиду локального характера распространения янтаря, а также отсутствия широкой правоприменительной практики, комплексного научного исследования, посвященного методике расследования таких преступлений, в этом направлении не проводилось. Однако янтарь как предмет преступного посягательства попадал в зону интереса таких исследователей, как В. И. Алексеев, П. И. Алексеев [1], Т. С. Волчецкая [2; 3], Б. И. Сребродольский [4] и др. Отдельные правовые аспекты нелегального оборота янтаря, наряду с полудрагоценными камнями, освещались в работах Р. А. Забавко [5], элементы криминалистической характеристики указанной деятельности отчасти отражены в исследованиях О. А. Цирит [6], С. И. Колесникова [7]. Вместе с тем разработка частной криминалистической методики расследования подобных преступлений остается перспективной научной задачей, ибо ее отсутствие не позволяет в полной мере эффективно бороться с рассматриваемыми преступлениями.

Самовольная добыча янтаря является разновидностью преступной деятельности, характеризующейся высокой латентностью, сложной структурой организованных групп, использованием специального оборудования и техники, а также транснациональными каналами сбыта.

Специфика расследования данных преступлений обусловлена следующими факторами:

— межотраслевым характером преступной деятельности, включающим экологический и экономический компоненты;

— специфичностью способов совершения и обусловленной ими следовой картиной;

— необходимостью разработки специализированных подходов к документированию, выявлению и доказыванию фактов совершения анализируемых нами деликтов.

Для решения задачи формирования частной криминалистической методики их расследования необходимым представляется проанализировать составляющие криминалистическую характеристику означенных преступлений элементы, имеющие определяющее значение для организации последующего расследования. В рамках ее разработки требуется системный анализ традиционно выделяемых элементов, таких как предмет преступного посягательства; способы подготовки, совершения и сокрытия преступления; механизм следообразования; особенности личности преступника и др. Изучение данных элементов является необходимым условием для последующего конструирования эффективного алгоритма следственной деятельности, направленного на преодоление существующих пробелов в правоприменительной практике.

Предметом преступного посягательства является, как уже нами упомянуто, янтарь. С точки зрения своих физических характеристик последний не является драгоценным либо полудрагоценным камнем [4, с. 12]. Современная наука характеризует его как минералоид, окаменевшую смолу древних хвойных деревьев [8, с. 7], в то время как в рамках уголовного законодательства Российской Федерации он оценивается наравне с нефритом, жемчугом, иными полудрагоценными камнями.

[1] Прокуратура Калининградской области: офиц. сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru (дата обращения: 05.09.2025).

На наш взгляд, легальное определение янтаря как ископаемой смолы хвойных деревьев различных оттенков, приведенное в комментарии к ст. 7.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее — КоАП РФ), не отражает криминалистические свойства минералоида в полной мере, что актуализирует необходимость разработки ведомственных методик оценки и экспертного исследования.

Как сырьевой продукт, янтарь характеризуется относительной простотой обработки, долговечностью и широким спектром применения [9, с. 95]. Помимо традиционного использования в ювелирной и сувенирной продукции, он востребован в фармацевтике, косметологии, электронной и химической промышленности, а также при создании специализированных покрытий и изоляционных материалов.

Стоимостная оценка янтаря как предмета преступного посягательства представляет существенную сложность в связи с вариативностью его характеристик (фракция, качество, цвет, месторождение). Базовым ориентиром служит прейскурант Янтарного комбината, согласно которому стоимость минералоида варьируется от 245 руб. за килограмм янтаря мелкой фракции до 366 892 руб. за килограмм поделочного янтаря первого сорта. Отдельные категории, а именно уникальные образцы и инклюзы, подлежат индивидуальной оценке[1], осуществляемой экспертной комиссией Министерства финансов России. Анализ динамики цен демонстрирует снижение на 5 % в 2025 г. после роста на 10 % в 2023—2024 гг.

В контексте изученных уголовных дел о незаконной добыче янтаря предметом преступного посягательства признается янтарь, не отнесенный к инклюзам или уникальным образцам, а именно:

— имеющий массу менее 1 000 г;

— без палеонтологических включений флоры и фауны размером свыше 10 мм;

— не соответствующий критериям уникальности по форме, цвету и сохранности.

Указанные потребительские свойства обусловливают стабильно высокую рыночную стоимость янтаря, а своеобразная монополия в данной отрасли позволяет АО «Калининградский янтарный комбинат» выступать также и качестве ценообразующего сегмента направления, что приводит к установленной политике реализации и сбыта янтаря и изделий с ним. Несмотря на принимаемые меры административного и оперативного контроля за прибрежными и лесными территориями, проведение рейдовых мероприятий, введение ограничений на трансграничную транспортировку (что значительно отразилось на региональной специфике, ввиду характерного полуанклавного расположения Калининградской области), уровень незаконной добычи янтаря, согласно полученным эмпирическим данным[2], значительной динамики снижения не показывает, продолжает характеризоваться высокой латентностью.

Криминалистический анализ показывает, что, несмотря на наличие месторождений янтаря на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, Сахалине и Алтайском крае, факты незаконной добычи регистрируются исключительно на территории Калининградской области, что обусловлено особенностями геологического залегания минералоида и его разновидностью. Балтийский янтарь, иначе называемый сукцинит, является наиболее ценным ввиду своих устойчивых физических качеств.

Механизм следообразования при самовольной добыче янтаря детерминирован способом и локацией совершения преступления (сухопутные участки, береговая линия или акватория), поэтому представляется целесообразным рассмотреть эти элементы криминалистической характеристики совокупно [7].

Береговой сбор янтаря не является уголовно наказуемым способом добычи минералоида. Осуществляется вручную либо с применением сачков после штормовых явлений в весенне-осенний период. Характеризуется отсутствием экологического ущерба, низкой экономической эффективностью (средний объем добычи — до 1 кг за сезон), преобладанием небольшой фракции (до 20 г), кустарным характером деятельности.

К запрещенным способам добычи янтаря относятся сухопутная и акваториальная, подпадающие под состав преступления, предусмотренный чч. 2 и 3 ст. 255 УК РФ, и образующие характерные следовые картины.

Оба указанных способа причиняют значительный ущерб окружающей среде. Гидравлическое воздействие на грунт приводит к образованию

[1] Прейскурант свободно-отпускных цен на янтарную продукцию // Калининградский янтарный комбинат: офиц. сайт. URL: https://ambercombine.ru/customers-and-partners/price?ysclid=mhrxo95l4321062761 (дата обращения: 02.09.2025).

[2] Результаты опроса 18 оперативных сотрудников Управления экономической безопасности и противодействия коррупции УМВД России по Калининградской области в период с 01.10.2025 по 30.12.2025.

характерных антропогенных форм рельефа, так называемых лунных кратеров [2], наблюдаемых на территории Калининградской области, от окрестностей поселка Храброво Зеленоградского района до города Балтийска. Данные нарушения вызывают необратимую деградацию почвенного покрова и устойчивое повреждение экологического ресурса территории. Вид «лунных кратеров» со спутниковой карты представлен на рисунке.

а *б*

Рис. Вид «лунных кратеров» со спутниковой карты

Криминалистически значимыми признаками самовольной добычи янтаря являются:

— акустический фактор, а именно непрерывно в течение 4—7 ч сопровождающий работы шум двигателей;

— наличие комплекса специального оборудования, включающего гидравлические системы, средства механизации и индивидуальной защиты, осветительные приборы.

Незаконная сухопутная добыча осуществляется с применением мотопомп для гидравлического размыва грунта на глубине 2—5 м, реже единолично, с использованием штыковой лопаты, путем формирования аналогичного по глубине шурфа.

Так, 7 июля 2021 г. Зеленоградским районным судом Калининградской области установлено, что гражданин Н., ранее подвергнутый административному наказанию за совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 7.5 КоАП РФ, при помощи приготовленной заранее штыковой лопаты с деревянным черенком и своей мускульной силы сформировал шурф, после чего путем вскрытия почвенного слоя и валунных суглинков осуществил разработку янтаресодержащей породы, из которой вручную выбирал и складировал в полиэтиленовый пакет янтарь-сырец и таким образом осуществил самовольную добычу янтаря[1].

Самовольная добыча янтаря единолично, с использованием штыковой лопаты характеризуется небольшим объемом добываемого минералоида, трудоемкостью, вместе с тем и низкой стоимостью оборудования.

При применении мотопомп и иного специализированного оборудования выделяются следующие криминалистические особенности:

— использование специального оборудования (генераторы, средства защиты, транспорт повышенной проходимости);

— групповой характер деятельности (в среднем, выделяют группы от 3 до 6 человек);

— значительные экологические повреждения почвенного слоя;

— вариативность методов маскировки (от ночных работ до легализации под строительные работы).

[1] Приговор Зеленоградского районного суда Калининградской области № 1-52/2021 от 6 июля 2021 г. по делу № 1-52/2021 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт): офиц. сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Cai0FqQYheNE/?ysclid=millrymc7n564700598 (дата обращения: 30.11.2025).

Например, 21 мая 2020 г. Зеленоградским районным судом Калининградской области установлено, что гражданин М., ранее подвергнутый административному наказанию за совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 7.5 КоАП РФ, вблизи одного из углублений в районе, характеризующемся высокой концентрацией янтаря, установил металлическую трубу, к которой присоединил пожарный рукав, соединяющий металлическую трубу с бензиновой механической мотопомпой, которая использовалась им для откачки воды и таким же пожарным шлангом была присоединена ко второй бензиновой механической мотопомпе, от которой гофрированная труба отходила в углубление в земле, где он установил сачок для задержания янтаря. После чего, используя данную кустарную конструкцию, указанный гражданин осуществлял размывку грунта с проявлением янтаря, осевшего в установленном им сачке, и таким образом осуществил самовольную добычу янтаря[1].

Еще одним незаконным способом добычи янтаря является акваториальная добыча, представляющая собой сложный для выявления и документирования метод, требующий специальных навыков и технического оснащения. Он является наиболее эффективным с точки зрения получения прибыли, но при этом весьма капиталоемким. Характеризуется следующими параметрами:

— использованием модифицированных гидравлических систем на базе двигателей моторных лодок;

— применением комплекса специализированного оборудования, включающего маломерные суда (чаще всего, моторные лодки), автомобили повышенной проходимости, водолазное снаряжение, фильтрационные сети;

— высокой латентностью вследствие быстрой ликвидации следов преступной деятельности.

Данный способ добычи янтаря представляет в перспективе особую сложность для правоприменения в плане доказывания, поскольку сам факт нахождения в акватории с указанным выше оборудованием не образует состава преступления без фиксации применения запрещенных методов добычи.

Тактика акваториальной добычи янтаря включает следующие этапы:

1) подготовительный этап, представляющий собой действия по расчистке территории площадью 1,5—2 кв. м;

2) гидравлическое воздействие на грунт, его размытие на глубину до 3 м;

3) экспансию разработки горизонтального типа;

4) фильтрацию пульпы через специализированные сети [7].

К числу признаков акваториальной добычи относятся:

— наличие транспортных средств повышенной проходимости в прибрежной зоне;

— продолжительное нахождение группы с водолазным снаряжением на территории акватории;

— локальное помутнение воды средним радиусом от 2 до 4 м;

— акустические проявления работы двигателей.

Временные затраты на цикл добычи янтаря в среднем составляют 4—8 ч при участии группы из 3—4 человек.

Одним из важнейших элементов криминалистической характеристики незаконной добычи янтаря является типичный «портрет» преступника.

Антропометрический и социально-демографический профиль вовлеченных в преступную деятельность изучаемой специфики характеризуется абсолютным преобладанием мужчин возрастной категории 25—50 лет, обладающих физической выносливостью и специализированными навыками. Ключевым требованием к исполнителям является способность к экстремальному физическому труду, вне зависимости от способа добычи янтаря (ввиду, например, необходимости погружения в акваторию до 90 минут 2—3 раза за цикл при акваториальном способе добычи).

Особенностью типичного преступника является наличие у него специальных знаний и навыков следующего характера:

— техническая подготовка в области эксплуатации сложного технического оборудования (мотопомп, генераторов, подводного оборудования);

— умение использовать GPS-навигационные системы, хорошо ориентироваться в условиях леса и акватории;

— знание методов конспирации и противодействия оперативно-разыскной деятельности;

— навыки оказания первой помощи;

— способность к быстрой ориентации в критических ситуациях.

Отмеченные нами способы незаконной добычи янтаря предполагают действия в группе.

[1] Приговор Зеленоградского районного суда Калининградской области № 1-59/2020 от 20 мая 2020 г. по делу № 1-59/2020 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт): офиц. сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/sLlxJiJWK2Np/?ysclid=milmj108e9416312674 (дата обращения: 30.11.2025).

Полученные эмпирические данные[1] свидетельствуют о том, что современная структура преступных групп, занимающихся криминальной деятельностью в сфере незаконной добычи янтаря, представляет собой сложную иерархическую систему, подразумевающую ролевое распределение внутри группы, определение функциональных обязанностей участников. Отличительной особенностью может являться смена ролевых обязанностей участников криминального сообщества при различных обстоятельствах.

Особую криминалистическую значимость представляет анализ межличностных связей внутри преступного сообщества. Формирование групп часто происходит по принципу родственных, дружеских либо земляческих связей, что обеспечивает высокий уровень доверия и конспирации. Проведенный анализ участников криминальных сообществ показал, что абсолютное большинство является коренными жителями малых населенных пунктов западной части Калининградской области. Эмпирические данные свидетельствуют, что 70—80 % участников состоят в кровном родстве либо являются выходцами из одного населенного пункта, что существенно снижает реальную возможность вербовки агентуры.

Психологический портрет членов преступных групп характеризуется высокой групповой сплоченностью, устойчивостью к стрессовым ситуациям.

Указанные особенности криминалистического портрета личности преступника, на наш взгляд, могут учитываться при планировании оперативно-разыскных мероприятий и разработке тактики следственных действий.

Таким образом, мы попытались на основе изучения научных источников и анализа результатов исследования судебно-следственной о оперативно-разыскной практики раскрыть ряд элементов криминалистической характеристик преступлений, предусмотренных чч. 2 и 3 ст. 255 УК РФ. Их роль — сформировать «полноценную» криминалистическую характеристику анализируемых нами преступлений, представляющую не только теоретическую ценность для развития криминалистической науки, но и практическую значимость для надлежащей организации и осуществления расследования.

Полученные нами результаты являются необходимой предпосылкой для формирования частной криминалистической методики расследования преступлений, предусмотренных чч. 2 и 3 ст. 255 УК РФ. Ввиду специфичности предмета преступного посягательства, особенностей его залегания и способов получения наш подход представляется целесообразным экстраполировать и на исследование незаконной добычи иных видов полезных ископаемых, драгоценных и полудрагоценных камней. Формируемая же нами криминалистическая методика расследования может быть успешно адаптирована для расследования аналогичных деяний, связанных с незаконной добычей иных полудрагоценных камней.

Наличие подобной методики повысит эффективность расследования преступлений исследуемой направленности, а также будет способствовать обеспечению экономической и экологической стабильности в Российской Федерации.

1. Алексеев В. И., Алексеев П. И. Новые подходы к реконструкции экосистемы эоценового янтарного леса // Известия РАН. Серия биологическая. 2016. № 1. С. 88—99.

2. Волчецкая Т. С., Малевски Г. М., Ренер Н. А. Проблемы развития янтарной отрасли и противодействие незаконному обороту янтаря в Балтийском регионе // Балтийский регион. 2017. № 4. С. 114—128.

1. Alekseyev V. I., Alekseyev P. I. New approaches to reconstruct the eocene amber forest ecosystem. Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Biological series, 88—99, 2016. (In Russ.).

2. Volchetskaya T. S., Malevski G. M., Rener N. A. Problems of development of the amber industry and counteraction to illegal amber trafficking in the Baltic region. The Baltic region, 114—128, 2017. (In Russ.).

[1] Результаты опроса 18 оперативных сотрудников Управления экономической безопасности и противодействия коррупции УМВД России по Калининградской области в период с 01.10.2025 по 30.12.2025.

3. Волчецкая Т. С. Современные направления развития криминалистики как науки и как учебной дисциплины // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20, № 1. С. 349—353.

4. Сребродольский Б. И. Янтарь. Москва: Наука, 1984. 112 с.

5. Забавко Р. А. Уголовная ответственность за незаконные добычу и оборот янтаря, нефрита и других полудрагоценных камней // Вопросы российского и международного права. 2020. № 8 (1). С. 131—142.

6. Цирит О. А., Кошелева А. А. Особенности субъективных признаков незаконной добычи и оборота янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней // Известия ТулГУ. 2023. № 1. С. 94—104.

7. Колесников С. И. Оперативно-розыскная характеристика незаконного оборота янтаря: от нелегальной добычи до сбыта // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 2 (62). С. 103—109.

8. Калининградский музей янтаря / Т. Г. Буруковская, М. П. Гуляева, Р. А. Стефанкова, Т. Ю. Суворова. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1982. 62 с.

9. Сохранская Н. М. Янтаря открытый свет. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1983. 143 с.

Сицская Арфения Рудольфовна,
аспирант Института управления
и территориального развития
Балтийского федерального университета
имени Иммануила Канта,
оперуполномоченный Управления
экономической безопасности
и противодействия коррупции
УМВД России по Калининградской области;
a_sitsskaya@mail.ru

3. Volchetskaya T. S. Modern directions of development of forensic science as a science and as an academic discipline. Bulletin of the Bashkir University, 349—353, 2015. (In Russ.).

4. Srebrodolsky B. I. Yantar (Amber). Moscow: Nauka; 1984: 112. (In Russ.).

5. Zabavko R. A. Criminal responsibility for illegal amber, jade and other semi-precious stones mining and trafficking. Issues of Russian and International Law, 131—142, 2020. (In Russ.).

6. Tsirit O. A., Kosheleva A. A. Specifics of subjective characteristics of illegal amber, jade and other semi-precious stones mining and trafficking. Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences, 94—104, 2023. (In Russ.).

7. Kolesnikov S. I. Detective characteristics of illegal amber trafficking: from illegal mining to sale. Works of the Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia, 103—109, 2022. (In Russ.).

8. Burukovskaya T. G., Gulyaeva M. P., Stefankova R. A. (et al.) Kaliningrad Amber Museum. Kaliningrad: Kaliningrad book publishing house; 1982: 62. (In Russ.).

9. Sokhranskaya N. M. The Open light of amber. Kaliningrad: Kaliningrad book publishing house; 1983: 143. (In Russ.).

Sitsskaya Arfenia Rudolfovna,
postgraduate student
at the Institute of Management
and Territorial Development
of the Immanuel Kant Baltic Federal University,
detective at the department
of Economic Security and Anti-Corruption
of the Ministry of the Interior of Russia
for the Kaliningrad Region;
a_sitsskaya@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.01.2026; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 15.01.2026; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 16.02.2026.

* * *

УДК 343.32

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПУБЛИЧНОМУ РАСПРОСТРАНЕНИЮ КРИМИНОГЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ, НАПРАВЛЕННОМУ НА ДИСКРЕДИТАЦИЮ АВТОРИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Владислава Владимировна Волколупова
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, volkolupova.v@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена научной разработке весьма сложных и актуальных вопросов, относящихся к уголовно-правовому противодействию публичному распространению ложной и дискредитирующей информации, направленной на подрыв авторитета Российской Федерации и ее государственных органов, а также перспективам совершенствования соответствующих уголовно-правовых средств на современном этапе. По результатам проведенного исследования избранной темы в работе сформулированы итоговые авторские выводы, главным из которых является обоснование целесообразности криминализации общественно опасных деяний, направленных на дискредитацию России и ее органов власти. Предлагается включить в Особенную часть Уголовного кодекса Российской Федерации новую статью 280.5 об ответственности за дискредитацию Российской Федерации и ее государственных органов, формулируется авторская редакция диспозиции части первой этой статьи, что придает практическую значимость проведенному исследованию темы. В целях обеспечения межотраслевого согласования предусмотренных в Уголовном кодексе Российской Федерации и Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях нормативных предписаний в работе предлагается внести соответствующие изменения и в ст. 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

В статье рассматриваются и некоторые теоретические вопросы, относящиеся к социальной обусловленности криминализации деяний в виде публичного распространения криминогенной информации, направленной на дискредитацию авторитета Российской Федерации и ее государственных органов.

Ключевые слова: уголовная ответственность, распространение криминогенной информации, дискредитация, Российская Федерация, органы государственной власти

Для цитирования: Волколупова В. В. Уголовно-правовое противодействие публичному распространению криминогенной информации, направленному на дискредитацию авторитета Российской Федерации и органов государственной власти: тенденции и перспективы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 1 (76). С. 149—155.

CRIMINAL AND LEGAL COUNTERACTING PUBLIC CIRCULATION OF CRIMINOGENIC INFORMATION AIMED AT DEFAMATION OF THE AUTHORITY OF THE RUSSIAN FEDERATION AND GOVERNMENT BODIES: TRENDS AND PROSPECTS

Vladislava Vladimirovna Volkolupova
Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, volkolupova.v@yandex.ru

Abstract. This article deals with complex and topical issues related to criminal and legal counteracting public circulation of false and defamatory information aimed at undermining the authority of the Russian Federation and its government bodies as well as the prospects to improve relevant criminal and legal measures at the present stage. Based on the results of the given research work the author of the article makes his own final conclusions. The main one is the rationale for criminalizing socially dangerous acts aimed at defamation of Russia and its government bodies. The author also offers to include a new Article 280.5 related to responsibility for defamation

© Волколупова В. В., 2026

of the Russian Federation and its government bodies in the special part of the Criminal Code of the Russian Federation. The author also formulates her own view of the disposition of Part 1 of this article that gives practical significance to the research work. In order to ensure inter-branch coordination of the regulatory provisions to be provided for in the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses the author of the article offers to make corresponding amendments to Article 20.1 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offences.

The article also examines some theoretical issues related to the social determinacy of the criminalization of acts in the form of public circulation of criminogenic information aimed at defamation of the authority of the Russian Federation and its government bodies.

Keywords: criminal responsibility, circulation of criminogenic information, defamation, the Russian Federation, government bodies

For citation: Volkolupova V. V. Criminal and legal counteracting public circulation of criminogenic information aimed at defamation of the authority of the russian federation and government bodies: trends and prospects. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 149—155, 2026. (In Russ.).

В условиях резкого ухудшения геополитической ситуации для России все актуальнее становится формирование системы правовых средств противодействия преступным посягательствам на наиболее важные и значимые социальные блага, в том числе духовно-нравственные ценности и авторитет государства, которая бы учитывала резко изменившиеся в последние годы геополитические условия. Противники нашей страны, стремясь подчинить Россию иностранному влиянию и разрушить российское общество «изнутри», ведут с нами открытую «информационную войну» [1, с. 618; 2, с. 216].

Эффективная защита традиционных духовно-нравственных ценностей, репутации и авторитета Российской Федерации, ее органов власти от негативного воздействия дискредитирующей их криминогенной информации требует, чтобы отечественная уголовная политика обязательно учитывала сложившиеся в мировом сообществе реалии. Она должна исходить от «сильного государства», которое обладает достаточными средствами и способно обеспечить свои национальную безопасность и суверенитет, причем не только государственный, но и духовный [3].

Как справедливо отмечает Ф. В. Чирков, «уголовная политика сильного государства в диалектическом противостоянии „международного“ и „национального“, „личного“ и „государственного“, „частного“ и „публичного“, „мягкости“ и „жесткости“ должна избегать крайностей и всегда стремиться к оптимальному балансу разнонаправленных интересов всех участников общественной жизни» [4, с. 165]. Таким образом, построение сильного и нравственно единого российского государства обусловливает необходимость надлежащей защиты репутации и авторитета Российской Федерации, а также органов государственной власти от негативного воздействия, в том числе от публичного распространения дискредитирующей нашу страну негативной информации.

Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей[1]. В этом документе определен не только перечень традиционных для России ценностей, но и характер основных угроз для их сохранности. Данный нормативный акт согласуется с соответствующими положениями Стратегии национальной безопасности Российской Федерации[2] и направлен на то, чтобы сохранить и укрепить наиболее значимые для России традиционные духовно-нравственные ценности: «патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы... историческую память и преемственность поколений, единство народов России»[3].

Значимая роль в сохранении и укреплении указанных ценностей отводится уголовно-правовым средствам, направленным на усиление противо-

[1] См.: Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 12.11.2025).

[2] См.: О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 12.11.2025).

[3] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809.

действия враждебной деятельности противников нашего государства, стремящихся, как указано, ослабить его и подчинить иностранному влиянию, разрушив российское общество «изнутри». В целях реализации современной уголовной политики уголовное законодательство в последние годы активно реформируется. Однако применение многих новелл, включенных в Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) в 2020—2025 гг., вызвало у практических работников и ученых-правоведов ряд вопросов, решение которых требует творческого осмысления, а возможно, и переосмысления отдельных имеющихся в уголовном праве устаревших теоретических положений с учетом изменившихся социально-политических и экономических условий жизнедеятельности общества и государства.

Так, в последние годы в УК РФ появилось сразу несколько новых норм, которые стали реакцией государства на угрозы общественным отношениям, возникшие, в первую очередь, в связи с COVID-19 и специальной военной операцией (далее — СВО) Вооруженных Сил РФ на Украине. В них установлена ответственность за отдельные деяния, совершаемые путем публичного распространения заведомо ложной общественно значимой информации или сведений, дискредитирующих главным образом Вооруженные Силы РФ либо деятельность государственных органов РФ за пределами территории нашего государства. Данные нововведения принимались в условиях дефицита времени, не были основаны на глубокой теоретической разработке и в силу этого характеризуются определенной непоследовательностью и казуистичностью [5; 6]. В уголовно-правовой доктрине деяния, за которые предусмотрена ответственность в ст. 207.1, 207.2, 207.3, 280.3, 354.1 УК РФ, вполне обоснованно называют «психоэмоциональными правонарушениями» [7, с. 357; 8, с. 359].

Общественная опасность рассматриваемых деяний, выражающихся в публичном распространении негативных сведений, дискредитирующих традиционные для нашей страны и конституционно значимые социальные ценности, в том числе подрывающих авторитет России и грубо нарушающих принцип взаимного доверия общества и государства, сомнений не вызывает. Она заключается, прежде всего, в том, что такие действия уже сами по себе (независимо от наступления общественно опасных последствий) обладают способностью существенно влиять на эффективность реализации государственными органами своих функций во всех сферах, а не только в рамках исполнения ими полномочий за пределами территории Российской Федерации в целях защиты интересов нашего государства и его граждан и поддержания международного мира и безопасности.

Конституционный Суд Российской Федерации относительно легитимности положений, содержащихся в ст. 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее — КоАП РФ), предусматривающей ответственность за дискредитацию Вооруженных Сил РФ, неоднократно указывал, что государство «как гарант и средство обеспечения реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина, является конституционной ценностью, подлежащей уважению и защите гражданами Российской Федерации и всеми иными лицами, находящимися на территории России»[1]. Поэтому вполне логично установление не только административного, но и уголовно-правового запрета на подобные деяния [8, с. 22].

В то же время, конструируя такой уголовно-правовой запрет, важно учитывать, что, восполняя существующие в уголовном законодательстве пробелы и устанавливая самостоятельную ответственность за публичное распространение криминогенной информации, нельзя допустить избыточности правового регулирования. Чрезмерность криминализации в рассматриваемой сфере в неменьшей степени, чем пробельность, способна оказать негативное воздействие на эффективность уголовно-правовой охраны конституционно значимых ценностей, в числе которых и авторитет нашего государства. Это связано с тем, что, с одной стороны, каждому человеку гарантируется неотъемлемое и закрепленное в ст. 29 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020) право на свободу мысли и слова, а также закрепленное в ст. 19 Всеобщей декларации прав человека право на свободу убеждений и на свободное выражение их, включающее «свободу беспре-

[1] См., напр.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Маркус Кристины на нарушение ее конституционных прав частью 1 статьи 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: определение Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 № 1387-О // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 12.11.2025).

пятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и **распространять информацию и идеи** (выделено нами. — *В. В.*) любыми средствами и независимо от государственных границ»[1]. С другой стороны, согласно ч. 2 ст. 29 Конституции РФ, «не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. **Запрещается** (выделено нами. — *В. В.*) пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства».

В действующем уголовном законе авторитет государства в целом и его репутация охраняются от негативного воздействия деструктивной информации лишь опосредованно. Так, в УК РФ установлен запрет на публичное распространение сведений, являющихся заведомо ложными или носящих явно дискредитирующий характер и относящихся к фактам «об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности либо об исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях...» (ст. 207.3, 280.3 УК РФ). В определенной степени это относится и к случаям публичного распространения такой негативной общественно значимой информации, которая включает заведомо ложные сведения о содержании принимаемых государством конкретных мер, направленных на охрану безопасности населения и территорий, а также сведения об используемых приемах и способах защиты от внешних угроз для жизни и безопасности граждан (ст. 207.1, 207.2 УК РФ).

Так, по приговору Ханты-Мансийского районного суда Н. был осужден по ч. 1 ст. 280.3 УК РФ. Материалами дела установлено, что он публично в общественном месте и в присутствии двух посторонних граждан в грубой нецензурной форме крайне негативно говорил о проводимой Вооруженными Силами РФ на территории Украины СВО и распространял сведения, содержащие негативную оценку тех решений, которые были приняты руководством нашей страны по проведению СВО, а также допускал оскорбительные высказывания в адрес ее участников[2].

В настоящее время распространение иной деструктивной информации в неприличной форме, выражающей явное неуважение к государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции РФ или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации, влечет лишь административную ответственность, да и то при условии, что лицо совершило свое деяние «в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети „Интернет"» (п. 3 ст. 20.1 КоАП РФ). За такое правонарушение законом предусмотрен административный штраф в размере от тридцати тысяч до ста тысяч рублей (реальная административная практика по делам данной категории подробно анализируется в одной из работ А. А. Кондрашева [9, с. 975—976]). А уголовная ответственность сейчас установлена только за надругательство над такими официальными символами российского государства, как Государственный герб Российской Федерации и Государственный флаг Российской Федерации (ст. 329 УК РФ). Однако по непонятным причинам это преступление законодателем включено в гл. 32 УК РФ (преступления против порядка управления), хотя логичнее было бы его рассматривать как посягательство на основы конституционного строя Российской Федерации.

В современных условиях публичное распространение негативной информации, дискредитирующей деятельность органов государственной власти (любой ее ветви), а равно публичные действия, выражающие явное неуважение к Российской Федерации в целом либо к ее отдельному субъекту, если эти деяния направлены на подрыв авторитета Российской Федерации или ее конституционных основ, в нынешних условиях вполне могут быть признаны самостоятельным преступлением, посягающим на государственную безопасность и основы конституционного строя страны. В связи с этим представляют интерес и заслуживают внимания российского законодателя отдельные нормы зарубежного уголовного права, устанавливающие ответственность за подобные деяния. Например, в § 90а Уголовного кодекса ФРГ[3] предусмотрена самостоятельная ответственность за публичное оскорбление как Германии в целом,

[1] Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 12.11.2025).

[2] См.: Приговор № 1-137/2025 от 9 апреля 2025 г. Ханты-Мансийского районного суда по делу № 1-137/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/dksFmHB7iUQY/ (дата обращения: 12.11.2025).

[3] См.: German Criminal Code (Strafgesetzbuch — StGB) // Gesetze im Internet. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/index.html (дата обращения: 12.11.2025).

так и какой-либо ее отдельной земли. Наказуемым по этой норме является также оскорбительное отношение к конституционному строю ФРГ либо выражение злостного пренебрежения к стране в целом и ее конституционному строю в частности [10, с. 367]. В Польше предусмотрена самостоятельная уголовная ответственность за публичное оскорбление или высмеивание в печати и других средствах массовой информации польского народа, Польской Республики или ее политической системы (ст. 273 Уголовного кодекса Польши[1]).

В то же время в дружественных нам странах ближнего зарубежья дискредитация авторитета государства и его органов власти путем публичного распространения информации, содержащей оскорбительные высказывания или заведомо ложные сведения об их деятельности, не криминализирована. И уголовная ответственность во многих указанных странах установлена лишь за публичное оскорбление либо клевету в отношении такого высшего должностного лица, как президент (ст. 323.1 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики[2]; ст. 367, 368 Уголовного кодекса Республики Беларусь[3]; ст. 375 Уголовного кодекса Республики Казахстан[4]; ст. 158 Уголовного кодекса Республики Узбекистан[5]; ст. 188 Уголовного кодекса Туркменистана[6]).

К числу социально значимых ценностей любого цивилизованного государства относятся сведения, которые характеризуют его неповторимость и индивидуальность. Искажение этой информации и последующее публичное ее распространение в целях дискредитации России и ее государственных органов власти имеет два негативных компонента. Во-первых, это способствует отрицательному восприятию нашей страны международным сообществом. Во-вторых, подрыв авторитета и репутации Российской Федерации отрицательно влияет на развитие внутригосударственных социально-политических и экономических отношений, снижает доверие граждан к деятельности органов государственной власти, вносит дисбаланс в соотношение личных и общенациональных интересов, а в конечном счете способствует разобщению отдельных социальных страт внутри российского общества.

Включение в УК РФ такой общей нормы об ответственности за дискредитацию Российской Федерации и ее государственных органов не только позволит устранить существующий в настоящее время пробел, но и поможет избавиться от избыточности и казуистичности уголовно-правовой регламентации противодействия публичному распространению заведомо ложной деструктивной (криминогенной) информации (имеются в виду нормы, предусмотренные ст. 207.1, 207.2, 207.3, 354.1 УК РФ) и публичным действиям, направленным на дискредитацию деятельности отдельных государственных структур (прежде всего, Вооруженных Сил РФ) за пределами территории России (ст. 280.3 УК РФ). В случае включения в УК РФ такой нормы названные уголовно-правовые запреты могут быть либо вовсе исключены, либо соответствующим образом скорректированы, поскольку многие предусмотренные в них деяния будут охватываться новым составом преступления.

В качестве квалифицирующих признаков в предлагаемом нами новом составе логичным представляется выделение таких традиционных обстоятельств, существенно повышающих типовую степень общественной опасности практически всех «психоэмоциональных правонарушений», как совершение данных деяний: а) с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет; б) лицом с использованием своего служебного положения; в) группой лиц или группой лиц по предварительному сговору; г) из корыстных побуждений или по найму; д) по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо

[1] См.: The Criminal Code of Poland (1997) // Advocatetanmoy Law Library. URL: https://advocatetanmoy.com/the-criminal-code-of-poland-1997/ (дата обращения: 12.11.2025).

[2] См.: Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ (ред. от 08.07.2025) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2670 (дата обращения: 12.11.2025).

[3] См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (ред. от 20.10.2025) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1977 (дата обращения: 12.11.2025).

[4] См.: Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК (ред. от 16.07.2025) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=68429 (дата обращения: 12.11.2025).

[5] См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-XII (ред. от 23.10.2025) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1013 (дата обращения: 12.11.2025).

[6] См.: Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. № 222-1 (ред. от 12.04.2025) // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2483 (дата обращения: 12.11.2025).

по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы; е) с искусственным созданием дискредитирующих обстоятельств. А в качестве особо квалифицирующих — если они совершены организованной группой либо повлекли тяжкие последствия.

Резюмируя изложенное, предлагаем включить в УК РФ новую статью, изложив диспозицию части первой в следующей редакции:

«Статья 280.5 Дискредитация Российской Федерации и ее государственных органов

1. Публичные умышленные действия, совершенные в неприличной форме и выражающие явное неуважение к Российской Федерации или субъекту Российской Федерации, а равно публичные действия, направленные на дискредитацию Российской Федерации либо деятельности органов государственной власти и их должностных лиц, а также публичные призывы к воспрепятствованию исполнению государственными органами Российской Федерации или ее субъектов своих полномочий, совершенные лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичные деяния в течение одного года либо имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного настоящей статьей (при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьями 205.2, 280, 280.1, 280.3, 280.4, 284.2 и 354.1 настоящего Кодекса)».

Для того чтобы было обеспечено межотраслевое согласование нового предлагаемого нами уголовно-правового запрета с соответствующими нормативными предписаниями, содержащимися в нормах административного права, полагаем уместным внесение аналогичных изменений и в ст. 20.1 КоАП РФ. В частности, целесообразно изложить п. 3 данной статьи в такой же редакции, как и в диспозиции предложенной нами ч. 1 ст. 280.5 УК РФ.

Представляется, что сформулированные предложения по усилению противодействия публичному распространению криминогенной информации, дискредитирующей Российскую Федерацию и ее государственные органы, с использованием уголовно-правовых средств будут способствовать формированию стабильного социального пространства в российском обществе, а также укреплению суверенитета России, сохранению ее исторической идентичности и усилению защиты традиционных духовно-нравственных ценностей.

1. Медовкина Л. Ю. Геополитический аспект информационного противостояния РФ и США // Via in tempore. История. Политология. 2020. Т. 47, № 3. С. 618—629.

2. Петрухин А. С. Образ России и ее воинства в условиях современной информационной войны // Социально-политические науки. 2024. № 2. С. 216—221.

3. Безбородов Д. А., Серкина С. И. Деструктивная идеология без признаков экстремизма: понятие и общественная опасность // КриминалистЪ. 2025. № 3. С. 11—18.

4. Чирков Ф. В. Идентичность, сбалансированность и солидарность как конституционные принципы уголовной политики сильного государства // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 5. С. 163—170.

5. Стяжкина С. А. Уголовная ответственность за информационное насилие: проблемы криминализации и систематизации // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2024. Т. 34, № 4. С. 722—728.

6. Набиуллина В. Р. Совершенствование уголовно-правовых норм, предусмотренных в ст. 207.1 и ст. 207.2 УК РФ // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4 (35). С. 83—87.

1. Medovkina L. Yu. Geopolitical aspect of the information confrontation between the Russian Federation and the United States of America. Via in tempore. History. Political science, 618—629, 2020. (In Russ.).

2. Petrukhin A. S. The image of Russia and its military force in the context of modern information warfare. Socio-political sciences, 216—221, 2024. (In Russ.).

3. Bezborodov D. A., Serkina S. I. Destructive ideology without signs of extremism: concept and social danger. Kriminalist, 11—18, 2025. (In Russ.).

4. Chirkov F. V. Identity, equation and solidarity as constitutional principles of the criminal policy of the strong state. Humanitarian, socio-economic and social sciences, 163—170, 2025. (In Russ.).

5. Styazhkina S. A. Criminal responsibility for information violence: problems of criminalization and systematization. Bulletin of Udmurt University. Series "Economics and law", 722—728, 2024. (In Russ.).

6. Nabiullina V. R. Improvement of the criminal and legal norms provided for in Art. 207.1 and Art. 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. Law and Order: History, Theory, Practice, 83—87, 2022. (In Russ.).

7. Осинцев Д. В. Административная ответственность за дискредитацию деятельности органов государственной власти // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 4. С. 355—366.

8. Чирков Ф. В. Теоретические основы уголовно-правовой охраны традиционных российских духовно-нравственных ценностей: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2025. 454 с.

9. Кондрашев А. А. Административная ответственность за «неуважение» к власти в России: грубые дефекты законодательного нормирования и правоприменения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 14, Право. 2021. № 4. С. 965—983.

10. Головненков П. В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2016. 311 с.

7. Osintsev D. V. Administrative responsibility for discrediting the activity of the government bodies. Siberian Law Review, 355—366, 2023. (In Russ.).

8. Chirkov F. V. Theoretical foundations of the criminal and legal protection of the traditional Russian spiritual and moral values. Dissertation of doctor of juridical sciences. Krasnodar; 2025: 454. (In Russ.).

9. Kondrashev A. A. Administrative responsibility for "disregard" for the authorities in Russia: rude defects in the legislative regulation and law enforcement. Vestnik of Saint Petersburg University. Law, 965—983, 2021. (In Russ.).

10. Golovnenkov P. V. Criminal Code of the Federal Republic of Germany: scientific and practical commentary and the translation of the text of the law. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Prospect; 2016: 311. (In Russ.).

Волколупова Владислава Владимировна,
аспирант кафедры уголовного права
юридического факультета
Санкт-Петербургского
государственного университета;
volkolupova.v@yandex.ru

Volkolupova Vladislava Vladimirovna,
postgraduate student
at the department of criminal law
of the law department
of the Saint-Petersburg State University;
volkolupova.v@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 27.12.2025; одобрена после рецензирования 30.12.2025; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 27.12.2025; approved after reviewing 30.12.2025; accepted for publication 16.02.2026.

* * *

УДК 343.125

ДЕНЕЖНОЕ ВЗЫСКАНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: МЕЖДУ СУДЕБНЫМ КОНТРОЛЕМ И ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ

Андрей Андреевич Дехерт
Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, dekhert@volsu.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме совершенствования процедуры наложения денежного взыскания в уголовном судопроизводстве на стадии досудебного производства. Автор проводит детальный анализ действующего порядка применения денежного взыскания, установленного статьей 118 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, выделяя три основных этапа его реализации: выявление факта уголовно-процессуального правонарушения уполномоченными лицами, составление протокола о совершенном правонарушении с формированием необходимой доказательственной базы и последующую передачу данного протокола в суд для принятия окончательного решения. Особое внимание в исследовании уделяется проблеме соотношения конституционных гарантий защиты имущественных прав граждан и организаций с требованиями процессуальной эффективности правоприменения. Обосновывается необходимость трансформации существующего порядка путем наделения дознавателей и следователей полномочиями по самостоятельному наложению денежного взыскания при сохранении за судом контрольной функции на случай возникновения спорных обстоятельств. Предлагаемая автором модель направлена на упрощение процедуры применения данной меры процессуального принуждения при сохранении необходимого баланса между публичными интересами правосудия и правами участников уголовного судопроизводства, что должно способствовать повышению эффективности досудебного производства.

Ключевые слова: денежное взыскание, уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальное правонарушение, санкция, процессуальные обязанности

Для цитирования: Дехерт А. А. Денежное взыскание в уголовном судопроизводстве: между судебным контролем и процессуальной эффективностью // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 1 (76). С. 156—162.

MONETARY PENALTY IN CRIMINAL PROCEEDINGS: BETWEEN JUDICIAL CONTROL AND PROCEDURAL EFFECTIVENESS

Andrey Andreyevich Dekhert
Volgograd State University, Volgograd, Russia, dekhert@volsu.ru

Abstract. The article is devoted to the topical problem of improving the procedure to impose a monetary penalty in criminal proceedings at the pre-trial stage. The author analyzes in detail the acting procedure to implement a monetary penalty specified in Article 118 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and emphasizes three main stages of its implementation: to identify a criminal procedure offence by authorized persons; to record the offence committed supplemented with the necessary evidentiary base and to present the protocol to the court for final decision at the later date. Special attention is paid to the aspect of the relationship among constitutional guarantees for the protection of property rights of citizens and organizations with requirements for procedural efficiency of law enforcement. The necessity to transform the existing procedure by granting interrogators and preliminary investigators the power to impose a monetary penalty on their own is justified, while retaining the control function of the court in case of disputed circumstances. The author model aims at simplifying the procedure to apply this measure of procedural enforcement while maintaining the necessary balance among the public interests of justice and the rights of parties in criminal proceedings — it should contribute to the efficiency of pre-trial proceedings.

© Дехерт А. А., 2026

Keywords: monetary penalty, criminal proceedings, criminal procedure offence, sanction, procedural duties
For citation: Dekhert A. A. Monetary penalty in criminal proceedings: between judicial control and procedural effectiveness. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 156—162, 2026. (In Russ.).

Действующее уголовно-процессуальное законодательство находится в непрерывной эволюции, стремясь выработать такую оптимальную процессуальную форму, которая обеспечивала бы полноту, оперативность и результативность разрешения всех вопросов, вытекающих из назначения уголовного судопроизводства [1, с. 139]. Само назначение уголовного судопроизводства представлено в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ), однако перечисленные в ней положения охватывают лишь частично охраняемые уголовно-процессуальным законом блага и общественные отношения без учета второстепенных целей и задач.

Вместе с тем практика правоприменения свидетельствует о том, что эффективное функционирование системы уголовного судопроизводства невозможно без достижения процессуальной экономии и обеспечения дисциплины участников процесса. Эти задачи, не получившие прямого закрепления в ст. 6 УПК РФ, тем не менее являются необходимым условием реализации основного назначения уголовного судопроизводства. Процессуальная дисциплина выступает гарантией соблюдения процессуальных сроков, явки участников по вызовам следователя и дознавателя, своевременного представления необходимых документов и сведений. Без обеспечения надлежащего поведения всех субъектов уголовно-процессуальных отношений невозможно говорить ни о защите прав потерпевших от преступлений, ни о защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Современный отечественный уголовный процесс постепенно вводит новое назначение уголовного судопроизводства, придавая ему не меньшее значение, чем закрепленным в ст. 6 УПК РФ положениям. В попытке обеспечить защиту интересов граждан и организаций нельзя забывать об интересах собственных, государственных. В свою очередь, государственные интересы в сфере уголовного судопроизводства обеспечиваются процесссуальной экономией, которой можно достичь с помощью различных способов, средств и институтов.

К числу таких институтов в первую очередь следует отнести особые порядки принятия судебного решения, предусмотренные гл. 40 и 40.1 УПК РФ, позволяющие существенно сократить время рассмотрения уголовных дел при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением. Досудебное соглашение о сотрудничестве также способствует процессуальной экономии, обеспечивая быстрое раскрытие преступлений и изобличение соучастников при минимизации процессуальных усилий.

Следует акцентировать внимание на том обстоятельстве, что ряд институтов, направленных на обеспечение процессуальной экономии уголовного судопроизводства, включают такое обязательное условие, как согласие с предъявленным обвинением. Рассматриваемое условие имеет важное значение и для совершенствования механизма денежного взыскания на досудебных стадиях.

Обойтись формальным обновлением норм не всегда будет достаточно, поскольку необходимо учитывать возможности нарушения баланса как между гарантией прав и свобод участников процесса, так и эффективностью расследования и рассмотрения дел. Необходимый баланс должен обеспечиваться между судебным контролем и процессуальной эффективностью, поскольку в пользу первого порой страдает второе. Одной из жертв такого нарушения баланса является институт денежного взыскания, предаваемый забвению на досудебной стадии из-за очевидного приоритета судебного контроля.

Порядок наложения денежного взыскания в уголовном судопроизводстве регулируется ст. 118 УПК РФ. В силу ч. 1 ст. 118 УПК РФ денежное взыскание налагается исключительно судом в случаях и порядке, предусмотренных УПК РФ. Такая конструкция должна была обеспечить конституционно значимый баланс между публичными интересами правосудия и частными имущественными правами учреждений, предприятий, организаций, должностных лиц и граждан, однако чрезмерный судебный контроль способен существенно повлиять на порядок реализации. Безусловно, само требование к рассмотрению вопросов о наложении денежного взыскания возникло из конституционной гарантии, закрепленной в ст. 35 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020):

никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда.

Денежное взыскание выступает публично-правовой формой имущественного ограничения, связанного с санкционированным изъятием денежных средств, следовательно, оно входит в сферу действия рассматриваемой гарантии и требует судебной формы легитимации. Несмотря на вышеизложенное, от исследователей, занимающихся вопросами совершенствования порядка наложения денежного взыскания, все чаще поступают предложения о расширении перечня компетентных государственных органов [2, с. 100—102], способных принимать решение о наложении денежного взыскания.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает досудебный порядок реакции на уголовно-процессуальное правонарушение, однако не предоставляет дознавателю или следователю полномочий по принятию итогового решения. Так, при обнаружении признаков уголовно-процессуального правонарушения указанные уполномоченные лица вправе лишь составить протокол о нарушении с дальнейшей его передачей в суд. Рассмотренное требование закреплено в ч. 3 ст. 118 УПК РФ, из которой устанавливаются характерные этапы наложения денежного взыскания в ходе досудебного производства: 1) выявление факта уголовно-процессуального правонарушения; 2) составление протокола о совершении уголовно-процессуального правонарушения и формирование доказательств, подтверждающих факт совершения правонарушения; 3) передача протокола о нарушении в суд.

Итак, первый этап наложения денежного взыскания в ходе досудебного производства — выявление дознавателем или следователем факта уголовно-процессуального правонарушения. Сведения, полученные на данном этапе, составляют фактическое основание [3, с. 192—193], отражаемое в протоколе об уголовно-процессуальном правонарушении. На данном этапе дознаватель и следователь производят предварительную оценку состава уголовно-процессуального правонарушения, устанавливая характерные для него признаки.

К таким признакам относятся объект уголовно-процессуального правонарушения — уголовно-процессуальные отношения, ядром которых является надлежащее исполнение уголовно-процессуальных обязанностей или требований властных субъектов судопроизводства; объективная сторона: 1) действия или бездействие, нарушающие предписания уголовно-процессуального закона; 2) нарушение законных требований лиц, ведущих уголовный процесс; субъект правонарушения — любые учреждения, предприятия, организации, должностные лица и дееспособные или частично дееспособные граждане, являющиеся участниками уголовного процесса или адресатами требований властных субъектов уголовного судопроизводства; субъективная сторона — вина в форме умысла или неосторожности.

Следователю или дознавателю при этом необходимо установить не только сам факт нарушения процессуальных обязанностей, но и причинно-следственную связь между действиями (бездействием) лица и наступившими негативными последствиями для уголовного судопроизводства. Важным элементом данного этапа является также проверка наличия уважительных причин неисполнения процессуальных обязанностей, поскольку их установление исключает возможность применения денежного взыскания. В связи с этим дознаватель или следователь должны истребовать объяснения от лица, допустившего нарушение, и при необходимости запросить подтверждающие документы — медицинские справки, проездные документы, служебные записки и иные доказательства, объективно препятствовавшие надлежащему исполнению процессуальных обязанностей.

Вторым этапом является составление протокола о совершении уголовно-процессуального правонарушения, формирование доказательственной базы, способной подтвердить факт совершения правонарушения. В законе при этом не устанавливается ни содержание протокола, ни доказательства, которые обязательно должны быть в нем отражены. На данный счет Я. А. Шараева отмечает, что отсутствие в протоколе оговорок о содержании порождает «дополнительные вопросы у органов, ведущих расследование» [4, с. 151]. По нашему мнению, детальные требования к содержанию каждого конкретного протокола не следует закреплять в нормах уголовно-процессуального законодательства. Целесообразнее применять общие правила или рекомендации научного сообщества, разработанные для совершенствования правоприменительной практики.

Кроме того, на данном этапе от дознавателя и следователя требуется установление состава уголовно-процессуального правонарушения в протоколе с указанием всех обязательных элементов правонарушения. Так, неправильное установление объекта или субъекта уголовно-процессуального правонарушения приводит к попыткам привлече-

ния правонарушителя к административной ответственности вместо уголовно-процессуальной. Отказывая в жалобе УУП ОУУП и ПДН ОМВД России по Саткинскому району, суд обратил внимание, что из диспозиции ст. 17.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее — КоАП РФ) и примечания к данной статье следует, что к субъектам административного правонарушения, предусмотренного данной статьей, относятся лица, не являющиеся участниками уголовного судопроизводства, следовательно, для привлечения их к ответственности нужно применять положения уголовно-процессуального закона[1]. Подобные решения не единичны[2].

В ряде исследуемых дел податели жалобы не оспаривают факт совершенного правонарушения, а лишь указывают на неверно использованную норму (административного закона, а не уголовно-процессуального), тем самым избегая наступления хоть какой-либо ответственности. Примечателен и тот факт, что при квалификации правонарушения как административного судебный контроль отходит на второй план, поскольку решение о назначении штрафа способен принять орган, должностное лицо, рассматривающие дела об административных правонарушениях. В свою очередь, судебный контроль по делам об административных правонарушениях необходим лишь в случаях оспаривания первоначально вынесенного решения.

Правильность квалификации обеспечивает доказательственная база, собираемая дознавателем или следователем. Исчерпывающий перечень доказательств, которые могут или должны быть приложены к протоколу, приводят А. Н. Есина, Н. В. Макеева и В. В. Артемова: «постановления о возбуждении уголовного дела, повестки, постановления о приводе, ответы органа дознания на письменное поручение о производстве отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, объяснения, протоколы допроса, документы, удостоверяющие личность участника» [5, с. 98].

Согласно уголовно-процессуальному закону к протоколу в обязательном порядке должна прилагаться информация, необходимая в соответствии с правилами заполнения расчетных документов на перечисление суммы денежного взыскания, предусмотренными законодательством Российской Федерации о национальной платежной системе (ч. 3 ст. 118 УПК РФ).

Третий этап наложения денежного взыскания на досудебной стадии заканчивается передачей протокола в суд, когда проделанная работа позволяет вынесение дознавателем или следователем полноценного решения при, конечно же, согласии правонарушителя с фактом совершенного им уголовно-процессуального правонарушения и назначенной санкцией.

Приведенная модель предполагает трансформацию существующего порядка таким образом, чтобы дознаватель или следователь имели право самостоятельно налагать денежное взыскание без обязательного обращения в суд, если лицо признает совершенное правонарушение и не оспаривает размер взыскания. Такой подход соответствует принципу диспозитивности и процессуальной экономии, поскольку исключает необходимость загружать судебную систему рассмотрением бесспорных случаев нарушения процессуальных обязанностей. Вместе с тем должно быть обеспечено право правонарушителя на судебное обжалование вынесенного следователем или дознавателем постановления о наложении денежного взыскания в установленный законом срок, что гарантирует соблюдение конституционного права на судебную защиту.

В случае несогласия лица с вменяемым ему правонарушением либо с размером денежного взыскания материалы должны передаваться в суд для разрешения спора в порядке, аналогичном рассмотрению жалоб на действия и решения должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. Такая процедура позволит сохранить судебный контроль за законностью и обоснованностью применения мер уголовно-процессуальной ответственности в спорных ситуациях, одновременно разгрузив суды от рассмотрения очевидных случаев уголовно-процессуальных правонарушений, не вызывающих возражений со стороны их субъектов.

В пользу предоставления возможности дознавателю и следователю самостоятельно принимать решение о привлечении правонарушителя к ответственности свидетельствует еще одно положение ч. 3 ст. 118 УПК РФ, закрепляющее требова-

[1] Решение Саткинского городского суда № 12-59/2018 от 23 сентября 2018 г. // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 03.10.2025).

[2] Решение Нерчинского районного суда № 12-47/2018 5-315/2018 от 29 июля 2018 г. // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 03.10.2025); Решение Приволжского районного суда г. Казани № 12-2075/2017 от 12.11.2017 // Там же.

ние о вызове в судебное заседание, посвященное решению вопроса о наложении денежного взыскания, не только правонарушителя, но и лица, составившего протокол. А. А. Резяпов указывает на наличие конфликта между органом предварительного расследования и лицом, совершившим уголовно-процессуальное правонарушение, который подлежит разрешению в судебном порядке [1, с. 140].

Существующий порядок наложения денежного взыскания на досудебной стадии предусматривает не только выявление правонарушения дознавателем и следователем, но и обременяет их его фиксацией в протоколе с формированием доказательственной базы с дальнейшим подтверждением своей позиции в судебном заседании. В совокупности с санкцией в размере 2 500 рублей о процессуальной экономии при реализации института денежного взыскания говорить не приходится, поскольку затраты на разрешение уголовно-процессуального правонарушения во многом превышают полученную от правонарушителя компенсацию. Осознавая данный факт, лица, ведущие процесс, не видят необходимости в наложении денежного взыскания, а потому большинство уголовно-процессуальных правонарушений остаются безнаказанными.

Поскольку лицо, составившее протокол, не только обязано соблюсти требование по отражению фактических обстоятельств совершенного правонарушения в протоколе, но и должно присутствовать на судебном заседании, доказывая перед судом, что участник уголовного судопроизводства нарушил предписания уголовно-процессуального закона и требования лиц, ведущих процесс, представляется необходимым рассмотреть вопрос о наделении лица, составляющего протокол в ходе досудебного производства, возможностью привлечения лица, совершившего правонарушение, без судебного вмешательства.

Итак, из положений ч. 3 ст. 118 УПК РФ устанавливается субъект, уполномоченный составлять протокол о нарушении, и субъект, принимающий решение по существу в ходе досудебного производства. Любые предложения о расширении круга субъектов, уполномоченных налагать денежное взыскание, вступают в противоречие со ст. 35 Конституции РФ. Данное правило не распространяется на административное законодательство. В порядке ч. 1 ст. 28.6 КоАП РФ должностное лицо вправе самостоятельно вынести решение о наказании, в том числе имущественного характера. В связи с этим виновное лицо несет обязанность уплаты наказания в виде административного штрафа (ч. 1 ст. 3.5 КоАП РФ). С учетом вышеизложенного непредоставление дознавателю или следователю возможности налагать денежное взыскание в уголовном судопроизводстве уже не видится столь невозможным.

Идея наделения органов, осуществляющих предварительное расследование, возможностью наложения денежного взыскания на участников уголовного судопроизводства не нова [6, с. 132—133], а потому не утратила актуальности по сей день. Е. В. Кудрина считает необходимым изменить ч. 1 ст. 118 УПК РФ, дополнив ее положением, предоставляющим дознавателю и следователю право налагать денежное взыскание за неисполнение участниками уголовного судопроизводства своих процессуальных обязанностей на стадиях досудебного производства [7, с. 84].

Я. А. Шараева предлагает следующую процедуру наложения денежного взыскания на досудебной стадии: предоставить следователю и дознавателю право выносить постановление о взыскании при обязательном согласовании с руководителем следственного органа и прокурором соответственно [4, с. 151]. В предложенной С. С. Каримовой редакции ч. 1 ст. 118 УПК РФ включена обязанность согласовывать решение о наложении денежного взыскания с руководителем следственного органа [3, с. 117—119].

А. П. Лыга выражает несогласие с необходимостью получения разрешения от начальника следственного органа или прокурора для наложения денежного взыскания следователем или дознавателем, поскольку такой подход лишь усложнит процедуру наложения денежного взыскания, вынудив сотрудников органа предварительного расследования составлять дополнительный процессуальный документ на получение такого согласия [6, с. 44—45]. Считаем, что введение дополнительного уровня контроля для дознавателя и следователя при принятии решения о наложении денежного взыскания не упростит процедуру его применения, а потому такой подход требует более радикального решения.

Представляется целесообразным наделить дознавателя и следователя правом самостоятельно налагать денежное взыскание в пределах, установленных законом, без получения дополнительных санкций или согласований. Такой подход позволит оперативно реагировать на факты процессуальных нарушений, не допуская бюрократических проволочек, которые нивелируют превентивный эффект данной меры уголовно-процессуальной ответственности. Своевременность при-

менения денежного взыскания имеет принципиальное значение для формирования у участников уголовного судопроизводства устойчивого понимания неотвратимости ответственности за нарушение процессуальных обязанностей.

В контексте проблематики исследования уместно обратиться к позиции дореволюционного классика уголовного процесса С. В. Познышева, допускавшего существование несудебного разбора некоторых дел, «...если обвиняемый против него не возражает и не требует передачи дела в суд» [8, с. 13]. Данная концепция, сформулированная более столетия назад, сохраняет свою актуальность и в современных условиях, особенно применительно к вопросам процессуальной ответственности участников уголовного судопроизводства. Принцип диспозитивности, заложенный в этой идее, позволяет существенно упростить процедуру применения мер процессуального принуждения в тех случаях, когда отсутствует спор о праве и лицо не оспаривает факт совершенного правонарушения.

Современное уголовно-процессуальное законодательство уже восприняло подобный подход в ряде институтов. Так, особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (гл. 40 УПК РФ) основан именно на отсутствии спора между сторонами и позволяет рассмотреть дело в упрощенном порядке без проведения полноценного судебного следствия. Институт прекращения уголовного преследования с назначением судебного штрафа также предполагает согласие лица с предъявленным обвинением как необходимое условие применения данной меры.

Распространение этого принципа на процедуру наложения денежного взыскания представляется логичным и обоснованным. Если лицо признает факт неисполнения процессуальных обязанностей, не оспаривает характер совершенного правонарушения и согласно с размером денежного взыскания, отсутствуют разумные основания для обязательной передачи вопроса на рассмотрение суда. В такой ситуации судебная процедура становится избыточной формальностью, создающей дополнительную нагрузку на судебную систему без какой-либо добавленной ценности с точки зрения защиты прав участников процесса.

Важно подчеркнуть, что предлагаемая модель не исключает судебного контроля, а лишь переводит его из обязательного этапа в факультативный последующий. Сохранение за лицом права обжаловать постановление следователя или дознавателя о наложении денежного взыскания в суд обеспечивает конституционные гарантии судебной защиты и соответствует правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации о необходимости судебного контроля за ограничением конституционных прав граждан. Вместе с тем данный контроль осуществляется только в тех случаях, когда сам правонарушитель считает необходимым оспорить принятое в отношении него решение, что полностью согласуется с принципами процессуальной экономии и разумности уголовного судопроизводства.

Таким образом, порядок наложения денежного взыскания в ходе досудебного производства следует реформировать посредством исключения в некоторых случаях третьего этапа, направленного на передачу протокола о нарушении в суд, тем самым наделив дознавателя и следователя полномочием самостоятельно принимать решение о наложении денежного взыскания в ходе досудебного производства. Полагаем, что предоставление суду исключительно контрольной функции на случай возникновения спорных обстоятельств усовершенствует процедуру наложения денежного взыскания в ходе досудебного производства, сохранив за всеми участниками уголовного судопроизводства их права и обеспечив надлежащее соблюдение процессуальных обязанностей.

1. Резяпов А. А., Каминский А. М. Производство о наложении денежного взыскания в системе уголовного судопроизводства // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2015. № 5. С. 139—141.

2. Образцов С. В., Елисеева О. А., Звягин В. А. Проблемы применения иных мер процессуального принуждения // Право и государство:

1. Rezyapov A. A., Kaminsky A. M. Proceedings on a monetary penalty imposition in the criminal proceeding. Bulletin of Udmurt University. Series "Economics and law", 139—141, 2015. (In Russ.).

2. Obraztsov S. V., Yeliseyeva O. A., Zvyagin V. A. Aspects to take other procedural enforcement measures. Law and State: Theory and Practice, 100—104, 2018. (In Russ.).

теория и практика. 2018. № 7 (163). С. 100—104.

3. Кузовенкова Ю. А. Фактические и формальные основания применения денежного взыскания // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 71. С. 189—194.

4. Шараева Я. А. Проблемные вопросы применения меры принуждения в виде денежного взыскания в уголовном процессе // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 2 (93). С. 149—153.

5. Есина А. С., Макеева Н. В., Борбат А. В. Деятельность следователя по применению меры принуждения в виде денежного взыскания к участникам уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2021. № 3. С. 21—25.

6. Громов Н. А., Полунин С. А. Санкции в уголовно-процессуальном праве России. Москва: Городец, 1998. 152 с.

7. Кудрина Е. В. Денежное взыскание в уголовном судопроизводстве России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 3 (47). С. 82—85.

8. Каримова С. С. Полномочие по наложению денежного взыскания должно быть предоставлено дознавателю и следователю // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33). С. 111—119.

9. Лыга А. П. Производство о наложении денежного взыскания // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 3 (52). С. 42—49.

10. Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. Москва: Г. А. Леман, 1913. 329 с.

3. Kuzovenkova Yu. A. Factual and formal grounds to implement a monetary penalty. Vestnik of the Samara State University, 189—194, 2009. (In Russ.).

4. Sharayeva Ya. A. Problematic issues to take enforcement measures in form of a monetary penalty in criminal proceedings. Yurist-Pravoved, 149—153, 2020. (In Russ.).

5. Yesina A. S., Makeyeva N. V., Borbat A. V. Investigator activities to take enforcement measures in form of monetary penalties to participants in criminal proceedings. Russian Investigator, 21—25, 2021. (In Russ.).

6. Gromov N. A., Polunin S. A. Sanctions in the criminal and procedural law of Russia. Moscow: Gorodets; 1998: 152. (In Russ.).

7. Kudrina Ye. V. Monetary penalty in the criminal proceedings of Russia. Vestnik of the Saint Petersburg University of the MIA of Russia, 82—85, 2010. (In Russ.).

8. Karimova S. S. The power to impose a monetary penalty is to be granted to the interrogator and investigator. Legal Science and Law Enforcement Practice, 111—119, 2015. (In Russ.).

9. Lyga A. P. Proceedings on imposition of a monetary penalty. Vestnik of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia, 42—24, 2023. (In Russ.).

10. Poznyshev S. V. Elementary textbook of the Russian criminal procedure. Moscow: G. A. Leman; 1913: 329. (In Russ.).

Дехерт Андрей Андреевич,
аспирант кафедры
уголовного права и процесса
Волгоградского государственного
университета;
dekhert@volsu.ru

Dekhert Andrey Andreyevich,
a postgraduate student
at the criminal law and procedure department
of the Volgograd State University;
dekhert@volsu.ru

Статья поступила в редакцию 04.02.2026; одобрена после рецензирования 13.02.2026; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 04.02.2026; approved after reviewing 13.02.2026; accepted for publication 16.02.2026.

* * *

УДК 343.346

КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СТРАНАХ СНГ

Алиса Джамаловна Смыр
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, aliska.smyr@mail.ru

Аннотация. В статье представлен сравнительно-правовой анализ уголовно-правового регулирования транспортных преступлений в странах Содружества Независимых Государств. Исследование направлено на выявление общих и отличительных черт законодательных подходов, регулирующих ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Рассмотрены положения уголовных кодексов Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана, Казахстана, Кыргызстана, Азербайджана, Армении, Молдовы и Беларуси. Особое внимание уделено структуре соответствующих норм, квалифицирующим признакам и видам наказаний. Отмечено, что в ряде стран оставление места дорожно-транспортного происшествия выделено в самостоятельный состав преступления, тогда как в других государствах оно выступает лишь квалифицирующим признаком. Обозначены различия в терминологии: в некоторых странах используется термин «лишение», а в других — «аннулирование» права управления транспортным средством. Проведенный анализ позволяет выявить общие тенденции развития уголовного законодательства стран СНГ в сфере транспортной безопасности. Полученные результаты могут быть использованы при дальнейшем сравнительно-правовом анализе и разработке предложений по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: компаративистский анализ, уголовная ответственность, транспортные преступления, страны СНГ, безопасность дорожного движения, эксплуатация транспортных средств, квалифицирующие признаки, оставление места дорожно-транспортного происшествия

Для цитирования: Смыр А. Д. Компаративистский анализ уголовно-правового регулирования транспортных преступлений в странах СНГ // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 1 (76). С. 163—172.

COMPARATIVISM-RELATED ANALYSIS OF CRIMINAL LAW REGULATION OF TRANSPORT CRIMES IN THE CIS COUNTRIES

Alice Dzhamalovna Smyr
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, aliska.smyr@mail.ru

Abstract. The article presents a comparative legal analysis of criminal law regulation of transport crimes in the countries of the Commonwealth of Independent States. The study aims at identifying the common and distinctive features of legislative approaches regulating responsibility for traffic violations and vehicles operation. The provisions of the criminal codes of Uzbekistan, Tajikistan, Turkmenistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Azerbaijan, Armenia, Moldova and Belarus are analyzed in the article. The author pays particular attention to the structure of the relevant norms, qualifying features and types of punishment. She notes that in a number of countries, leaving the scene of a traffic accident (hit-and run case) is qualified as an independent corpus delicti, while in other states it is a qualifying factor only. There are differences in terminology; some countries use the term "deprivation", while others use the term "cancellation" of the right to drive a vehicle). The analysis gives an opportunity to identify general trends in the development of criminal legislation of the CIS countries in the sphere of transport safety. The results can be used in further comparative legal analysis and development of proposals to improve legislation.

Keywords: comparativism-related analysis, criminal responsibility, transport crimes, the CIS countries, road traffic safety, vehicles operation, qualifying features, leaving the scene of a traffic accident (hit-and-run case)

© Смыр А. Д., 2026

For citation: Smyr A. D. Comparativism-related analysis of criminal law regulation of transport crimes in the CIS countries. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 163—172, 2026. (In Russ.).

В современном мире транспорт играет ключевую роль в социально-экономическом развитии государств, обеспечивая передвижение людей, товаров и услуг, формируя основу для интеграционных процессов и международного сотрудничества. Однако с ростом интенсивности транспортных потоков и развитием инфраструктуры возрастает и уровень преступности в данной сфере. Транспортные преступления представляют собой особую категорию уголовно наказуемых деяний, создающих угрозу общественной безопасности, жизни и здоровью граждан, а также нормальному функционированию транспортной системы.

Для стран Содружества Независимых Государств (далее — СНГ, Содружество) проблема противодействия транспортной преступности имеет особое значение. Общность исторических, правовых и социально-экономических основ позволяет рассматривать уголовное законодательство государств СНГ в едином правовом контексте. Вместе с тем за более чем три десятилетия после распада СССР каждое государство выработало собственный подход к определению составов транспортных преступлений. Это создает как возможности для сравнительного анализа, так и предпосылки для выработки предложений по совершенствованию национального законодательства.

Вместе с тем А. М. Павлик отмечает, что различные стадии экономического роста страны, специфика ее политической организации или устоявшиеся общественные нормы оказывают незначительное воздействие на характер, состав и тенденции развития преступности определенного вида [1, с. 345].

В. В. Кусакин, поддерживая позицию французского юриста Р. Давида, пишет, что недопустимо ограничивать юридическую науку исключительно границами одной страны и ее обособленным развитием без анализа иностранных законодательных концепций, так как это значительно сужает горизонты познания и практического применения знаний. Напротив, исследование зарубежного правового опыта обогащает понимание права, формируя фундамент сравнительно-правового метода, играющего важную роль в теории уголовного права. Это позволяет получить более глубокое представление об уникальных чертах правовой системы, особенно заметных при сопоставлении с зарубежным законодательством [2, с. 142].

Содружество Независимых Государств было образовано в начале 1990-х гг. в результате распада Союза Советских Социалистических Республик. Причинами его создания стали глубокие политические, экономические и социальные изменения, приведшие к утрате СССР статуса единого государства и формированию на его территории независимых суверенных стран. 8 декабря 1991 г. в правительственной резиденции «Вискули» Белорусской ССР было подписано Соглашение о создании Содружества Независимых Государств. Юридическое оформление союза завершилось 21 декабря 1991 г. в Алма-Ате, где к трем странам-учредителям присоединились еще восемь бывших союзных республик, подписав Протокол к Соглашению[1]. На текущий момент в состав Содружества входят девять государств-членов: Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан, Узбекистан и Молдова.

Следует отметить, что Туркменистан, хотя и не является полноправным членом СНГ, тем не менее сохраняет статус ассоциированного участника и активно взаимодействует со странами СНГ в ряде направлений, включая вопросы транспортной политики, безопасности движения и правового сотрудничества.

Учитывая общие историко-правовые предпосылки формирования национальных систем уголовного права, а также наличие тесных экономических и транспортных связей со странами региона, включение Туркменистана в сравнительный анализ представляется обоснованным и научно целесообразным. Туркменское уголовное законодательство, развивающееся на базе советской

[1] О ратификации Соглашения о создании Содружества Независимых Государств (вместе с Соглашением от 08.12.1991 «О создании Содружества Независимых Государств», Протоколом от 21.12.1991, «Соглашением о координационных институтах Содружества Независимых Государств», «Протоколом совещания глав независимых государств», решением Совета глав государств Содружества Независимых Государств от 21.12.1991, «Соглашением о совместных мерах в отношении ядерного оружия», «Алма-Атинской декларацией»): постановление ВС РФ от 12 декабря 1991 г. № 2014-1 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

правовой традиции, также содержит нормы, направленные на обеспечение безопасности функционирования транспортной инфраструктуры.

Сопоставление данных положений с аналогичными нормами государств — участников СНГ позволяет более полно отразить тенденции развития уголовно-правовой охраны транспортной сферы на постсоветском пространстве. Несмотря на общие исторические и правовые истоки, восходящие к советской системе уголовного права, каждое из этих государств в процессе развития национального законодательства сформировало собственные подходы к определению составов транспортных преступлений, их классификации и видов наказания за их совершение. Так, в одних странах транспортные преступления выделяются в отдельные главы уголовного кодекса, что подчеркивает их особое значение для обеспечения общественной безопасности; в других — нормы о таких преступлениях рассредоточены по различным разделам кодекса, отражая функциональные особенности правовой системы.

Различаются и подходы к формулировке объективной стороны деяний, кругу субъектов, квалифицирующим признакам, видам и размерам наказаний. Эти отличия позволяют выявить не только национальные особенности правового регулирования, но и общие закономерности, характерные для правовых систем стран СНГ.

Именно поэтому сравнительный анализ законодательства указанных государств представляется не только научно значимым, но и практически важным для совершенствования уголовного законодательства государств — участников СНГ. Опыт соседних стран может служить основой для выработки более эффективных и современных механизмов противодействия транспортной преступности, а также для дальнейшей гармонизации правового пространства СНГ.

Наряду с этим прослеживаются отличия в терминологии, степени детализации составов и подходах к установлению уголовной ответственности должностных лиц и граждан, участвующих в транспортной деятельности.

Однако общие закономерности и сходные тенденции развития законодательства стран СНГ и Туркменистана очевидны. Все они направлены на обеспечение безопасности транспортной системы, предупреждение аварийности, охрану жизни и здоровья граждан, а также защиту экономических интересов государства. Такое единство целей при разнообразии правовых средств создает благоприятные условия для проведения сравнительного анализа, выявления эффективных моделей регулирования и определения направлений возможной гармонизации уголовно-правовых норм на пространстве СНГ. Сравнительный анализ позволит выявить общие закономерности и ключевые отличия в подходах стран СНГ и Туркменистана к установлению уголовной ответственности за транспортные преступления, что, в свою очередь, заложит основу для обоснованных предложений по совершенствованию российского законодательства.

В Узбекистане уголовная ответственность за транспортные преступления предусмотрена гл. 18 Уголовного кодекса Республики Узбекистан[1] (далее — УК РУ), данная глава звучит аналогично главе, посвященной транспортным преступлениям уголовного законодательства России. Одним из ключевых положений УК РУ является ст. 266 «Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств». Согласно данной статье управление транспортным средством, повлекшее причинение средней тяжести или тяжкого телесного повреждения, признается уголовно наказуемым деянием. Для сравнения, в российском законодательстве отсутствует последствие «средней тяжести», что подчеркивает особенность узбекской системы. Квалифицирующие признаки — смерть человека, человеческие жертвы, катастрофа, иные тяжкие последствия. Максимальное наказание за подобные преступления — до десяти лет лишения свободы с лишением определенного права [3, с. 66].

Кроме того, ст. 261 УК РУ предусматривает уголовную ответственность за допуск либо передачу управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения — будь то алкогольное, наркотическое, психотропное или иное воздействие, способное снизить интеллектуально-волевые способности водителя. Диспозиция статьи распространяется не только на автомобильный, но и на железнодорожный, морской, речной, воздушный и иной транспорт, что свидетельствует о широком охвате объекта уголовно-правовой охраны. По своей структуре и содержанию квалифицирующие признаки данной нормы во многом схожи с положениями ст. 266 УК РУ,

[1] Уголовный кодекс Республики Узбекистан (утв. Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-XII) (с изм. и доп. по сост. на 23.10.2025) // Информ. система «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110&ysclid=mja3ril5rb600003492 (дата обращения: 10.11.2025).

предусматривающей ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, что указывает на последовательность и системность подхода узбекского законодателя к регулированию транспортных преступлений.

В статье 261.1 УК РУ также закреплена ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за уклонение от прохождения медицинского освидетельствования. Вместе с тем уголовная ответственность наступает, если деяние совершено после применения административного взыскания за аналогичное нарушение либо в случае уклонения водителя от прохождения освидетельствования. Статья 261.2 УК РУ устанавливает ответственность за управление транспортным средством лицом, лишенным права управления, также после применения административного взыскания за подобное нарушение. Эти нормы, с одной стороны, близки к российской системе, где предусмотрена административная преюдиция. С другой стороны, в Узбекистане формулировки и последовательность применения административного взыскания перед уголовной ответственностью имеют свои особенности, что делает подход к регулированию ответственности за повторные нарушения более строгим и формализованным по сравнению с Российской Федерацией.

В уголовном законе Таджикистана преступлениям против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств выделена отдельная глава 23, что подчеркивает значимость данной категории деяний для охраны общественной безопасности. Законодатель систематизировал составы преступлений, включив в отдельные статьи, такой подход позволяет четко дифференцировать различные виды транспортных преступлений и обеспечивает структурированное применение уголовно-правовых норм.

Ключевое значение в регулировании транспортных преступлений в Уголовном кодексе Республики Таджикистан[1] (далее — УК РТ) имеет ст. 212, устанавливающая ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Первая часть данной статьи предусматривает наказание за причинение вреда здоровью средней тяжести, что в целом соответствует подходу большинства государств СНГ. Вместе с тем во второй части законодатель объединил в одном квалифицирующем составе причинение тяжкого вреда здоровью и смерть человека, что вызывает обоснованные сомнения с точки зрения уголовно-правовой логики и принципа справедливости [4, с. 11].

Подобное объединение неоднозначно, поскольку указанные последствия существенно различаются по степени общественной опасности. Тяжкий вред здоровью, хотя и является серьезным нарушением, не сопоставим с утратой жизни человека — высшей социальной ценностью, защищаемой уголовным законом. Следовательно, приравнивание этих последствий в рамках одной части статьи нивелирует различие между ними и затрудняет индивидуализацию наказания. Это может привести как к чрезмерно мягким, так и к чрезмерно строгим санкциям, что противоречит основным принципам уголовной ответственности, включая справедливость и соразмерность наказания [5, с. 41].

В последующих частях ст. 212 УК РТ закреплены квалифицирующие признаки: причинение смерти двум и более лицам, а также совершение деяния в состоянии алкогольного опьянения или управление транспортным средством лицом, не имеющим права на такое управление. Максимальная санкция по этой статье предусматривает лишение свободы на срок от 10 до 15 лет, что значительно превышает наказания, предусмотренные российским законодательством за аналогичные деяния, и по своей строгости приближается к ответственности за тяжкие умышленные преступления.

Особого внимания заслуживают ст. 212(1) и 212(2). Статья 212(1) УК РТ устанавливает ответственность за управление транспортным средством с чужим государственным регистрационным номером и незаконный оборот поддельных регистрационных номеров, включая изготовление, владение, хранение, перевозку, использование или передачу другому лицу, а также использование поддельного номера для сокрытия преступления.

Статья 212(2) УК РТ регулирует ответственность за управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления, находящимся при этом в состоянии опьянения. Особенность нормы заключается в том, что она применяется только в случае совершения деяния в течение одного года после наложения административного взыскания за аналогичное нарушение, что отражает принцип рецидива и повышенной общественной опасности повторных правонарушений.

[1] Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (с изм. и доп. по сост. на 14.05.2025) // Информ. система «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325&ysclid=mja5fsgkjh487292999 (дата обращения: 10.11.2025).

Такой подход демонстрирует повышенную строгость таджикского законодательства и превентивную направленность, позволяя уголовной ответственности наступать уже за систематические нарушения, что отличается от российского подхода, где большинство подобных деяний подпадает под административную ответственность, так как уголовная ответственность наступает лишь после причинения вреда здоровью.

Таким образом, уголовное законодательство Таджикистана отличается строгой и структурированной системой регулирования транспортных преступлений, с выделением отдельной главы, дифференциацией составов по тяжести последствий и состоянию виновного, а также введением специфических составов, отсутствующих в законодательстве России.

Далее в рамках сравнительного анализа рассмотрим Туркменистан, где также предусмотрена уголовная ответственность за нарушение правил эксплуатации транспортных средств, однако с рядом особенностей. Подобно Таджикистану, Туркменистан выделяет отдельную гл. 32, посвященную преступлениям против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств[1]. Статья 364 закрепляет ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Особенностью туркменского подхода является то, что уголовная ответственность наступает только при причинении ущерба в крупном размере, что делает систему более строгой по сравнению с российской, где ответственность наступает за тяжкий вред и причинение смерти. Такой подход объясняется несколькими причинами: во-первых, он подчеркивает значимость охраны материальных интересов и транспортной инфраструктуры; во-вторых, усиливает превентивный эффект, стимулируя соблюдение правил; в-третьих, обеспечивает более точное разделение ответственности в зависимости от общественной опасности деяния.

Законодатель выделяет ряд квалифицирующих признаков: управление транспортным средством в нетрезвом состоянии, оставление потерпевшего в опасности и оставление места происшествия (здесь следует отметить, что в рассмотренных выше странах СНГ такой квалифицирующий признак отсутствовал); причинение тяжкого вреда здоровью; смерть человека или смерть двух и более лиц. Такой подход демонстрирует высокий уровень строгости законодательства и делает акцент на предотвращении опасных для жизни и здоровья ситуаций.

Кроме того, ст. 365 уголовного законодательства Туркменистана регулирует нарушение правил дорожного движения в состоянии опьянения, уголовная ответственность наступает при причинении вреда средней тяжести или материального ущерба в небольшом размере, что делает норму исключительной по строгости. Квалифицирующими признаками выступают управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления, и повторное совершение аналогичного правонарушения в течение двух лет, что подчеркивает превентивный характер нормы и направлено на предотвращение систематических нарушений правил эксплуатации транспортных средств. Такой подход позволяет дифференцировать ответственность, усиливая защиту общественной безопасности и стимулируя соблюдение правил водителями.

По ряду показателей Уголовный кодекс Туркменистана отличается большей строгостью по сравнению с российским законодательством и нормативными актами других стран СНГ. Он демонстрирует уникальные механизмы предупреждения транспортных правонарушений, сочетая строгие санкции с превентивными мерами, направленными на снижение систематических нарушений и повышение безопасности движения на территории страны.

Транспортные преступления в уголовном законодательстве Республики Казахстан регулируются гл. 14 «Транспортные уголовные правонарушения» Уголовного кодекса (далее — УК РК)[2]. В указанной главе ключевое значение имеет ст. 345 УК РК «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств лицами, управляющими транспортными средствами». Уголовная ответственность по данной статье наступает с причинения вреда средней тяжести здоровью человека.

Важно отметить, что законодатель Казахстана четко разграничивает ответственность между субъектами преступления. Так, преступления,

[1] Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. № 222-I (с изм. и доп. по сост. на 12.04.2025) // Информ. система «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286&ysclid=mja5i2her333292731 (дата обращения: 11.11.2025).

[2] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. по сост. на 16.09.2025) // Информ. система «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&ysclid=mja5japygj234838865 (дата обращения: 12.11.2025).

совершаемые лицами, управляющими транспортными средствами в состоянии алкогольного, наркотического и (или) токсикоманического опьянения, предусмотрены ст. 345-1 УК РК. В свою очередь, ст. 346 рассматриваемого кодекса устанавливает уголовную ответственность за управление транспортным средством лицом, лишенным права управления, находящимся в состоянии алкогольного, наркотического или токсикоманического опьянения. Закон также предусматривает ответственность за передачу управления транспортным средством такому лицу или допуск его к управлению, включая случаи, когда эти действия совершены собственником, владельцем или должностным лицом, ответственным за эксплуатацию транспортных средств.

Особенностью данной нормы является то, что она устанавливает уголовную ответственность независимо от наступления последствий — само по себе действие (управление, передача или допуск) образует состав преступления. Таким образом, ст. 346 относится к формальным преступлениям, что свидетельствует о повышенной превентивной направленности казахстанского уголовного законодательства.

Законодатель при этом предусмотрел квалифицирующие признаки, усиливающие ответственность: причинение легкого, средней тяжести или тяжкого вреда здоровью, смерть одного или двух и более лиц. Подобная детализация демонстрирует стремление казахстанского законодателя комплексно охватить все возможные последствия нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Необходимо подчеркнуть, что, в отличие от многих других стран СНГ, законодатель Казахстана выделил ответственность за оставление места дорожно-транспортного происшествия в самостоятельный состав — ст. 347 «Оставление места дорожно-транспортного происшествия» УК РК.

Такое решение заслуживает положительной оценки, поскольку позволяет дифференцировать уголовную ответственность в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенного деяния. Сам факт оставления места происшествия рассматривается как проявление уклонения от исполнения обязанностей участника дорожного движения, что повышает степень упрека и обеспечивает большую эффективность превенции транспортных преступлений.

Для сравнения, в ряде других стран СНГ, включая Туркменистан и Россию, оставление места дорожно-транспортного происшествия рассматривается лишь как квалифицирующий признак в составе преступления, связанного с нарушением правил дорожного движения. В связи с этим подход казахстанского законодателя можно охарактеризовать как более системный и дифференцированный, поскольку он выделяет оставление места происшествия в отдельную норму, что позволяет обеспечить повышенную защиту общественных отношений в сфере транспортной безопасности.

В Уголовном кодексе Кыргызской Республики (далее — УК КР)[1] вопросы, касающиеся транспортных преступлений, выделены в гл. 39 «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта и магистральных трубопроводов». Такое структурное решение свидетельствует о том, что законодатель придает транспортной безопасности статус самостоятельного и значимого объекта уголовно-правовой защиты.

В соответствии со ст. 312 УК КР уголовная ответственность наступает за нарушение правил безопасности движения или эксплуатации автотранспортных средств, совершенное умышленно либо по неосторожности. Законодатель акцентирует, что нарушение правил безопасности может быть как сознательным, так и случайным, что позволяет охватывать широкий спектр общественно опасного поведения. Уголовная ответственность наступает при причинении менее тяжкого вреда здоровью, а также предусмотрены квалифицирующие признаки, включающие причинение тяжкого вреда, смерть одного человека или смерть двух и более лиц.

Кроме того, предусмотрена ст. 315 «Допуск к управлению автотранспортным средством лица, находящегося в состоянии опьянения» УК КР. Она во многом аналогична казахстанской ст. 349. Главное отличие кыргызской нормы заключается в том, что уголовная ответственность наступает только при причинении тяжкого вреда здоровью, т. е. наличие последствий является обязательным условием для привлечения к ответственности.

В азербайджанском уголовном законодательстве транспортные преступления фиксированы в гл. 29 «Преступления против правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств»[2],

[1] Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 (с изм. и доп. по сост. на 28.07.2025) // Информ. система «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065&ysclid=mja5m1e37r490255674 (дата обращения: 14.11.2025).

[2] Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утв. Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря

что отражает стремление законодателя упорядочивать вопросы безопасности на транспорте.

Анализируемый состав закреплен в ст. 263 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики, предусматривающей ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Уголовная ответственность наступает в случаях причинения вреда здоровью потерпевшего менее тяжкой степени, что отражает стремление законодателя ужесточить правовую реакцию на любые проявления неосторожности в транспортной сфере. В статье также содержатся квалифицирующие признаки, среди которых — причинение тяжкого вреда здоровью, смерть человека, смерть двух и более лиц. Санкции по данной статье варьируются, минимальный размер наказания составляет лишение свободы на срок до двух лет, максимальный — от пяти до десяти лет.

Состояние опьянения и отсутствие права управления транспортным средством Азербайджанской Республикой выделены в отдельную ст. 263-1 Уголовного кодекса. Согласно этому составу уголовная ответственность наступает при причинении менее тяжкого вреда здоровью, что свидетельствует о признании таких действий более общественно опасными по сравнению с обычным нарушением правил дорожного движения. Наличие квалифицирующих признаков — причинение тяжкого вреда, смерть одного или нескольких лиц — усиливает строгость подхода законодателя и подчеркивает его ориентацию на предупреждение подобных деяний.

Предусмотрена и отдельная ст. 264 «Оставление места дорожно-транспортного происшествия», которая предусматривает ответственность за оставление места аварии при наличии последствий, указанных в ст. 263 и 263-1. Такое решение представляется взвешенным и логичным, поскольку выделение самостоятельного состава преступления позволяет более четко определить степень общественной опасности деяния и отграничить его от административных правонарушений. В отличие от законодательства Российской Федерации, где оставление места дорожно-транспортного происшествия рассматривается как квалифицирующий признак, азербайджанская модель демонстрирует стремление к систематизации уголовно-правовых норм и обеспечивает более точную оценку действий виновного.

Уголовное законодательство Азербайджана отличается структурной последовательностью и акцентом на превенцию, а также повышенным вниманием к нарушениям, связанным с управлением транспортным средством в состоянии опьянения или без права управления. Такой подход способствует укреплению транспортной дисциплины и предупреждению тяжких последствий.

В Уголовном кодексе Республики Армения (далее — УК Армении) транспортные преступления не выделены в отдельную главу, а включены в состав гл. 23 «Преступления против общественной безопасности»[1]. Такой подход отражает позицию законодателя, согласно которой нарушения в сфере дорожного движения рассматриваются, прежде всего, как посягательства на общественную безопасность в целом.

Основное положение, регулирующее ответственность за такие правонарушения, закреплено в ст. 242 «Нарушение требований, направленных на обеспечение безопасности дорожного движения, дорожного движения или эксплуатации транспортных средств». В диспозиции данной статьи устанавливается ответственность за нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, если подобные действия по неосторожности повлекли причинение вреда здоровью различной степени тяжести, начиная с вреда средней тяжести [6, с. 158].

Кроме того, в Уголовном кодексе Армении закреплена ст. 243, устанавливающая ответственность за управление транспортным средством лицом, лишенным права управления, либо находящимся в состоянии опьянения, а также за отказ от прохождения освидетельствования. Данная норма по своей сути во многом коррелирует с положениями российского законодательства, отражая аналогичный подход к предупреждению правонарушений, связанных с управлением транспортом в состоянии опьянения.

Помимо этого, ст. 244 регулирует ответственность за оставление места дорожно-транспортного происшествия, если в результате совершенного деяния наступили последствия, предусмотренные в ст. 242 и 243 УК Армении. Таким образом,

1999 г. № 787-IQ) (с изм. и доп. по сост. на 11.04.2025) // Информ. система «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353&ysclid=mja5n5ut5q611092003 (дата обращения: 14.11.2025).

[1] Уголовный кодекс Республики Армения от 27 мая 2021 г. № ЗР-199 (с изм. и доп. по сост. на 22.07.2025) // Информ. система «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39571894&ysclid=mja5oaezfy235688323 (дата обращения: 15.11.2025).

армянский законодатель подчеркивает необходимость установления причинно-следственной связи между деянием и последствиями, делая акцент на повышенной ответственности водителя при наступлении вредных результатов.

В Уголовном кодексе Республики Молдова (далее — УК Молдовы)[1] основное положение, регулирующее ответственность за транспортные преступления, закреплено в ст. 264, расположенной в гл. 12. Данная норма предусматривает уголовную ответственность за нарушение правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств, если в результате деяния причинен вред здоровью средней тяжести. В последующих частях статьи установлены квалифицирующие обстоятельства, среди которых — совершение деяния в состоянии опьянения, причинение тяжкого вреда здоровью, смерть одного лица либо гибель двух и более лиц.

Дополнительно предусмотрены отдельные составы ст. 264-1 УК Молдовы, регулирующие управление транспортным средством при превышении допустимой нормы потребления алкоголя или в состоянии опьянения, вызванного иными веществами, а также сознательную передачу управления транспортным средством лицу в состоянии опьянения, совершение лицом, не имеющим водительского удостоверения, или лицом, которое лишено права управления транспортными средствами либо в отношении которого было аннулировано право управления транспортными средствами. В отличие от российского законодательства, само управление транспортным средством в состоянии опьянения уже является основанием для уголовной ответственности, без необходимости наступления вредных последствий. Следует уделить внимание и ст. 264-2, посвященной проведению незаконных автомобильных гонок. Здесь также не обязательно наступление вредных последствий, поскольку само участие в неразрешенных соревнованиях или их организация уже признается преступлением.

Особенностью молдавского законодательства является введение термина «аннулирование права управления транспортным средством», тогда как во всех выше рассмотренных странах использовалась формулировка «лишение права управления». Это подчеркивает строгость меры и усиливает ее превентивный эффект. Кроме того, ст. 266 предусматривает ответственность за оставление места дорожно-транспортного происшествия, при этом уголовная ответственность наступает только при наличии последствий, аналогично армянской модели.

Таким образом, законодательство Молдовы демонстрирует гармоничное сочетание универсальной ответственности за последствия деяний и выделение отдельных составов за особо опасное поведение, что способствует повышению безопасности дорожного движения, дисциплины водителей и эффективности правового регулирования.

Заключительной страной в нашем сравнительном анализе СНГ является Республика Беларусь. В ее уголовном законодательстве рассматриваемые преступления регулируются гл. 28, по названию аналогичной российской. Ключевое положение закреплено в ст. 317 «Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств»[2]. По своей сути данная норма во многом соотносится со ст. 264 УК РФ, поскольку регулирует схожие общественно опасные деяния. Уголовная ответственность наступает с момента причинения менее тяжкого телесного повреждения, а во второй части статьи в качестве последствий указаны смерть человека либо причинение тяжкого телесного повреждения. Как и отмечалось выше, объединение тяжкого вреда и смерти в одном пункте представляется не совсем корректным, в связи с тем что эти последствия различаются по степени общественной опасности и требуют дифференцированного подхода к квалификации и наказанию. Так же, как и в российском законодательстве, в Беларуси существуют статьи, в которых регулируются управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, сознательная передача управления транспортным средством лицу в состоянии опьянения, отказ от прохождения медицинского освидетельствования, а также управление транспортным средством лицом, не имеющим права на управление [7, с. 136]. Эти нормы позволяют наступление ответственности даже без фактиче-

[1] Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV (с изм. и доп. по сост. на 10.07.2025) // Информ. система «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923&ysclid=mja5pldto4223157032 (дата обращения: 17.11.2025).

[2] Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (с изм. и доп. по сост. на 20.10.2025) // Информ. система «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&ysclid=mja5qzh5qz318053872 (дата обращения: 17.11.2025).

ских последствий, что усиливает превентивный эффект законодательства.

Отдельно предусмотрена ответственность за оставление места дорожно-транспортного происшествия, что позволяет четко разграничить последствия деяния и стимулирует участников дорожного движения действовать в соответствии с законом. В Беларуси, так же как и в Армении, существует статья о нарушении правил содержания автомобильных дорог, улиц и дорожных переездов, где субъектом преступления является ответственное лицо за содержание дорог, а ответственность наступает при причинении вреда средней тяжести или ущерба в особо крупном размере. Подобный подход реализован и в Туркменистане, где отдельная статья предусматривает ответственность за нарушение правил пользования дорогами и их охраной, с субъектом в лице ответственного за техническое состояние транспортной инфраструктуры. Кроме того, введение термина «аннулирование права управления транспортным средством», как это сделано в Молдове, может быть полезной практикой для Беларуси и России, позволяя повышать ответственность участников дорожного движения без необходимости лишения прав в традиционном понимании.

В заключение можно сказать, что общее для всех исследуемых стран состоит в признании общественной опасности деяний, посягающих на безопасность функционирования транспорта, а также в стремлении законодателя обеспечить надежную охрану жизни, здоровья и имущества граждан, участвующих в транспортных отношениях. Однако конкретные способы правового регулирования, структура и содержание соответствующих норм существенно различаются.

Так, различия проявляются:

— в расположении норм о транспортных преступлениях в системе уголовного кодекса;

— в определении объектов посягательства (от безопасности движения до эксплуатации транспорта);

— в характере субъекта преступления (общий, специальный, должностное лицо и т. д.);

— в видах наказаний и их соотношении с административной ответственностью;

— в уровне детализации квалифицирующих признаков и наличии специальных составов, связанных с отдельными видами транспорта (автомобильный, железнодорожный, воздушный, водный).

Сравнительный анализ уголовного законодательства стран СНГ в части транспортных преступлений показывает значительное разнообразие подходов. В некоторых странах транспортные преступления выделены в отдельные главы, в других — включены в более общие разделы о преступлениях против общественной безопасности. Терминологический аппарат и подход к квалификации последствий заметно различаются в уголовных законодательствах государств СНГ. Так, в большинстве стран предусмотрено лишение права управления транспортным средством, тогда как в Республике Молдова применяется особый правовой институт — аннулирование права управления, что подчеркивает различие в юридической природе этих мер. Кроме того, в ряде кодексов наблюдается объединение в одной норме таких последствий, как причинение тяжкого вреда здоровью и смерть человека, что представляется методологически спорным, поскольку эти деяния различаются по степени общественной опасности и требуют более дифференцированного подхода к уголовно-правовой оценке. Практика отдельных статей за управление в состоянии опьянения, передачу управления другим лицам и повторные деяния демонстрирует эффективность превентивных мер. Отдельное регулирование нарушения содержания дорог также доказало свою значимость.

Таким образом, сравнительный анализ позволяет выявить лучшие направления для совершенствования законодательства: уточнение квалификации тяжкого вреда и смерти, выделение ответственности за повторные правонарушения, расширение норм по содержанию дорог, внедрение механизма аннулирования права управления. Эти меры повышают точность оценки общественной опасности деяний и эффективность уголовного противодействия транспортным преступлениям.

1. Павлик А. М. Ответственность за нарушение правил дорожного движения в российском и зарубежном уголовном законодательстве: сравнительно-правовой аспект // Ленинградский юридический журнал. 2025. № 1 (79). С. 340—359.

1. Pavlik A. M. Responsibility for traffic violations in Russian and foreign criminal legislation: a comparative legal aspect. Leningrad Legal Journal, 340—359, 2025. (In Russ.).

2. Кусакин В. В. Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за преступления против безопасности дорожного движения: опыт стран СНГ // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2018. Т. 1, № 3. С. 141—149.

3. Безрукова О. В. Сравнительный анализ норм, предусматривающих уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в странах — участниках СНГ // Наука. Общество. Государство. 2017. Т. 5, № 1 (17). С. 62—68.

4. Третьяков В. И., Стрилец О. В. Реализация принципа справедливости на современном этапе развития российского уголовного законодательства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 4 (47). С. 9—14.

5. Нифталиева И. А. Формирование и развитие принципа справедливости в российском уголовном законодательстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2 (49). С. 40—48.

6. Золотарь К. В. Сравнительно-правовой анализ зарубежного уголовного законодательства об ответственности за нарушение правил безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Цифровая наука. 2020. № 4 (4). С. 155—162.

7. Мидловец М. В. Сравнительный анализ законодательства зарубежных стран о дорожно-транспортных преступлениях // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2017. Т. 3 (69), № 1. С. 133—140.

2. Kusakin V. V. Comparative legal analysis of criminal responsibility for crimes against road traffic safety: experience of the CIS countries. Journal of the Volzhsky University named after V. N. Tatishchev, 141—149, 2018. (In Russ.).

3. Bezrukova O. V. Comparative analysis of norms providing for criminal responsibility for violation of traffic rules and operation of vehicles in the CIS countries. Science. Society. State, 62—68, 2017. (In Russ.).

4. Tretiyakov V. I., Strilets O. V. Implementation of the principle of justice in the acting stage of development of Russian criminal legislation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 9—14, 2018. (In Russ.).

5. Niftalieva I. A. Formation and development of the principle of justice in the Russian criminal legislation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 40—48, 2019. (In Russ.).

6. Zolotar K. V. Comparative legal analysis of foreign criminal legislation on responsibility for violation of road safety regulations and vehicle operation. Digital science, 155—162, 2020. (In Russ.).

7. Midlovets M. V. Comparative analysis of foreign countries legislation on traffic crimes. Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Juridical science, 133—140, 2017. (In Russ.).

Смыр Алиса Джамаловна,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России,
aliska.smyr@mail.ru

Smyr Alice Dzhamalovna,
post-graduate student
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
aliska.smyr@mail.ru

Статья поступила в редакцию 18.12.2025; одобрена после рецензирования 25.12.2025; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 18.12.2025; approved after reviewing 25.12.2025; accepted for publication 16.02.2026.

* * *

УДК 343.237+343.9

СОВМЕСТНАЯ ПРЕСТУПНАЯ КОРРУПЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И ПРИЗНАКИ

Кирилл Николаевич Стрельников
Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, polysszolotta@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые аспекты совместной коррупционной деятельности как сложного, многомерного и многоуровневого социально-криминологического феномена. Анализируется институт соучастия в преступлении, который регламентируется нормами уголовного права и служит юридической основой для квалификации и привлечения к уголовной ответственности каждого из соучастников. Обосновывается тезис о том, что совместная коррупционная деятельность не сводится к соучастию в преступлении и по своему содержанию является более широким криминологическим феноменом. Сделан акцент на понятии «совместности участия» как системообразующем признаке, определяющем структуру и общественную опасность совместной коррупционной деятельности. Проводится систематизация участников совместной коррупционной деятельности по их функциональным ролям (носители властных и управленческих полномочий, бенефициары, посредники, консультанты, физические лица и (или) контрагенты должностных лиц). Рассматриваются различные виды коррупционной выгоды, как материальной, так и нематериальной, которые выступают ключевыми мотивационными факторами вступления в коррупционные отношения. В рамках исследования разработано авторское понятие «совместная коррупционная деятельность», которое позволяет глубже понять ее сущность и особенности функционирования.

Ключевые слова: коррупция, совместная коррупционная деятельность, соучастие в преступлении коррупционной направленности, коррупционный сговор, коррупционные практики, коррупционная сделка, коррупционное взаимодействие, корыстная мотивация, совместность участия

Для цитирования: Стрельников К. Н. Совместная преступная коррупционная деятельность: понятие, сущность и признаки // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 1 (76). С. 173—181.

JOINT CRIMINAL CORRUPTION ACTIVITIES: CONCEPT, NATURE, AND CHARACTERISTICS

Kirill Nickolaevich Strelnikov
Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Krasnodar, Russia, polysszolotta@yandex.ru

Abstract. The author of the article examines the key aspects of joint corruption activity as a complex, multidimensional, and multi-level socio-criminological phenomenon. He analyzes the institution of complicity in a crime, regulated by criminal law and serving as the legal basis for qualification and prosecution of each of the accomplices. The author substantiates the point that joint corruption activity is not limited by complicity in a crime and, in its content, is a broader criminological phenomenon. Emphasis is placed on the concept of "joint participation" as a system-forming characteristics to determine the structure and social danger of joint corruption activity. The author of the article systematizes participants in joint corruption activities according to their functional roles (representatives in power and management, beneficiaries, mediators, consultants, individuals and / or counterparties of officials). In the article, the author considers various types of corruption benefits, both material and nonmaterial, to be key motivating factors for engaging in corruption relationships. In his research, he develops the author's own concept of "joint corruption activity", which gives an opportunity to understand its essence and functioning specifics more detailed.

Key words: corruption, joint corruption activity, complicity in a corruption-related crime, corruption conspiracy, corruption practices, corruption transaction, corruption interaction, self-interest motivation, joint participation

© Стрельников К. Н., 2026

For citation: Strelnikov K. N. Joint criminal corruption activities: concept, nature, and characteristics. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 173—181, 2026. (In Russ.).

Коррупция, как одно из наиболее общественно опасных и широко распространенных противоправных явлений современности, представляет собой сложный объект криминологического изучения. Традиционно исследования в области криминологии акцентировали внимание на изучении отдельных проявлений коррупционных преступлений, анализе личностных характеристик субъектов коррупционного поведения (социально-демографических, уголовно-правовых и нравственно-психологических), а также на разработке превентивных мер уголовно-правового и криминологического характера. Вместе с тем в научных трудах все чаще отмечается, что значительная часть коррупционных деяний носит коллективный характер и происходит в рамках совместной преступной деятельности нескольких лиц [1, с. 252; 2, с. 27; 3—5]. В результате развивается новый вектор криминологических исследований, направленный на выявление и анализ групповых и организованных форм коррупционной деятельности в целях повышения эффективности профилактических и репрессивных мер в борьбе с указанным негативным явлением.

Совместная коррупционная деятельность (далее — СКД) представляет собой специфическую форму совместной преступной деятельности, характеризующуюся участием нескольких лиц, объединенных общей корыстной целью и организованными действиями, которые направлены на достижение преступного результата, и (или) преступную деятельность групповых образований либо организованных преступных формирований. В то же время СКД — это многоаспектный феномен, включающий разнообразные формы и виды преступных действий, которые характеризуются широким спектром устоявшихся коррупционных практик. В контексте настоящего исследования *«коррупционные практики»* — устойчиво воспроизводимые, социально укорененные модели коррупционного поведения, проявляющиеся в типичных и институционализированных способах использования публично-властных и управленческих полномочий, авторитета занимаемой должности и сопряженного с ними ресурсного потенциала, а также основанных на них формальных и неформальных связей в целях обмена материальными и нематериальными выгодами между участниками коррупционного взаимодействия в обход либо вопреки установленным законом процедурам, регламентам и публично декларируемым нормам служебного и профессионального поведения.

Необходимо отметить, что понимание и исследование данного феномена невозможно без анализа института соучастия в преступлении, который регламентируется нормами уголовного права и служит юридической основой для квалификации и привлечения к уголовной ответственности каждого из соучастников. В контексте СКД этот институт приобретает особое значение, поскольку коррупционные преступления часто совершаются коллективно, посредством распределения ролей и координации преступных действий. СКД при этом не сводится к соучастию в преступлении, а представляет собой самостоятельный криминологический феномен, требующий отдельного научного изучения и описания, а также законодательного регулирования деятельности, направленной на противодействие указанному негативному феномену с учетом современных тенденций и перспектив развития. Это обусловлено тем, что указанная преступная деятельность может проявляться в различных формах, не всегда соответствующих классической модели соучастия, которая неприменима к ситуациям, где участники, хотя и действуют совместно, являются субъектами разных составов преступлений либо их деятельность криминализирована как самостоятельное уголовно наказуемое деяние (ст. 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ)). Например, дача взятки (ст. 291 УК РФ) и получение взятки (ст. 290 УК РФ) являются самостоятельными составами преступлений, предусмотренными уголовным законом. Взяткодатель и взяткополучатель, вступая в коррупционный сговор, совершают согласованные действия, направленные на достижение преступной цели. Однако с точки зрения уголовного права их действия не образуют соучастие в преступлении. В случае коррупционного сговора между указанными лицами речь идет о совместной коррупционной деятельности, основанной на предварительной договоренности, совместности участия и согласованности действий, но при этом дача и получение взятки квалифицируются как самостоятельные составы преступлений с разными субъектами и разными уголовно-правовыми последствиями.

В настоящее время законодательное определение понятия соучастия закреплено в ст. 32 УК РФ, согласно которой *«Соучастием в преступлении*

признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления». Проанализировав законодательную дефиницию, можно выделить признаки, присущие совместной преступной деятельности, вытекающие из содержания ст. 32 УК РФ, которые в теории уголовного права традиционно подразделяются на объективные и субъективные [6, с. 253—254]. Так, к субъективным признакам относится *«умышленный характер совместного участия в совершении умышленного преступления».* В свою очередь, объективными признаками выступают *«совместность участия»* и *«участие в совершении умышленного преступления двух и более лиц».*

Приступая к непосредственному исследованию признаков соучастия в преступлении, необходимо отметить, что основополагающим и системообразующим объективным признаком СКД выступает именно *«совместность участия».* Данный признак предопределяет специфику всех остальных элементов, составляющих структуру данного феномена, и оказывает доминирующее влияние на его общественную опасность. Традиционно признак *«совместность участия»* в теории уголовного права анализируется с учетом двух основных аспектов — объективного и субъективного. Объективный аспект включает в себя фактическое, внешне проявленное взаимодействие соучастников преступления, выраженное через единство преступных усилий соучастников, направленных на достижение общего для всех преступного результата, наступление для всех соучастников общих и осознаваемых ими общественно опасных последствий, а также наличие между деяниями соучастников причинной связи [7; 8]. В свою очередь, субъективный аспект отражает внутреннее, психическое состояние соучастников — их сознание, волю, общее понимание преступных намерений и согласованность преступных действий для достижения общей противоправной цели [9, с. 104; 10, с. 17; 11].

Такой двойственный подход является классическим и позволяет комплексно оценивать наличие или отсутствие совместности в конкретных уголовно-правовых ситуациях. Тем не менее, несмотря на многолетние исследования и значительный массив научных публикаций, содержание признака *«совместность»* в уголовно-правовой доктрине продолжает оставаться предметом научной дискуссии и неоднозначного толкования.

Неопровержимым является тот факт, что лица, принимающие участие в СКД, совершают единое, общее для всех них уголовно наказуемое деяние, в основе которого прослеживается *«двухсторонняя или многосторонняя субъективная связь»*, так как при односторонней связи совершить данные деяния в соучастии невозможно. Указанная связь является результатом особого соглашения о совместном совершении преступления [12]. В данном случае речь идет именно о наличии между участниками СКД *«коррупционного сговора»,* который невозможно рассматривать как простое или случайное взаимодействие между лицами, участвующими в преступлении. Напротив, он представляет собой особую, устойчивую и осознанную форму соглашения, основанного на взаимном согласии и целенаправленности действий, направленных на достижение преступной коррупционной цели. Ключевым аспектом в понимании коррупционного сговора при этом является его предшествующий характер по отношению к фактическому совершению преступления коррупционной направленности [13, с. 379].

В отдельных ситуациях сговор может носить неявный, имплицитный характер, базируясь на взаимном понимании и общности коррупционных интересов участников СКД, либо существовать в виде прямого или косвенного «инструктажа», который выполняет функцию приобщения к коррупционной субкультуре. В этом случае лицу в прямой или завуалированной форме разъясняются неписаные «правила игры», языковые коды и эвфемизмы, принятые в коллективе.

В то же время СКД как криминологическая категория шире, чем соучастие в преступлении, поскольку охватывает и такие случаи, когда преступные деяния разных участников объективно взаимосвязаны и функционально дополняют друг друга (объективно включены в единый коррупционный механизм), но между ними отсутствует необходимая *«двусторонняя субъективная связь»*, требуемая для признания соучастия в уголовно-правовом смысле. Уголовная ответственность таких участников наступает независимо от их осведомленности о действиях иных лиц, вовлеченных в СКД, а также о времени, месте, способе и иных обстоятельствах планируемых либо совершаемых преступлений коррупционной направленности.

В частности, в контексте функционирования *«коррупционной сети»* (под которой в настоящем исследовании предлагается понимать устойчивую совокупность формально и неформально связанных между собой должностных лиц, представителей бизнес-сообщества, посредников и иных акторов, взаимодействующих на основе стабильных коррупционных связей и использующих принад-

лежащие им властные, управленческие, финансовые и иные ресурсы для систематической организации, реализации и прикрытия различных коррупционных практик) каждый ее участник может быть функционально «привязан» к определенному этапу преступной деятельности или к отдельному участку («фронту») работы — например, к установлению неформальных контактов с представителями органов публичной власти, подготовке и легализации документов, обеспечивающих видимость правомерности решений, организации финансовых потоков и распределению получаемых выгод либо к информационному или организационному сопровождению коррупционных сделок. Это, с одной стороны, усиливает скрытность и устойчивость совместной коррупционной деятельности, а с другой — предполагает индивидуальную уголовно-правовую оценку поведения каждого участника сети, который несет ответственность за тот этап и тот «фронт» преступной деятельности, в пределах которого реализован его преступный умысел.

Продолжая изучение объективных признаков соучастия в коррупционном преступлении, отметим, что преступление коррупционной направленности будет считаться совершенным в соучастии лишь в том случае, если в его совершении принимали участие не просто два физических лица, которые в соответствии со ст. 19 УК РФ обладают всеми признаками субъекта преступления, а два и более лица, обладающих признаками специального субъекта (примечание 1—4 ст. 285 УК РФ, примечание 1 ст. 201 УК РФ, а также п. 2 примечания к ст. 290 УК РФ), за исключением деяний, предусмотренных чч. 1 и 2 ст. 204, ст. 204.1, ст. 291, ч. 1, 3—5 ст. 291.1 УК РФ, которым присущ общий субъект.

Вместе с тем состав лиц, вовлеченных в совершение различных групповых или организованных преступлений коррупционной направленности, может существенно варьироваться и включать в себя преступную деятельность разных участников. Так, помимо участников, обладающих признаками специального субъекта, в структуре СКД могут участвовать и лица, не обладающие такими признаками, но оказывающие значительное влияние на процесс или содействующие его реализации (общий субъект).

Рассматривая указанную преступную деятельность как системный феномен, охватывающий взаимодействие различных лиц в ходе подготовки, совершения и сокрытия коррупционных преступлений либо в рамках неформальных коррупционных практик, необходимо систематизировать участников СКД путем выделения ключевых кластеров. Каждый из этих кластеров характеризуется специфическими социальными, организационными и криминальными признаками, что требует отдельного анализа в целях выявления их роли и степени ответственности в рамках СКД.

Первый кластер включает в себя должностных лиц органов публичной власти или муниципальных служащих либо лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации (к числу которых относятся лица, перечисленные в примечаниях к ст. 201, 285 УК РФ), наделенные специальными управленческими полномочиями или особым правовым статусом.

Второй кластер охватывает представителей бизнес-сообщества, которые, как правило, выступают в роли конечных бенефициаров коррупционного взаимодействия. Это могут быть собственники (акционеры), выгодоприобретатели, «теневые» контролирующие лица, агенты, инвесторы, а также близкие к ним аффилированные лица и т. д. Перечисленные лица выстраивают устойчивые коррупционные связи с должностными лицами для получения экономических, административных и регуляторных преимуществ, недоступных в условиях добросовестной конкуренции. Необходимо отметить, что представители второго кластера могут в ряде случаев совпадать с субъектами, указанными в примечании 1 к ст. 201 УК РФ, однако с точки зрения построения типологии целесообразно считать, что принадлежность к кластеру определяется не столько формально-правовым статусом, сколько выполняемой ролью в коррупционном взаимодействии: первый кластер — лица, использующие управленческие или публично-властные полномочия вопреки интересам службы или организации, второй кластер — лица, для которых эти действия совершаются и которые выступают конечными выгодоприобретателями.

Третий кластер включает в себя физических лиц (действующих от собственного имени и в собственных интересах), которые сами не обладают ни публично-властными, ни корпоративно-управленческими полномочиями, но сознательно инициируют или поддерживают коррупционный обмен ради решения личных вопросов в обход установленного законом порядка. Их преступная деятельность проявляется в том, что такие лица: 1) инициируют дачу взятки ради получения нужного им решения; 2) предлагают незаконное вознаграждение за ускорение или упрощение административных процедур (регистрация, лицензирова-

ние, оформление документов, прохождение очередей); 3) выступают в роли контрагентов должностных лиц и т. д.

Четвертый кластер представляет собой группу посредников и (или) консультантов, представляющих интересы обеих сторон и осуществляющих «лоббирование» интересов участников коррупционного взаимодействия. Представители этого кластера, как правило, не являются ни основными бенефициарами коррупционной сделки, ни формальными носителями управленческих или публично-властных полномочий. Их роль — организационно-коммуникационная: они обеспечивают контакт, договариваются об условиях, «упаковывают» коррупционную услугу в форму легальных или псевдолегальных действий (консалтинг, лоббистская деятельность, «законное решение вопроса» и т. д.) и обеспечивают сопровождение коррупционной сделки на всех этапах.

Необходимо отметить, что предложенные общие группы (кластеры) служат основой для более глубокого изучения участников СКД, исходя из их статуса и функциональной роли в конкретном уголовно наказуемом деянии.

Следующим не менее важным признаком СКД выступает *«умышленный характер совместного участия в совершении умышленного преступления»*.

Изучение уголовных дел свидетельствует о том, что преступления коррупционной направленности совершаются исключительно с прямым умыслом. Такой позиции придерживается и законодатель. Согласно положениям Указания Генпрокуратуры России № 503/11, МВД России № 1 от 28 июля 2025 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» (перечень № 23) (далее — Указание Генпрокуратуры России и МДВ России), одним из обязательных признаков преступлений коррупционной направленности выступает *«совершение преступления только с прямым умыслом»*[1].

Эту позицию разделяют также многочисленные исследователи [14, с. 458; 15; 16]. Они сходятся в том, что преступления коррупционной направленности, исходя из их специфической корыстной мотивации и целенаправленного характера, совершаются исключительно с прямым умыслом. Такой подход основывается на понимании того, что для реализации коррупционных преступных действий необходима осознанность и целенаправленность действий субъекта, который не просто допускает возможность наступления негативных последствий, а стремится к их наступлению ради получения личной и (или) корпоративной выгоды (извлечение незаконной прибыли или приобретение нематериальных преимуществ и (или) привилегий).

Наряду с вышеперечисленным признаки преступлений коррупционной направленности закреплены в Указаниях Генпрокуратуры России и МВД России (перечень № 23). К ним документ относит следующие:

1) наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния (к числу которых относятся лица, перечисленные в примечаниях к ст. 201, 285 УК РФ, наделенные специальными полномочиями или особым правовым статусом);

2) связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей;

3) обязательное наличие у субъектов корыстного мотива (деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц);

4) совершение преступления только с прямым умыслом[2].

Останавливаясь более подробно на анализе мотивации участников СКД, необходимо отметить, что традиционно в уголовном праве корыстная мотивация коррупционных преступлений обусловливает получение заинтересованными лицами материальной выгоды, например денег, имущества или иных материальных благ. Методы и средства совершения коррупционных деяний часто направлены на незаконное обогащение, что определяет ключевой признак коррупционных преступлений — наличие прямой материальной заинтересованности у участников коррупционного сговора.

Так, профессор Н. А. Лопашенко подчеркивает, что фундаментальным элементом коррупционной сделки является взаимная выгода, получаемая всеми ее участниками, которую необходимо рассматривать в самом широком смысле [17]. Данная выгода может иметь конкретный материальный

[1] О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генпрокуратуры России № 503/11, МВД России № 1 от 28 июля 2025 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_483902/ (дата обращения: 10.11.2025).

[2] Там же.

характер, выражаясь, например, в денежных средствах, имуществе или ценных бумагах, что представляет наиболее очевидную форму коррупционного вознаграждения. Однако материальные выгоды не всегда носят прямой и немедленный характер. В ряде случаев они могут быть опосредованными, проявляющимися через предоставление определенных услуг или благоприятных условий, которые в перспективе приводят к получению выгоды. Например, лицо может не получить материальную выгоду непосредственно, но воспользоваться предоставлением более выгодной и высокооплачиваемой должности либо продвижением по служебной лестнице в результате оказанной коррупционной услуги.

Однако в рамках криминологического подхода предмет коррупционных отношений значительно шире: он охватывает не только материальные, но и нематериальные выгоды, которые могут быть предоставлены в результате коррупционной сделки [18, с. 73—74]. Иначе говоря, предмет коррупционных отношений — это не только то, что «передано» в материальном смысле, но и то, ради чего вступают в коррупционную связь (какое преимущество специальный субъект или иной актор получает или ожидает получить в будущем). К таковым относятся различные виды поддержки, не имеющие прямого экономического выражения, но обладающие значительной социальной или политической ценностью, широкий спектр экономических, социальных и политических преимуществ, взаимно извлекаемых сторонами коррупционной сделки, а также иные формы нематериального вознаграждения, которые способствуют укреплению статусных позиций и (или) обеспечению непрямых выгод [19, с. 237; 20]. Например: 1) статусно-репутационные выгоды (благоприятные публичные оценки; поддержка в СМИ; создание позитивного информационного фона и умышленное замалчивание негативной информации); 2) карьерные и профессиональные преимущества (продвижение по службе, назначение на престижную должность, создание «карьерного лифта»; различного рода протекция); 3) социально-политическое покровительство (включение в неформальные элитные сети, доступ к закрытым клубам, кругам влияния); 4) информационные выгоды (предоставление инсайдерской информации; ранний доступ к планируемым решениям властей).

Нематериальные выгоды, хотя и трудно поддаются количественной оценке, играют ключевую роль в мотивации участников коррупционных сделок и влияют на устойчивость коррупционных связей. Поэтому с точки зрения криминологического анализа оправдан подход, при котором предмет коррупционных отношений понимается как совокупность любых неправомерно предоставляемых или получаемых преимуществ — имущественных или неимущественных, непосредственных или опосредованных, очевидных или скрытых. Это позволяет точнее описывать реальные коррупционные практики, выходящие далеко за рамки классической «взятки в конверте», и лучше связывать коррупцию с деформацией социальных и государственных институтов.

Обобщая изложенное и основываясь на результатах проведенного анализа, сформулируем собственную составную дефиницию СКД и выделим ее основные признаки.

«Совместная коррупционная деятельность — это сложный, многомерный и многоуровневый феномен, представляющий собой умышленную, целенаправленную и согласованную преступную деятельность двух и более акторов (одним из которых в обязательном порядке выступает специальный субъект) и (или) групповых образований либо организованных преступных формирований, характеризуемую взаимной обусловленностью, наличием особых коррупционных связей и отношений, самодетерминацией, секретностью, системностью и устойчивостью во времени, в основе которой лежит особый сговор о совместном совершении преступления или преступлений коррупционной направленности в целях получения незаконной материальной или нематериальной выгоды путем противоправного использования должностным лицом публичной власти или муниципальным служащим либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой либо иной организации, своего служебного положения, властных полномочий или авторитета занимаемой должности вопреки интересам службы или организации, реализуемую через разнообразные коррупционные практики и (или) схемы, в том числе посредством предварительного склонения специального субъекта любыми способами к участию в такой деятельности, приводящую к значительным экономическим, социальным и политическим последствиям, подрыву институциональных основ государственного управления и дискредитации власти».

Указанная преступная деятельность характеризуется следующими признаками:

а) выступает разновидностью совместной преступной деятельности и включает в себя совер-

шение отдельных коррупционных преступлений совместными усилиями нескольких лиц и (или) групповыми образованиями либо организованными преступными формированиями. Именно наличие взаимосвязанной активности нескольких участников, действующих не изолированно, а в рамках общей преступной деятельности, отличает СКД от одиночных коррупционных преступлений;

б) обладает фундаментальной неразрывной связью с институтом соучастия в преступлении и прикосновенности к преступлению;

в) в отдельных случаях СКД может не приводить к соучастию в преступлении в классическом юридическом понимании (ст. 32 УК РФ), поскольку объективная взаимосвязь и функциональная комплементарность действий различных участников не сопровождаются той степенью «двусторонней субъективной связи», которая необходима для признания их преступных действий соучастием в преступлении;

г) включает в себя деятельность специальных субъектов (должностных лиц публичной власти или муниципальных служащих либо лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации) и (или) преступную деятельность общего субъекта путем незаконного предоставления имущественных выгод указанным специальным субъектам;

д) предусматривает связь преступного деяния коррупционной направленности со служебным положением служащих государственных и (или) муниципальных органов либо работниками коммерческих и (или) иных организаций (сознательное отступление от их прямых функциональных обязанностей);

е) в основе СКД лежит особый сговор о совместном совершении преступления или преступлений коррупционной направленности. Сговор может быть как конкретизированным (распределение ролей, объема выгод, порядка действий), так и более общим, но в любом случае предполагает осознание участниками совместного характера деятельности и наличие общего коррупционного интереса;

ж) содержание СКД составляет совокупность преступных действий, направленных на получение незаконной материальной либо нематериальной выгоды. Речь идет не только о деньгах и имуществе, но и о статусных привилегиях, покровительстве (протекционизме), доступе к различного рода ресурсам, карьерных, служебных и иных преимуществах, предоставляемых в результате коррупционного «обмена»;

з) обладает развитой функциональной наполненностью и структурной организованностью, устоявшимся преступным поведенческим стереотипом и различными неформальными коррупционными практиками;

и) может способствовать возникновению, функционированию и видоизменению коррупционных сетей различного уровня и функционального характера;

к) в отдельных случаях включает в себя деятельность лица, выполняющего посреднические функции в уголовно наказуемом деянии коррупционной направленности, выступающего при этом важнейшим элементом преступной системы или коррупционной схемы;

л) представляет непосредственную угрозу национальной безопасности Российской Федерации во всех сферах жизнедеятельности общества и государства, в том числе способствует развитию организованной преступности;

м) приводит к возрастанию социального релятивизма, расширению масштабов теневой экономики, сдерживанию развития социально значимых процессов в обществе и государстве.

1. Иванова А. А. Коррупционное преступление: подходы к определению // Russian journal of economics and law. 2012. № 3 (23). С. 249-255.

2. Борков В. Н. Необходимое соучастие как признак коррупционного преступления // Государство и право. 2019. № 8. С. 23—30.

3. Икрянникова А. С. Соучастие в коррупционном преступлении (опыт криминологического исследования): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 22 с.

4. Воробьева М. С. Соучастие в коррупционном преступлении // Актуальные проблемы науки и практики: сб. науч. тр. по итогам научно-пред-

1. Ivanova A. A. Corruption crime: approaches to definition. Russian journal of economics and law, 249—255, 2012. (In Russ.).

2. Borkov V. N. Necessary complicity as a factor of a corruption crime. State and Law, 23—30, 2019. (In Russ.).

3. Ikryannikova A. S. Complicity in a corruption crime (experience of criminological research). Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Krasnodar; 2016: 22. (In Russ.).

4. Vorobiyova M. S. Complicity in a corruption crime. In: Topical problems of science and practice. Collection of scientific papers based on the

ставительских мероприятий (Хабаровск, 23 июня 2022 г.). Хабаровск: Дальневост. юрид. ин-т МВД России, 2022. С. 226—229.

5. Бурлаков В. Н. Понятие коррупционного соучастия и ответственность за него // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 1. С. 49—58.

6. Уголовное право России. Общая часть: учебник / В. В. Бабурин [и др.]; под ред. Р. Д. Шарапова. Тюмень: Тюмен. ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013. 583 с.

7. Шеслер А. В. Содержание совместности при соучастии в преступлении // Всероссийский криминологический журнал. 2022. № 3. С. 342—354.

8. Шеслер А. В., Шеслер С. С. Совместность совершаемого преступления как признак соучастия // Вестник Сургутского государственного университета. 2018. № 3 (21). С. 59—65.

9. Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. Москва: Юрид. лит., 1974. 208 с.

10. Шнейдер М. А. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву. Москва: ВЮЗИ, 1958. 98 с.

11. Кухтина Т. В. К вопросу о признаках соучастия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2009. № 40 (173). С. 58—61.

12. Кособродов В. М., Труфанова Е. Г. Коррупционный сговор как проявление необходимого соучастия // Закон и право. 2024. № 10. С. 215—220.

13. Труфанова Е. Г. Квалификация состава соучастия в коррупционных преступлениях // Юридическая наука. 2025. № 6. С. 378—382.

14. Кузнецова Н. Ф. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении. Москва: Зерцало, 2002. 624 с.

15. Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Преступления в сфере экономической деятельности: монография. Москва: Учеб.-консультац. центр «ЮрИнфоР», 1998. 296 с.

16. Рарог А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография. Москва: Проспект, 2016. 232 с.

17. Лопашенко Н. А. Противодействие российской коррупции: обоснованность и достаточность уголовно-правовых мер // Следователь. 2009. № 6. С. 35—40.

18. Усенко А. С., Сейтягьяева Д. А. Актуальные проблемы квалификации взяточничества, предметом которого являются нематериальные

results of scientific and representative events (Khabarovsk, June 23, 2022). Khabarovsk: Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia: 226—229. (In Russ.).

5. Burlakov V. N. The concept of corruption complicity and responsibility for it. All-Russian criminological journal, 49—58, 2020. (In Russ.).

6. Baburin V. V. (et al.) Criminal law of Russia. General part. Textbook. Red. by R. D. Sharapov. Tyumen: Tyumen Advanced Training Institute of the MIA of Russia; 2013: 583. (In Russ.).

7. Shesler A. V. Content of jointness in complicity in a crime. All-Russian criminological journal, 342—354, 2022. (In Russ.).

8. Shesler A. V, Shesler S. S. Jointness of the committed crime as a factor of complicity. Bulletin of the Surgut State University, 59—65, 2018. (In Russ.).

9. Telnov P. F. Responsibility for complicity in a crime. Moscow: Legal literature; 1974: 208. (In Russ.).

10. Schneider M. A. Complicity in a crime under the Soviet Criminal Law. Moscow: VYuZI; 1958: 98. (In Russ.).

11. Kukhtina T. V. On the issue of specifics of complicity. Bulletin of the South Ural State University. Series "Law", 58—61, 2009. (In Russ.).

12. Kosobrodov V. M., Trufanova Ye. G. Corruption conspiracy as a manifestation of necessary complicity. Law and Right, 215—220, 2024. (In Russ.).

13. Trufanova Ye. G. Qualification of the elements of complicity in corruption crimes. Legal science, 378—382, 2025. (In Russ.).

14. Kuznetsova N. F. Course of criminal law. General part. Vol. 1. The doctrine of a crime. Moscow: Zertsalo; 2002: 624. (In Russ.).

15. Gaukhman L. D., Maksimov S. V. Crimes in the sphere of economic activity. Monograph. Moscow: Educational and consulting center "YurInfoR"; 1998: 296. (In Russ.).

16. Rarog A. I. Problems to qualify crimes based on subjective factors. Monograph. Moscow: Prospect; 2016: 232. (In Russ.).

17. Lopashenko N. A. Combating Russian corruption: validity and sufficiency of criminal legal measures. Investigator, 35—40, 2009. (In Russ.).

18. Usenko A. S., Seityagiyaeva D. A. Topical problems of qualification of bribery, the subject of which is intangible benfits. Bulletin of Economics and Law, 70—78, 2024. (In Russ.).

19. Petrasheva N. V., Vakulenko N. A. Improving criminal-legal measures aimed at combating cor-

блага // Вестник экономики и права. 2024. № 98. С. 70—78.

19. Петрашева Н. В., Вакуленко Н. А. Совершенствование уголовно-правовых мер, направленных на борьбу с коррупцией // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 236—239.

20. Стрельников К. Н. Материальные выгоды как предмет коррупционной сделки // Научные достижения и инновационные подходы: фундаментальные и прикладные аспекты: сб. науч. тр. по материалам XI Междунар. науч.-практ. конф. (Анапа, 29 октября 2025 г.). Анапа: Науч.-исслед. центр экон. и соц. процессов в ЮФО, 2025. С. 30—39.

ruption. Gaps in Russian legislation, 236—239, 2017. (In Russ.).

20. Strelnikov K. N. Material benefits as a subject of a corruption transaction. In: Scientific achievements and innovative approaches: fundamental and applied aspects. Collection of scientific papers based on the materials of the XI International scientific and practical conference (Anapa, October 29, 2025). Anapa: Research Center for Economic and Social Processes in the Southern Federal District; 2025: 30—39. (In Russ.).

Стрельников Кирилл Николаевич,
адъюнкт кафедры
уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России;
polysszolotta@yandex.ru

Strelnikov Kirill Nickolaevich,
post-graduate student at the department
of Criminal Law and Criminology
of the Krasnodar University
of the Ministry of the Interior of Russia;
polysszolotta@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 14.12.2025; одобрена после рецензирования 27.12.2025; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 14.12.2025; approved after reviewing 27.12.2025; accepted for publication 16.02.2026.

* * *

УДК 343.23

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У ПОЛОЖЕНИЙ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИИ ОБ ИЗМЕНЕНИИ КАТЕГОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ?

Алексей Петрович Рожнов
Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, rozhnov@volsu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются положения действующего Уголовного кодекса Российской Федерации о праве суда изменять категорию совершенного преступления.

При анализе ч. 6 ст. 15 данного кодекса недопустимой видится постановка в один ряд в качестве однопорядковых таких условий изменения категории, как фактические обстоятельства преступления и степень его общественной опасности. Нелогичным представляется и то, что после назначения наказания суд возвращается к обсуждению возможности переоценки фактора (категория преступления), который ранее уже был учтен при выборе меры воздействия к правонарушителю.

Замечается, что на снижение степени общественной опасности преступления при изменении его категории и при назначении наказания по правилам ст. 64 Уголовного кодекса Российской Федерации влияют фактически одни и те же обстоятельства, характеризующие преступление, что также свидетельствует о надуманности анализируемых положений.

Высказывается предложение об исключении ч. 6 ст. 15 из рассматриваемого кодекса с переносом отдельных ее положений в ст. 64, согласно которому категория преступления должна изменяться автоматически в некоторых случаях назначения наказания при наличии исключительных обстоятельств, резко снижающих степень общественной опасности содеянного.

Ключевые слова: исключительные обстоятельства, индивидуализация ответственности, категория преступления, назначение наказания, смягчающие наказание обстоятельства, степень общественной опасности, фактические обстоятельства преступления

Для цитирования: Рожнов А. П. Есть ли будущее у положений Уголовного кодекса России об изменении категории преступления? // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 1 (76). С. 182—193.

IS THERE A FUTURE FOR THE PROVISIONS OF THE RUSSIAN CRIMINAL CODE CONCERNING CHANGING THE CATEGORY OF CRIME?

Alexey Petrovich Rozhnov
Volgograd State University, Volgograd, Russia, rozhnov@volsu.ru

Abstract. The article deals with the provisions of the acting Criminal Code of the Russian Federation regarding the court's right to change the category of the crime committed.

When analyzing part 6 of article 15 of this Code, it appears unacceptable to equate the factual circumstances of the crime and its degree of public danger as comparable factors for changing its category. It also appears illogical that after imposing a punishment the court returns to discussing the possibility of reassessing a factor (the category of the crime) that has been previously taken into account when choosing a sanction for the offender.

It is noted that the reduction of the degree of public danger of the crime when changing its category and when imposing a punishment under article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation is influenced by essentially the same circumstances characterizing the crime, which also demonstrates the artificiality of the provisions under analysis.

A proposal is made to exclude part 6 of article 15 from the Code under analysis and transfer certain of its provisions into article 64, according to which the category of the crime should be changed automatically in certain cases of imposing a punishment in the presence of exclusive circumstances significantly reducing the degree of public danger of the crime.

© Рожнов А. П., 2026

Keywords: exclusive circumstances, individualization of responsibility, category of crime, imposing a punishment, mitigating circumstances, degree of public danger, factual circumstances of the crime

For citation: Rozhnov A. P. Is there a future for the provisions of the Russian Criminal Code concerning changing the category of crime? Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 182—193, 2026. (In Russ.).

Светлой памяти выдающегося российского ученого, профессора Льва Леонидовича Кругликова

В 2011 г. действующий Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) был дополнен ч. 6 ст. 15, наделившей суд при назначении наказания абсолютно новым, не имевшим до этого аналогов правом изменять категорию совершенного преступления[1]. Как указывалось в пояснительной записке к законопроекту, целью предусматриваемых в нем новелл (включая изменение категории) была «дальнейшая гуманизация уголовного законодательства»[2]. Помимо этого самого общего соображения, иные мотивы наделения суда правом изменять категорию совершенного преступления в пояснительной записке не приводились.

Мало сказать, насколько спорным оказался новый инструмент индивидуализации уголовной ответственности, получивший практически единодушное осуждение представителей отраслевой науки [1, с. 55; 2; 3, с. 76—95; 4]. Не повторяя (по возможности) уже высказанные научной общественностью мнения, хотелось бы вновь обратить внимание как на дефекты анализируемых положений, так и на перспективу их сохранения в действующем УК РФ.

При ознакомлении с ч. 6 ст. 15 УК РФ сразу обращает на себя внимание очевидно неудачная формулировка критериев, приложение которых к конкретному случаю назначения наказания совершившему преступление лицу, по замыслу правотворца, должно позволить суду оценить необходимость изменения категории преступления в сторону ее смягчения. О важности же четкого формулирования этих критериев в уголовном законе говорит включение в число обязательных вопросов, всегда обсуждаемых судом при постановлении приговора, вопроса о том, «имеются ли основания для изменения категории преступления, в совершении которого обвиняется подсудимый, на менее тяжкую в соответствии с частью шестой статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» (п. 6.1 ч. 1 ст. 299 Уголовно-процессуального кодекса Российской федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ))[3].

Текст анализируемой нормы начинается со слов «*С учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности…*», из чего следует вывод о наличии как минимум двух критериев, которые должен учесть суд при обсуждении вопроса об изменении категории преступления — это, во-первых, «фактические обстоятельства преступления» и, во-вторых, «степень его общественной опасности». Причем, судя по употребленным при конструировании ч. 6 ст. 15 УК РФ языковым средствам (перечисление подлежащих учету для изменения категории преступления факторов, соединительный союз «и»), эти критерии мыслились законотворцем как равнозначные и самостоятельные: суд для изменения категории преступления должен учесть и фактические обстоятельства преступления, и (отдельно!) степень его общественной опасности. Однако так ли это?

Несомненно, в ч. 6 ст. 15 УК РФ речь идет об индивидуальной (конкретной) степени общественной опасности, потому что типовая ее степень определяется законодателем, а в ч. 6 ст. 15 УК РФ упомянут инструмент индивидуализации ответственности, которым наделяется суд (например: «*…суд вправе…*»).

В свою очередь, абзацем четвертым п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами

[1] Здесь и далее, если специально не оговорено иное, доступ к упоминаемым в настоящей статье нормативным правовым актам, постановлениям Пленума Верховного Суда РФ, судебным актам, принятым по конкретным делам, осуществлялся из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Законопроект № 559740-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/559740-5 (дата обращения: 03.05.2025).

[3] Соответствующие дополнения в УПК РФ были внесены синхронно с дополнением УК РФ ч. 6 ст. 15 одним и тем же Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ.

Российской Федерации уголовного наказания» индивидуальная степень общественной опасности преступления определяется «в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность)».

Следовательно, конкретные (или фактические) обстоятельства содеянного, представляющие собой объективные признаки конкретного преступления (характер и количественные характеристики нарушенного блага и наступивших последствий, способ совершения преступления и др.), являются измерителями его индивидуальной (конкретной) общественной опасности. Отсюда упомянутые в ч. 6 ст. 15 УК РФ «фактические обстоятельства преступления» определяют его конкретную (индивидуальную) опасность. Поэтому фактические обстоятельства преступления и степень его общественной опасности совсем не равнозначны в смысле своего влияния на вопросы индивидуализации уголовной ответственности (включая и изменение категории преступления), поскольку находятся друг с другом в отношении соподчинения и зависимости: одно (конкретное преступление, обстоятельства, его характеризующие) определяет другое (степень общественной опасности конкретного преступного деяния), а затем уже это «другое» позволяет суду приспособить выраженную в уголовно-правовой норме волю законодателя к конкретному случаю, определив вид и меру уголовной ответственности, тем самым индивидуализировав ее [5, с. 68].

Второе замечание редакционного плана, которое способно дезориентировать суд по вопросу о факторах, влияющих на изменение категории преступления, — чрезвычайная широта термина «фактические обстоятельства дела». Данное понятие является традиционным для текста уголовного закона и достаточно часто (в виде различных синонимичных модификаций) используется в Общей части УК РФ преимущественно при регламентации вопросов индивидуализации уголовной ответственности и наказания: ч. 1 ст. 6: «…*обстоятельства его совершения*…», п. «а» ч. 1 ст. 58: «…*С учетом обстоятельств совершения преступления* и личности виновного…», ч. 1.1. ст. 63: «…в зависимости от… *обстоятельств его совершения*…», ст. 63.1: «…иные существенные *обстоятельства совершения преступления*…» и др. Эти обстоятельства можно подразделить на две большие группы, выделив: а) обстоятельства преступления, указанные в уголовном законе и проявившиеся особым образом в конкретном преступлении, влияющие на оценку его тяжести и, тем самым, на вопросы индивидуализации ответственности — речь идет об объективных признаках состава преступления, специфически, неповторимо проявившихся в конкретном деянии; б) обстоятельства преступления, которые в уголовном законе не указаны. Данное деление можно продолжить. Например, обстоятельства второй группы могут быть подразделены на те, которые влияют на измерение тяжести содеянного в ту или иную сторону (на существенное увеличение или уменьшение степени его индивидуальной опасности), а также на те, которые не имеют никакого уголовно-правового значения, но могут играть роль при раскрытии, расследовании преступления, при изучении причин и условий его совершения и др. Едва ли последняя группа обстоятельств совершения преступления может иметь какую-либо связь с индивидуализацией ответственности и с использованием предусмотренных для нее в уголовном законе средств.

И если, по логике закона, упомянутые в ч. 6 ст. 15 УК РФ фактические обстоятельства являются самостоятельным критерием изменения категории преступления, подлежащим учету наряду с индивидуальной степенью общественной опасности совершенного преступления (союз «и», который связывает в тексте нормы два этих критерия, не позволяет размышлять иначе), то получается, что влиять на изменение категории могут и те обстоятельства преступления, которые тяжесть преступления не определяют, «безразличны» ей. Однако данный формально правильный вывод, безусловно, неверен по существу, что также свидетельствует об определенной ущербности анализируемого правового средства индивидуализации ответственности.

Однако гораздо более серьезным недостатком анализируемых положений, помимо отмеченных выше «редакционных» шероховатостей, является и тот странный алгоритм переоценки категории преступления, который описан в ч. 6 ст. 15 УК РФ.

Как следует из ч. 6 ст. 15 УК РФ, суд вправе изменить категорию преступления при одновременном наличии следующих условий:

а) фактические обстоятельства преступления сигнализируют о существенном снижении степени его общественной опасности;

б) суд за совершенное преступление назначает наказание, которое не должно превышать: для преступления средней тяжести — трех лет лишения свободы (или другое более мягкое наказание), для тяжких преступлений — пяти лет лишения свободы (или другое более мягкое наказание), для особо тяжких преступлений — семи лет лишения свободы. Данные категории приводятся так, как они определены законодателем применительно к инкриминированному осужденному деянию, т. е. до их возможного изменения судом в финале процесса индивидуализации уголовной ответственности;

в) наличие смягчающих наказание обстоятельств;

г) отсутствие отягчающих обстоятельств.

Приведенный механизм изменения категории в сторону ее смягчения не может не вызывать ряда вопросов.

Процесс назначения наказания не носит произвольный характер, а также подробно урегулирован в законе. Самым первым этапом выбора оптимальных вида и меры наказания для правонарушителя является применение общих начал назначения наказания, предусмотренных в чч. 1, 3 ст. 60 УК РФ. При этом ту часть общих начал, которая изложена в ч. 3 ст. 60 УК РФ, принято в науке именовать «критериями общих начал назначения наказания» [6, с. 57].

К одному из критериев назначения наказания, которые суд должен учесть для воплощения принципа справедливости при выборе оптимальной меры воздействия на правонарушителя, ч. 3 ст. 60 УК РФ относит характер и степень общественной опасности преступления.

Пленум Верховного Суда РФ в абзаце третьем п. 1 своего постановления от 22 декабря 2015 г. № 58 указывает, что «характер общественной опасности совершенного преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. При учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред». Однако все же более точным является доктринальное понимание характера общественной опасности преступления. Именно в этом измерителе общественной опасности отражается качественная сторона преступного деяния, ее некая постоянная составляющая, присущая всем преступлениям этого же рода. Отсюда, как указывает Л. Л. Кругликов, «характер общественной опасности определяется принадлежностью деяния к тому или иному роду преступления и выражается законодателем с помощью элементов (признаков) состава преступления» [7, с. 244]. Совершенно очевидно, что принадлежность деяния к преступлению определенного рода определяется теми его признаками, которые характерны для всех преступлений, составляющих этот род преступных деяний, и повторяются при совершении его как менее, так и более опасных разновидностей: например, признаки так называемого простого убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ) повторяются и в любом его квалифицированном виде (ч. 2 ст. 105 УК РФ), и в любом убийстве, являющемся относительно менее опасным по сравнению с «простым» (ст. 106—108 УК РФ). Данные признаки образуют основной состав преступления. Именно они и определяют законодательно характер общественной опасности преступления [8, с. 10].

Сложнее определиться с тем, о какой степени общественной опасности идет речь в ч. 3 ст. 60 УК РФ. Судя по действующим руководящим разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, посвященным вопросам назначения наказания, может создаться неверное впечатление, что законодатель (в понимании его воли, отраженной в постановлении № 58 от 22 декабря 2015 г.) подразумевает исключительно конкретную (индивидуальную) степень общественной опасности содеянного как фактор безусловного влияния на назначаемое преступнику наказание. И действительно, именно на такое понимание степени общественной опасности ориентирует приведенное выше содержание абзаца четвертого п. 1 постановления. Однако так ли это?

Думается, отсутствие в постановлении Пленума Верховного Суда РФ упоминания типовой степени общественной опасности и, как следствие, разъяснения содержания этого понятия — это явный недостаток данного акта толкования уголовного закона. Однако отсутствие разъяснений Верховного Суда РФ еще не свидетельствует о том, что, указывая среди критериев назначения справедливого наказания «степень общественной опасности», законодатель имел в виду только одно ее проявление, определяемое признаками конкретного преступления, или «реальным значением обстоятельств дела» [9, с. 50], и измеряемое судом в процессе индивидуализации наказания. Типовая степень общественной опасности, как отмечают разработчики современной теории дифференциации уголовной ответственности, выражается квалифицирующими либо привилеги-

рующими признаками, которые отражают «количественное изменение общественной опасности в сравнении с основным составом преступления, причем это изменение не выходит за рамки качественной определенности преступления, “безразлично” ей (квалифицированная кража не перестает быть кражей и не превращается в разбой)» [9, с. 50].

Как указано самим законотворцем, характер и степень общественной опасности в силу ст. 15 УК РФ являются основанием деления всех преступлений на четыре категории: небольшой, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие. Практически во всех обвинительных приговорах суд при обсуждении выбора им конкретных вида и меры наказания декларирует учет им категории совершенного преступления. Следовательно, именно эта типовая тяжесть преступления (в терминологии действующего УК РФ не совсем удачно поименованная «категорией преступления»), определяемая законом в зависимости от характера и типовой степени его общественной опасности, побуждает суд сначала определить вид наказания, которое должно быть назначено преступнику: безусловно, приоритет при выборе будет отдан наиболее строгим мерам воздействия при назначении наказания за совершение тяжких и особо тяжких преступлений; в случае же совершения преступлений небольшой и средней тяжести суд, по общему правилу, будет ориентироваться на назначение наказаний, альтернативных лишению свободы.

Наиболее показательно роль типовой тяжести преступления как одного из критериев назначения наказания проявляется при назначении наказаний за преступления, санкции которых сконструированы в УК РФ как альтернативные. И именно при применении таких санкций выбор судом основного наказания (пока без конкретизации его меры) в немалой степени предопределяется характером и типовой степенью общественной опасности содеянного — теми факторами, которые законодательно распределяют преступления по четырем группам в зависимости от их типовой тяжести, именуемой в действующем законе категориями.

Таким образом, при применении положений ч. 6 ст. 15 УК РФ возникает парадоксальная ситуация: до обсуждения вопроса об изменении категории суд должен назначить наказание, учтя законодательное отнесение совершенного преступления к определенной категории, а уже после завершения процесса индивидуализации наказания (приспособления меры воздействия к конкретному деянию и личности конкретного правонарушителя) — фактически переоценить типовую тяжесть содеянного, изменив категорию совершенного преступления в сторону ее смягчения, при наличии указанных в ч. 6 ст. 15 УК РФ условий.

Видимо, для того чтобы суды не были дезориентированы таким механизмом переоценки законодательного определения тяжести содеянного, Пленум Верховного Суда РФ в абзаце первом п. 8 постановления от 15 мая 2018 г. № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» специально подчеркнул: «Судам следует иметь в виду, что изменение категории преступления возможно только после того, как осужденному назначено наказание с учетом предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации правил назначения наказания, при условии, что вид и срок назначенного наказания отвечают требованиям части 6 статьи 15 УК РФ». Таким образом, Верховный Суд РФ еще раз подчеркнул, что понимание механизма изменения категории преступления в процессе назначения наказания, которое требует сначала назначить наказание и учесть при этом законодательно определенную категорию (тяжесть) совершенного преступления, а затем, по сути, на основании тех же факторов, повлиявших на назначенное наказание, изменить эту категорию, — это не какой-то редакционный недочет нормы, а именно реальная и ясно выраженная в тексте УК РФ мысль законодателя.

Однако возможно ли такое в принципе?! Когда следствие (назначенное наказание) становится причиной (условием) изменения своей причины (типовой степени общественной опасности)? С точки зрения логики и здравого смысла подобная ситуация как минимум странна.

Весьма странными выглядят и такие условия изменения категории совершенного преступления, как наличие смягчающих и отсутствие отягчающих наказание обстоятельств.

Судя по содержанию ч. 6 ст. 15 УК РФ, идея законодателя при введении соответствующей нормы заключалась в предоставлении правоприменителю еще одного индивидуализирующего наказание средства, общим основанием применения которого является резкий перепад (снижение) степени общественной опасности конкретного преступления по сравнению с его законодательно измеренной тяжестью. Судить об изменении данной конкретной степени общественной опасности возможно не иначе как по обстоятельствам преступления, проявившимся в момент его совершения. Однако все ли обстоятельства, ныне собранные в ст. 61, 63

УК РФ, характеризуют степень общественной опасности преступления?

Безусловно, нет. Как было отмечено Л. Л. Кругликовым на примере регламентации данных обстоятельств в ст. 38, 39 утратившего силу УК РСФСР 1960 г., условно все обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание (ст. 61, 63 действующего УК РФ), можно разделить на следующие группы:

1) обстоятельства, проявившиеся в преступлении, — это такие указанные в ст. 61, 63 УК РФ обстоятельства, которые «представляют собой фрагменты преступления, проявились в содеянном, оказывают влияние на степень общественной опасности преступления и личности виновного, снижая или повышая ее» [10, с. 35];

2) обстоятельства, не проявившиеся в преступлении:

2.1) обстоятельства, не проявившиеся в преступлении, но связанные с ним и влияющие на общественную опасность личности виновного в сторону ее снижения;

2.2) обстоятельства, не проявившиеся в преступлении, не связанные с ним:

а) свидетельствующие о резком снижении степени общественной опасности личности виновного, понимаемой как способность совершения ею новых преступлений;

б) никак не влияющие на общественную опасность личности, но учитываемые при назначении наказания в качестве смягчающих по гуманным соображениям [10, с. 36, 37].

Таким образом, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, очень разнообразны, и те из них, которые оказывают влияние в первую очередь на степень общественной опасности содеянного (и через это уже на общественную опасность личности виновного), не исчерпывают всего их многообразия.

Анализируя данные обстоятельства в свете их влияния на вопросы назначения наказания, измерения общественной опасности преступления и личности преступника, хоть как-то можно объяснить наличие в ч. 6 ст. 15 УК РФ требования об отсутствии отягчающих обстоятельств. Судя по их современному перечню в ч. 1 ст. 63 УК РФ, данные обстоятельства характеризуют содеянное и личность преступника в момент совершения преступления. Отсюда возможное наличие каких-то «фактических обстоятельств преступления», снижающих его общественную опасность, уравновешивается наличием отягчающего обстоятельства и, тем самым, не позволяет выйти за законодательные пределы оценки тяжести совершенного преступления, изменить его категорию. Однако при чем здесь требование о наличии хотя бы одного смягчающего обстоятельства? Само по себе наличие данного обстоятельства может быть, во-первых, не связано с совершенным преступлением, а во-вторых, нейтрально по отношению к индивидуальной степени общественной опасности содеянного (например, наличие у преступника в прошлом значительных заслуг перед государством и обществом, наличие у него же на содержании нетрудоспособных иждивенцев и др.). Логичнее было бы сопроводить нормоположения ч. 6 ст. 15 УК РФ требованием о наличии смягчающих обстоятельств, которые проявились непосредственно в совершенном преступлении и существенно повлияли на степень его общественной опасности, что хоть каким-то образом увязывалось бы с заложенной в ч. 6 ст. 15 УК РФ идеей о существенном снижении степени общественной опасности конкретного преступления, оказывающем влияние на оценку его законодательно определенной тяжести. Однако такой конкретизации вида смягчающих обстоятельств, как одного из условий изменения категории преступления, в ч. 6 ст. 15 УК РФ нет, равно как и отсутствуют разъяснения понимания их вида и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 г. № 10, согласно п. 3 которого смягчающее обстоятельство может быть любым, в том числе и таким, которое не предусмотрено в ч. 1 ст. 61 УК РФ, а определено судом в данном качестве на основании предоставленных ему в силу ч. 2 ст. 61 УК РФ дискреционных полномочий, и которое не оказывает никакого влияния на степень общественной опасности совершенного преступления и лица, его совершившего.

И совсем уже непреодолимые трудности, на наш взгляд, возникают при отграничении обстоятельств, являющихся условиями изменения категории преступления по описанному в ч. 6 ст. 15 УК РФ алгоритму, от тех обстоятельств, которые уголовный закон именует «исключительными». Данные обстоятельства в общем виде определены в ч. 1 ст. 64 УК РФ. Критерием отнесения к ним выступают цели и мотивы преступления, роль виновного, его поведение во время или после совершения преступления и другие обстоятельства, существенно уменьшающие степень общественной опасности преступления, а равно активное содействие участника группового преступления раскрытию этого преступления. Таким образом, из ч. 1 ст. 64 УК РФ следует, что исключительность этих обстоятельств состоит в том, что они сигнализируют о сущест-

венном, резком, разительном уменьшении степени общественной опасности содеянного и / или личности преступника [11, с. 7], которая становится «ниже того уровня, из которого исходил законодатель при определении санкции за совершение соответствующего преступления» [12, с. 24]. Именно такое уменьшение и дает основание суду для назначения наказания ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, или для назначения более мягкого вида наказания, чем предусмотрено этой статьей, или для неприменения дополнительного вида наказания, предусмотренного в качестве обязательного.

Как видно из сопоставления обстоятельств, регламентированных ч. 6 ст. 15 и ч. 1 ст. 64 УК РФ, общим для них является их влияние на снижение степени общественной опасности деяния и / или личности субъекта, совершившего это деяние. Не случайно Конституционный Суд РФ в одном из своих определений упоминает данные обстоятельства в общей группе правовых средств индивидуализации уголовно-правового воздействия, что указывает на их единую правовую природу, и куда, помимо обстоятельств из ч. 6 ст. 15, ч. 1 ст. 64 УК РФ, также включаются нормы о малозначительности совершенного деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ) и об условном осуждении (ст. 73 УК РФ)[1].

Данные обстоятельства соотносятся между собой как род (ч. 1 ст. 64 УК РФ) и вид (ч. 6 ст. 15 УК РФ). Согласно ч. 1 ст. 64 УК РФ, к исключительным относятся: а) обстоятельства, проявившиеся в содеянном и влияющие на существенное уменьшение общественной опасности конкретного преступления и совершившего его лица (цель, мотивы, роль виновного при совершении преступления в соучастии, в целом поведение преступника); б) позитивное постпреступное поведение, указывающее на резкое снижение степени общественной опасности личности виновного и состоящее в связи с совершенным преступлением (явка с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, предотвращение более тяжких последствий, заглаживание причиненного вреда [12, с. 10—11]); в) обстоятельства, проявившиеся после совершения преступления и даже вне контроля со стороны виновного и в отсутствие какой-либо связи с ранее совершенным преступлением, но которые указывают на фактическую невозможность совершения виновным аналогичного или других преступлений и тем самым свидетельствуют о существенном уменьшении степени общественной опасности его личности, произошедшем уже после совершения преступления[2].

Если в ч. 6 ст. 15 УК РФ речь идет об изменении степени общественной опасности преступления, а чч. 1—5 ст. 15 УК РФ определяют категории именно преступлений, то следовательно, по мысли законодателя, изменить данную степень могут те обстоятельства, которые проявились в преступлении, но не характеризуют личность виновного в постпреступный период. Таким образом, обстоятельства, влияющие на изменение категории, совпадают с частью исключительных обстоятельств (группа «а»), позволяющих назначить наказание более мягкое, чем санкция за совершенное преступление. Это закономерно ставит перед судами вопрос: как определить, в каких случаях при наличии исключительных обстоятельств, связанных с совершенным преступлением, необходимо изменить категорию совершенного преступления, а в каких случаях — назначить наказание по правилам ст. 64 УК РФ? Как ранжировать эти обстоятельства (одной природы и одной групповой (ви-

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сухаревой Татьяны Викторовны на нарушение ее конституционных прав статьями 14 и 15 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 29 октября 2024 г. № 2948-О. URL: https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision795972.pdf (дата обращения: 30.04.2025).

[2] Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 56-УД25-5-А5 от 27 марта 2025 г. было изменено апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 16 октября 2024 г. и, по сути, оставлен в силе приговор Приморского краевого суда от 11 июля 2024 г., которым Р. С. Леу был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного пп. «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ с назначением ему наказания с применением ст. 64, 73 УК РФ в виде 7 лет лишения свободы условно с испытательным сроком в 5 лет. Исключительным суд признал также (в числе прочего) появление у Леу после совершения преступления тяжелого неизлечимого заболевания, потребовавшего установления инвалидности I группы — в частности, у осужденного были ампутированы нижние конечности, что привело к значительному ограничению его жизнедеятельности и требует постоянного медицинского сопровождения, постоянного приема медикаментов. Остановка же или прерывание лечения может привести к возобновлению воспалительных процессов и потере верхних конечностей с летальным исходом (см.: URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2451918 (дата обращения: 30.04.2025)).

довой) принадлежности) между собой? И если такая дифференциация все же возможна (например, разделение обстоятельств указанной группы на просто исключительные и обстоятельства особо исключительные), то как тогда определиться с тем, какая индивидуализирующая наказание преференция является более весомой — снижение категории преступления или назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление?

Ответы на поставленные вопросы в законе отсутствуют, равно как и нет ответов на эти вопросы в специально изданном для целей правильного понимания и применения ч. 6 ст. 15 УК РФ постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 г. № 10. В абзаце втором п. 8 упомянутого постановления лишь констатировано, что «применение судом статьи 64 УК РФ само по себе не препятствует изменению категории преступления в соответствии с частью 6 статьи 15 УК РФ, указанные нормы применяются самостоятельно, поскольку законом предусмотрены различные для этого основания». Однако в чем различность оснований применения ст. 64 и ч. 6 ст. 15 УК РФ, Пленум не объясняет. На наш взгляд, разница оснований заключается лишь в том, что круг исключительных обстоятельств, упомянутых в ст. 64 УК РФ, шире тех обстоятельств, которые позволяют снижать категорию преступления, но не более того.

Как указано в абзаце втором п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 г. № 10, разрешая вопрос об изменении категории преступления, суд должен принять во внимание «способ совершения преступления, степень реализации преступных намерений, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, вид умысла либо вид неосторожности, мотив, цель совершения деяния, характер и размер наступивших последствий, а также другие фактические обстоятельства преступления, влияющие на степень его общественной опасности». Однако разве приведенные обстоятельства, подлежащие учету при решении вопроса об изменении категории преступления, не могут быть признаны исключительными для целей применения ст. 64 УК РФ? Конечно, могут и должны признаваться исключительными с учетом анализа и оценки конкретной преступной ситуации. Во всяком случае никаких препятствий для этого ст. 64 УК РФ не содержит: при определенных условиях и стадия, и способ совершения преступления, и роль подсудимого в преступлении, и вид его вины (например, косвенный неопределенный умысел либо небрежность), и степень его вины, а тем более мотивы и цели совершения преступления и т. п., могут стать исключительными обстоятельствами, обусловливающими выход суда за пределы санкции статьи, устанавливающей ответственность за конкретное преступление. Отсюда общая формулировка о различности оснований применения ч. 6 ст. 15 и ст. 64 УК РФ в п. 8 постановления от 15 мая 2018 г. № 10 едва ли является правильной.

Примечательно, что еще советские ученые, разработавшие в конце 80-х гг. XX в. теоретическую модель Общей части Уголовного кодекса и впервые предложившие предусмотреть для суда право изменять законодательно установленную категорию совершенного преступления, основанием для такого изменения полагали исключительные обстоятельства дела, а само изменение категории преступления видели в качестве еще одного варианта чрезвычайного смягчения наказания, наряду с выходом за пределы санкции, установленной за данное преступление. Так, согласно ч. 2 ст. 18 «Категории преступлений» теоретической модели Общей части Уголовного кодекса, «Суд, учитывая исключительные обстоятельства дела, может на основании ст. 79 настоящего кодекса признать совершенное преступление на категорию ниже, чем указано в законе» [13, с. 51]. В свою очередь, ч. 1 ст. 79 «Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом» предусматривает: «Суд, учитывая исключительные обстоятельства дела, может смягчить категорию преступления (ч. 2 ст. 18 настоящего кодекса), а также назначить наказание ниже низшего предела, предусмотренного законом за данное преступление, либо перейти к другому, более мягкому виду наказания с обязательным указанием мотивов принятого решения» [13, с. 171].

Думается, закономерно анализируемое средство индивидуализации уголовной ответственности за весь период своего существования в уголовном законодательстве России (около 14 лет) не нашло своего широкого применения в практической деятельности — судебная статистика красноречиво сигнализирует о том, что суды крайне неохотно применяют положения ч. 6 ст. 15 УК РФ при разрешении по первой инстанции уголовных дел. Так, согласно сводным общероссийским данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, суды нашли возможным изменить категорию преступления:

— в 2022 г. — в отношении 9 025 чел., или 1,5 % от всех осужденных в анализируемый период лиц (614 904 чел.);

— в 2023 г. — в отношении 11 580 чел., или 2 % от всех осужденных за этот период лиц (589 059 чел.);

— в 2024 г. — в отношении 10 567 чел., или 2 % от всех осужденных за этот период лиц (534 644 чел.)[1].

Практика опубликованных судебных постановлений, принятых проверочными судебными инстанциями при пересмотре уголовных дел по обращениям участников судебных разбирательств, скорее, пресекает (и небезосновательно) те робкие попытки судов первой инстанции изменить категорию совершенного преступления на основании ч. 6 ст. 15 УК РФ. Как правило, критика изменения категории связана с тем, что суды первой инстанции или в самой общей форме приводят в приговоре обстоятельства, которые выступили основаниями изменения категории совершенного преступления без конкретизации данных, указывающих на очевидно пониженную степень общественной опасности содеянного, или же ссылаются в приговоре на те обстоятельства, которые сами по себе о пониженной степени общественной опасности содеянного не свидетельствуют (прежде всего, никак не характеризуют преступление в момент его совершения, поскольку не являются его признаками). Например, приговором Центрального райсуда г. Новокузнецка от 5 апреля 2024 г. ранее судимая Х. была осуждена по ч. 4 ст. 159 УК РФ к 4,5 годам лишения свободы, которое в силу ст. 73 УК РФ постановлено считать условным; на основании ч. 6 ст. 15 УК РФ изменена категория совершенного Х. преступления с тяжкого на преступление средней тяжести. Фактическая сторона преступления выразилась в том, что, работая главным бухгалтером коммерческой организации, имея доступ к счетам предприятия, злоупотребляя служебным положением, Х. осуществила ряд переводов денежных средств на счета двух индивидуальных предпринимателей в отсутствие у получателей денежных средств каких-либо финансово-хозяйственных отношений с организацией-работодателем Х. Принимая решение об изменении категории преступления, суд сослался на мотив преступления, связанный с необходимостью возврата Х. крупной суммы долга, искреннее раскаяние Х., выразившееся в ее постпреступном поведении: полное признание вины, согласие с суммой причиненного преступлением ущерба, согласие на оглашение показаний не явившихся в судебное заседание свидетелей, частичное возмещение причиненного преступлением вреда и обещание продать имеющееся у нее имущество для полного возмещения ущерба.

Не составит труда заметить, что все приведенные судом обстоятельства (за исключением только мотива совершенного мошенничества) никакого отношения к совершенному Х. преступлению не имели, поэтому в принципе никак не могли влиять на измерение степени его общественной опасности и, соответственно, на изменение его категории, что и обусловило кассационную отмену вынесенных в отношении Х. судебных решений[2].

Однако и положительная судебная практика сигнализирует о весьма широкой трактовке судами оснований изменения категории совершенного преступления, которые часто сводятся к характеризующим личность преступника данным, не имеющим отношения к обстоятельствам совершенного преступления. В частности, основанием применения положений ч. 6 ст. 15, ст. 64 УК РФ в отношении К., осужденного приговором Калининградского гарнизонного военного суда от 8 июля 2021 г. по делу № 1-47/2021 по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, оставленного без изменения апелляционным определением Балтийского флотского военного суда от 26 августа 2021 г. № 22-35/2021 и кассационным определением Кассационного военного суда от 16 февраля 2022 г. № 77-76/2022, выступили явка с повинной, признание вины и раскаяние в содеянном, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, безупречное прошлое, привлечение к уголовной ответственности впервые, законопослушное посткриминальное поведение К. в совокупности с положительной характеристикой по службе, размером причиненного потерпевшему ущерба и мнением потерпевшего о смягчении наказания[3].

[1] URL: https://cdep.ru (дата обращения: 30.04.2025).

[2] Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 5 ноября 2024 г. № 77-4372/2024.

[3] Сходным образом поступил тот же суд первой инстанции, осуждая военнослужащего Р.Г. по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ с применением при решении вопросов о назначении наказания положений ч. 6 ст. 15, ст. 64, 73 УК РФ. Основанием существенного смягчения наказания и изменения категории совершенного преступления явились следующие обстоятельства: Р.Г. к уголовной ответственности привлекается впервые, по службе характеризуется исключительно положительно, преступное деяние совершил из ложно понятых интересов службы, раскаялся в совершении преступления, публично извинился перед потерпевшим, принял меры к заглаживанию причиненного преступлением вреда, последствия для

Как видно из приведенного приговора, помимо ч. 6 ст. 15 УК РФ, судом при назначении наказания применялись и положения ст. 64 УК РФ. В то же время применение ч. 6 ст. 15 и ст. 64 УК РФ мотивировалось судом одними и теми же фактическими данными (не имеющими, правда, никакого отношения к преступлению), что также образует устойчивую правоприменительную тенденцию[1] и, по нашему мнению, не является случайным.

Как представляется, проанализированная судебная практика весьма симптоматична и красноречиво сигнализирует о том, что, во-первых, у судов отсутствует четкое понимание тех ситуаций, когда требуется изменение категории совершенного преступления, а изданные Верховным Судом РФ руководящие разъяснения в виде постановления его Пленума от 15 мая 2018 г. № 10 никакой стабильности и ясности в сферу уголовного правосудия не привнесли. Во-вторых, несмотря на декларированную Верховным Судом РФ различность оснований изменения категории содеянного и назначения наказания по правилам ст. 64 УК РФ, в действительности суды этой разницы не видят. Не видит этой разницы и теория уголовного права. Практически все исследователи проблематики «исключительных обстоятельств» как индивидуализирующего наказание средства отмечают, что «исключительные обстоятельства изменяют сущность типовой степени общественной опасности преступления и личность виновного» [12, с. 24], а «условием применения ст. 64 УК РФ является существенное уменьшение степени общественной опасности совершенного преступления и личности виновного по сравнению с типовой степенью общественной опасности, учтенной законодателем при определении санкции конкретного состава преступления» [14, с. 9]. А не в этом ли — изменении сущности типовой степени общественной опасности по сравнению с тем, как она определена в законе, — состоит и предназначение тех условий из ч. 6 ст. 15 УК РФ, которые, по мысли закона, изменяют категорию совершенного преступления?

Отсюда, по нашему мнению, ч. 6 ст. 15 УК РФ подлежит исключению из УК РФ как искусственное нормативное построение, фактически отторгнутое практикой. Вместе с тем должно быть учтено предложение видных советских и российских криминалистов рассматривать изменение категории преступления как один из вариантов смягчения наказания при его назначении по правилам ст. 64 УК РФ. Другое дело, что изменение категории не должно стать самостоятельным четвертым вариантом смягчения наказания в ч. 1 ст. 64 УК РФ. Как представляется, если типовую степень общественной опасности определяют типовые признаки преступления, то и влиять на изменение категории преступления может только та группа исключительных обстоятельств, которая характеризует преступление (но не постпреступное поведение личности!) и тем самым свидетельствует о его (преступлении) существенно пониженной индивидуальной степени общественной опасности, не укладывающейся в рамки типовой степени, определенной законодателем в виде типовых пределов санкции. Поскольку формальным измерителем конкретной степени общественной опасности содеянного является назначенное судом наказание, то и вопрос об изменении категории должен возникать только при применении судом таких вариантов смягчения наказания, указанных в ст. 64 УК РФ, как выход за нижний предел наказания, предусмотренный соответствующей статьей Особенной части УК РФ, или назначение более мягкого вида наказания, чем предусмотрено этой статьей. Изменение категории при этом должно осуществляться не по воле суда, а «автоматически» — в случае, например, если суд назначит

здоровья потерпевшего от преступных действий Р.Г. не поступили (приговор Калининградского гарнизонного военного суда от 15 ноября 2019 г. № 1-77/2019, оставленный без изменения апелляционным определением Балтийского флотского военного суда от 9 января 2020 г. № 22-2/2020 и кассационным определением Кассационного военного суда от 28 апреля 2020 г. № 77-47/2020).

[1] Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 августа 2012 г. № 11-О12-50 был изменен приговор по уголовному делу по обвинению З., которым З. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30, ч. 3 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, с назначением наказания с применением ст. 64 УК РФ в виде лишения свободы сроком на 2,5 года. Изменяя приговор, суд кассационной инстанции нашел возможным изменить категорию совершенного преступления с особо тяжкого на тяжкое и пришел к выводу о возможности исправления З. без изоляции от общества. Свое решение о применении ч. 6 ст. 15, ст. 73 УК РФ коллегия мотивировала тем, что суд первой инстанции нашел возможным применить при назначении наказания ст. 64 УК РФ, но не в достаточной степени учел то, что З. преклонного возраста, вредные последствия от содеянного ею не наступили, она же инвалид 2-й группы, имеет серьезные соматические заболевания, положительно характеризуется по месту жительства. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/499688 (дата обращения: 30.04.2025).

наказание в виде лишения свободы, которое выходит за нижнюю границу той категории, к которой законом отнесено совершенное преступление (так, при санкции за содеянное, предусматривающей наказание в виде лишения свободы на срок от 15 до 20 лет, наказание будет назначено в виде 9 лет лишения свободы), либо же назначит иное основное более мягкое наказание, вообще не предусмотренное санкцией соответствующей статьи Особенной части.

1. Иванов Н. Г. Уголовный кодекс Российской Федерации как воплощение трансцендентности в союзе с ÜBERMENSCH (приглашение к откровенному разговору) // Государство и право. 2022. № 3. С. 53—60.

2. Кадников Н. Г. Категоризация преступлений в зависимости от их тяжести как основа построения многих институтов общей части уголовного права // Уголовное право. 2017. № 4. С. 59—61.

3. Кулева Л. О. Категоризация преступлений как средство дифференциации ответственности в Общей и Особенной частях УК РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2019. 244 с.

4. Малков В. П. Право суда на изменение категории преступления // Законность. 2013. № 11. С. 36—39.

5. Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2002. 300 с.

6. Благов Е. В. Критерии общих начал назначения наказания как определенные обстоятельства // Вестник ЯрГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2015. № 2 (32). С. 57—60.

7. Кругликов Л. Л. Общие начала назначения наказания (глава II) // Энциклопедия уголовного права. Т. 9: Назначение наказания / С. А. Велиев [и др.]; отв. ред. В. Б. Малинин. Санкт-Петербург: Изд. проф. Малинин, 2008. С. 159—293.

8. Кругликов Л. Л. Дифференциация уголовной ответственности: соотношение со смежными понятиями // Правовая парадигма. 2017. Т. 16, № 3. С. 8—13.

9. Костарева Т. А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве (понятие, законодательная регламентация, влияние на дифференциацию ответственности). Ярославль: Изд-во Ярослав. ун-та, 1993. 234 с.

10. Кругликов Л. Л. Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве (Вопросы теории). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 164 с.

11. Николаева Т. А. Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. 24 с.

1. Ivanov N. G. The Criminal Code of the Russian Federation as the embodiment of transcendence in alliance with ÜBERMENSCH (invitation to a frank discussion). State and Law, 53—60, 2022. (In Russ.).

2. Kadnikov N. G. Categorization of crimes depending on their seriousness as the basis to establish many institutions of the general part of criminal law. Criminal Law, 59—61, 2017. (In Russ.).

3. Kuleva L. O. Categorization of crimes as a means of differentiating responsibility in the General and Special parts of the Criminal Code of the Russian Federation. Dissertation of candidate of juridical sciences. Yaroslavl; 2019: 244. (In Russ.).

4. Malkov V. P. The Court's right to change the category of a crime. Legality, 36—39, 2013. (In Russ.).

5. Kruglikov L. L., Vasiliyevsky A. V. Differentiation of responsibility in criminal law. Saint Petersburg: Juridical Center Press; 2002: 300. (In Russ.).

6. Blagov Ye. V. Criteria for general principles of imposing punishment as specific circumstances. Journal of the Yaroslavl State University. Series "Humanities", 57—60, 2015. (In Russ.).

7. Kruglikov L. L. General principles of imposing punishment (Chapter II). In: Veliyev S. A. (et al.) Encyclopedia of criminal law. Vol. 9. Imposing punishment. Red. by V. B. Malinin. Saint Petersburg: Publishing house of professor Malinin; 2008: 159—293. (In Russ.).

8. Kruglikov L. L. Differentiation of criminal responsibility: relationship with related concepts. Legal Paradigm, 8—13, 2017. (In Russ.).

9. Kostareva T. A. Qualifying circumstances in criminal law (concept, legislative regulation, impact on differentiation of responsibility). Yaroslavl: Publishing house of Yaroslavl University; 1993: 234. (In Russ.).

10. Kruglikov L. L. Mitigating and aggravating circumstances in criminal law (Theoretical issues). Voronezh: Publishing house of Voronezh University; 1985: 164. (In Russ.).

11. Nikolayeva T. A. Imposing more lenient punishment than provided for the crime (theoretical and practical issues). Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Chelyabinsk; 2005: 24. (In Russ.).

12. Мифтахов А. М. Индивидуализация наказания при его назначении с учетом исключительных обстоятельств в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2012. 30 с.

13. Уголовный закон: Опыт теоретического моделирования / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, С. Г. Келина. Москва: АН СССР, Ин-т государства и права, 1987. 278 с.

14. Кочкарев А. И. Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. 24 с.

12. Miftakhov A. M. Individualization of punishment when imposing it taking into account exclusive circumstances in Russian criminal law. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Nizhny Novgorod; 2012: 30. (In Russ.).

13. Criminal law: an experience of theoretical modeling. Red. by V. N. Kudryavtsev, S. G. Kelina. Moscow: USSR Academy of Sciences, Institute of State and Law; 1987: 278. (In Russ.).

14. Kochkarev A. I. Imposing more lenient punishment than provided for by law. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Ryazan; 2005: 24. (In Russ.).

Рожнов Алексей Петрович,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Волгоградского государственного
университета,
кандидат юридических наук, доцент;
rozhnov@volsu.ru

Rozhnov Alexey Petrovich,
associate professor at the department
of criminal law and procedure
of the Volgograd State University,
candidate of juridical sciences, docent;
rozhnov@volsu.ru

Статья поступила в редакцию 01.10.2025; одобрена после рецензирования 06.10.2025; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 01.10.2025; approved after reviewing 06.10.2025; accepted for publication 16.02.2026.

* * *

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ НА МАТЕРИАЛЫ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, МОНОГРАФИИ И ДРУГИЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Сергей Викторович Бурмагин,
профессор кафедры уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического
университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, доцент,
судья в почетной отставке

ОТЗЫВ ЧЛЕНА ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА НА ДИССЕРТАЦИЮ С. С. ЛУКЬЯНОВА «КОМПЕТЕНЦИЯ СУДА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА»

Актуальность темы исследования С. С. Лукьянова[1] обусловлена, прежде всего, высокой значимостью для достижения целей (назначения) уголовного судопроизводства самого судебного контроля, осуществляемого на досудебных стадиях уголовного процесса, который является важнейшим видом уголовно-процессуальной деятельности суда, предназначенным для защиты конституционных прав и свобод личности от нарушений их со стороны органов уголовного преследования.

Как верно отмечает соискатель, правовое регулирование судебного контроля и практика его осуществления представляются недостаточно эффективными с точки зрения выполнения задач, стоящих перед судом в производствах по контролю правомерности ограничения индивидуальных прав участников досудебного производства по уголовному делу, в связи с чем подвергаются научным сообществом обоснованной критике.

Действительно, правовая регламентация в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) деятельности по осуществлению многих видов (форм) судебного контроля досудебного производства до сих пор носит поверхностный, фрагментарный характер, в том числе в отношении содержания судебно-контрольных полномочий, а процедуры судебного контроля в значительной части вынужденно применяются судами по аналогии с порядком рассмотрения уголовных дел, с которым судебно-контрольные производства имеют единую правосудную сущность, проистекающую из природы судебной власти, и общую правовую основу на уровне взаимосвязанных принципов, условий и стандартов правосудия. В то же время в условиях пробельности и неопределенности правового регулирования судьями при разрешении дел судебного контроля нередко допускаются непоследовательность, формализм, упрощенчество, ошибки в определении фактической основы дела, что приводит к незаконным решениям, противоречивой судебной практике и снижает уровень защиты конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

Причины такого положения кроются в доктринально неоднозначном понимании и толковании природы судебного контроля, его назначения и задач, соотношения с основным производством по уголовному делу, что не позволяет законодателю реализовать в правовых предписаниях единую концепцию судебного контроля и последовательно урегулировать компетенцию суда в этой части уголовного судопроизводства, а правоприменителям (судьям) затрудняет осознание истинного назначения судебного контроля над досудебным производством, уяснение объема и содержания своей процессуальной компетенции и в конечном итоге ее надлежащую реализацию в соответствии с целями и задачами судебного контроля.

В связи с этим, с учетом большого количества и разнородности дел судебного контроля, важности их своевременного и правильного разрешения судом, в значительной степени актуализируется задача комплексного изучения компетенции суда по осуществлению судебного контроля досудебного производства, определения ее объема и пределов, содержания и механизма реализации.

---

[1] Диссертация Сергея Сергеевича Лукьянова на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4 «Уголовно-правовые науки» на тему «Компетенция суда при осуществлении судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса» успешно защищена 30 июня 2025 г. в диссертационном совете А5.1.4.25.5359 Санкт-Петербургского государственного университета (самостоятельное присуждение ученых степеней).

Изложенное свидетельствует о своевременности, значимости и правильной целевой направленности диссертационного исследования.

Цели диссертационного исследования: 1) системное определение компетенции суда при осуществлении судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса; 2) разработка рекомендаций, направленных на совершенствование действующего законодательства и унификацию судебной практики. Для достижения указанных целей в диссертации сформулированы вполне адекватные и четко поставленные исследовательские задачи, которые, надо признать, успешно выполнены.

Ознакомление с содержанием диссертации позволяет заключить, что подготовительная работа по подбору и формированию теоретической, нормативно-правовой и эмпирической базы проводимого исследования выполнена на должном уровне. Диссертантом изучено значительное количество научных источников, проанализировано российское законодательство и международно-правовые нормы, имеющиеся точки зрения и взгляды по исследованным вопросам, широко использованы судебная практика (проанализировано 500 судебных актов), решения и позиции Конституционного и Верховного судов Российской Федерации, данные судебной статистики, подготовлено и проведено собственное социологическое исследование — опрос посредством анкетирования 305 практических работников по актуальным для проводимого исследования вопросам. Результаты изучения эмпирического материала наглядно представлены в приложениях, нашли свое отражение в тексте диссертации и успешно использованы соискателем для подтверждения высказанных суждений, формулирования выводов и предложений.

Избранная методика исследования и степень апробации его результатов также заслуживают положительной оценки. Наряду с широко применяемыми общенаучными методами познания автор результативно использовал и частные, характерные для юридической науки методы: формально-юридический, историко-правовой, статистический, социологического опроса и др.

Результаты диссертационного исследования в виде научных положений и выводов, практических предложений и рекомендаций получили достаточную проверку на состоятельность и необходимую апробацию посредством их представления и обсуждения на научных конференциях различного уровня, публикаций в научных изданиях, в том числе в четырех рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Таким образом, теоретическая и эмпирическая основы, нормативно-правовая база диссертационной работы С. С. Лукьянова, использованная при ее подготовке, методика и уровень апробации **позволяют не сомневаться в достоверности результатов исследования** и основной части сделанных выводов.

Оценивая формальную сторону рецензируемой работы, следует отметить, что она структурирована грамотно, в соответствии с целями и задачами проведенного исследования, оформлена качественно и надлежащим образом. Содержание работы согласуется с ее структурой, изложено полно и последовательно. Работа написана ясным, юридически грамотным языком, стилистически выдержана.

Относительно содержательной части диссертации и по существу ее основных положений полагаем возможным высказать следующие суждения.

В первой главе работы соискатель исследует историю формирования и развития компетенции суда по контролю досудебного производства. На основе историко-правового исследования представлены этапы возникновения судебного контроля в уголовном процессе и появления его действующих форм и видов. Однако, к сожалению, автором не раскрыты социально-политические причины и доктринально-правовые предпосылки расширения компетенции суда в уголовном судопроизводстве Российской Федерации, анализ которых, как представляется, способствовал бы более глубокому пониманию роли уголовного суда, сущности и назначению его компетенции по осуществлению контроля над досудебным производством. Тем не менее диссертант пришел к важному заключению о том, что нормативное оформление судебного контроля не завершено, и на законодательном уровне продолжается поиск оптимальной модели судебного контроля, в том числе в части содержания и объема компетенции суда.

Во второй главе диссертации, представляющей теоретическую основу проведенного исследования, С. С. Лукьянов дает общую характеристику компетенции суда по осуществлению судебного контроля в целом, исходя из природы судебного контроля и его соотношения с понятием правосудия. Затронув столь сложные и остро дискуссионные в теоретическом плане вопросы, проанализировав различные научные подходы к их решению и нормы действующего законодательства, автор пришел к обоснованным, методологически важным выводам о том, что судебный контроль на досудебных стадиях уголовного процесса является самостоятельной уголовно-процессуальной функцией (с. 43), но в то же время одной

из форм осуществления правосудия (с. 45) и подчинен тем же принципам, на которых строится модель современного российского правосудия (с. 48). Данному теоретически и методологически верному подходу соискатель следует на всем протяжении своей работы, что предопределяет правильность оценок выявленных и анализируемых далее недостатков процессуального закона, состояния судебной практики и научную обоснованность формулируемых выводов и практических рекомендаций.

Исследовав далее общеправовую категорию «компетенция» и используя ее применительно к судебно-контрольной деятельности в досудебном производстве, диссертант разработал и обосновал такие ключевые, базовые для своего исследования понятия, как компетенция суда при осуществлении судебного контроля, структура и пределы данной компетенции суда, механизм ее реализации (с. 17, 54—55, 58—59), сделав правильный по сути и значимый вывод о том, что компетенция суда по осуществлению судебного контроля детерминирована целями и задачами судебно-контрольной деятельности и формируется с учетом особенностей ее предмета.

Не умаляя значимости и аргументированности данных теоретических положений, все же отметим недостаточную, на наш взгляд, корректность предложенных автором формулировок (положения на защиту № 1—3). Во-первых, полагаем, соискатель напрасно исключил из понятия компетенции суда такой ее элемент, как предмет ведения, под которым понимается сфера действия (приложения) полномочий, входящих в компетенцию того или иного органа, и который позволяет в данном случае провести разграничение компетенции как между судом и другими органами государственной власти, имеющими в уголовном процессе схожие полномочия, так и между различными судебными органами, выполняющими полномочия одних и тех же судебных инстанций. Во-вторых, заметим, что обстоятельства, подлежащие установлению в судебно-контрольном деле, образуют «предмет доказывания», а не «предмет судебного контроля» (иначе — предмет проверки). К последнему относятся действия (бездействие) и решения должностных лиц органов уголовного преследования с точки зрения их соответствия требованиям закона о соблюдении конституционных прав личности. В-третьих, для осуществления любого вида уголовно-процессуальной деятельности, в том числе судебного контроля, суд наделен значительным объемом полномочий, направленных на обеспечение установленного порядка судебного производства и соблюдение процессуальных прав участников судебного разбирательства, и поэтому невключение этих обеспечительных полномочий в структуру компетенции суда по осуществлению судебного контроля представляется определенным упущением и требует пояснений соискателя.

Недостаточно полным воспринимается также положение о механизме реализации компетенции суда по осуществлению судебного контроля (положение на защиту № 5), который, по сути, сводится автором к системе процессуальных действий суда по применению норм, закрепляющих его полномочия по осуществлению судебного контроля. Представляется, что данный механизм, помимо норм, регулирующих судебную компетенцию и собственно процессуальные действия суда, как минимум включает в себя процессуальные основания и условия судебно-контрольной деятельности, установленный законом процессуальный порядок судебно-контрольного производства и процессуальную деятельность сторон, возбуждающих своими обращениями судебно-контрольные производства и активно влияющих в ходе него на реализацию судом своих полномочий.

Наиболее плодотворным и вполне успешным, по нашему мнению, явилось исследование важного вопроса о соотношении компетенций суда по осуществлению судебного контроля и разрешению уголовного дела по существу, в ходе которого соискатель пришел к верному и обоснованному выводу о том, что основным критерием отграничения этих компетенций является решение вопросов, указанных в ч. 1 ст. 29 УПК РФ и отнесенных к исключительной компетенции суда, рассматривающего уголовное дело по существу, выявил и обосновал отличительные особенности компетенции суда по осуществлению судебного контроля (положения на защиту № 6).

Третья глава диссертации посвящена содержанию компетенции суда при осуществлении судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса. В данной части работы рассмотрены вопросы о сущности и содержании деятельности суда по установлению обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делам судебного контроля, о средствах и порядке процессуального доказывания, о реализации полномочий суда по принятию процессуальных решений в судебно-контрольных производствах, при этом детально проанализированы различные научные подходы и взгляды, а также правовые позиции судебных органов по данным вопросам.

Высокой оценки заслуживает широкое применение при исследовании указанных вопросов анализа разнообразного, самостоятельно полученного эмпирического материала: статистических данных, результатов обобщения новейшей судебной практики и социологического опроса практических работников, что позволило сформулировать интересную авторскую систему аргументации и подтвердить теоретические выводы о познавательной сущности деятельности суда по осуществлению судебного контроля, о ее протекании в форме процессуального доказывания, о единстве используемых судом средств доказывания и о необходимости проведения доказывания по делам судебного контроля по общим правилам и в порядке, установленном главами 10 и 11 УПК РФ. Приведенные автором аргументы представляются достаточно убедительными и заслуживающими внимания.

Интересными также представляются рассуждения автора о возможности использования материалов судебно-контрольного производства в процессе доказывания по уголовному делу и разработанные им критерии допустимости такого использования.

Важными с точки зрения понимания правоприменительной природы и состязательной формы судебного контроля, правозащитной сущности компетенции суда в данной сфере являются выводы диссертанта об обязанности суда разрешать ходатайство, жалобу на основе исследования и всесторонней оценки представляемых сторонами доказательств и его праве получать новые доказательства, в том числе путем производства следственных действий, но только в целях проверки имеющихся доказательств.

Выделяя общие черты судебно-контрольных производств, автор делает обоснованное заключение о некоем единстве компетенции суда при осуществлении судебного контроля, приводит и анализирует типовые решения, принимаемые судом по итогам судебно-контрольного производства, хотя точнее было бы вести речь не о единой компетенции, а о наличии полномочий общего характера — все-таки в отдельных видах (формах) судебного контроля суд обладает не только общими, но и специфическими полномочиями по совершению определенных действий или принятию особых решений, присущих только отдельным видам контроля.

В целом следует признать, что все поставленные на исследование вопросы рассмотрены диссертантом тщательно и добросовестно, по каждому из них выражены собственные аргументированные мнения, которые вполне ясно и последовательно изложены в заключительных выводах.

В результате проведенного исследования соискателем разработан ряд новых теоретических положений о компетенции суда при осуществлении судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса, о ее структуре, пределах и механизме реализации; определено соотношение данной компетенции с исключительной компетенцией суда, рассматривающего уголовное дело по существу, что позволило установить необходимый объем полномочий суда для эффективного рассмотрения и разрешения судебно-контрольных производств, в том числе полномочий по участию в процессе доказывания и принятию процессуальных решений; выявлены факторы, определяющие пределы компетенции суда по участию в процессе доказывания на досудебных стадиях уголовного процесса.

В заключение можно констатировать, что рецензируемая диссертация представляет собой самостоятельную, законченную научную работу, которая обладает актуальностью и новизной, содержит положения, имеющие существенное значение для науки уголовно-процессуального права и правоприменительной практики, и выражает личный вклад соискателя в развитие судебного контроля в уголовном судопроизводстве. Изложенные выше замечания по содержанию работы носят преимущественно дискуссионный характер и не влияют на общую положительную оценку диссертации. Таким образом, диссертация С. С. Лукьянова на тему «Компетенция суда при осуществлении судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса» соответствует требованиям, установленным приказом «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете» от 19 ноября 2021 г. № 11181/1, а соискатель Сергей Сергеевич Лукьянов заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Памяти профессора Павла Викторовича Анисимова
(28.03.1950 — 19.02.2026)

19 февраля 2026 г. ушел из жизни Павел Викторович Анисимов — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, полковник милиции в отставке, один из ведущих отечественных исследователей в области теории прав человека и правозащитного регулирования.

Павел Викторович родился 28 марта 1950 г. в поселке Петсамо Печенгского района Мурманской области в семье офицера Северного военно-морского флота СССР. Он прошел путь от инженера (окончил Волгоградский политехнический институт, автотракторный факультет) до заместителя начальника (по научной работе) Волгоградской академии МВД России, внес большой вклад в юридическую науку и подготовку кадров для правоохранительной системы.

Большая часть его профессиональной биографии была связана с Волгоградской академией МВД России (Высшей следственной школой МВД СССР, Волгоградским юридическим институтом МВД России). С 1980 г. он занимал следующие должности: заместителя начальника курса, начальника курса, преподавателя, старшего преподавателя, заместителя начальника учебного отдела, начальника отдела подготовки научно-педагогических кадров (адъюнктуры), а с апреля 1997 г. по август 2011 г. он был заместителем начальника (по научной работе) Волгоградской академии МВД России.

После ухода на заслуженный отдых он продолжал преподавательскую деятельность, передавая опыт и знания молодому поколению юристов.

В 1993 г. П. В. Анисимов защитил кандидатскую диссертацию по теме «Соблюдение прав человека как элемент правовой культуры сотрудников органов внутренних дел», а в 2005 г. — докторскую диссертацию «Теоретические проблемы правового регулирования защиты прав человека».

Его научная и организационная работа получила общегосударственное признание: в июле 2004 г. Указом Президента Российской Федерации Павлу Викторовичу было присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации». Павел Викторович сочетал в себе качества ученого, педагога и администратора академической науки. Под его руководством в академии развивалась исследовательская и издательская деятельность, укреплялись международные научные связи академии. Многие годы он возглавлял диссертационный совет по специальностям 12.00.01 и 12.00.02, а под его научным руководством было защищено 16 кандидатских диссертаций.

Отдельного упоминания заслуживает общественная деятельность Павла Викторовича. Более десяти лет он возглавлял Волгоградскую ассоциацию содействия правовой реформе; участвовал в экспертной работе при органах власти и консультативных структурах, взаимодействовал с институтами Уполномоченного по правам человека и по правам ребенка в регионе.

Он принимал участие в разработке ряда нормативных актов, в том числе законов Российской Федерации и регионального законодательства, а также уставов Волгоградской области и города Волгограда. Практическим продолжением его научных убеждений была правозащитная работа, включая участие в судебных процессах по защите прав вынужденных переселенцев.

Имя П. В. Анисимова прочно связано с формированием в отечественной юриспруденции концепции правозащитного регулирования. В своих работах он и представители его научной школы последовательно обосновывали, что правозащитное регулирование следует понимать как воздействие средств правовой защиты на общественные отношения, возникающие в связи с осуществлением права на правовую защиту прав человека, а систему правозащитного регулирования — как внутренне согласованное, относительно самостоятельное образование, включающее правозащитные средства и правозащитную деятельность. Наряду с этим на общетеоретическом уровне П. В. Анисимов разработал понятийный аппарат и направления исследований, без которых трудно себе представить современную разработку проблемы защиты прав и свобод: правозащитные отношения, правозащитный метод, цели и функции правозащитной системы, критерии эффективности правовой защищенности личности.

Отдельное внимание в его научных исследованиях было уделено разработке типологий правозащитных отношений и реализации правозащитных полномочий и юридических обязанностей. Им был высказан ряд практико-ориентированных предложений по совершенствованию правового обеспечения защиты прав человека. Научная школа, сформированная П. В. Анисимовым, стала одной из самых заметных волгоградских научных школ теории государства и права; в ее рамках развивались исследования проблем обеспечения прав человека в правовой политике и в деятельности органов внутренних дел. Научное

юридическое наследие П. В. Анисимова — это более 200 научных и научно-методических работ; среди них — учебники и учебные пособия под грифом МВД России, а также монографии, посвященные правовому регулированию защиты прав человека и проблемам правозащитного регулирования. Его труды стали источником профессиональных ориентиров для многих поколений юристов и сотрудников правоохранительных органов, а поставленные им вопросы продолжают задавать направление научных дискуссий о содержании прав и свобод и об эффективности правовых механизмов их обеспечения.

Любовь к науке Павел Викторович Анисимов передал не только своим ученикам и коллегам, но и детям, которые также добились высоких результатов в своей профессиональной деятельности. Его сын — Анисимов Алексей Павлович — профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин Донского государственного технического университета, доктор юридических наук, профессор. Дочь — Алексеева Анна Павловна — профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Павла Викторовича отличали высокая научная требовательность, принципиальность в вопросах правовой культуры и редкое умение соединять теорию с практикой — в преподавании, исследованиях, экспертной и общественной работе. Светлая память о Павле Викторовиче Анисимове навсегда сохранится в сердцах его учеников, коллег и всех, кому довелось работать и общаться с ним.

Выражаю глубокие соболезнования родным и близким покойного.

Профессор кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
генерал-майор милиции в отставке
Б. П. Смагоринский

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ
В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA»**

Требования к техническому оформлению

Научно-методический журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» является периодическим печатным изданием Волгоградской академии МВД России.

Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 250 экземпляров. ISSN 2074-8183.

Регистрационный номер в Роскомнадзоре — ПИ № ФС77-75804 от 23 мая 2019 г.

Журнал свободно распространяется на территории Российской Федерации и за ее пределами путем подписки по каталогу «Пресса России». Подписной индекс в каталоге «Пресса России» — 22761.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей, их аннотации и пристатейные библиографические списки размещаются на сайтах научных электронных библиотек eLIBRARY.RU **(www.elibrary.ru)**, «КиберЛенинка» **(www.cyberleninka.ru)**, в системе «Гарант» **(www.garant.ru)**, электронно-библиотечной системе Znanium **(www.znanium.ru)**.

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию.

Приоритетными задачами издания являются:

— представление продуктивных идей и современных научных точек зрения специалистов из разных областей знания по вопросам эффективного развития высшей школы и высшего юридического образования;

— представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных учреждениях МВД России;

— информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;

— обмен педагогическим опытом преподавателей родственных специальностей различных образовательных организаций;

— аналитические обзоры научно-методической и юридической литературы.

В журнале представлены следующие рубрики:

1. Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право.
2. Уголовный процесс.
3. Криминалистика.
4. Оперативно-разыскная деятельность.
5. Трибуна молодого ученого.

Представляемая к изданию рукопись должна:

— по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;

— содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать ее в названии работы;

— предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи не должен быть менее 12 машинописных страниц. Рукописи должны быть подготовлены в редакторе Microsoft Word в формате А4 через полтора интервала, шрифт Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм. Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подрисуночных подписей, названий таблиц. Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте. Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Каждая статья должна содержать:

— заголовок на русском и английском языке;

— аннотацию[1] на русском и английском языке (рекомендуется не менее 120 слов);

— ключевые слова[2] на русском и английском языке;

---

[1] **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

[2] **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного

— сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты — данные сведения будут опубликованы);

— пристатейный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.5-2008, на русском и английском языке;

— код универсальной десятичной классификации (УДК).

Перевод на английский язык обязательно должен быть заверен в бюро переводов или руководителем кафедры иностранных языков образовательной организации высшего образования.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее — дата, ФИО руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

— копия подписной квитанции;

— заявка (бланк на сайте);

— идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо направить на сайт: *https://va-mvd.editorum.ru/ru/nauka/journal/245/view*;

— отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов, соискателей).

Все документы можно представить лично либо отправить в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) на адрес редакции:

400075, Волгоград, ул. Историческая, д. 130.
Волгоградская академия МВД России, редакционно-издательский отдел,
журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России».
Сайт: https://va-mvd.editorum.ru/ru/nauka/journal/245/view
Тел.: (8442) 24-83-56, +7 (902) 380-00-88.

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

Рецензирование и опубликование статьи

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку и рецензирование членами редакционного совета научно-методического журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» по следующим критериям:

— актуальность;

— научная новизна;

— теоретическая и прикладная значимость;

— исследовательский характер;

— логичность и последовательность изложения;

— аргументированность основных положений;

— достоверность и обоснованность выводов.

На этапе рецензирования каждая статья, представляемая к публикации, рецензируется одним из членов редакционного совета журнала. При отказе в направлении на рецензирование представленной автором рукописи редакция направляет автору мотивированный ответ. Статья, рекомендованная к опубликованию после доработки, устранения замечаний, проходит повторное рецензирование у того же члена редакционного совета, который осуществлял первичное рецензирование данной статьи. В этом случае датой поступления статьи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Если в результате повторного рецензирования получен отрицательный отзыв рецензента, редакция журнала отказывает автору в публикации статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакционно-издательский отдел направляет ее автору мотивированное уведомление о принятом решении. По требованию автора ему представляется копия рецензии.

В зависимости от результатов рецензирования принимается окончательное решение об опубликовании или отказе в публикации статьи.

Принимаются к рассмотрению работы объемом до двух машинописных страниц, содержащие краткие отзывы и рецензии на уже опубликованные в журнале статьи (рецензия члена редакционного совета не обязательна).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Не принимаются статьи, имеющие менее 70 % оригинального текста.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают его основное содержание. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

ЗАЯВКА[1]
на публикацию статьи в научно-методическом журнале
«Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia»

Я (мы), _____
фамилия, имя, отчество полностью
прошу (просим) опубликовать мою (нашу) статью «_____
_____»
название статьи
в научно-методическом журнале «Вестник Волгоградской академии МВД России».

Данной заявкой я (мы) также:

1. Подтверждаю(ем), что статья создана мной (нами) лично и публикуется впервые.

2. Даю(ем) согласие на осуществление редактирования моей (нашей) статьи, которое не должно повлечь за собой изменения ее смысла, включения дополнений к ней без моего (нашего) согласия.

3. Даю(ем) согласие на совершение издателем журнала любых действий, направленных на доведение моей (нашей) статьи до всеобщего сведения: размещение в сети Интернет, включение в электронные базы данных, — а также на безвозмездную передачу исключительных прав третьим лицам, при условии соблюдения моих (наших) неимущественных авторских прав (права авторства, права на имя, права на неприкосновенность произведения).

4. Даю(ем) согласие на извлечение из моей (нашей) статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя (имена) автора(ов) (правообладателя(ей)), аннотация, ключевые слова, список библиографических ссылок) в целях их включения в базу данных РИНЦ — Российский индекс научного цитирования, — содержащую библиографическую информацию (библиографические описания статей и пристатейные ссылки).

5. Гарантирую(ем), что при подготовке материалов рукописи научной статьи не использовались сведения, попадающие под действие перечня сведений, составляющих государственную тайну (статья 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»). Сведения, содержащиеся в рукописи статьи, не относятся к перечню сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203, а также п. 2 Инструкции по организации деятельности по обращению со служебной информацией ограниченного распространения в системе МВД России, утвержденной приказом МВД России от 9 ноября 2018 г. № 755. Рукопись предназначена для опубликования без грифа секретности, а также без пометки «для служебного пользования».

6. Даю(ем) согласие на хранение и обработку моих (наших) персональных данных, указанных в анкете автора, без ограничения по сроку.

7. О себе сообщаю(ем) следующие сведения[2]:

1. ФИО полностью	
2. Ученая степень	
3. Ученое звание	
4. Место работы	
5. Должность	
6. Адрес электронной почты	
7. Номер телефона	
8. Контактная информация для размещения в журнале	

8. О статье сообщаю(ем) следующую информацию:

1. Название статьи	
2. Аннотация (рекомендуется не менее 120 слов)	
3. Ключевые слова	
4. Рубрика	

«___» _____ 20___ *подпись* *фамилия, инициалы*[3]

[1] Статьи, поступившие в редакцию журнала без заявки, рассматриваться не будут.
[2] Таблица заполняется на каждого автора.
[3] Заявка подписывается каждым автором.